95-1
234-4

РУССКИЙ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Автор-составитель
Т. А. НОВИЧКОВА

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1995

ББК 83 3Р1
Р 89

Российская
Государственная
библиотека
1995

Редактор *М. С. КУЗЬМИЧЕВ*

Художник *Л. А. ЯЦЕНКО*

Р $\frac{5001000000 - 002}{083 (02) - 95}$ Без объявл.

ISBN 5-265-02803-X

© *Т. А. Новичкова, составление, 1993*
© *Л. А. Яценко, художественное оформление, 1993*

«Бога люби, а черта не дразни» — руководствуясь этим принципом, строила свою жизнь десятки поколений людей, культ злых сил развился и окреп рядом с почитанием единого христианского Бога. Имя черта всячески унижалось церковью, что немало укрепляло веру в его всесильность. Грешного на земле больше, чем святого, в царстве животных, растительности, среди людей — везде рассеяно злое дьявольское семя, требовавшее к себе самого осторожного и уважительного отношения.

Настоящая книга является опытом систематизации русских верований, связанных с домом, лесом, водой, земным, подземным и воздушным пространством. Она названа «Словарем» — отчасти в подражание старинной традиции именовать «словарями» и «лексиконами» обзоры народных поверий, изложенные в алфавитном порядке, отчасти — вследствие установки книги на непредвзятое отношение к фактам, на информативность, не скованную каким-либо методом, теорией или научной школой.

В основу содержания словарных статей положены мифологические рассказы (былички — повествования о столкновениях с нечистой силой самого рассказчика и бывальщины — воспоминания о контактах с ним кого-нибудь другого) и описания обрядов, обычаев, с помощью которых координировались взаимоотношения человека с населенным всевозможными сверхъестественными существами миром. Все эти материалы датируются, в основном, XIX — началом XX столетия, они извлечены из мало доступных широкому читателю источников: архивных рукописей, давно не переиздававшихся книг, старых газет и журналов.

Не претендуя на окончательную полноту информации, касающейся нечистого и колдовского мира, «Словарь» представляет веру в демонов в ее наиболее типичных проявлениях, как они были зафиксированы этнографами и собирателями фольклора в живой народной традиции XIX — начала XX века. Древнерусские книжные источники привлекаются только для сравнения. Ограниченно используется волшебная сказка: несмотря на обилие в ней всевозможных чудовищ, духов и оборотней, установка этого фольклорного жанра на вымысел («сказка — складка») затрудняет поиск истинных верований в ее текстах.

Проводниками воли нечистой силы, ее жрецами и жертвами, были ведьмы и колдуны, а также одержимые бесами кликуши, икоты, порченые. Статьи о них также вошли в состав «Словаря». В каждой волости славой колдунов пользовались иногда десятки человек, к ним обращались во всякую трудную минуту, когда ломался размеренный ритм жизни семьи, нарушенный тяжелой болезнью близких, домашними ссорами, пожаром, кражами, падежом скота. Поскольку в бедах и несчастьях видели происки злых духов, нужны были люди, умевшие с ними обращаться, служившие им как богам. Как и тысячу лет назад, когда на вопрос Яна Вышатича: «Какому богу веруете?» — ростовские волхвы ответили — Антихристу, что сидит в бездне, — принадлежность к сословию колдунов достигалась отречением от Бога, присягой дьяволу.

Вера в демонов едва ли не в большей степени, чем в силы небесные, способствовала душевному равновесию и покою в семье. Приноравливаясь к нечистым духам, человек меньше грешил, боялся проклясть ребенка, поднять руку на родителя, выбраниться. У каждого смертного над правым плечом витает ангел-хранитель, который лишь порадуется, глядя на добрые дела, и поплачет, видя худые поступки; над левым плечом находится бес — воплощенная активность, он замечает каждый неосторожный шаг и пользуется им, чтобы погубить человека. Сел за трапезу не перекрестясь — он помочится в блюдо и таким образом причинит болезнь; не подавил в себе ненависть к обидчику — бес натолкнул на то, чтобы взять в руки нож или тяжелый предмет. «Бес попутал» — так в народе объясняли все убийства, совершенные

в состоянии аффекта. Мать в раздражении послала ребенка к лешему — и проклятие исполняется, дитя пропадает, в лесу отыщет его только колдун. Не смели доводить себя до исступления, до самоубийства: на самоубийцах черти воду возят и подковывают их как коней. Самоубийцу не похоронят на общем кладбище, он «черту баран». Всегда помня о Божьем суде, по-настоящему боялись дьявольских пыток.

Исчислить всю эту таинственную бесовскую силу почти невозможно, так как у каждого места был свой «хозяин». Если путнику приходилось ночевать где-нибудь в пустынном и уединенном месте — на пожне, под елкой, в бане или овине, — то, чтобы не стало «блазнить» и «глумиться», просили защиты у хозяина: «Батюшко подъельник (банник, овинник), пусти меня ночевать на сегодняшнюю ночь!» Духи виделись старыми, древними как мир: помимо конкретных названий, которых у каждого из них было несколько, их всех именовали «дедушками». Потерянную вещь искали с поговоркой: «Дед, дед, поиграй, да отдай!» (или: «Черт, черт, поиграй, да отдай!»).

Нельзя заранее угадать место, где доведется встретиться с нечистой силой. Для постоянного жилья черти облюбовали себе омуты и болота, но появиться они могут где угодно. «Где подумаешь — тут и живут», — говорили в народе; дьявол так же легок, как человеческая мысль, и так же, как тяжелая дума, назойлив. Помимо непроходимых топей, бани, овины и церкви считались нечистыми местами, последние — преимущественно по ночам.

О происхождении нечистой силы рассказывали по-разному, считая ее то проклятыми людьми или умершими неестественной смертью, то низвергнутыми с небес ангелами, то некрещеными, проклятыми Богом при сотворении мира. Бог ударил кремнем о кремень — посыпались ангелы, архангелы, херувимы, серафимы. Черт ударил кремень о кремень — посыпались лешие, домовые, русалки, яги-бабы (Даль, 1984-2, 348). Или: Адам постеснялся показать Богу целую ораву своих детей и часть из них спрятал, эти дети стали темной силой — домовыми, лешими, водяными. Легенды о происхождении нечистой силы восходят к апокрифической литературе. В рукописных сборниках рассказывается о том, как Сатана

возгордился, и Бог низверг его; Сатана прошел сквозь землю и оказался в бездне, а часть его воинства осталась на земле и превратилась в бесов лесных и водяных, болотных, горных и полевых, в духов человеческого жилья и хозяйственных построек.

Деление на крестную и нечистую силу возникло вместе с принятием христианства, до этого времени существование всего окружающего мира объяснялось присутствием в нем таинственных жизненных сил, обнаруживающих себя в необычных и неожиданных формах — в действиях духов природы или умерших предков, которые нужно было вовремя заметить и верно истолковать, чтобы соответствующим образом отреагировать на проявление сверхъестественной воли.

К концу XIX столетия, при сохранении уважения к крестной силе, вера в силу нечистую стала падать; в народе поговаривали, что нынче люди стали хитрее черта — повыдумали железные дороги, машины всякие. В старину ничего этого не было, вот оттого-то нечисть и водилась. Теперь леса вырубают — куда же лешим деваться? Пропадают, а нет — уходят куда-нибудь. А что они были у нас, это верно.

Впервые интерес к народным верованиям в России возник в XVIII веке. До этого времени о них упоминала церковная литература, но только как о бесовских соблазнах. В Петровскую эпоху изменилось отношение ко многим ценностям, в частности разборчивее и осторожнее рассматривались дела о колдовстве. Если еще в XVII веке достаточно было намека на сношение подозреваемого с нечистой силой, чтобы подвергнуть его пыткам и заставить сознаться в кудесничестве, то теперь в колдунах, ведьмах и кликушах все чаще видели обманщиков или людей, попавших в ложную ситуацию. К концу XVIII столетия просвещенное общество искало в собраниях народных верований занимательного чтения, курьезов, отголосков варварской старины.

В 1767 году писатель, журналист и автор М. Д. Чулков издал «Краткий мифологический лексикон», где наряду с языческими Волосом, Лажьбогом и Перуном были домовые и лешие. В 1782 году вышел в свет «Словарь русских суеверий», названный Чулковым во втором издании (М., 1787) «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч.» — здесь был собран обширный материал не только по русским поверьям, но и народов Сибири, Поволжья. Пополнил и дополнил «Мифологический лексикон» Чулкова М. В. Попов, выпустивший в 1768 году «Краткое описание славянского баснословия». В 1804 году появляется «Славянская и русская мифология» А. С. Кайсарова (второе издание — 1810 г.), где были подобраны параллели к русским верованиям в мифологии других народов.

Много сведений по народным русским верованиям содержится в книгах ученых-этнографов 1830 — 1840-х годов [1], но это уже были работы описательные, характеризующие народную культуру в целом, специального интереса к мифологическим верованиям в них меньше, чем в «Словарях» и «Лексиконах» XVIII — начала XIX века.

К 1860-м годам относится расцвет мифологической школы в России, объяснявшей происхождение поэзии и обрядов в связи с древними мифами, в основу которых легло обожествление небесных явлений. Мифологи собрали огромное количество сведений по народным верованиям, систематизировав их применительно к культам земли, воды, огня, растительности и сопоставив русский материал с иноязычным [2].

В трактатах ученых мифологической школы восприятие мира умом язычника выглядит довольно гармоничным. То, в чем многие столетия видели «грех и соблазн», оказалось достаточно целостной и живучей культовой и религиозной сис-

[1] Сахаров И. П. Сказания русского народа. Ч. 1 — 3. М., 1836 — 1837; Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1 — 4. М., 1837; Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848.

[2] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1 — 3. М., 1865 — 1869; Потебня А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865; О купальских огнях и сродных с ними представлениях. М., 1867; Буслаев Ф. И. Народная поэзия. СПб., 1887.

темой. Христианство не отторгало язычества, оно придало ему ту оформленность, которая вряд ли существовала в нем изначально. О духах природы и домашнего очага перестали говорить как о демонах и языческих божках, но как об образах «хозяев» мира, со своей сферой приложения сил. В своем монументальном труде «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьев убедительно продемонстрировал спаянность самых разнообразных верований на основе взаимосвязи культов — усопших предков, могущественных стихий, мать-сырой земли, — именно здесь ему удалось за пестротой самых разноречивых сведений народного быта обнаружить ствол могучего древа жизни, питавшего своими соками пышную и сменяющуюся от века к веку листву всевозможных обычаев, поверий и предрассудков. В книге Афанасьева заложены начатки почти всех будущих концепций относительно происхождения и развития взглядов народной мифологии, изложенных в исследованиях конца XIX — начала XX века.

На фоне остальной фольклорно-этнографической литературы второй половины XIX века несколько особняком стоит сочинение В. И. Даля «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» (2-е изд.: СПб. — М., 1880). Традиционен для своего времени принцип сопоставления собрания фактов и исследования, необычен прием деления многих суеверий на ложные и истинные, т. е. на такие, которые не имеют под собой иного основания, кроме преднамеренного обмана или заблуждения, и такие, которые восходят к интуитивному постижению природы и тайн каких-то еще не познанных человеком сил. В этом направлении русские мифологические верования не изучаются и поныне.

С середины XIX века «Губернские ведомости», «Памятные книжки», местные сборники постоянно помещают описания старинных обычаев и верований, невозможно упоминая чертей, леших и домовых, — без них картина жизни сельских обитателей была бы неполной. Множество рукописей, обстоятельно освещающих быт русской провинции, поступало в Русское географическое общество, о поверьях шла речь почти в каждой из них. В конце XIX века появились журналы «Этнографическое обозрение» и «Живая старина» — мифологическая проблематика занимала в них самое почетное место. В 1890-х

годах князем В. Н. Тенишевым была разработана программа этнографических сведений о крестьянах центральной России — по ней работали учителя, врачи, священники, присылая с мест богатейший материал, который стекался в учрежденное Тенишевым этнографическое бюро. Привести рукописи в порядок и обобщить их информацию В. Н. Тенишев поручил С. В. Максимову. Последний на основе материалов бюро подготовил капитальный труд о языческих и христианских представлениях крестьянства, книга эта вышла уже после смерти писателя стараниями В. Н. Тенишева — «Нечистая, неведомая и крестная сила» (СПб., 1903). Хотя присланные тексты подверглись в ней значительной обработке, до сих пор она остается единственным в своем роде «сводом» народных знаний о светлых и темных духах, от которых зависела удача в любом предприятии.

К концу XIX столетия изменялась позиция ученых в вопросе взаимоотношений так называемой «низшей мифологии» и язычества. Мода искать древних богов в современных переживаниях, когда Одина толковали предшественником водяного, а Морфея — кикиморы (Снегирев), нажила себе; любование языческим пантеоном сменилось недоверием к развитости религиозных представлений накануне принятия христианства в Древней Руси. Е. В. Аничков, автор книги «Язычество и Древняя Русь», считал, что культы Перуна, Даждьбога, Хорса были официальными и не имели корней в народе, потому так быстро и исчезли, уступив место христианству и почти не оставив следов в летописях. Иное дело — верования в разных бесов — на переломе XIX века они были так же прочны, как и тысячу лет назад.

Демонологические представления все чаще стали рассматриваться на фоне культа предков и умерших. Д. К. Зеленин в «Очерках русской мифологии» (Пг., 1916) убедительно показал зависимость широкого круга воззрений на мертвецов и русалок от культа умерших неестественной и преждевременной смертью (заложных покойников).

Е. Г. Кагаров считая древнейшей ступенью славянской религии анимизм — своеобразное мировоззрение ранней стадии человеческой цивилизации, по которому вся природа оживлена, у каждого предмета есть дух, демон, требующий

уважения, поклонения и особых форм обращения с ним. Всех духов он подразделял на четыре группы: духи предметов и явлений природы (русалки, лешие, водяные и т. д.), духи — покровители отдельных областей материальной культуры: скотоводства, земледелия (полевик, житный дед); духи родовые или семейные (домовой, домаи) — возникли из поклонения душам предков и умерших; демоны болезней, кошмарных снов, безумия (смерть, лихорадки, ихоты). С принятием христианства появились новые темные силы: черт, дьявол, сатана («Религии древних славян». М., 1918).

После 1917 года, когда несколько оживилась работа по собиранию и исследованию народного быта, этнографы и фольклористы оказались в исключительно трудном положении: материалом их работы стали не просто «пережитки» старины, но нечто подлежащее изживанию. Почти во всякой статье или собрании, содержащем былички, бывальщины, описания обычаев, связанных с почитанием лешего, домового и прочих духов, звучит извиняющаяся интонация в изложении фактов: это последнее, что удалось записать от стариков, молодежь не верит ни в сон, ни в чох, ученые всю реку перемерили, какой уж тут водяной [1].

Во многом сетования на упадок веры в духов были справедливы: после 1917 года с катастрофической быстротой ломался хорошо отлаженный механизм народного быта, с гибелью этого механизма умирали традиционные фольклорные жанры, обычаи, обряды, чертям тоже не оставалось места в советской действительности. С другой стороны, с двадцатых годов XX столетия на несколько десятилетий вперед растянулся негласный запрет на исследование и публикацию мифологической прозы, суеверных рассказов. Лишь со второй половины XX века начали появляться не отдельные небольшие работы, но специальные монографии по религиозным верованиям, разумеется, с обязательным упоминанием об их мрачной и отталкивающей стороне, отсталости мировоззрения дореволюционного крестьянства и т. д.

Сделав скидку на «дань времени», которую было необхо-

[1] Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Л., 1928. См. статьи А. М. Астаховой, И. В. Карнауховой.

димо заплатить, чтобы книга вышла в свет, можно заметить, что уже в монографии С. А. Токарева («Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века». М. — Л., 1957) наметилась тенденция к обобщению всего восточнославянского мифологического материала, к поиску общих корней в верованиях родственных народов, к сопоставлению фольклорно-этнографических данных с фактами истории, археологии, древнерусской литературы с целью изучения этнической истории славян. Это направление остается одним из ведущих в исследовании славянской мифологии и язычества [1]. В конечном счете оно ведет к реконструкции славянской и собственно русской духовной культуры в широком хронологическом диапазоне — от древнейших времен до наших дней.

В 1970 — 1980-е годы проблемам русской демонологии посвящают свои статьи и книги Э. В. Померанцева («Мифологические персонажи в русском фольклоре». М., 1975), О. А. Черепанова («Мифологическая лексика Русского Севера». Л., 1983). Впервые увидел свет научно подготовленный сборник быличек и бывальщин с текстами поздней записи («Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири». Составление В. П. Зиновьева. Новосибирск, 1987), в книге приложен указатель сюжетов мифологической прозы, составленный автором по образцу указателя С. Айвазян из вышеназванной монографии Э. В. Померанцевой.

Ныне мифологические воззрения рассматриваются едва ли не как тот материал, познание которого откроет путь к раскрытию тайн духовной жизни людей, поэзии, социальной психологии, языкознания, культуры, быта — самых разных сфер человеческой деятельности. Создаются фундаментальные энциклопедии, благодаря которым обозримым и доступно изложенным оказалось содержание мифов многих народов мира («Мифы народов мира». Энциклопедия. Т. 1—2. М., 1980;

[1] В этой области см. работы В. В. Иванова и В. Н. Топорова, Б. А. Успенского, Н. И. и С. М. Толстых и учеников школы Н. И. Толстого. Используется фольклорный материал в трудах Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» (М., 1981) и «Язычество Древней Руси» (М., 1987).

«Мифологический словарь». М., 1992). К сожалению, русские демоны крайне скупо представлены в новейших энциклопедических изданиях. Для того чтобы восполнить этот пробел, подготовлена настоящая книга, посвященная исключительно русским верованиям.

Названия статей даны преимущественно в единственном числе. К основному наименованию подобраны вариативные названия духов, известные в русской традиции. Ссылки на источники даны в тексте словарной статьи сокращенно (см. Список сокращений), сказки и мифологические рассказы даны в кратком пересказе. Широко использованы материалы архивов Русского географического общества и Русского этнографического музея, где хранятся рукописи этнографического бюро, основанного кн. В. Н. Тенишевым. При использовании информации архивных дел в тексте словарной статьи указывается место записи (напр.: Новгородская губ.). Все даты годовых календарных праздников приведены по старому стилю. Диалектные, устаревшие слова даны в переводе на современный русский литературный язык или сопровождаются необходимыми пояснениями в тексте словарной статьи.

Т. Новикова

АНТИ́ХРИСТ Антей, антий, антип.

«Антихристами» называли всех противников Христа, в том числе *чертей, бесов*, безбожников. Антихрист явится перед концом мира и вторым пришествием Спасителя, он сосредоточит все зло, существующее на земле, для борьбы против христианской церкви, но будет побежден вновь явившимся на землю Христом.

Представление об Антихристе возникло в пернохристианстве, прообразы его можно обнаружить в Ветхом завете в лице царей Антиоха, Эпифана, склонявших иудеев к язычеству; предсказание об Антихристе усматривали в пророчестве о Гоге и Магоге. Согласно учению апостола Павла, это будет человек зла, «сын погибельный», который отвратит людей от истинной веры, направив на путь

греха. В Апокалипсисе Антихрист представлен зверем, выходящим из моря, он поведет войну со святыми и победит их, получив власть над всеми племенами и народами, но после трех с половиной лет своего царствования он будет низвержен Богом.

Антихрист — живое воплощение Сатаны, хотя родится среди евреев из колена Данова, от незаконной связи. Признаками грядущего второго пришествия будут упадок веры и нравственности, необыкновенная сила боговраждебности и пришествие обличителей Антихриста — Ильи и Еноха. Характер царствования Антихриста изображен в одном из посланий к Фессалоникийцам, в Апокалипсисе и в Книге пророка Даниила, в седьмой главе. Антихрист будет обладать большими дарованиями, но употребит их лишь во зло людям. Его приход отметят знамения и ложные чудеса. Он будет ранен, но исцелится так, что удивится вся земля. Свои чудеса Антихрист совершит силой дьявола, который даст ему великую власть. В обольщении людей Антихристу поможет лжепророк, он низведет с неба огонь и сделает так, что всякий, кто не поклонится «образу зверя», будет узнан.

С сатанинской гордостью Антихрист сядет в храме как Бог и силой заставит почитать себя, ничего нельзя будет ни продать, ни купить без печати Антихриста на правой руке или челе. Иоанн Богослов видел, что с пришествием Христа схвачен был зверь и с ним лжепророк, и оба живыми брошены в огненное, горящее серой, озеро вместе с прельщавшим их дьяволом.

Учение Библии об Антихристе дало жизнь нескольким эсхатологическим апокрифам: «Прению Господа с дьяволом», «Вопросам Иоанна Богослова

Господу на горе Фаворской», «Слову Мефодия Патарского о царствовании язык последних времен». Согласно древнерусской эсхатологической литературе, лицо Антихриста мрачно, волосы на голове как стрелы, вид дьявольский; уста — в локоть, зубы — в пядь, персты как серпы, и на лице пишется «Антихрист». Родится он от жены-блудницы, монахини, которая откроет окно на голос сладкозвучного пения птицы, а та ударит ее крыльями по лицу, и в тот же час черница зачнет Антихриста. Боясь срама, она отдаст его на воспитание; выросши, он поступит на службу греческому царю Михаилу и начнет свое восхождение. Сначала он покажется благодетельным, кротким, смиренным, богобоязненным, нищелюбивым, защитником обиженных и почитателем стариков, вдов; не приемлющим блуда. Он сотворит чудеса, очистив прокаженных, помирит ссорящихся — за это его изберут царем.

После избрания его нрав переменится, он станет жестоким и немилостивым и сотворит новые чудеса: созовет словом гадов, птиц и зверей, сдвинет горы, пройдет по морю как по суше, войдет в Иерусалим и сядет в церкви подобно Богу. Тогда лето не даст дождя и наступит голод. Во время великого голода Антихрист соберет всех на поклонение себе, пообещает всем «анно и живот» и отметит пришедших своим знамением. Но он не оправдает надежд голодных, и люди горько разочаруются. При таком умножении скорби Господь пошлет угодников: Илью, Еноха и Иоанна Богослова на обличение Антихриста, но он убьет их.

Царство Антихриста кончится с приходом Сына Человеческого. Бог явится судьей, и будут принесены книги, а когда будет сломана седьмая печать, ад откроется и первыми предстанут на суд

Христос побеждает Антихриста. Рязанский-3. № 1016.

нечистые духи во главе с Антихристом, и пошлет их Господь во тьму кромешную — «глубина же ее дна не имеет». Такова судьба злых духов. На картинах Страшного суда в геенне сидит обыкновенно длиннобородый Сатана и держит маленького Иуду с кошельком; в стороне от него, справа, выглядывает Антихрист, как бы его двойник, осужденный на вечную муку (Рязановский, 120 — 124).

В соответствии с разными толкованиями Апокалипсиса, одни считали, что апокалиптические пророчества уже сбылись или исполняются, другие — что они должны сбыться в более или менее далеком будущем. С Антихристом отождествляли еретиков и гонителей христиан. Так, гонимые римскими правителями, первохристиане видели Антихриста в Нероне, считая возможным его возвращение в качестве посланника Сатаны вплоть до V века.

С XIII века в религиозных направлениях и сектах, отложившихся от папы, на него указывали как на Антихриста. Прихода Антихриста ждали в 1000 году, уповая на апостола Петра, который говорил: «У Господа один день как тысяча лет и тысяча лет как один день». В средние века русские люди были уверены, что Антихрист появится непременно на Западе, в римской церкви. В 1648 году в Москве появилась «Книга о вере» игумена Киево-Михайловского монастыря Нафанаила; она была истолкована как рассказ о наступлении последних времен и скором появлении предтечи Антихриста — папы, ибо его число — антихристово.

Антихристовым (звериным) числом было 666, под которым скрыто имя апокалиптического зверя (Откровение Иоанна, XIII, 18). Годом пришествия

Антихриста должен был стать 1666 год. Незадолго до этого, в 1654 году, патриарх Никон собрал собор, которым было постановлено править богослужебные книги по древним греческим и славянским рукописям. Исправление книг многими было сочтено отпадением в латинскую веру, знаком скорого прихода Антихриста.

Шестилетнее управление Никоном русской церковью (1652 — 1658) положило начало возникновению раскола как течения, оппозиционного церковной и государственной власти. Раскольники (Спиридон Потемкин, монах Феоктист, протопоп Аввакум, дьякон Федор, Ефрем Потемкин и другие) в своих сочинениях немало места отводили вопросу об Антихристе. Протопоп Аввакум около 1666 года писал, что видел Антихриста, «собаку бешеную», — «плоть у него вся смрад и зело дурна, огнем пышет изо рта, а из ноздрей и из ушей пламя смрадное исходит». Антихриста усматривали и в самом Никоне, а несколько позднее — в Петре Великом.

После 1666 года ждали конец мира с осени 1668 года, пришествия Антихриста — в 1669 году. Некоторые крестьянские семьи забросили поля, а с весны 1669 года стали покидать избы, причащаться, исповедоваться и ждать архангельской трубы. Когда и этот срок прошел, отсрочили гибель мира до 1702 года. К этому времени из-за границы вернулся Петр I, начал кровавую расправу со стрельцами; многие сочли его Антихристом, а его преобразования — антихристовым делом. Уже после смерти Петра, в первой половине XVIII века, в разрешенных к печати книжках сообщалось о рождении Антихриста от девицы и дьявола.

Время шло, архангельская труба все не звучала, и «звериное число» стали искать в именах

других исторических деятелей. Доказывали, что апокалиптический зверь — Наполеон I; в середине XIX века Антихриста стали угадывать в личностях некоторых тогдашних революционеров.

В устной народной традиции, легендах, религиозных песнях и духовных стихах содержится разное понимание роли Антихриста в истории человечества. С одной стороны, в легендах и духовных стихах может быть изображена не противоречащая в целом учению православной церкви картина Страшного суда, перед которым на землю явится Антихрист и объявит войну всему святому; с другой — во многих произведениях, особенно раскольничьих, отразилось представление об Антихристе как духе злобы, уже воцарившемся на земле.

Согласно легенде кубанских казаков, праведные Илья и Енох сойдут на землю за три года до Страшного суда. Они будут укреплять в вере людей и готовить их ко второму пришествию, предостерегая от козней Антихриста. Антихрист родится от блудницы и до тридцати лет будет жить в нищете и неизвестности, пока не явятся пророки. Тогда он тоже начнет проповедовать, уверяя людей, что он — Христос, станет показывать чудеса, обращая камни в хлебы, словом исцеляя болезни, воскрешая мертвых. Одним он покажется юношей, другим — старцем, третьим — царем, окруженным пышной свитой, соблазняющим людей богатством и роскошью. Всем уверовавшим в него он наложит печати на лоб и правую руку: на лоб — чтобы все видели последователя Антихриста, и на руку — чтобы человек не мог больше творить крестное знамение. Своим приверженцам он проколет мизинец правой руки и кровью из ранки впишет в свой список имена уверовавших в него.

Из своих последователей Антихрист составит целое войско, захватит в свои руки все богатства и хлебные запасы, голодом и всевозможными муками начнет истязать тех людей, которые не уверуют в него. Когда это не поможет, Антихрист будет всячески терзать непокорных, рубить им руки и ноги, уши, замучивать детей на глазах родителей, морить голодом и жаждой.

К концу трехлетнего срока Антихрист обойдет со своими войсками всю землю и настигнет Илью и Еноха. В эти последние дни люди, получившие антихристову печать, начнут испытывать лишения: их богатства обратятся в прах, пища — в лошадиный кал, питье — в мочу. Тогда [illegible] Христовой веры осознают свой грех, но им не будет прощения, так как печать, наложенная Антихристом, не может быть снята.

Антихрист убьет Илью и Еноха, и едва кровь пророков коснется грешной земли, как она мгновенно воспламенится и начнется Страшный суд. Реки, моря и океаны принесут на своих волнах человеческие кости, и все мертвецы явятся к Христу на Страшный суд. Праведников примут в лоно Господне, отмеченные антихристовой печатью пойдут в ад на вечные муки.

В это время явится Антихрист во всем величии, окруженный многочисленным войском. Голова его будет украшена двенадцатью рогами, в руках — длинные цепи. Этими цепями Антихрист станет вязать грешников и ввергать их в геенну огненную, и мукам грешников не будет конца (Сборник материалов-36, 141 — 144).

Согласно раскольничьим толкам, царство Антихриста уже наступило со времени исправления церковных книг. Особой склонностью к апокалип-

тической трактовке действительности отличались беспоповцы (около пятидесяти толков в середине XIX века), считавшие всякую духовную и светскую власть орудием Антихриста. По мнению многих, седьмой фиал апокалиптический уже пролился на землю и благодать взята на небо. В раскольничьих стихах люди не ведают о том, что мир опьянен Антихристом, а потому не могут освободиться от дурмана.

Народился дух нечистый
[illegible] сам Антихрист
Наварил он пива много
Напоил весь мир допьяна
Что не может мир проспаться
До Христова до [illegible]

В распространенной среди членов секты бегунов сатире «Газета с того света» утверждается, что «в нынешний век» «правда сгорела, истина охромела, добрую совесть закопали, смирение ногами попрали, и Сатана вершит суд над живыми и мертвыми». Отвергая гражданские документы как антихристово клеймо, бегуны сочиняли себе пародийные паспорта: «Отпустил мя, раба Божьего, великий господин града Вышнего, Святого уезда, пустынного стана... чтоб не задержали бесы раба Божьего нигде».

Во многих нововведениях усматривали козни Антихриста: след от привитой оспы называли «антиевой печатью», запрещая делать прививки от этой болезни взрослым и детям, «печатями Антихриста» называли печати на паспортах, клейма на мерах и весах. От Антихриста — народная перепись (для взимания дани с живых и мертвых) гражданская грамота, даже картофель, который в

побывальщинах оказывается вовсе не овощем, а собачьими яйцами, если их положить в теплое место — щенки выведутся.

Приход Антихриста подробно описывается в духовных стихах о Страшном суде:

И [illegible] земли [illegible] бог
[illegible] Антихрист
[illegible]
[illegible] от [illegible] крови
За[illegible] матушка-сыра земля
Со восхода загорится до заряда
С полудня загорится до [illegible]
И выгорят горы со раздольями
И выгорят лесы темные
И [illegible]
И на три дни, на три месяца
И [illegible] земли
Аки [illegible] белую
Аки [illegible]
Аки [illegible]
Аки [illegible]
И [illegible] Михаил Архангел [illegible]
И [illegible] земли
Вос[illegible] в трубеньку золоту
[illegible] живые и мертвые
[illegible] и малы [illegible] в [illegible] лети

Тогда по правую сторону к Царю Небесному пойдут праведные души, по левую — грешники (Бессонов-5, 122 — 124). В духовных стихах указываются разные сроки царствования Антихриста вместе с его слугами — «ангелами-бесами-темными» на Земле: три года, «пол четверта года».

И в [illegible] время будет
Антихрист [illegible]
И [illegible] четверта года
И [illegible] Сатана [illegible]
Повелит своим [illegible]
И [illegible] земли [illegible]

[illegible]

И снидут пророцы божии
И учнут христианам [illegible]
Чтобы не веровали антихристову [illegible]
И обличат зло его ухищрение
И познают, что Антихрист — сын пагубный
Тогда приступят бесы темные
И побиют пророков Божиих
И после убиения пророческа
[illegible]
Вся земля за наше беззаконие
Тогда же святии радуются радостью
У [illegible] праведники
И все не приемши печати [illegible]
Антихриста лукавого и нечестивого
И ведом будет мучитель, связан от ангел
Со всеми демоны, пред судиши Христовы
И ведомы будут вкупе с ним
Приемши печать его скверную
[illegible]
[illegible]
[illegible]
И все иже не приемши печати антихристовы
И скрывшеся в вертепах и в пропастях
Радуются с Жеником Сыном Божиим
И святыми его апостолы
И с великими мученики
И со всеми святыми Божиими

(Бессонов 5 143 — 144)

По новгородским поверьям, вся вода перед концом мира очутится во власти Антихриста, а на месте прежних рек и озер будет лежать золото и серебро. Как на Русском Севере, так и в южных губерниях России в конце XIX — начале XX столетия было распространено убеждение, что Антихрист явится, когда «весь мир заворует и Китай забунтует». Китай как убежище и место исхода Антихриста заменил Западную Европу, откуда ранее ждали Антихриста.

Толчком к распространению слухов о скором приходе Антихриста могли послужить видения не-

которым избранным людям. В одной из слобод Курской губернии в полночь сторожа стали замечать огонь в церкви. Взглянули в окно и видят: свечи горят перед алтарем, Царские врата растворены, и из алтаря выходят одни за другим три петуха: белый, красный и черный, вышли и стали кричать. Прокричали по три раза и ушли в алтарь; свечи потухли, и в церкви стало темно. Схимник одного из монастырей провел ночь в этой церкви, из алтаря к нему вышел старик (сам Бог) и объяснил видение: белый петух означает хороший урожай, красный — кровопролитную войну с Китаем, после которой города и селения будут сожжены, а те из русских, что останутся в живых, умрут от чумы — это возвещает черный петух (Иванов, 134).

«Терские ведомости» (1891) сообщали следующие толки: появлению Антихриста будут предшествовать знамения: земля не даст урожая, города и селения уменьшатся, и перед концом мира останется всего семьдесят семь городов во всем мире. В последние дни останется только семьдесят семь мальчиков, и они будут так слабы, что лишь сообща смогут зарезать одного барана и будут есть его целый день. Перед концом света подымется Китай, и никому несдобровать от этой великой и могучей силы. Предводительствовать ею будет Антихрист, он и теперь уже тайно служит у важного китайского сановника.

О конце света в связи с Китаем или, например, ожиданием кометы в 1899 году часто говорили местные грамотеи, знакомые со Священным писанием и по-своему толковавшие информацию газет и журналов.

АНЧУ́ТКА Антипка беспятый, анчутка беспятый

Наименование *черта, беса*, производное от «*Антихрист*» «антип» название полевого духа банного черта

Полевые анчутки имеют вид маленьких женщин и мужчин. Среди них есть овсянники, ленники, конопельники, просонники, рожники, картофельники, дикушники и др. В каждом растении живет свой особый дух, носящий имя его растения, в котором находится (Калужская губ.) Все растительное царство представлялось воплощенным в духах природы. В летнюю пору на нивах обитают житные духи. Когда хлеб поспеет и крестьяне начнут жать или косить его, полевые духи бегут от людей и прячутся в тех последних колосьях, которые еще остаются на корню. С последним снопом такой дух попадает в руки жнеца, поэтому дожиночный сноп украшали и с почетом вносили в дом (Афанасьев-3, 771 — 774). С той же целью — почтить растительного духа — оставляли в поле несколько несрезанных колосьев, в саду — несорванных яблок, в поле — немного картофеля или нескошенной травы, в которых сохранятся рожники, картофельники и прочие полевые анчутки, не исполнившие этого обряда могут потерпеть убытки в урожае (см. *Полевик*)

Банные анчутки, *кикиморы* — духи неопределенного роста, мохнатые, с голыми (то ли лысыми, то ли гладко выбритыми) головами. Пугают стоном, помрачают людей в разуме. Одну девушку выдавали замуж, на девичник баню истопили. Зашли туда девушки, а спустя некоторое время все выскочили из бани нагишом на дорогу и давай безобразничать и беситься: кто пляшет и поет похабщину, кто друг на дружке катается верхом, кто

хрюкает по-мериначьи. Их перехватили, смирили, отпоили парным молоком с медом. Девки неделю хворали, жаловались на головную боль.

Один печник — сорвиголова, смельчак и кутила — решил попариться в бане, про которую все знали, что она — с анчутками. Поддал пару, подержал в пару веник, вытащил — а он весь в сосульках. Мужик голышом домой прибежал, сходили за его рубахой и штанами — они в клочья изорваны. Баню эту забросили. Но и в доме стало твориться неладное — что ни год, то покойник. Как весна наступит, видят: то утром, то в полдень, то вечером по саду бегает здоровенная нагая баба. Бросятся с дубьем ее ловить — она убежит в баню. Ищут, ищут — нет ее нигде. Пришлось и дом, и баню сломать и все перебрать заново, чтобы блазнить перестало (Садовников, № 69-г)

БА́БА-ЯГА́ Ага-гнишна, баба-яга, баба-ляга, баба-ляга-баба, баба-ога, баба-ягабова, баба-ягиба, баушка-ляга, баушка-ягишна, бура, дикая баба, егабовна, егибисна, егибиница, егибиха, егибишна, егидична, егишна, зализна (железная) баба, огабова, яга, яга-бура, ягабова, ягастая, яга-ягинишна, яганя-баба, ягайя-бабица, ягишьна-бибишьна, яга-ягишна.

Образ бабы-яги встречается не только в волшебных сказках, но и мифологических рассказах. В сказках заметнее те черты, которые роднят бабу-ягу с духом смерти, в побывальщинах ягой может быть названа *ведьма*, *колдунья* или нечистый дух — *лешачиха*, *ржаница*, *полудница*. Живет в дремучих лесах в тесной кружащейся избушке на птичьих ногах, окруженной забором из человече

Баба-яга дерется крокодилом. Ровинский
№ 3

[illegible] ты с [illegible] ами на [illegible] е
рамах. Баба яга — колдунья может встретиться в любом [illegible] живет обычным домом имеет детей ведет хозяйство. Сказочная баба-яга — вещая старуха никогда не была ни девицей ни молодой. Кости мослами [illegible] рыжие [illegible] пояса висят. По костяной [illegible] можно узнать [illegible] ведет [illegible] гость бабы-яги — указание на ее змеиную природу (Аксаков 18 — 180). Подобно змею баба-яга любит сидеть в [illegible] грани границ сторожит [illegible] жизнь прячет в своих кладовых мед золото и серебро.

Баба-яга — бряка ткет холсты прядет и [illegible] с железным гребнем за своими жертвами. Прародительница бабы-яги — [illegible] судьбы дает разгадывать будущее. Из ее рук [illegible] — [illegible] указывает верную дорогу к цели.

В Владимирской губернии говорят: баба-яга (бабка-ежа) костяная нога [illegible] длинная зубы [illegible] живет с [illegible] Мари [illegible] в [illegible] в избушке на [illegible] ножках в хлеве на куриных лапах в [illegible] на перекрестке [illegible] в [illegible] в подполье. Лежит [illegible] верхом на [illegible] в ступе пестом упирается [illegible] сзади себя хлещет [illegible] Сама [illegible] большая рожа мохнатая глаза по яичку [illegible] Одежда [illegible] из [illegible] платья или «одежа как на ели кожа» [illegible] [illegible] В [illegible] у нее [illegible] [illegible] дает кашу с человечьими [illegible] (Забелин, 1, 0).

В пословицах [illegible] внимание на такие от

работы ведьмы: как одна железная [illegible] нога один зуб особый способ [illegible] «Баба яга — [illegible] (железна) нога» [illegible] нога [illegible] «У [illegible] баба одна зуб, да и тот клык» «[illegible] — в [illegible] мам наибольшая» «Баба яга костяна нога в ступе едет пестом погоняет (упирает)» «Лежит в горох там железна баба сидит» «Там баба яга сидит с большими грудями и сопливым носом» (когда хотят отучить детей от беганья по огородам и [illegible]). Именем бабы-яги пользовались если хотели выбранить старых сварливых злых и некрасивых женщин.

Когда ведьма — баба-яга летит над землей в железной ступе внизу бывает страшная буря все сгорает скот ревет бывает мор и падеж. Кто увидит тогда бабу-ягу — онемеет (Афанасьев 3, 588 — 590). По преданиям начала XIX века баба-яга — старшая над всеми ведьмами постоянно живет в Киевских горах и вылетает оттуда по случаю чертовых свадеб устраиваемых нечистой силой во время метелей. Когда летом в жару мелеют реки, нежить страдает от зноя и перебирается ближе к Киеву к бабе-яге. Некоторые утверждали, что баба-яга жила под Трубежем (река [illegible] Рязани) около [illegible] Рязанского [illegible] ей поклонялись (Макаров 1, 8, 2, 7 — 2, [illegible]).

В сказках баба-яга — приветливая людоедка похищает детей и питается человеческим мясом. У старика со старухой была дочка а у той дочки крестница — [illegible]. Как то на свои [illegible] [illegible] пошла девочка к крестной с угощением — пирогом. Приходит к воротам — ворота человеческой костью заперты, вошла на двор — стоит в кадке кровь, взошла на крыльцо — валяются мертвые ребятишки, сени рукой заперты, на полу —

рука да [illegible] дверь [illegible] пальцем. Вышла ей навстречу Яга и спрашивает: «Не видала ли чего другой, как хо мые дела?» — «Видела», — отвечает девочка, — и перечислила всё: «Это мои [illegible], это мой железный» — «Видела на заре в каше [illegible]» — «Это мое сукно, это мое корыто» — «Видела на крыльце ребятишек лежат» — «Это мои поросятишка» — «Сеени рукой замерзли» — «Это мой овес, это мой золотко» — «Видела в избе мохнатую бабку» — «Это мой веник, это мои кудрявые» — сказала Яга-Ягишна, расстелилась на [illegible] и съела ее. Мальчики (Аксаков: Иванушка, Ваня, Маленький) оказываются сообразительнее и хитростью избавляют и себя, не только бабушку, но и ее дочерей [illegible]

Поскольку баба яга — сестра над ведьмами и колдунами, она в свой срок берет себе на службу [illegible] ей чародеев. У [illegible] колдуна сыновей не было, только три дочери. Младшая, самая смелая, [illegible] служить за [illegible] к бабе яге, перекинулись мужской. Та почувствовала неладное и яростно испытывала девушку, но не сумела выгнать и [illegible] слуги (Смирнов: № 15, 2, № 20а)

Подобно Кощею или Дракону, баба яга похищает людей, чтобы заставить их работать на себя. Когда ей понадобилась нянька, она украла у старика с старухой девочку Снегурочку и приказала своего ребенка качать. Снегурочка качает и поет:

А баю, баю, баю!
Дедушка [illegible]

Разсердилась баба яга: «Не так, не так качаешь, не те слова говоришь, вот как надо:

А баю, баю, баю!
[illegible]
[illegible]
[illegible]»

Однажды уснула Снегурочка на завалинке, видит — [illegible] стадо бежит. Подбежала к ней черная [illegible] «Ты, ты Снегурочка [illegible]?» Испугалась девочка, что баба яга думает, не пускает [illegible] на меня только [illegible] бежит, земля дрожит, [illegible] баба яга в железной ступе [illegible]. Высек девочку, наказала: «Как будешь [illegible] принять, ты мне [illegible] в ее с [illegible] до голоса [illegible]». Глаза ей [illegible] и в три дня [illegible] Снегурочка к отцу с матерью (Сказки № 20).

Баба яга — богатырша, стоит с мечом, кладенцом в [illegible] и бьется с богатырями. На лубочных картинках она изображена верхом на [illegible] с [illegible]. Избушка бабы яги стоит то [illegible], то [illegible] на [illegible] поле, а в [illegible] русских сказках царство бабы яги — глубоко под землей, чтобы туда [illegible] [illegible] землю сначала будет темно, потом свет. Сама баба яга вылезает оттуда через дыру на [illegible] [illegible]. В подземной казенной бабы яги живота — невидимо и невидимо и даже двери в [illegible] [illegible] [illegible]. Кто кого бабушку [illegible] [illegible] все и получит (Сказков № 7, 73).

Сказочное представление о благах, сокровищах и чудесах, которыми располагает баба яга, отразилось в загадках. «Забои ягой» названы важнейшие в крестьянском доме и хозяйстве вещи: печь и [illegible] «Баба яга [illegible] ногами, весь мир [illegible] сама [illegible]» (соха). «Стоит яга во лбу рога» (рогатый [illegible] с рогами).

Бабка [illegible] старик [illegible]

БА́ННИК Также: баенная нечисть, баенник, баенный, баенный жихарь, баенный шишок, баенок, баешник, байник, байничек-девятиугольничек, байнушко, баина жихоня, банные анчутки, банные лешие, банный апостол, баянник, баянный, дедушка банный, дядины ребята, жиравик, жихарь, забаенник, ман, нечистик баенный, одерышек, пастен баянный, полубаешник, хозяин баенный, черт, шашко байный, шишига, шишко, шишок. В женском роде байниха, обдериха (Черепанова, 58 — 59; Подвысоцкий, 3).

Особая порода домовых духов. Поскольку у каждой семьи была своя баня, банник являлся также духом, связанным с конкретной семьей. Рассказы о банниках распространены там, где привыкли мыться в банях. В тех районах, где мылись в печах, о баннике вспоминали мало. В отличие от домового, банник преимущественно злой дух, не делающий добра людям. Живет в бане, за печью или под полком, откуда часто слышен его стон, хохот и вой.

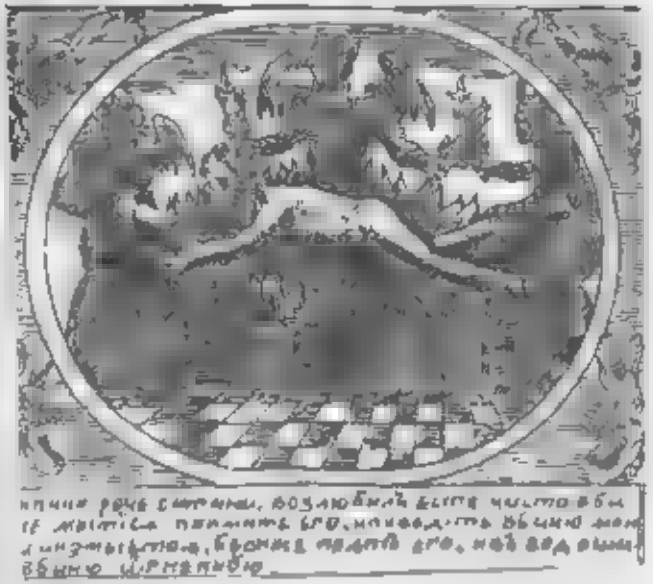
Крестьяне не остаются в бане слишком поздно, потому что банник не любит тех, кто парится по ночам, душит таких смельчаков, особенно тех, кто моется без молитвы. В Смоленской губернии, всходя на полок париться, говорили: «Хрещеный на полок, нехрещеный с полка!», а выходя из бани, оставляли ведро воды и веник для банника, чтобы и он мог попариться (Афанасьев-2, 69 — 70). В Архангельской губернии не ходят в третий пар мыться, оставляя его байнушке, для него специально готовили воду и веники, благодарили при выходе из бани: «Спасибо тебе, байнушко, на парной баенке!» (Подвысоцкий, 3).

Девушка или женщина, посланная, чтобы приготовить баню, шла туда с замиранием сердца. В

банях не вешают образов и с грудным крестом в нее не входят (Харузин, 327). Пар в топящейся бане временно выживает банника, а в нетопленой он живет всегда. Показывается в виде черного человека с длинными волосами (Новгородская губ.). В Калужской губернии банник являлся в полночь в образе гиганта-урода, с грязным веником под мышкой. Мылся не чистой водой, а грязной, стекшей с тел мывшихся перед ним людей. Это вонючий дух: отворишь на следующий день после его мытья дверь в баню — и пахнет пеной, верный признак, что после людей мылся банник.

Тех, кто рискнет помыться в его очередь, банник пугает до полусмерти. Один торговец, поздно вернувшись в субботу домой, решил помыться. Налил в таз воды, влез на полок — а из-под полка вылез огромный страшный черный мужик с глазами с чайные блюдца, спиной уперся в потолок, а плечи, шея и голова повисли вниз. В руках он держал громадный веник. «Ты хочешь попариться?» — спросил банник торговца и наперекрест ударил его веником, так что торговец без памяти упал на пол, здесь и нашли его домашние: без языка, без движения.

В Олонецкой губернии верили, что банник — дух с огненными глазами, взъерошенными волосами, всегда босой, любит сдирать кожу с живых людей и давить их. Здесь его представляли мужичком небольшого роста, всегда находящегося в бане, поджидающего удобного случая задавить пьяного или моющегося в полночь, в четвертую смену (Георгиевский, 60). В Шенкурском уезде считали, что банник — оборотень и может пугать не только в бане, но и поблизости от нее. Пошли девки по ягоды и стали друг дружку шутя банником пугать. Он и явился белой коровой. Девки



[illegible] кемлестивом человеке любителе века сего [illegible]
Ровинский [illegible] № [illegible]

испугались, побежали, а когда оглянулись, видят — вместо коровы два человека стоят нагие, волосы клочьем — банник с банницей. И все сгнило. А в соседней бане в это время девка сгорела.

Банник обиженный может отнять вид кошки, собаки, белого зайца или человека. Подъезжает к избе барин, просит хозяина баньку стопить, а дело к ночи. Хозяин посылает свою жену приготовить баньку, вымыть банника и попарить. Ждут-ждут — не дождутся. Не утерпел хозяин, заглянул в окошко бани, а там барин сидит на полку, и с бабы кожу снимает. Хозяин закричал, побежал за нарядом. Прибежали, на окошке сто рублей денег, а на полку баба ободрана лежит, барина кнутом к лавке — как не бывало (Перезь, 10).

Видеть или слышать банника — всегда к несчастью. В Пинеге крестьяне заметили, что в одной бане открыта дверь, и посреди пола сидит женщина — банник волосы до полу мется. В том же году баня сгорела. И еще — одна молодица топила баню, а муж ее не любил. Вдруг слышит голос банника: «Теперь жаркое будет, вижа хлеще». Приготовила баню, мужа помыла, а крест забыл и посадил молодую жену за крестом. Банник снял с нее кожу и насадил на полок, а на голову шайку положил (Богатырев, 58).

В одиночку в банях старались не париться из страха, что черти растерзают, кожу снимут и положат на каменку-печку. Банник боится креста, но его надо снять, перед тем как париться, не полагается также ходить в баню с молитвой. Впрочем, банные черти могут взять человека не всегда, а лишь в злые минуты (Завойко-19.7, 59). К бане

где бывается банник, страшно входить: все там кто-то словно веником парится, особенно по ночам. Банник поднимает вихрь в бане, заставляет плясать веники (Владимирская губ.), сыплет на моющихся раскаленным песком и может совсем [illegible] если не убежать умеючи, [illegible] за дом наперед.

Раз в такой бане, где бывался банник, мылись шесть баб. Одна уронила огромный, в фунт весом, кусок мыла. А пол в бане был чистый, золотой, как в избе. Смотрели искали — нет мыла. На другой день нашли лежит кусок посреди бани на самом видном месте, дедушка банный пошутил и отдал (Калужская губ.).

В одной бане может проживать целое семейство банных чертей: отцы, у которых бывают чертята, и в услужении проклятые дети. Одному мужику, зашедшему в баню переночевать, черти за то, что в жены проклятую девушку с богатым приданым.

На ночлег банный пускает в том случае, если путник вежливо попросит у него позволения: «Хозяинушко-батюшко, пусти ночевать!» Такого просителя банный пастырь охраняет от всякой нечистой силы. Были случаи, когда леший хотел однажды затаскать человека в бане, а банный пастырь не позволил: «Нет, нельзя у меня прописан». У банного хозяина спрашивают разрешения, когда желают истопить баню: «Банный хозяин, дай мне баню истопить», — так трижды. Входя в баню, [illegible] вернут дверь из предбанника и, как только за ручку двери возьмутся, три раза перегонривают: «Банный хозяин, пусти меня в баню попариться». Уходя из бани, говорят: «Прости меня, пастырь! Оставайся, пастырь!» (Завойко-14.7, 34). У банно

то есть шапка невидимка, которую он раз в году кладет сушить на каменку. В полночь ее можно взять, если заметишь (Георгиевский, 60).

В крестьянских семьях из-за тесноты в избе и просто по обычаю роды часто происходили в бане. По одним поверьям, банник роженниц не любит, покидать их в бане одних нельзя, особенно опасно оставить в бане молодую мать спящей. Во время сна нечистая сила может подменить младенца чертенком. По другим — он к ним благоволит и пускает пожить три—шесть дней. В Новгородской губернии считали даже, что банник поселяется в бане после того, как в ней побывает роженица (Перетц, 40).

О болезни, неизвестно отчего прикинувшейся говорили: «из бани вынес». От банной нечисти болезни, напущенной обдерихой, лечили только знахари с помощью особых заговоров. Например такого содержания: «Вставал благословясь и пошел перекрестясь из избы дверьми, со двора воротьми, вышел в чистое поле. Есть в том поле сухая цалга, на той цалге трава не растет и цветы не цветут, и также у раба Божия (имярек) не было бы ни [illegible] ни [illegible] ни банной нечисти».

Когда впервые идут мыться в новую баню, для банника, как и для домового, [illegible] оставляют на полке в бане, чтобы банник не пугал моющихся и не травил их угаром. Но самое место, где когда-то стояла баня, считается нечистым. Баннюя — места поганые и опасные, ни один конник не поставит там избу, лишь [illegible] одолеют, либо мыши [illegible] весь домашний скарб, либо [illegible] перетрудит домашний скот. Не поможет ни закладка денег по углам избяного сруба, ни мурашник посреди двора.

Как место нечистое, баня и использовалась в Святки для гаданий. Собрались на Святки петушки на беседу, а ребята рассеялись на них и не пришли. Сделалось скучно, одна девка и говорит подругам: «Пойдемте, девки, слушать к бане, что нам баенник скажет». Пошли. Одна и говорит: «Сунь-ка руку в окно, банник насадит тебе золотых колец на пальцы». Та и сунула. Банник ее за руку схватил и колец насадил, да железных все пальцы сковал в одно место, так что и разжать их нельзя было. Кое-как выдернула она из окна руку, прибежала в слезах домой, лица на ней нет от боли, руку показывает: «Вот, девушки, смотрите, каких колец банник насажал! Как же я буду жить с такой рукой? И банник-от страшный весь мохнатый, рука-то у него такая большая и тоже мохнатая. Как насаживал мне кольца, я все ревела. Теперь уж не пойду к баням слушать». Обычно в банях гадали следующим образом: гадающий просовывает в двери бани голую спину, а баенник либо бьет его когтистой лапой — к беде, либо нежно гладит мохнатой и мягкой, словно шелковой, большой ладонью — к счастью (Максимов, 53 — 54).

БЕ́ЗЫМЕНЬ Следь, стень, *тень*.

Призрак-двойник, *привидение* перед *смертью*, *заложный* покойник (дух умершего неестественной смертью, убитого, утонувшего, *самоубийцы*). Во всем похож на человека, но своего лица не имеет и по безличью носит маску того, кем хочет показаться. Увидеть двойника — к смерти: «Увидела в следь свою, знать, к смерти»; «Следь моя, смерть моя!» (от «следа» — отпечатка, знака). «Кто свою [illegible] увидит, скоро помрет» (от «стеньгаснуть»).

Государственная
библиотека

Стень безымянная — призрак, образ человека вызванный в зеркале во время гадания «Она жениха своего доныне в глаза сроду не видывала, а стень его в зеркале видела, и говорит, что человека как глянула, — узнала по стени» (Даль-1 80 4 228, 351). Гадание в зеркале совершается лунными святочными вечерами, лучше — в полночь. В уединенной комнате ставят два зеркала одно, большое, на столе, против него второе маленькое Перед зеркалом ставят свечи гадающая садится напротив и смотрит в него. В это время в большом зеркале показываются, одно за другим двенадцать зеркал. Как только зеркала будут наведены в последнем из них появляется загадываемый предмет (суженый) Хорошенько рассмотрев его лицо и платье, гадающая кричит «Чур сего места!» — и привидение исчезает. Если не зачураться, привидение сядет за стол и может даже оставить какую-нибудь вещь, впоследствии выяснится, что именно ее когда-то потерял жених (Сахаров, 121)

В заговорах к помощи безымена обращались колдуны, желая испортить человека В лесу у осины, обратившись лицом на запад, колдун просил «умерших, убитых, заблудших, некрещеных и безыменных» встать и повредить такому-то (Мансикка, 9)

БЕ́ЛАЯ БА́БА, *белая девка*

Носительница болезни, близкая *лихорадке*; дух судьбы, образ *смерти* Чтобы белая баба не вошла в дом и не причинила несчастья, в Вологодской губернии под крыльцом зарывали кобылью голову вешали косу над воротами или на верхнем косяке дверей, втыкали под матицей можжевеловую ветку, приколачивали к порогу подкову Здесь рас

Гаданіе въ зеркало.

Гадание с зеркалом Иллюстрация 2 № 1

сказывали, что белая баба жила у моста через реку Крутец и пугала по ночам [illegible] (Зиновьев. Очерки, 113)

[illegible] перед кончиной умирающей [illegible] видел смерть в [illegible] женщины [illegible] в белое. Странница в белом — вестница судьбы, по рассказам семидесятых годов XX века, ее видели у дороги, она останавливала машину и просила привезти белой ткани из города, а получив заказ, обещала исполнить любую просьбу, предсказывала, будет ли война (Зиновьев, № 418, 419)

БЕРЕГИ́НЯ, *берегиня*. Русалка, фараонка

Этимологически [illegible] имени Перуна и со старо[illegible]ком «[illegible]» (в [illegible]) [illegible] сближ[illegible] [illegible] на представление о берегинях как [illegible] женских водяных духах. В летописи [illegible] что язычники приносили жертвы упырям и берегиням, но в дохристианское время представления о берегине [illegible] сложились [illegible] в XIX веку образа полуженщины-полурыбы, красавицы с длинными волосами и чешуйчатым хвостом. Берегини и фараонки — излюбленный мотив русской домовой резьбы, их изображения встречались и на домовой утвари.

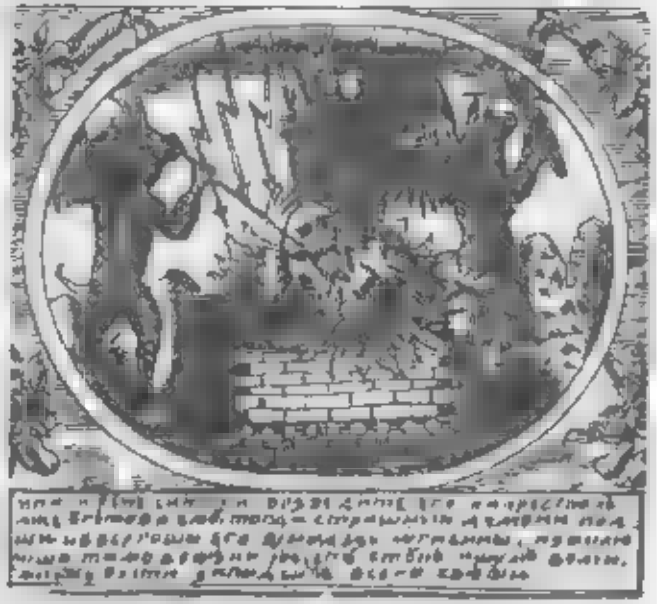
БЕС Блазнитель, [illegible] вороп, [illegible] *демон, дьявол*, [illegible] князь тьмы, кромешный, лукавый, *лукавый, ляхой, мара, морока*, недобрый, недруг, неистовый, неключимая сила, некрещеный, нечадный, нечистый, ненавистник рода человеческого, нечисть, *нечистая сила*, нечистый, *Сатана*, соблазнитель, царь ада, царь тьмы, черная сила, черный шут, *черт*, шайтан, *шут*

Название всякой нечистой силы, наименование черта [illegible] обитающего под землей и в аду, и временно — на земле в болотах, омутах, заброшенных домах и кузницах, мельницах, даже в развалинах древних городов. На берегу реки Камы недалеко от города Казани находилось Бесовское городище, где некогда в храме стоял идол — бес, требовавший пожертвований от всех, кто проходил мимо капища, если кто-нибудь миновал беса не принеся никакой жертвы, дьявол опрокидывал лодку и топил таких путешественников (Чулков, 67)

Согласно легенде, бесы произошли от ангелов, восставших против Бога и пожелавших устроить свое царство. Бог [illegible] прогнать их с небес. Была война, архангел Михаил метал в непокорных молниеносные стрелы, и [illegible] вниз. Одни из них со своим начальником *Сатаной* упали в ад, другие — на землю. Павшие в ад назвались бесами, *чертями, дьяволами*, павшие на земле стали [illegible] *домовыми* и прочей *нечистой силой*.

Ад, где обитают бесы, — абсолютно темное и холодное место с огромной огненной рекой и котлами с кипящей смолой, со всевозможными орудиями пыток. Бесы занимаются здесь тем, что наказывают грешников соответственно их поступкам: за воровство вешают за руки и за ноги спиной к огню (ноги ходили красть, руки крали, спина носила), за убийство вешают за ноги головой в огонь (голову сгубил, голова и мучиться будет).

Глава бесов — Сатана — представляется великаном. Он бьет подчиненных ему чертей, обрывает им хвосты, жарит на сковородах, бросает с стены ада, за [illegible] много бесов есть с рогами



увечьями хромых, слепых, безухих, с укороченными хвостами Сатана направляет бесов на землю, определяя каждому время для исполнения худого дела. Вернувшись, бес рассказывает о содеянном и либо получает вознаграждение, либо возвращается на землю с еще более трудным заданием. Сатана не учит чертей, у него положено, чтобы они сами до всего доходили. Ни один бес не смеет спросить совета у Сатаны, а если не сумеет справиться с возложенным на него поручением, то советуется с другими бесами, которые слетаются для встречи в какое-нибудь нечистое место в лесу, на болоте.

Бесы имеют тело, более тяжелое, чем светлые ангелы, но тоже невидимое для людей. Рост беса — немного ниже человеческого. У всех бесов есть рога, руки, ноги, крылья, хвост, на руках и ногах большие когти. Хвост можно заметить всегда, какой бы вид ни принимал на себя бес-оборотень. В своем настоящем виде бесы редко показываются людям, поскольку они так безобразны, что, взглянув на них, человек либо умер бы от страха, либо перестал бы грешить, а это бесам совсем не нужно. Поэтому бес старается действовать невидимкой, чтобы человек не слышал его присутствия (Георгиевский, 53 — 54).

У каждого человека имеется ангел-хранитель, оберегающий его от всякого зла, он невидимо находится по правую сторону человека, радуется добрым поступкам и записывает их в свою книгу; есть и бес, толкающий его на зло — он всегда по левую сторону. Осторожный человек никогда не плюнет направо, чтобы не осквернить ангела, а только налево, в сторону дьявола.

Война Бога со слугами Сатаны — бесами — никогда не прекращается. Во время грозы Илья

Горох или Михаил Архангел стремится мелкими испепелить бесов, которые прячутся в домах под видом мелких животных — черных кошек, собак, на человеке — под видом насекомых. Уничтожая беса, молния может ударить и человека. Громовержец, сражающий молнией — считается угодным Богу, так как бес прячется на человеке, который, принадлежа людям, с уважением относится к Божьему слову — тяжаро. Противоположным от туда, а молния и стрелы его можно бить только молодым, другим некоторые считали, что от черной коровы.

Бес стремится войти в человека, поселиться в его теле. Особенно пить воду из реки или ручья, ямы, ртом. Невинная просьба — попить беса — редко встретишь такого, обычно — человека, который, минуешь, не перекрестив, бес в рот. Бес всегда. Чаще всего от злых демонов, проклятых и непрощенных и убитых. Так бес входит в непрощенного сына, водою принесенной из реки, такую воду хлебнет, а часть ее выливают в другой сосуд, после этого она пригодна для питья. Повсеместно распространенная русская легенда повествует, что некий святой подвижник (по преданиям Поволжья — Андрей Блаженный) встретил беса всего вымазанного и посоветовал ему умыться речной водой. Бес ответил: «К реке меня не пускает ангел, а велит идти в ту пещеру, где стоит бочка, крытая кадка с водой и где она не ограждена крестным знамением. Туда я и иду. Мы все там всегда и обмываемся» (Максимов, 5).

Существует множество запретов, приемов, цель которых — уберечься от беса и времени еды. Начиная трапезу, делают ложкой крест на подлеб

ке, при этом каждая хозяйка делает крест на его ребре, крест делают на скатерти, чтобы из него выскочил бес. Полночь — бесовское время, когда есть нельзя, так как нет возможности сидеть, лишь от употребления бесом. «И нельзя есть — нечистого кормить» — при еде крестятся, не за едой нельзя смеяться, детям, балующимся за столом, говорят: «Дети, нельзя смеяться! Бес в блюдо насерет!». Напакостит бес незаметно, так что человек, съевший его помет, об этом даже и не знает, что будет. Нельзя пускать в утренний странник, дабы власть над столом не перешла к дьяволу, и тогда хлеба в семье будет больше, чем прежде. Он покушает, бес на еду спасает скатерть. Без скатерти трапеза, и затем крестом накрыт, а стол — тот же крестом скатерть, стелешь благословясь, бес будет на нее уже и не сесть. Вообще бесу сесть негде, в тому человека, которой отрок, т. е. вы, часто поминает его в разговоре, злобен и мать бранится острым или охаяет «думою», тяжелой мыслью, который привык есть на ходу, проникает он и с вихрем, воздухом — по извету злых людей (Калужская губ.).

Овладев телом человека, демон лишает его рассудка, мучает сильными болями, заставляет кричать и метаться в исступлении. Одержимых истерическими припадками, бесноватых, *колдуны*, священники и *колдуны* лечили изгнанием бесов. Во время припадка порченые сами определяли, сколько бесов, лежащих их животы, иногда называли имя того колдуна или колдуньи, которые испортили их. Изгнающий бесов обращается собственно не с большим он отдает приказания нечистому духу, сидящему в его теле. Два

[illegible] немилостивом человеке, любителе века [illegible]

жение беса внутри телесной оболочки направлено к тому месту, куда он вошел. Один священник стал читать молитвы над одержимым, и бес спросил у него: «Где мне выйти?» Священник ответил: «Откуда зашел, там и выходи». Пока священник читал молитву, больной весь опух, постепенно опухоль сошла с лица, с тела, с ног и, наконец, с большого пальца ноги — здесь и зашел бес в одержимого. Поскольку бес боится креста и молитвы, порченых заставляют читать молитвы самостоятельно, привязывают рукописную молитву к нательному кресту, кладут ее под голову во время сна.

Далеко не все колдуны могли изгонять бесов из одержимых, это было под силу только тем из них, кто сам «насадил» бесов в обратившегося за помощью больного или кто был колдуном с рождения, а не выучился этому ремеслу, продав душу бесу. Один такой колдун, обладавший недостаточной силой чар, долго мучил одержимую плевками и заклинаниями он пытался заставить беса выйти из ее тела, указывая то на глаза, то на руки, то на живот несчастной женщины. Руки пухли, глаза вздувались, живот ходил ходуном, бесноватая страшно кричала, но бес не вышел из нее, напротив, к старому добавился новый. Больная только тогда освободилась от них, когда ее отвели к природному колдуну (по воззрениям терских казаков, родившемуся «с зубами»), тот сначала изгнал большого беса, направив его в реку, а потом маленького (Терские ведомости, 1891).

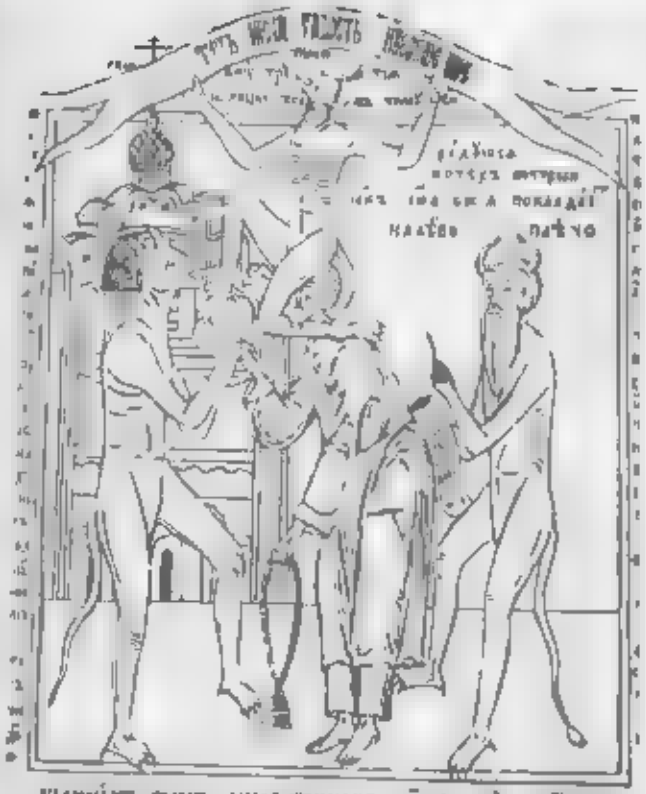
Колдуны, вступившие в договор с дьяволом, после разного рода церемоний приобретения чародейской силы, получают в услужение бесов и пользуются последними во вред людям, насылая на них болезни, доводя до самоубийства и разре-

[illegible]ния. Никаких добрых дел бесы совершать [illegible] [illegible] [illegible] становятся лишь в том случае, если человеку удастся их обмануть, например при отыскании заклятых кладов, которые сторожат бесы.

Бесы мечтают о колдунах, постоянно требуя себе работы. Чтобы иметь некоторый покой, колдуны посылают их собрать разбросанную по ветру муку, пересчитать пепел на елках, свить веревку из песка и т. д. Пожелав избавиться от бесов, колдуны запирают их в каком-нибудь предмете, обычно отмеченном знаком креста. Один путник дошел до перекрестка дорог, где стоял придорожный деревянный крест, и снял с креста палку — подпираться. Только дотронулся до нее, как увидел трех бесенков. «Что тебе нужно, [illegible]?» — спросили они. Но колдун не мог овладать с бесами, посадил их на палку и [illegible] на крест, а от креста бесы уйти не могли. (Новгородская губ.)

Бесы нет [illegible] земле только в светлые дни [illegible], когда они удаляются в преисподнюю, а человек свободен от искушений. (Новгородская губ. 1888). Зато на время [illegible] (с 24 [illegible] по 6 января) им дана полная воля. Бесы участвуют в святочных гаданиях и ряжении. Парни и девушки в полночь уходили на перекрестки, здесь кружились, обязали себя кругом и читали волшебный отговор.

[illegible]



Максимъ грекъ сице пишетъ аще кто шестово воображаетъ крестное знаменіе тому маханію бѣси радуются

Бесы радуются, когда человек не [illegible] [illegible] ИРЛИ, оп. 23, № [illegible]

Если казалось, что кто-то приближается, начали «Чур — полно, чур — полно, чур — полно!» выходили из круга [illegible] жертвой бесов лишался рассудка, языка или жизни. Опасаясь ходить ряжеными или «кудесами» в Новгородской губернии [illegible] «ходить бесами». Переодевались девушки [illegible] в мужскую одежду, парни — в женскую, рядили «покойника» и отпевали его, клали табаком, конским пометом и горячими углями вместо ладана (см. *Кудеса*).

Ряженье как бесовское действо — в связи с оборотнической природой этого злого духа. Используя людей, черти-бесы принимают разные личины. К тоскующим по ушедшему из жизни и умершему мужу женщинам бесы летают огненным змеем, рассыпается такой змей над трубой, а в избе обернется милым супругом (см. *Огненный змей*), к пьяному бес напрасится в гостеприимные, под видом кума или свата пригласит в кабак или в гости, а очнется захмелевший человек у проруби или в колодце (Максимов, 18 — 20, 2).

Слово «бес» — то же корня, что и слово «бояться» в древнеславянских языческих религиозно-мифологических представлениях — злые духи. Из языческой терминологии слово перешло в христианскую традицию, где было использовано для перевода греческого слова «демон». В старых церковных учениях против язычества слово «бесы» продолжало использоваться в первоначальном значении — «злой дух». Следы такого употребления можно обнаружить в заговорах, пословицах и поговорках в словах производных от «бес». Бесовщина, бесовство — всякого рода колдовство, нечистота, а также дьявольское наваждение, соблазнительное видение; бесная — падучая бо-

лезнь, в происхождении которой повинен бес, вошедший в больного — бесовника или бесовныя. Крих беса — крик филина, который считался вестником несчастья (если филин сядет на крышу дома — к пожару, или покойнику). «Бес вселился в филина» — бес взвыл, дико вскричал филином. Хотя «никто беса не видит, а всяк его ругает», сила беса безгранична: «Сидит бес и на дыме катает, а людям что веником трясет».

С другой стороны, в пословицах и поговорках XX века с упоминанием беса характеризуются дурные черты человеческой природы, острые критические ситуации, с бесом сравнивается или его именем называется злой, коварный человек. О сере говорили: «Все бесы в воду, да и позарьем вверх». О лукавых, приносящих беду людях: «Не надо и беса, коли ты здесь»; «Дьяволом подложен, бесом опущен». «Бес беса и хвалит». «Нанял на беса, а бес на болото», «Попался, как бес в перевес». Свойства беса — льстивость: «мелким бесом рассыпаться», дурашливость, смешливость, кривляние — «беса тешить» (скачать за столом, шутами спасать до упаду), непостоянство, подвижность — «бесогон», т. е. непоседа, беспокойный человек, «бесомыга», «бесомыжница», т. е. гулака, праздный шатун. «Бесово ребро играет», — о ветреном в соблазне.

Пьянство и неподобающее поведение в старости особенно угодны бесу. «Седина в бороду (в голову), а бес в ребро». «На седину бес падок». «Старого черта да подмер бес». «Вина напиться — бесу предаться», «В пьяном бес волен». Для беса нет большего удовольствия, чем осквернение святого, ошибка праведника, искушение монаха. «Радостен бес, что отрушен инок в лес». «Как бес по келью подлез».

[illegible]

Спасительными против бесовской силы средствами, помимо креста, являются: ладанка (ее носят на шее, это небольшой мешочек с ватой и ладаном, взятым от какой-нибудь особенно чтимой иконы), молитва «Да воскреснет Бог» и специальные заговоры «от дьявола». Молитва может включать в себя заговорные элементы: «Да воскреснет Господь Бог твой, да разлучатся враги твои на море-океане, на острове Кургане, где сам Иисус Христос крестился, на небеса возносился, ангелы Божии ризами укрывали от темной ночи, от грозной тучи, от бури ветра, от врага-супостата, от зла человека-ненавистника и от напрасливых слов. Чур наше место! Чур наше место! Чур наше место!» (Колчин, 17)

БЛА́ЗНА, *бла́зня* Ман, мана, *мороки*

Наваждение, призрак. Может показаться в любом месте — дома, в лесу, в поле, может вызвать [illegible] предмет в [illegible]. Ни одна блазня не обходится без участия нечистых духов, которые помрачают разум человека, заставляя видеть то, чего нет на самом деле. Понимая что перед ним видение, мираж, человек все же не может отделаться от навязчивого образа, в таком случае говорят: «Блазнит меня нечистый, в другой раз привиделся», «Тут блазнит по ночам нечисто», «Сижу я без огня, вдруг мне что-то поблазнило. Никак вошел кто? Нет, это мне блазнит». «Мне блазнилось в эту ночь, будто мы горим»; «Ему всё мертвецы блазнятся» («его мертвецы блазнят»).

Блазней называли призрак неопределенного облика, бесшумно появляющийся и исчезающий. Забыли чугун в бане, хозяин пошел за чугуном и он, недоросток, под ним стоял у каменки (печ

ки — вскочил и не стукнул. От блазни большого вреда нет, кроме испуга, перепуга и недоумения или беспокойства. Две дороги были расположены одна над другой. Прохожий шел по нижней и слышал, как по той, что повыше, идут два путника и разговаривают. Он было обрадовался попутчикам, вышел на верхнюю дорогу — никого нет, это была блазня.

Блазня — неожиданное движение предметов, иногда вызванное злой волей колдуна. Блазня бывает в домах, где произошла ссора. После того, как хозяин дома рассорится с кем-нибудь, блазня начинает кидать на стол пачки кренки, помет и со стола все скатывает.

Блазней может быть клад-оборотень (см. *Клады*). В одном доме на чердаке жил клад. Лишь ночь наступит, начнет говорить: «Валюсь, разбьюсь». Никто не знал, как этот клад выжить. Зашел в тот дом старик-странник. Хозяева — три брата — сказали ему, что не знают, как избавиться от блазни. Старик взялся расколдовать дом. Наступила ночь, и опять заблазнило: «Валюсь, разбьюсь». А прохожий и скажи: «Валяй, я растягаюсь!». Вдруг с чердака валится клад — много золота и серебра. Старик полные сумки набрал и карманы (Богатырев, 46 — 45).

БЛУД *Манило*, водка.

Дух, родственный лешему, заманивает в лес и заставляет блуждать, водит под видом знакомого человека. Говорили: «Манило он в лес манило». «Корову водка увел, нашем — нет ее» (Черепанова, 30). Блуд — производное от «блуждать», «блудить», т. е. путаться, сбившись с дороги. Блудящий огонь — болотные блуждающие огоньки, горят над кладами. Блуждающие болотные и

светящиеся на могилах огни считали душами усопших, умерших неестественной смертью (см. *Заложные, Мертвецы*). Общеславянское поверье, сходное с германским верованием в способность душ незрелых, небесного чистилища, блуждать ночью по полям и лугам огненными видениями. Путников, которые принимают их за деревенские огни, они сбивают с дороги, заманивая в топкие болота и чащобы (Афанасьев-3, 197 — 198).

БОЛО́ТНИК *Аншибал*, багник, болотный леший, болото, болотяник, вировник, кочечный, лозатый, лешник, лозовик, ветрыа, оржаник, сарь, болотный (Черепанова, 31).

Дух — хозяин болота, родственный лешему и водяному. Болотник — то же, что и болотник, является в образе молодой или старой женщины. В Поморье верили в существование болотной бабы — царицы тундры, живущей в болоте у опушки леса (Цейтлин, 158). Болотник, как и леший, обходит и заводит в свои топи путников. В царстве болотника множество чертей, но подчиняются ли они ему, об этом не говорится ни в пословицах, ни в побывальщинах: «Было бы болото, а черти будут», «В болоте не без черта», «В тихом болоте черти водятся»; «Всякому черту вольно в своем болоте бродить».

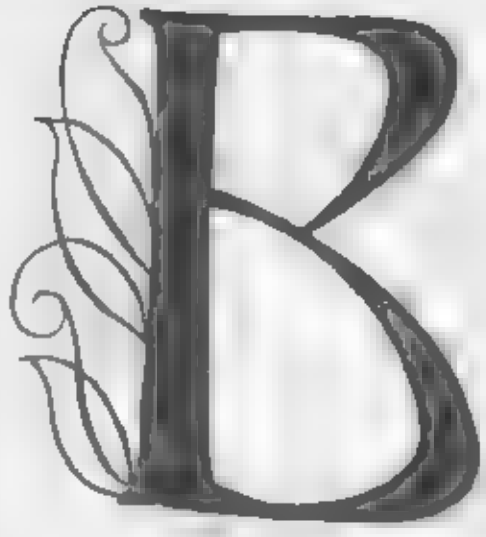
БОРОВИ́К *То же, что леший*.

Дух бора, рощи. По владимирским поверьям имеет вид громадного медведя, но без хвоста, чем и отличается от настоящего зверя. Питается животными, хотя иногда заедает и людей. Подобно лешему, пугает, щекочет путников, заводит их в непроходимые места. По-вологодски боровики — маленькие старички, вершка в два, заведуют гри

бами, груздями, рыжиками и живут под ними. В Олонецкой губернии боровики, как моховики и лесовые, считались подчиненными лесного царя-управителя леса (Харузин, 308). Во Владимирской губернии, когда хотели увидеть борового, чтобы договориться с ним о благополучном выпасе скота, о том, чтобы он вернул пропавшее в лесу существо (человека или скотину), излечил от вынесенной из бора болезни, — брали в лес кошку и начинали ее душить. Боровик, заслышав кошачье мяуканье, выходил к вызывающему и вступал с ним в переговоры.

БУ́КА Букан, буканай, буканко, букарица, букарка, букач, букусетка, букушка.

Наименование демона, не имеющего определенного облика, в разных местностях соответствует *лешему, домовому, овиннику* и прочим духам. В XIX — XX веках главным предназначением буки стало устрашение малых детей: «Не ходи — бука съест», «Спи, не то бука возьмет» и т. д. Отсюда — бранное букан, буконя (о нелюдимом человеке), глядеть букой — об угрюмом, недоверчивом взгляде. Помимо этого, наиболее распространенного словоупотребления, букой называли: 1. Лешего. «Отец болел, сон видел. Пошел он в лес. Вдруг как закричит по лесу: „Ягод-то надо? Красненькие, беленькие". Бука и был». 2. Домового-дворового, живущего в подполье, на конюшне, в бане. 3. Привидение, пугающее в пустых строениях, монастырях (Черепанова, 115 — 117). 4. Овинника. Буко́нька в овине живет, весь в белом. В саване, накинутом на голову, вроде покойника в смертной одежде, живет также и в голбце мохнатый (Завойко-1917, 39). Происхождение образа этого духа остается невыясненным. Разнообразие функций, близость домовому, неясность облика и привычка хватать людей, унося их неведомо куда, роднят русского буку с одним из духов фольклора кельтских наречий. Риса — оборотень, способный принять вид любого животного или чудовища, соединяющего признаки разных зверей в одном фантастическом образе. Он так же может, как домовой, выполнять за хозяина незавершенную работу, подобно лешему, хватает ночных прохожих и носит их на своей спине до первых петухов, а затем сбрасывает в омут (Maria Leach ed. Dictionary of Folklore Mythology and Legend, vol. 1, 1949, P. 202).



ВАМПИ́Р *Живой мертвец. См. Мертвецы в лицо.*

Нечистая сила из умершего колдуна овладевала его телом, оживший таким образом труп отсасывал по ночам кровь спящих людей, превращаясь летучей мышью, кошкой или другим зверьком. Вампир должен вернуться в могилу с криком первого петуха. Помимо колдунов вампирами могли стать люди, умершие насильственной смертью, самоубийцы, утопленники, укушенные вампирами, а также злодеи, преступники. Не прежним полным сил существом питались человеческой кровью. Тела их в могилах не разлагались, на щеках играл румянец. Вампира, нечистого покойника навсегда обездвиживали, раскрыв его могилу и вбив между лопатками осиновый кол, при этом труп перево-

рачивали вниз лицом. Реже — отрубали голову, подрезали жилы. Если ночные вылазки вампира все же продолжались, то труп сжигали, а пепел бросали в воду. Оберегами от вампиров считались лук, чеснок, железо, колокольный звон.

ВАСИЛИ́СК

Царь змей, огненный змей, все убивающий своим взглядом и дыханием. Рождается из яйца, снесенного черным семигодовалым петухом и зарытого в горячий навоз. Представляется с короной (петушиным гребнем) на голове. Из опасения, что петух снесет яйцо, из которого выведется василиск, черных петухов больше семи лет в доме не держат. Впрочем, говорят также, что не каждый семигодовалый петух может снести такое яйцо, а лишь один какой-нибудь раз в сто лет. Хозяином василиска может стать колдун, который возьмет такое петушиное яйцо и проносит его шесть недель под мышкой. Рождается таким образом змеевидный петух, [illegible] (Афанасьев-I, 532 — 533, Материалы, 198). По сведениям В. И. Даля, петушиным считалось в нижегородской губернии маленькое круглое снесенное курицей, когда она перестает нестись. Если девушка проносит его шесть недель под мышкой, то из него вылупится василиск, который во всем будет слушаться свою хозяйку, приносить ей золото, мстить за нее тем, на кого она в обиде, сообщать ей разные тайны. Василиск — *оборотень* и может неизменно жить в своем хозяине — колдуне или колдунье (Даль-1880, 126 — 127). Рассказы и предания о василиске мало распространены у русских, которым он стал известен в основном благодаря азбуковникам, заимствовавшим образ василиска у византийских «физиологов».

ВЕ́ДЬМА Бесиха, бесовка, ведунья, вещунья, [illegible] (в мужском роде ведьмак, ведун, вещун). См. *Колдуны и колдуньи*.

Особая категория людей, состоящих в родстве или договоре с нечистой силой, которая наделяет их сверхъестественными способностями и выполняет разные поручения. Ведьмы [illegible] язык животных и птиц, умеют отыскать нужные [illegible] в лечении. Отезжая растения, [illegible] к оборотничеству, летают по воздуху, могут стать невидимками. Свои чары используют во вред людям, насылая на них порчу, болезни, [illegible] обернувшись свиньей, кошкой, собакой или другим зверем, проникают в чужие дворы и выдаивают коров, устраивают в полях прожины и заломы, причиняющие страшные беды хозяевам полей.

Заломы устраивались ведьмами в полях, засеянных рожью, овсом, ячменем. Кто сожнет залом — иссохнет и умрет, кто съест хлеб, в котором будет содержаться мука из зерен колосьев залома, — умрет, пустит солому на подстилку — скот околеет. Заломы делали только ведьмы, мужчины-колдуны не могли. Ведьма выходила на залом в одной рубахе без пояса около полуночи, приступая к залому, сбрасывала и рубаху. Если кто-нибудь увидит ведьму идущей на залом, колдовство не выйдет, возвращающейся с поля — умрет тот, кого она встретит. Избавиться от смерти можно было только убив ведьму. В одной новгородской деревне ведьму за устройство залома казнили так: ее руки и ноги притянули к спине наподобие залома и задушили. Залом выглядел следующим образом: хлебные колосья, растущие в круге диаметром 30 — 35 см, спутаны, их стебли надломлены и согнуты к центру круга, в середине

которого оставлено десятка два несломанных колосьев.

Повсеместно было распространено убеждение, что ведьмы — виновницы засух и гибели урожаев, они крадут дождевые тучи или отмахивают их своим передником, могут украсть росу, устроить ночью кромешную тьму, спрятав месяц за облаками. Ведьма — воплощение греха, все ее злодеяния подробно изложены в духовном стихе о расставании с телом души великой грешницы.

В полюшках душа много хаживала
Не по-приведну землю разделивала
Я межу через межу перекладывала
С [illegible] земли укладывала
В соломах и заломы задымывала
[illegible] хлеба [illegible] отнимывала
В этих во грехах Богу не каялась
Еще душа Богу согрешила
Из коровушек молоки и выкликивала
Во сырое коренье и выдаивала
[illegible]
[illegible]
Во утробы младенца заворчивала
В этих во грехах Богу не каялась
Еще душа Богу согрешила
Мужа [illegible] поразвиживала
Золотые венцы поразлучивала,
По улицам душа много хаживала
[illegible]
Хоть не слышала, скажу: слышала
[illegible]
[illegible] душа много хаживала
[illegible]
[illegible] душа много хаживала
[illegible]
В этих во грехах Богу не каялась
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Летописи (1541)

Лицевое изображение его третьего псалма Давидова. Ровинский 3. № 1 [illegible]

Перед смертью ведьмы испытывают страшные муки, в конвульсиях и судорогах они пытаются передать кому-нибудь свои чары, и горе человеку, который возьмет из рук умирающей ведьмы любую вещь, — вместе с предметом она передаст свой страшный дар. После смерти душа ведьмы отправляется в ад, а ее тело попадает в полное распоряжение нечистой силы, которая как бы входит в оболочку ее трупа. Мертвая ведьма едва ли не опаснее живой: по ночам она насмерть заедает [illegible] человеческую кровь. Ее любимая кровь — детская, реже — кровь стариков, она отсасывает ее из ушей. Худые, изможденные люди часто сами верили, что по ночам их кровь сосут ведьмы: это может быть, например, кровь старика, которую высасывает увлекавшаяся им в молодости женщина (Терские ведомости, 1891).

После смерти ведьмы мстят тем, кто их обидел при жизни. Один поп отказался исповедать ведьму, так как она не раскаялась. Ведьма умерла, ее гроб поставили в церкви. Обернувшись пономарем, мертвая ведьма пошла к попу звать его служить заутреню. Поп пришел в церковь, и она заела его до смерти. На следующий день ее похоронили как ведьму, подрезав ей жилы, а через три дня сожгли и пепел спустили в реку (Новгородская губ., Белозерский уезд, вторая половина XIX в.). На реке Пинеге рассказывали про одного киевского попа, который заметил, что из окошка дома вдовы часто вылетали две сороки. Он понял, что это ведьмы, зашел в избу и видит: сидят две женщины и едят зажаренного младенца. Одна родила, и они его погубили. Вскоре ведьма, у которой был ребенок, умерла: к ней позвали перед смертью попа, она покаялась в своем прошлом

грехе. Гроб с телом отнесли в церковь. Ночью поп [illegible] колокола [illegible] посмотреть, что случилось. В церкви ведьма набросилась на него и выгрызла [illegible] уши, [illegible] бы [illegible] не взмолился [illegible] ушам — тут она пала. С тех пор киевского попа, постоянно [illegible] лицо [illegible] часто видели в Соловецком монастыре.

Враждебное отношение к ведьмам сочетались с суеверным страхом перед ними. Возможно, и языческую веру они пользовались большим почетом и уважением. Слова «нетуга», «ведьма», «[illegible]» происходят от корня «веда», «веще» и означают женщин, людей, наделенных даром предвидения и пророчества, колдовства и врачевания. Областные говоры и летописи предлагают несколько синонимов для обозначения ведьмы и ведуна, называя их чародеями, кудесниками, вещими женками, чарованицами, бабами-кудесницами, волхитками, волхвами — все эти имена напоминают о последних, сильнее жреческих дарованиях. Но, будучи хранителями языческих традиций, ведьмы и ведуны в средние века, с распространением христианства, оказались на службе у нечистых сил, стали посредниками между людьми и демонами.

Вера в то, что от них зависит изобилие земли, плодородность скота и здоровье людей, приводила к гибели многих ведьм. На них указывали как на виновниц [illegible] эпидемий, стихийных бедствий. По [illegible] волхвов в 6[illegible] году в Суздале [illegible] разорвали волхвов, которые держали «гобин» [illegible]. В 6[illegible] году два волхва из Ярославля шли по Волге и по погостам называли имена лучших жен из богатых семей, которые держат рыбу, мед, жито, так что ни рыбакам не было улова, ни охотникам — дичи, ни в по-

лях — урожая. Родные и близкие обвиненных в колдовстве женщин сами бывали сестер и жен на суд толпы.

Православная церковь, не поощряя, разумеется, колдовство, в то же время осуждала расправы над ведьмами. В XII веке Серапион, епископ Владимирский, порицал суеверных сжигавших или топивших ведьм в случае засух и неурожаев. Он писал, что на смерть можно осудить человека только имея веские доказательства его вины, до которых показания ведьмы — «послухи». «Вы же воду послухом поставите и глаголете: аще [illegible] — ведьма есть, аще ли не [illegible] — не ведьма есть». Обычай проверки заподозренных в колдовстве ведьм водою сохранялся вплоть до XIX века. Во время засух предполагаемым ведьмам скручивали руки веревками, привязывали им к шее тяжелые камни и бросали в глубокие ямы, [illegible] в городище [illegible] погружались на дно, а ведьмы плавали по воде вместе с камнем, вода их не принимала. Старых вешали и отпускали на свободу, других убивали насмерть и топили сами (Афанасьев 3, 7 [illegible] 51.) При коллективной расправе над ведьмами убийц невозможно было отыскать, и дело обычно устраивали так, что убитая как бы погибала от несчастного случая.

Как и колдуны, ведьмы бывают «природные» и «учебные». Первые рождались от ведьм или от женщин, имеющих связь с чертом. Некоторые думают, что ведьмы и ведьмаки могут родиться и у обычных женщин, но в определенном месте, например ведьма рождается «от двенадцати девок одного поколения тринадцатыми», или если в семье родилось девять девочек, то десятая будет ведьмой.

отличительная особенность которой — хвостик. У молодых ведьм он не больше вершка, а к сорока — пятидесяти годам достигает длины в пять вершков. Хвост этот не пропадает ни при каких превращениях и немного загнут, как у болонской собачки. Говорят, что природные ведьмы добрее ученых. Ученые ведьмы переняли чары у ведьм или вступили в сговор с нечистой силой самостоятельно. Кто хочет стать ведьмой, должен отказаться от отца и матери и от всего рода до двенадцатого колена, отрекаясь, надо стоять на иконе, положенной лихом вниз, на перекрестке или где-нибудь в другом месте, где много чертей. После слов отречения будущая ведьма или колдун увидят чудовищных размеров собаку (лягушку) разинутой пастью, в которую необходимо влезть. Не выдержавшая этого последнего испытания ведьма если и вернется домой, то иссохнет и умрет.

Иногда учеными ведьмами становятся невольно. Над одним оврагом под Курском стояла ветхая избушка, в ней долго жила ученая ведьма, некогда обычная женщина, случайно где-то в лесу подобравшая кота. Кот оказался чертом, старуха стала его кормить и поить вместе с собою, а он научил ее колдовству. Но под конец черт измучил старуху, она сделалась бешеная и злая, как зверь. Очевидцы так описывали ее смерть: раз она соскочила с кровати и растянулась посреди избы, потом полезла под печку и оттуда брехала по-собачьи, мяукала, а под утро вылезла из-под печи и легла на пол. Тотчас же на ее груди собралось несметное число змей и ящериц, одни лезли в рот, другие в уши, а старуха только мотала головой и поминутно высовывала язык. Когда она перестала дышать, народ собрался на сход и решено

было сжечь старухину избу. Страшный шум и крик, собачий лай и человеческие голоса слышались во время пожара, после которого на том месте, где стояла избушка, образовалась глубокая яма со множеством ядовитых змей на дне ее (Колчин, 42 — 43, 35 — 36).

Ученые ведьмы считались женами чертей: если у них бывают дети, то они принадлежат черту. Но чаще всего ведьмы бездетны. Их обучение «словам», колдовству и оборотничеству происходит в Иванов день (Богатырев, 60 — 61).

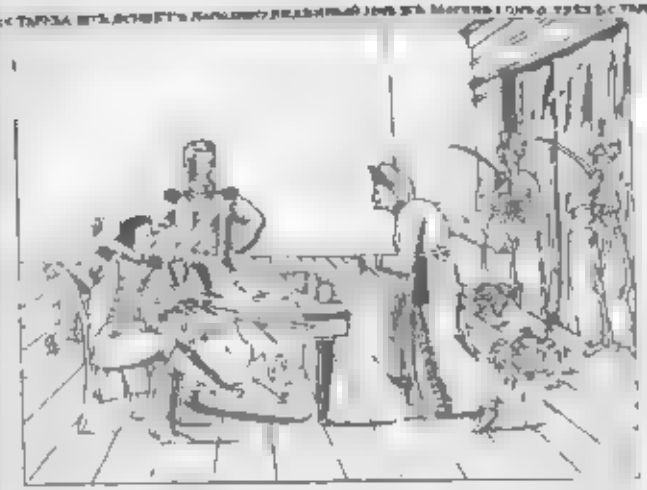
Сведения о ведьмаках очень противоречивы: ведьмак — природный колдун, рожденный от связи женщины с чертом (Орловская губ.); в южных областях России ведьмак — надзиратель за ведьмами во время их оргий в банях и чуланах; это либо колдун, либо упырь-кровосос, живой труп, который ходит после смерти морить людей. Но было и другое мнение, что ведьмак, напротив, мешает делать зло ведьмам, дерется с мертвецами-упырями на могилах (Максимов, 136).

Есть несколько способов распознать ведьму. Ее хорошо чуют собаки и кошки-первыши, т. е. первенцы, они вообще сразу узнают нечистую силу: ведьма не скроется от них даже под видом свиньи или сороки. Но таких щенят и котят трудно вырастить, так как колдуны стараются как можно скорее их погубить. Первышей иногда прячут под бороны на ночь: борона вся состоит из «крестов», которых нечистая сила боится. Можно узнать ведьмин дом по дыму: он идет из трубы против ветра (Потанин, 190). Ведьм и колдунов узнают по особому взгляду — с огненными струйками в зрачках, по тени — их две у тех, кто знается с нечистой силой.

Труднее распознать ведьму, когда она обернется сорокой, собакой, свиньей, черной кошкой или курой, наконец, просто клубком, подкатывающимся под ноги. Свой облик ведьма меняет, перескакивая через рябину, нож (12 ножей) или пень с воткнутыми в него ножами. У ведьмы можно навсегда отбить охоту к оборотничеству, если умеючи ударить ее наотмашь (не больше одного раза) липовой палкой, с которой снята кора, или просто кулаком, но обязательно до крови. Один солдат рассказывал: «Мы пойдем на караул, а ведьма сядет на спину — и носи ее. Спугнули палкой с дыркой, так что глаз вышибли. А она: „Мне глаз, не жалко, а слова-то не пристанут, не оборотиться мне больше"» (Богатырев, 60 — 61). Обычно после расправы с оборотившейся ведьмой на следующий день в селе находят избитую или раненую в то место, куда пришелся удар по оборотню-ведьму женщину.

Для ночных полетов ведьме нужно специальное зелье, которое она варит, используя нож, шалфей, руту, шкуру, кровь и когти черной кошки, убитой на перекрестке, траву тирлич. Мазью натирали все тело или только мазали под мышками. По старинному поверью, у ведьм хранится вода, вскипяченная вместе с пеплом купальского костра, обрызгав себя этой водой, она тотчас поднимается в воздух и мчится, куда вздумает (Афанасьев-3, 458).

Распустив волосы с лицом, вымазанным сажей, в одной белой рубахе верхом на помелевенике или ухвате ведьма вылетает через трубу либо на Лысую гору или в другое место для встречи с нечистой силой, либо на бесовскую свадьбу, либо портить людей и выдаивать коров, оборачивать мужчин и женщин в диких зверей



Ведьма. Картинка из лубочной книги [illegible]

Они неоднократно снимали шкуры с убитых волков или медведей, находили под ними не звериную тушу, а бабу в сарафане.

Главная ведьма (по некоторым говорам — *баба яга*) живет на Лысой горе близ Киева. По-видимому, могли знакомиться в Киеве ведьмы-старухи, являющиеся в образах птиц и зверей. Мимо стоящих лагерем в двух верстах от Киева солдат ведьмы летали: каждая в день первую линию — волком, вторую — собакой, третью — свиньей (Сахаров 2 [illegible]). Ведьмы приставали к идущим в Киев бесчисленным, но проходили сквозь землю на подходе к монастырю (Садовников № [illegible]). Ведьмы под Киевом еженедельно в полночь устраивают шабаши. Вообще на Лысых горах на Руси, если какую-нибудь из них облюбует нечистая сила, человек там не скоро появится. В незапамятные времена на большей московской дороге сражение. Были горы часто кувыркались кувырком и наверное бы провалились под землю, если бы не молитвы праведников, заклинаниями превращавших ведьм в сорок и заставлявших их разлетаться (Макаров 2 [illegible]).

Бесовские потехи, на которые слетались ведьмы со всех сторон ради любви с демонами и совета, как лучше портить людей, отличались особым разгулом трижды в году: зимой на Колядуя, весной на Благовещение (25 марта) и в Купалов день (23 июня) и в ночь Ивана Купалы. В эти праздники крестьяне оберегали своих лошадей, чтобы ведьмы и нечистые духи не захватили их и не измучили в быстром полете. Полеты совершались в темные грозовые бурные ночи, известные в народе под именем «ведробных» (Афанасьев 3 [illegible]). Согласно народному дневнику И. П. Сахарова, зимние потехи ведьм начинаются

26 декабря и 3 января они возвращаются и задержат корову до 18 января лежат без памяти от излишеств шабаша. К 18 января к афанасьевским мерзлым прибавляется изгнание ведьм, заблудившихся ночными оргиями. В тех домах, где по соседству завелась ведьма, знахарь в полночь запрягает трубу, забивает клинья под кончик, сыплет золу на семи печек по загнетке и несет к западной изгороди двора, так как известно, что ведьмы летят на юг, а возвращаются на запад (Сахаров 2 [illegible]). На Лысой горе ведьмы также справляют масленицу — в первую неделю [illegible] или накануне Воскресения Христова.

Ведьмы, жившие среди терских казаков, на терешечинскую мазью летали на метлах и кочергах на гору Бештау, где под предводительством самой старой черноки готовили себе еду и устраивали пир. По воздуху летает не сама ведьма, так считали в казачестве, а ее дух, который может принимать причудливые очертания от бесформенной белой массы до облака в виде человека в белом саване, постоянно меняющего размеры. Распространенным повсеместно было убеждение, что дух ведьмы может усыпить спящего человека, извлечь из него душу и использовать в качестве коня, к утру такой человек ничего не помнит, но чувствует себя совершенно разбитым (Афанасьев 3 [illegible]).

Ведьмы питаются коровьим молоком, смешанным с человеческой кровью. Доят коров, когда ведьмы вечером возвращается с поля или ночью до прихода в хлев хозяйки. Видеть, как ведьмы доят коров или пьют его, могут колдуны или те, кому колдуны покажут. Один казак не верил, что ведьмы пьют кровь с молоком. «Как врут?» — возразил колдун. — Хочешь, покажу тебе дерево, куда

они собирают кровь и молоко [illegible] около этого дерева ведьмы постоянно вертятся». Колдун подошел к стоящему в стороне от других на возвышении [illegible] дереву, сделал какие-то жесты, произнес несколько непонятных слов, ударил ки-жалом по дереву, и казак увидел, что из порубка брызнула густая масса рыжеватого цвета, десятки ведьм закружились около него, с жадностью подхватывая падающие брызги (Терские ведомости, 1891).

Очевидно, меньше всего ведьм в Москве, так как там, кажется, совсем нет сорок — наиболее верного ведьмовского облика. «По этому поводу ходит много разных преданий, говорят, что сорока выдала боярина Кучку, убитого в лесу на том месте, где теперь Москва, и что сорока за это проклята была умирающим, другие рассказывают, что митрополит Алексий запретил сорокам [illegible] на Москву, потому именно, что под видом сорок злетали туда ведьмы, и наконец, есть предание, будто они прокляты за то, что у одного благочестивого мужа унесли с окна последний кусок сыра, которым он питался» (Даль, 1880, 63 — 64).

Северно-русские и южнорусские ведьмы различаются примерно так же, как северные и южные русалки. Северорусская ведьма — безобразная старуха, иногда толстая, как кадушка, с растрепанными седыми космами, костлявыми руками и синим носом. Южнорусская ведьма может быть молодой и привлекательной, хотя ее молодость и красота порой только личина, старуха лет немалых ведьма лишь оборачивается красавицей, когда кого-нибудь вздумает летает к своему избраннику огненным змеем. Красноватые пятна на коже, неизвестно отчего появившиеся, могут быть ожогом от искры огненного змея, такие пятна не исчезают до самой смерти.

Любовницы ведьм становились счастливцами и [illegible] ведьмы, но их счастье не было прочным, быть любовником ведьмы — «купаться на [illegible]», так как она часто меняет свои привязанности. Одного перелетного [illegible] ведьма [illegible] обогатила всячески, он вдруг стал секретарем, земским заседателем, исправником. Но как-то [illegible] молодую и [illegible] [illegible] счастливой доле. Ведьма [illegible] [illegible] [illegible] где-нибудь [illegible] (Маклаков, 1 (63 — 71).

Девки-ведьмы, если [illegible] на них не женится, [illegible] мирают и [illegible] [illegible] [illegible] обманешься с ним перед смертью, то он будет [illegible] [illegible] у ее [illegible]. Одна [illegible] ведьме встретился странник, который [illegible] ему место, где можно спрятаться от ведьм, [illegible] ночью не [illegible]. Так прошло [illegible] на третью в избе, где лежал гроб, слетелось [illegible] ведьм, и одна из них [illegible] увидела парня. Ведьмы разрезали бы его, но [illegible] несчастного запел [illegible] и [illegible] ведьм (Колядин, 40 — 41).

Во второй половине XX века ведьмами считались [illegible] и [illegible]. «В старину ведьм много [illegible] крестьяне [illegible] теперешняя ведьма [illegible] ее ведовство применялось в самом зачатии для удовлетворения [illegible] дел. Заглядется муж на чужую бабу, жена просит [illegible] и ведьма рекомендует «посмотриться на [illegible], где петухи дерутся, на том месте взять земельки и [illegible] ее на [illegible] своей [illegible] [illegible] с [illegible] мужем взять и [illegible] полюбит законную жену». Богатая купец

обманут девушку, ведьма советует: «Ты только прими и мне тащи от его рубахи и я дам тебе ковшик, стряпку, чтобы он, как станет звонить, надевал на веревку этот ковш, тогда хорь от тебя не будет знать куда деться и сам к тебе придет». Всякому обещанию ведьмы верят и всякие приказания исполняют: подкладывают молодым под ноги голик под сани, чтобы в этом году не женились, сжигают волосы, чтобы парень больше не ходил как потерянный, пачкают ему губы бараньей кровью, тогда его и вовсе никто любить не будет. Для порчи девушки ведьмы советуют носить под левой мышкой в течение трех дней баранки, пряники и яблоки, прежде снабженные заговорами, в которых и заключена главная тайно действующая сила. Умелые знающие ведьмы заговорные слова не болтают на ветер, а закладывают их в наговоренные вещи: только такие слова будут «держать» чужое сердце и запирать его на «замок» (Максимов, 1[illegible] — 146).

ВЕСНУ́ХА

Один из духов болезни — *лихорадки* (см. [illegible]). Ивар чахотка) перемежающегося типа. Олонецкое «Ни весны не вышло» — то же, что «Ни черта не удалось» (Куликовский).

ВЕ́ТЕР

Существует множество обозначений ветров, указывающих их силу и направления. Сильный ветер: урага[illegible], варга[illegible], бура (кавказский), [illegible], буря, [illegible], шквалистый, вихрь, завирь и др. В устьях рек различали два главных вида ветров: морской, моряна, лагой, низовой и береговой, материк, горыч, сухмень, сгон, выгон, вер-

ховой. По направлению ветры различались: Северные: с[illegible] север (Белое море), продольный, столбище (Онега), северяк (на Ильмене), [illegible] (на Байкале), полночь (на Дунае), [illegible] (в Вологодском крае). 2. Южные: лето, летний, летник (на Белом море), русский ветер с Руси (Архангельский край), [illegible] (Онега), полудень (Селигер), полуде́нник (Псковское озеро и Байкал), полуденка (Дунай), хилок или сладимый (Волга). 3. Восточные: восток (Белое море, Селигер, Онега, Байкал), знмняк (Ильмень), теплик (Псковское озеро), обаза́ (Дунай). 4. Западные: русский ветер с Руси (Сибирь), запад (Белое море, Селигер, Псковское озеро), средний (Онега), мокряк (Ильмень), кулук (Байкал). 5. Северо-восточные: полуночник, заморозник, рекостая (Белое море), [illegible]ник (Ильмень), межник (Селигер), [illegible] (Псковское озеро), моряна луговой (Волга), бергузин (Байкал). 6. Юго-восточные: обедник (Белое море), [illegible] (Онега), зимняк (Селигер), [illegible] (Волга), шелоник (Байкал). 7. Северо-западные: глубник, голомянник (Белое море), крестовый запад (Селигер), горы́ч, горы́ня (Байкал). 8. Юго-западные: шалоник (Белое море, Онега, Ладога), [illegible] (Мезень), мокрик (Селигер, Псковское озеро), горыч гнилой, нагорный (Волга), глубник (Байкал), карась (Дунай).

О благоприятных ветрах говорили, что это — «ангелы Господни» (Богатырев, 6), что дуновение ветерка — дыхание Бога. Рыбаки Астраханского края называли попутный ветер «воздухом» и, садясь в лодки, просили: «Святой воздух, помоги нам!». Ветер, воздух здесь то же, что дух, сверхъестественная сила (Афанасьев, 3, с. 418). Теплый благодатный ветер производит внезапно дующий в трубу (Вологодская губ.). Такой ветер слу

жит людям, это доброе существо, живущее в горах или лесах и отсюда совершающее свои прогулки.

Вихри, буйные ветры — злые демоны, духи по воле Бога прикованные к скалам. Иногда они рвут цепи и вымещают свою злобу на людях, срывая крыши с домов и перевертывая лодки. Они бушуют до тех пор, пока ангелы не схватят их и не посадят снова на цепь. В Апокалипсисе говорится об ангеле водном и об ангелах, стоящих на четырех углах земли и держащих четыре земных ветра, чтобы ни одно из них не дул ни на землю, ни на море, ни на какое-либо дерево (Рязанский, 108). На русских лубочных картинках ветер и «дух бурен», приносящий снег и грязь, изображены в виде окрылатенных человеческих голов, дующих из облаков (например, на картинке к сказке о мужике, у которого ветер развеял муку).

По новгородским рассказам, на противоположных концах земли — северном и южном — живут два сказочных старика, они дуют по очереди и производят ветер. Северный ветер прокладывает себе дорогу к югу, замораживая реки, озера и болота, а когда путь станет достаточно прочным, старик идет по нему, постукивая дубинкой, пока не дойдет до владений южного старика. Тот посылает своего слугу — южный ветер — гнать непрошеного гостя вон до границ вечных снегов. Поединок северного ветра с южным бесконечен, он повторяется каждый год. В Вологодском крае рассказывали о двенадцати ветрах (варгальах), прикованных к скале на острове посреди океана, о Касьяне немилостивом, который держит ветры на двенадцати цепях, и в его власти пустить их на народы и скот, тогда начнутся поветрия

эпидемии. На людей Касьян зол потому, что его празднуют один раз в четыре года, 29 февраля, только в високосные годы, которые считаются тяжелыми: падеж скота, неурожаи, повальные болезни, раздоры обычны для них. Образ Касьяна — стражника поветрий, насылающих болезни, произошел, вероятно, от распространенного представления о Касьяне — стражнике ада, которого Господь отпускает на отдых раз в четыре года (Калинский, 369).

В злых ветрах — Буре, Метели и Вьюге — жители Тамбовской губернии видели трех сестер, у которых есть старший брат — Вихрь. На них катаются черти во время чертовых свадеб, они носят ведьм в хлевы выдаивать чужих коров, они заметают следы нечистой силы от Ильи Пророка, когда он в грозу изгоняет молниями нечистое воинство. Живут среди скал на острове Буяне и вылетают оттуда по очереди (Звонков, 75 — 76). В Калужской губернии говорили, что ветер — леший с крыльями, если разыграется и начнет кружиться — производит вихрь, бросишь в вихревой клуб нож или острое шило — и увидишь лешего, которого можно таким образом поранить. Но лучше держаться подальше от вихревых столбов, чтобы не получить неожиданной болезни или не стать кликушей.

Главных ветров — четыре, они сидят по углам края света, прикованные цепями, и обычно дуют слегка, от сильного дуновения ветров происходят буреломы, сильный ветер показывается самоваром-тучей, по которой сходят на землю из воздуха шуты — нечистая сила — и под видом знакомых уводят путников в лесные чащобы. Ветры-оборотни могут также обращаться в птиц, лошадей, коз и т. д. (Колчин, 15 — 16).

Есть ведьмы и колдуны, которые умеют управлять ветрами. Чаще всего ветры — нечистую силу — колдуны насылают по просьбе богачей на рожь, овес, ячмень с целью, чтобы в той местности, куда посланы ветры, не было урожая, пострадавшие от бесхлебицы будут покупать хлеб у зажиточных крестьян по высоким ценам.

Согласно олонецким поверьям, ветры — духи. С каждых трёх заносела улача рыбаки. Человеческий облик принимают сторовые ветры, прежде всего северик. На Водлозере лов идет хорошо в тихую погоду, а северик подует — «из котла рыбку повынет». Северик показывается стариком, другие ветры — скачущими на тройках мужиками, которые дуют то попутный, то встречный ветер. Если попутный ветер слишком силен, к нему обращали с со словами:

[illegible]
Вещий вороняющий,
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Если попутный ветер слишком силен, то ветер просит [illegible] а [illegible] не уймет, [illegible] «[illegible] не [illegible]» (Харузин, 117 — 118).

Женщины обращались к ветрам с молитвой, [illegible] их успокоиться, если мужья должны были вернуться из дальнего похода. [illegible] обращение наряду с молитвами к [illegible] [illegible] в словах Ярославны, жены князя Игоря: «О ветре, ветрило! Чему, господине, насильно вееши?» В XIX веке жены архангельских промысло-

виков, если мужья долго не возвращались с моря, выходили на берег вечером «молить ветры», а на следующий день отправлялись к берегу реки или ручья, мыли там котлы, били помелом флюгер, чтобы «гнало» попутный ветер (Подшивалов).

После этого старались припомнить и насчитать двенадцать семь плетущих из знакомых свекрови и [illegible] вспомнив каждого, делали зарубку на лучине, последняя зарубка — в виде креста. С этими лучинами женщины выходили на задворки домов и выкрикивали нараспев:

Встоя да обед на [illegible] потянуть!
[illegible]
[illegible] свекрови [illegible]
[illegible]
Во окова плешь наперед пошла [illegible]

С этими словами бросали лучинку через голову, обратясь лицом к востоку, и пропевали:

[illegible] да обеднину [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] да обеднина [illegible]
А у запада [illegible] жена померла.

С окончанием пропевки спешили посмотреть на [illegible] лучинку, в которую [illegible] крестом с чей стороны надо ждать ветер. Если ветер выпадет неблагоприятный, прибегают к последнему старинному средству: сажают на щепку таракана и спускают его в воду, приговаривая: «[illegible] таракан, [illegible] ветра» (Максимов, 200 — 201).

От нежелательных несчастий, которые может принести ветер, так взывали молитвой: «Да воскреснет Господь Бог твой, да расточатся враги

твои на мореходные на житные Кресты где сам Иисус Христос крестился на небеса возносился ангелы Божие рвами утрывали от темных ночи от грозной тучи от бури-ветра от врага-супостата и от человека-лиходеяника и от напрасливых стрел Чур наше место чур наше место чур наше место» (Колчин 1.7)

Русские заговоры наполнены обращениями к ветрам о помощи. Ветрам молились с целью навеять любовную тоску в сердце милого (милой) «Встану я, раб Божий, и пойду в чистое поле под восточную сторону. Навстречу мне семь братьев семь ветров буйных. Откуда вы, семь братьев семь ветров буйных, идете? Куда летите? Летите вы в чистые поля, в широкие раздолья сушить травы скошенные леса срубленные земли вспаханные. Подите вы, семь братьев, семь ветров буйных, соберите тоски тоскучие со всего света белого, понесите к красной девице в ретивое сердце, просеките булатным топором ретивое ее сердце, посадите в него тоску тоскучую сухую сухотучую»

В сказках ветер оказывается сильнее солнца и мороза. Один крестьянин встретил Ветер, Солнце и Мороз в образах трех степенных мужиков и поклонился каждому из них, а Ветру отдал еще один поклон особо. Рассерженное Солнце растопило сжеть мужика, но Ветер мстил. «Я вас холодом и умерю жар». Обиженный Мороз пообещал заморозить крестьянина, но Ветер предупредил «Я повею тепелом и не дерзку тебя».

Зимние ветра отождествлялись с Морозом. Дуновение Мороза Трескуна производит стужу, иней и сосульки представляются его слезами, а снежные облака — волосами. В поверьях злые духи зимою вылезают на белый свет, бегают по улицам

и от холода дуют себе в кулак. От такой бесовской прогулки снег трещит под ногами, деревья покрываются инеем, поднимаются бураны и метели.

Речь или песня ветра представлялась свистом

Что пылается то пылались за тем зобрам молодцы
[illegible]
Что свистят то свистят в удалы разудалому
[illegible] разбою

У моряков считалось, что свистом можно накликать бурю, а при стихающем попутном ветре надо напротив свистеть «по ветер» (Афанасьев 3, 306—330).

В пословицах ветер — барин с коровом ему нельзя нарядить, а пирогом — [illegible]. «Отец — царь, вода — царица, земля — матушка, небо — отец, ветер — господин, дождь — кормилец, солнце — князь, луна — княгиня». «Выше ветра гордыни не носи». «Против ветра не жадуешься». «С огнем не шутки, с водой не дружись, ветру не верь». «Вей по ветру, а впротив — глаза запорошишь». Ветер — разбойник и разоритель. «Ветры дули, шапку сдули, кафтан сняли, рукавицы сами спали». «Ветер взбесится — и с бобылей избы [illegible] сорвет».

О ненадежном, непостоянном непоседливом человеке говорили «ветром подбитый», об угодливом «откуда ветер дует», о промотавшемся «все на ветер спустил».

В загадках ветер предстает конем или гонцом длинным великаном, воином без рук и без ног. «Чуть выше леса, а тоньше волоса?», «Без рук, без ног, а воюет?», «Без рук, без ног — под окном стучит, в избу просится?», «Без рук, без ног, а на гору лезет?». О земле, дороге и ветре «Ма

тушкиной коробки не подымешь, братова кулака не скатаешь, батюшкина коня не изловишь». О земле, снеге и ветре: «Отцова сундука не подымешь, матушкина сундучка не скатаешь, братнина коня не обуздаешь».

Болезнь, неизвестно откуда приключившаяся, казалась «пущенной на ветер колдунами, чтобы к нее небывалости». Говорили: «С ветра пришло, на ветер и пошло». «Ветреной болезнью» называли вздутие живота, стрелы (колотье). Холодным ветром сравнивали жестокость человеческую, злобность с теплым — милосердие. «Не пойдите на нас холодным ветром, т. е. будьте к нам милостивы» (Даль, 1, 354; 2, Даль, 354, 33).

ВЕ́ЩИЦА Или вещунья, вещунка. В мужр. вещец, вещель, вещун. Так называли *ведьм* и *колдунов* (ср. ведьба — заговор).

Вещица кладет свое тело под ступу, а сама сорокой улетает в трубу. Почему и саму сороку могли называть вещицей, как ворона — вещунью, ворону — вещуньей. Вещица выкрадывала ребенка из утробы сонной матери, разрезала огонь на шестке, жарила и съедала его, а взамен похищенного дитя и клала в утробу голик, соловью или кусочку хлеба. Беременные женщины, чтобы вещица не подменила ребенка, в отсутствие мужей ложились спать, надев на себя что-нибудь из мужниной одежды или подпоясавшись мужниным поясом (Афанасьев, 1, 586).

«Вещицами» иногда называли также демонов-судьбы, духов, предсказывающих беды и несчастья.

ВИХРЬ Вихорь, вихорь, ветер-крышешник, дедушка безрукий, заверть, кружалка, вихорный, вихровой, вихрик.

Дух, находящийся в вихре. Дух вихря предвещает человеку, попавшему в вихревую заверть, причиняют болезни, порчи, разрушения. По тамбовским поверьям, Вихрь — брат трех сестер: Бури, Метели и Вьюги. Живут они в скалах на острове Буяне и носят на себе свадьбы злых духов (Аксаков, 75 — 76). Во Владимирской губернии считали Урагана отцом всех ветров, а Бурю — матерью. В Ярославской — сильный, разрушительный ветер называли крышешником: здесь он иногда приносил весной срывал крыши с домов и амбаров. В этом вихре во главе с дедушкой безруким переносились с места на место нечистая сила «дедушка безрукий пошел крыши ломать!» — исстари говорили жители и крестились (Костолевский, 58).

В виде вихревых столбов являлись людям бесовские сходки: столбы пыли поднимали невидимые для людей подземные ведьмы и черти. Если в такой столб бросить острый предмет, он упадет в землю, окрашенный их нечистой кровью. Осиновым ножом можно даже пригвоздить беса к месту. Один крестьянин бросил такой нож в столб пыли, тут же вихрь сник, и перед ним явился прикованный к сабле в виде дьявола, предложивший мужику любые сокровища в награду за свою свободу.

Вихри устраивают ведьмы или баба-яга, когда они летают на своих сборищах, заметая помелом следы. Особое значение придавали в народе «вихревым гнездам» — тонким и толстым вставкам березы или ветлы, спутанным клубком во время вихря. Среднее «дешевцо» из такого гнезда брали когда шли на суд или на прием к великому мирскому, или на поле брани, его тайно держали в сапоге для удачи в деле или битве, чтобы не раз

рыштраве [illegible] гнезда, могло разрушить любое вражеское оружие своим прикосновением (Афанасьев I, 291, 330 — 331; Афанасьев 2, [illegible]).

Когда сильный вихрь поднимался на лугу или в поле женщины убирающие сено заклинали его «Амиль! Амиль!» а грабями в это время поддерживали сено в копнах, заклинанный вихрь скоро утихал. Вихрями пользовались колдуны чтобы с ними перегнать людям порчу, болезни поэтому во время вихря совет нам держать рот плотно закрытым (Зелинский [illegible]).

В русских заговорах произносится заклятие против «чорта страшного» вихря бурного, лешего одноглазого, злого водяного, кельмы киевской и змея летучего, а в свадебных песнях о заботливой матери жениха поется

[illegible]
[illegible]
[illegible]

десь Божьей милости — [illegible]

ВОДЯНА́Я ДЕ́ВА Водяная женщина, водяной, водяная [illegible] черт [illegible] см. *Русалка, [illegible] Водяной*.

Древность верования в водяных дев засвидетельствована греческим историком Прокопием Кесарийским [illegible], который в своей хронике замечает, что славяне поклонялись речным нимфам. В сказочном и песенно-эпическом фольклоре водяные женщины — [illegible] рек, жены, дочери или наложницы водяных царей. В былине Садко Бесчинка — жена царя Водяника, девица-красавица реки Черныша. Лешук, реку выдает замуж за героя. Дуна — сестра Ильменьозера. Сама передает [illegible] в [illegible]. В старинных

[illegible] и реке. Смородина, река разговаривает девичьим голосом и [illegible] молодца за намешки на нем. В сказках водяные девы плавают в морских и речных волнах с белыми лебедями и золотыми рыбками, кинутся наземь — и обращаются в девушек.

В поверьях гнезда водяных дев находятся в омутах, колдовинах, под речными порогами, или [illegible] из [illegible] и [illegible], собранных в деревнях во время русальной недели. Иные думали, что водяные женщины живут в подводных хрустальных дворцах, украшенных золотом и серебром, алмазами, яхонтами, жемчугом и разноцветными раковинами и кораллами. Водяные девы выходят на поверхность вод, плещутся, играют с волнами, залезают на мельничные колеса и вертятся вместе с ними, а затем с криком «кукуй» ныряют под мельницу. Они проказничают, путая сети рыбаков и [illegible] их за речную траву, помогают водяному деду ломать плотины и мосты, заливать водой перелетные сети. О маленьких водяных девах великанах (см. *Лешук*) рассказывали, что они [illegible] на воду, вызывали бурю и качали корабли.

Лично [illegible] речной девы — [illegible] и необычайно несказанной красоты, всегда распущены [illegible] черные, русые или зеленые волосы ниспадают на [illegible] и плечам, ниже колен, стан стройный, [illegible] голубые или черные с длинными пушистыми ресницами, но, вместе с тем, «по всем ее теле замечается что-то волчьи-подобное, бесстыжее, бледное» (Афанасьев 3, 121 — 123, 2п).

По происхождению водяные женщины — утопленницы или проклятые шутовки. Портной [illegible] жену и злую мачеху послал ее к шутам. Около полуночи баба вышла во двор и пропала. Неделю искали — не нашли. Прошло

много времени, вдруг в полночь подкатывает к дому портного телега и что-то с треском падает в нее. На шум вышли хозяева, смотрят, а это — пропавшая женщина, худая, измученная. Она рассказала, что, как только муж обругал ее непригожими словами, она вышла во двор, где ее окружила какая-то неведомая сила, понесла к реке и затянула в воду, в гнездо шутовок. Живут они как люди, в избе, едят, стряпают, прядут и шьют, но живут артелью, одни шутовки, без мужчин. По ночам ходят по деревням и заходят в дома, где за стол садятся без молитвы, бросают еду, смеются и разговаривают во время трапез, здесь они достают себе пищу, а по ночам воют по избам, уводят детей, проклятых родителями, и взрослых, которые им предназначены. Сначала с новой шутовкой водяные женщины обращались хорошо, но как только родственники стали молиться за нее и подавать милостыню, принялись озорничать над ней и морить голодом, пока, наконец, не отдали назад, в семью (Смирнов, 73 — 74).

Много рассказов о водяных женщинах пришло в русский фольклор с Грумантa — островов Шпицберген, куда русские промышленники вместе с норвежскими отправлялись на лов тюленей, бои китов. Некоторые промысловики даже жили здесь постоянно, по нескольку лет, иные приезжали только для промысла. О прожившем долго на Грумантe говорили, что он слюбился с водяной царицей, был случай, когда водяница бросила в лодку милому, отправившемуся назад на Большую землю, прижитых с ним детей.

Грумантскую водяную деву можно было вызвать музыкой. Молодой промышленник остался зимовать на Грумантe. Каждый вечер он играл в гусли на своей гальете (малой галере), и как толь-

Русалка. Рисунок К. [illegible] Иллюстрация [illegible]

ко заиграет — слышит, как кто-то невидимкой пляшет перед ним, только платье шумит зажги огонь — никого. Товарищ его научил зажги сальную свечку и накрой ее черепком, а сам в рай услышишь, как платье зашумит, — в ту же минуту открой свечку и увидишь, кто пляшет. Парень все так и сделал, перед ним стояла девица красы неописанной. «Ну, добрый молодец, сказала она, — догадал я ты меня, с тобой буду ж я тебя любить в правде».

С той поры она приходила к нему каждый вечер, и жили они в любви целых три года. Под конец третьего года говорит девица: «Недолго пришлось нам с тобой в любви жить, отдают меня замуж, в Питер, под Калинкин мост, за черта». — «Что ж ты, тоже чертовка?» — «Нет, я родилась в большом славном городе, отец у меня был богатый купец. А попала я к нечистым оттого, что отец меня проклял. Как была я малых лет, подавала ему в один жаркий день стакан чая, да нечаянно уронила стакан на пол, отец осерчал, прикрикнул на меня: „Экая дурища безрукая! Хоть бы черт тебя взял!" Только вымолвил он это слово, в ту же минуту очутилась я в морской глубине, в каменном доме, у чертей под началом».

На прощание водяная дева дала парню узорчатую ширинку: начнет грусть взглянет в нее — все как рукой снимет. Протекло с год времени. Сказал он про ширинку своему товарищу, тот и украл ее, и такая тоска напала на молодца, что поехал он в Питер, пришел на Калинкин мост и бросился в воду. Очутился в подводном царстве: кругом — зеленые поля, сады, рощи. Идет далее — стоит большой каменный дом, в окно смотрит купеческая дочь, выбежала к нему навстречу: «Здравствуй, голубчик, уж и видеть тебя не чая

ла!» Начала его целовать-миловать всякими закусками и напитками угощать, а после спрятала в особую горницу и говорит: «Скоро мой муж придет, станет тебя спрашивать, зачем явился, ты до двух раз молчи, а на третий раз скажи: „Что в избе у тебя, то мое". Черт станет тебе давать за ребенка деньги, ты не бери, проси жару кулек».

Так все и вышло, как сказала купеческая дочь. Притащил черт кулек жару, посадил парня на сани, вихрем вынес его на Русь, посадил на Калинкин мост. Очнулся молодец — рядом и кулек с золотом. Разбогатев, парень женился на хорошей девушке и зажил счастливо. А польстился бы он на деньги, черт, наверно, обманул бы его: вместо денег насыпал бы конского помету и всякой дряни. (Афанасьев, Сказки 2, № 228)

Водяные девы иногда становятся женами [illegible] смертных [illegible] человека, [illegible] снять с нее заклятие. Отправился добрый молодец вечером ловить рыбу за Онего, в дальнюю губу, и задержал его в пути встречный ветер. Стал он гнать, видит молодец: прилетели к лебедушки [illegible] на землю, [illegible] крылами девицами и стали купаться в губе, а на берегу у них оставлены птичьи шкурки. Молодец подкрался [illegible] хоньку и захватил одну шкурку. Две девушки [illegible] купались, надели шкурки и полетели лебедушками, а третья девица шкурки найти не может. Тут к ней подошел молодец: «Что дашь за шкурку?» — «Хочешь несчетной казны?» — «А не надо мне казны, выйди за меня замуж». Дали они друг другу заклятье, стали мужем и женой. К вечеру ветер стих. Как им надо садиться в [illegible] молодец и подай шкурку жене: «Ты, — [illegible] — спрячь, чтобы не замокла». А жена [illegible]

нула ее на себя и полетела лебедью на [illegible]
Прокричала мужу: «Не видать тебе меня три года
в как исполнится три года приходи к озеру [illegible]
меню увидишь на плоту женщин у luтом [illegible]
за тебя приведет к мне».

Исполнилось точное время пришел он вечером к Лебедю видит [illegible] на плоту женщина
и манит его к себе. Плыла она на [illegible] бревном и
дрожала все ближе [illegible] ускользнет холодом пахнуло. По
[illegible] ему вожатая «Как в неделю в избу [illegible] не
молись». Вышли они в большое [illegible] в богатый
дом [illegible] на нас в избе [illegible]
все сидит [illegible] — говорит — зачем жда[illegible]
мы тебя». И вышла тут красавица за руку вывела
ребеночка по третьему году — [illegible] мой. Иван
[illegible] как [illegible] у тебя сынок подрос. «А путь его
[illegible] — из тех — нам [illegible] серо [illegible]
но». Поздравляя молодых с женой и с [illegible]
жить [illegible] (Д.)

Подобно [illegible] находящегося в подземном
царстве не более трех-четырех [illegible] от [illegible] шутки
[illegible] может взять себе [illegible] добрый человек надевает ей крест [illegible]
[illegible] подземные девы [illegible] с [illegible] в Владимирской [illegible] их женщины и девочки
[illegible] с [illegible] по пояс в виде [illegible] грязи
не видно [illegible] без рукавов [illegible] руки [illegible] и хо[illegible]
[illegible] у взрослых шутовок большие груди
[illegible] длинные [illegible] их носят грубым сукном
[illegible] так что [illegible] сыплются. Любят [illegible]
[illegible] [illegible] пить и едят живых рыб и
раков [illegible] на берег [illegible] [illegible]
[illegible] в [illegible] где они [illegible] [illegible]
[illegible] хлеб замерзшие все во льду [illegible]
[illegible] и [illegible] на [illegible] (Д. — Д.)

ВОДЯНО́Й [illegible] водяной дедушка водя[illegible]
рик водяной [illegible] речной барин хозяинушко вод[illegible]
[illegible] водяной, чорт.

Злой дух хозяин вод и всех водяных богатств
барин над утопленниками известен всем славянам в облике мужчины с некоторыми чертами
животного. По русским поверьям водяник как и
прочая нежить ведет свое происхождение или от
[illegible] ангелов низринутых с
неба или от детей спрятанных от Бога стыдливым Адамом или от проклятых людей [illegible]
[illegible] трупы которых нередко сбрасывали в
воды [illegible] и омутов.

Последняя версия происхождения [illegible]
очевидно древнейшая. Известно что суздальский
князь Андрей Боголюбский, устроитель залесской
[illegible] в ночь на 24 июня [illegible] 4 года был убит
заговорщиками. Брат князя Михаил сбросил в ко[illegible]
[illegible] тела казненных убийц в [illegible] [illegible]
[illegible] а короба с [illegible] телами
[illegible] в виде мшистых зеленых кочек колыхались
[illegible] между берегами. Такие озера приобретали
[illegible] «погаными». Хутей славой [illegible]
также чьи и глубокие озера [illegible]
[illegible] наполненные водой изобиловавшие подзем[illegible]
[illegible] ключами [illegible] [illegible]
[illegible] где образовывались лужины и воды [illegible]
[illegible] из [illegible] и поглощались ею. По преданиям
такие [illegible] сообщались с Мирным океаном и
[illegible] [illegible] через них в [illegible]
море или реку вместе со своими [illegible]. Сла[illegible]
[illegible] хохот, хлопанье [illegible] [illegible]
[illegible] нечисти [illegible] чудилось по ночам в
темных озерах, наполненных мутной железистой
водой (Максимов. 8. — 82)

Водяной показывается людям перед несчастьем, как бы предупреждая, что здесь купаться опасно. Крестьянин пошел за лошадью к реке и у воды увидел какую-то животину: сам черный, не разобрать — то ли одежда, то ли шерсть, лицом похож на человека, только глаза красные, больше, с ладонь величиной, нос — как сапог, не меньше. Крикнул крестьянин «Господи, спаси!» — и нечистый ушел под воду без всплеска, лишь волны пошли по воде. Решил выкупаться, но только залез в реку — водяной схватил его за руку и потащил ко дну, и утопил бы, если бы молитва не спасла. На руке остались синяки — следы от пятерни водяного (Вологодская губ.). Такие синяки часто обнаруживали на телах утопленников, к гибели которых были причастны водяные.

Водяной показывается стариком, покрытым мхом и болотной травой или в серой одежде. Ростом он больше человека, оброс волосами, постоянно расчесывает их, сидя на камне, иногда играет на поверхности воды, любит отдыхать у рыбных запруд. Можно заметить его [illegible] ему. На дне озер и омутов у водяных роскошные жилища, полные несметных сокровищ, со стенами, украшенными драгоценными камнями. У водяных есть жены (водяные бутовки, водяны) и дети, которые бывает попадаются в сети рыбакам. Однажды мужички из деревни Починки нашли клуб бересты, а он оказался живой, покатился и проговорил человеческим голосом: «Отпустите меня! Надо к дедушку идти». Рыбаки бросили клуб обратно в воду. Водяных часто видят спасатели: нырнет человек в воду и пойдет ко дну, товарищи бросятся его спасать — а над тонущим скопились водяные, добычу сторожат. Вечером в боль-

ших смутах [illegible] вместо пресвятых и ма-
ных. Есть озера, в которые бросили камень, а на-
набросят обрядо[illegible] крестная сила или озера [illegible]
всегда ходят немадные волны, всегда сло[illegible]
брань, шум и крики (Вологодская губ.). Во Вла-
димирской губернии рассказывали, что водяной
является людям не только стариком, но и нагим
мальчиком, шагающим прямо в расставленные
рыбаками сети. В этом месте оказывается сквоз-
ная дыра, будто прожег кто.

На дне озера у водяного пастуха стадо жеребят-
ок выгоняет их на берег. Близ Никольска
есть озеро Кожино, некогда из него выходили пе-
стрые коровы. Священник обедал их с крестом
и некоторых удалось захватить, приплод от них
был у местных крестьянских дворов (Тамбовская
194). Олончане рассказывали, что домашка сама на-
сет коров на берегу реки. Коровы у водяного пе-
ные, гладкие.

Водяной — оборотень может принять образ
животного, например черной собаки, но чаще —
рыбы, даже крылатой. В одном озере видели кры-
латую щуку, покрытую мхом, свои крылья она
[illegible] от [illegible]ба, кот[illegible] бросил в [illegible]
воздуха и вонзил кости в самую щуку, но за [illegible]
[illegible] на [illegible], так что [illegible] не успел [illegible]
[illegible] кости, [illegible] так и остался [illegible] на спине [illegible]
[illegible] чудеси и рыбе свои крылья (Вологодская
губ.). Рыбаки с большой осторожностью пользова-
лись острогой, боясь попасть в водяного. Никогда
не били рыбы, которая [illegible] в [illegible] и [illegible]
водяной и потопит лодку, мстя за рыбу (Вла-
мирская губ.). Людям показывается прозрачным
[illegible] из льда, иногда с кожей, шерстью, налимьей
шкуры (Виленки 9.4 263). В Ярославской обла-
сти считали, что налим служит слугой водяному

но. Владимирские видели водяного катающимся на
семе, поэтому сома здесь не употребляли в пищу
так же как налима, угря и раков — их едят
водяные. В многочисленных озерах Оленецкого
края водяной являлся рыбакам щукой огромной
величины и необыкновенно уверглянной. Немало
рассказов ходило здесь о том, как спящая щука —
т. е. спящий водяной — будучи уколота острогой
[illegible] и рыбака и лодку или является порой
к рыбаку с требованием вынуть из спины острогу
(Онежский). В Тамбовской губернии [illegible]
по ночам ловить рыбу с подсветкой водяной эти
не любит и перевертывает лодки, боясь глубо-
ко [illegible] нырнет и увидит за собой всю
рыбу. Здесь полагали, что водяной живет на зна-
чительном [illegible] в реках, озерах и болотах под
колодиной. По воде днем плавает в образе сома,
а ночью выползает отдыхать стариком с длинной
[illegible] бородой, днем не показывается
[illegible] Ильи, который если увидит во
[illegible] обратит насмерть. В начале [illegible]
[illegible] пошутить с рыбаком — поднимет на [illegible]
[illegible], даже и со смехом уйдет [illegible] [illegible]
[illegible] рыбаки [illegible] реки и [illegible]
[illegible] незаметно влезет в лодку, обернется мертве-
цом и ляжет [illegible] них. [illegible] [illegible] от кре-
[illegible] знамения [illegible] не [illegible] [illegible] (2
3).

Рыбаки [illegible] с [illegible]
[illegible] в [illegible] озерах, образовавшихся из
[illegible] в [illegible] горах и [illegible]
[illegible]). В Муромском уезде Владимирской губернии
[illegible] села [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] за грехи и [illegible]
[illegible] вместе с [illegible] [illegible] [illegible] получил
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

ах о нем говорится о чаше как хранилище затерянного места. Вода этого озера черна, как деготь, ее не употребляют ни в питье, ни для стирки белья, жители неохотно едят рыбу, вылавливаемую в этом озере. Местный рыбак однажды выехал на середину озера, закинул удочку и зацепился за что-то твердое. Начал тащить добычу, но веревка не уступалась и конца не показывался, вся уже была натянута веревка, еще что-то за нею зацепил там! — воскликнул мужик, вытянул крепко, и в ту же минуту немало и зеле вместе с ладьею (Добрынина).

В таких озерах живут водяные царьки, тогда как в обычных водоемах просто водяные, последние стоят в тех же отношениях к водяным, как лесники к лесному царю. Водяному царю подвластны все эти рек и ручьев, впадающих в озеро, сам же управляет озером, подчиняются ему водяные более мелких озер, сообщающихся с большими посредством рек и ручьев. Водяного царя этого никто никогда не видел, он не покидает своих палат.

В одном озере могут жить сразу несколько водяных царьков, в Б-ском уезде, например, в Б-ском же уезде, расположены в одном месте, в другом месте, в Б-ском уезде, по числу двух приходов и двух церквей по обеим Водяным озерам, поэтому и водяных звали одного Пречистенским, другого — Ильинским (имена церкви возможно выставлены на местах поклонения священным рощам на сооружением визит-мин-по легенда). Так же для изгнания дедка оказался [illegible] сильным, сила не великой силы, что послужило знаком указанием на место [illegible] для постройки.

Водяные живущие в одном озере, не дружат и враждуют между собой, могут и перекидываться

Дочь Ильинского водяного замужем за Пречистенским. Когда к ней сватался Кенезеро, водяной из среднего озера, которое ранее соединялось с Б-озером, Ильинский водяной дочь не отдал, жениха не принял, с обиды заперся в себе дорогу камнями, с тех пор Кенезеро не сообщается более с Б-озером. Ильинский водяной дал богатое приданое за дочерью золото, драгоценности и целый остров, который вдруг переместился по Водяному ведомым петухом. Проезжая через пролив, в котором живут водяные рыбаки, отмечают глубокие колеи, видимо, по ним часто снимают царьку и радостно крестятся, когда благополучно минуют опасное место (Карелия [illegible]). [illegible] в каждой избе гадали о [illegible] образом [illegible] в водяном царю [illegible] ключ, [illegible] большим выгодным [illegible] умрет. Если вода стоит как стекло — светлая, чистая, к [illegible] если забьет ключ, [illegible] — к [illegible]. Когда ключ через [illegible] говорили: «Дай, [illegible] царица водяная и [illegible] дайте мне здоровье на добрые здоровье рабу божьему (имярек)». Больного окачивали этой водой, после чего он или выздоравливал, либо умирал (Новгородская губ.).

[illegible] другим духам отведены [illegible] на зиму уходят из [illegible] жилища. Ход в эти жилища скрыт для всякого [illegible]. В водяных [illegible] тихо [illegible] реки таинственные эти отверстия бывают во всем озере. Они ведут прямо в подземные [illegible] вместе с водяными на зиму [illegible] [illegible]. В это царство попадают и утопленники, [illegible] русалками. Им отсюда никогда не вернуться, если не положить [illegible]

обедет святым Зосиме и Савватию, тогда утопленник всплывает и его можно похоронить по христианскому обряду. У водяного сто одиннадцать красавиц дочерей; все злые, любят тиранить попавших к ним людей. Одна лишь младшая дочь добра и приветлива. С суши под водой подземные царства открыты через пропасти, трущобы и расселины, через все нечистые места на земле: провалы, кладь, болота. Об этих местах ходит дурная слава. Так, на берегу реки Мокши недалеко от Пятницкого яра есть глубокий провал, заросший кустарником и полный мутной воды. Здесь зарыл сокровища Степан Разин, но как только его прокляли, клад провалился в преисподнюю, а место стало нечистым: рыба в воде провала не живет, птица — близко не летает, по ночам только бесы кувыркаются (Звонков 74). От зимнего сна водяной просыпается в апреле голодный и сердитый. Чтобы его умилостивить, в некоторых селах было принято топить в реке лошадь в жертву водяному, предварительно обмазав ей голову медом и привязав к шее два жернова (Афанасьев 1, 615).

Водяным нужны жертвы. Устойчивое представление о том, что почти всякая смерть на воде вызвана желанием водяных заполучить этого человека, породило множество рассказов об утопленниках — обитателях подводного царства и живущих там на положении слуг, рабов, наложниц водяных духов. Эти рассказы могут принимать различную форму: от бывальщины до былины, волшебной сказки или предания. Они подкреплены традицией. Древние славяне приносили в жертву водяному людей: по свидетельству Льва Диакона, воины Святослава после погребения павших в битве товарищей погружали в волны Дуная петухов и младенцев. Нестор говорит о язычниках — по-

лянах, «жруще озером и кладезем». В Густынской летописи сказано об обычае топить людей в жертву водяным духам (Афанасьев 2, 206 — 207).

В бывальщинах и сказках жертвами водяному обычно служат дети и женщины; из былины о Садко известно, что водяной, морской царь, требовал с корабельщиков мужчин, давая знать о своем желании по брошенным в воду жребиям. В обычае морских было избавляться от людей, наделенных способностью приносить несчастье: в балладе «Бесчастном молодце» его высаживают с корабля на остров, обрекая гибели. В известной песне о Стеньке Разине атаман приносит в дар волжскому водяному красавицу княжну. Водяному вообще известны судьбы людей; на этом убеждении строятся многочисленные способы гадания по воде, в частности — о жизни и смерти. В былине о Волхе он набирает дружину из тех воинов, чьи жребии, брошенные в воду, остались на поверхности воды, поэтому войско его оказывалось непобедимым. В балладе о рекрутском наборе, о наборе из трех сыновей одного — в рекруты, спор меньшого с братьями решает водой: чей жребий потонет, тому и идти в солдаты.

Не предназначенного ему человека водяной не [illegible] людей, проходящих мимо воды с дурными намерениями: воровать, бесчинствовать, поганить [illegible]. Мельники, зная об этом, чтобы водяной помогал содержать мельницу в порядке и не ломал плотины, подталкивали и сбрасывали в воду захмелевших, поздно возвращавшихся из кабака прохожих. Водяные топят чаще всего в полдень и в полночь. Даже хорошие ныряльщики в это время не возьмутся вытащить тело утопленника из воды, когда видят, как [illegible] над утоплен-

Диком сидит белая лебедь. Она бьет крыльями сво
светлей, гоня их прочь от своей жертвы. Спасти
можно лишь тех, кто водяному не нужен.

Один мальчик было утонул, но родителям сво
удалось вытащить его и откачать. Мальчик ра
сказал после, что на дне пруда его встретил сед
старик с рогами и приказал подождать, пока
сходит в свой дом. Мальчик остался сидеть, вдр
у него поднялся крик, шум, там игра и музыка,
чертенята кричали, что мальчик — их, но старик
вышел из избы и отвечал, что мальчик им не при
надлежит, ему не должно быть утопленником
(Колчин, 25).

Девочки, попавшие к водяному, вырастают в
водяном царстве так же, как на земле. Водяной
может забрать их к себе после неосторожных ма
ли высказывания или после проклятия родителей.
Летом в лодке по Снежскому озеру ехали две де
вочки. Младшая стала сказки рассказывать, а
старшая и проговорись: «Ишь как у них хорош
и родительский дом! Хоть бы одним глазком мо
глядеть на хрустальные палаты!» Не было ни ве
тра, ни волны, вдруг закачалась лодка, и поднялся
дикий мужик, волосы взъерошенные, — схватил
девочку за руки, и как она ни билась, утащил в
воду.

В сказках водяной иногда дарит таких девочек
уже невестами избранным людям (см. *Ирванка*).
Жил у Синдаева озера бесплодный старик со
старухой. Пришла пора женить сына, но никто не
хотел отдать за него дочь. «Пойду посмотрю, кто
к водяному» — решил старик и отправился к
озеру. Навстречу — дюжий молодец. «Ты у на
меня, старик, задумал? Невеста тебе сыну готова хо
рошая, не мешкая приезжай за ней поездом». Да
рили сваты с рукам, и отправился старик домой.

Женил сына, дружку, бояр и бояр, колдуньи-сосед
ку, и вернулся к озеру со свадебным поездом. От
берега ложилась дорога прямо к хрустальным па
латам водяного. Вывели невесту под фатой, сосед
ка шепчет: «Смотри, дедушка, обманывают, это не
настоящая невеста!» Взяли в дары — делать не
чего, зали на земную невесту в приданое — зо
лота и серебра, тарки и всякого имения. А сосед
ка колдунья шепчет: «Проси у ката саней с пер
ским ковром, рыженьких лошадок, синий
сарафан с золотыми пуговицами, шапку соболью
и перстень с самоцветным яхонтом». Воротился
старик богачом домой. Сноха у него оказалась
смирная, работящая. Месяца два спустя после
свадьбы просит она свекру: «Запряги батюшка
рыженьких лошадок в сани с персидским ковром,
надень соболью шапку и перстень с яхонтом и
поезжай в Новгород. Есть там купец, у него
[illegible] лавок и сто к дому просись к нему гостем».
Старик послушался снохи, снарядился в по
ездку и в Новгород. Долго не пускали его в дом бо
гача, наконец выглянула в окно купчиха, что за
[illegible] ходили и сказки у ворот стоят. Пус
тили старика в дом, а на нем бушмановый кафтан
[illegible] на и перстень на руке. Стал купец старика
[illegible] спрашивать, как к нему его добро попало. Старик
[illegible]ял. Поехал купец, что старикова сноха —
[illegible] дочь, которая пропала у него тринадцать лет
назад (Рыбников, 188–189).

У водяного на земле могут быть любовницы,
детей, рожденных от них, он считает своими и
[illegible] в свое царство сразу после рождения. Од
на вдова пошла на реку за водой. В зеркальности
[illegible] вдова увидела свое лицо и подумала:
«Какая я красавица! А мужа у меня нет» — и
[illegible] свое вдовье житье. Вернулась домой

ночью видит во сне покойного мужа и вскоре [illegible]ствует себя беременной. Пришло время род[illegible]. Догадываясь, в чем дело, она сразу окрестила м[illegible]денца, чтобы он не достался водяному, но ребе[illegible] к ночи умер. Труп положили на стол, перед ик[illegible]ной. Мать заснула, задремала и сидевшая ря[illegible] с нею старушка. Вдруг дверь отворилась, и к[illegible] подошел к младенцу. Лампадка погасла, а к[illegible] женщины зажгли огонь, то в ужасе увидели [illegible] у младенца нет всего лица и левой половины [illegible]ла. Если бы ребенок не был крещен, водяной [illegible] бы его целиком (Георгиевский, 58).

Водяные любят музыку и пение, но песни и наигрыши не должны быть быстрыми, плясовыми, иначе разразится буря. Известен обычай север[illegible] сказителей усмирять былинами разбушевавшу[illegible] водную стихию, многие былины заканчива[illegible] словами: «Синему морю на тишину, добрым [illegible]дям на послушанье». Садко пришлось [illegible] струны гусель, чтобы прекратить пляску морск[illegible] царя, танец водяных стоил жизни многим мор[illegible]кам.

Водяной не пошлет рыбы ловцам, ведущим [illegible]бя шумно, неосторожно, без должного уважен[illegible] к хозяевам вод, будь то летом или зимой, ко[illegible] озера и реки замерзают. Приехали новгородск[illegible] рыбаки на глухое озеро (а их предупреждали, [illegible] там «шутить гораздо»). Ничего не опасаясь, о[illegible] стали ходить по озеру, громко перекрикивая[illegible] друг с другом. Стали клюшить — сеть так тяж[illegible] идет, думали, что полная рыбы. Вытащили м[illegible]ду, а она полная вениками. Атаман рыбацкой [illegible]таги разбранился на водяного. «Глухая ты собак[illegible] проклятый черт! Где ты такую ахинею веник[illegible] взял? Давайте, — говорит, — ребята, еще т[illegible]ку закинем». Пока вторую тоню не вытянули [illegible]

всё шепотом говорили. И на этот раз тоня шла тяжело, как дошли до матицы — а она полная плотвы, насилу вытащили (Белозерский уезд Новгородской губ.).

Рыбаки вступали с водяным в договор, дарили ему подарки, бросали табачок со словами: «На тебе табачку, дай мне рыбку!» Весной, в первый раз выходя на рыбную ловлю, кидали водяному ковригу хлеба. Первую выловленную рыбу выпускали обратно. Если рыбак не даст оброка водяному, тот, рассердившись, не принесет рыбы и порвет снасти. На Онежском озере сложился обряд умилостивления водяного рыбаками. Каждый год накануне Николы Зимнего (6 декабря) перед всенощной из рыбацких семей к известному месту собирались старики. На берегу они делали из соломы чучело человека, сажали его в дырявую лодку и спускали в озеро, где она тонула. Старики пели песню, прося Онего взять соломенное чучело в портах и рубахе, без жены и детей, без материнских слез и причитаний (Зеленин-Этнографические работы, 160).

В особых отношениях с водяным пчеловоды. По преданию, все пчелы отроились от лошади, заезженной водяным и брошенной в болото. Рыболовы опустили невода в это болото, но вместо рыбы вытащили улей с пчелами. От этого улья разошлись пчелы по всему свету. В пчельном деле дедам-пасечникам помогали колдуны, знахари, которым известны магические способы охраны пчел. Сама матка, как первород пчел, была выкуплена чародеем за тридцать знахарских голов у нечистой силы. Этот колдун из ненависти к людям научил матку жалить людей, а матка обучила всех других пчел. Когда пчельник устраивает пасеку, то ради медового обилия жертвует водяному дедушке са

мый лучший улей, либо оставляя его на пасеке (тогда водяной охраняет ее), либо бросая его в [illegible] место в болоте (тогда водяной содействует размножению пчел и заставляет их летать на чужую пасеку похищать мед) (Сахаров, 95).

Любовь водяного к пчелам, возможно, объясняется его пристрастием к меду — древнему опьяняющему напитку, — поскольку все водяные, как и многие другие духи (лешие, черти, кикиморы), страшные пьяницы. Народ представлял водяного голым стариком с большим [illegible] брюхом, опухшим лицом, в боярской шапке, свитой из болотной травы. Водяные с чертями любили собираться в шинках, проводя время в попойках и игре в кости и карты на рыбу своих рек и озер, после чего она то появлялась, то исчезала в тех или иных водоемах. В людях, когда водяной обернется человеком, его узнают по [illegible] поле одежды — [illegible] мокрой, а также по тому месту, где он сидел, — оно тоже всегда оказывается мокрым. Чтобы у [illegible] в достатке был мед, пчел под первым [illegible] собирал в мешок и, [illegible] к нему камень, [illegible] в реке или в пруду. В день святых Зосимы и Савватия, праздник меда ([illegible] сентября), пасечники вынимали из ульев соты и в 12 часов ночи отправлялись к мельнице, где с заклятием погружали его в воду (Афанасьев 2, 235, 240).

С водяным связано появление первой мельницы. Захотел один черт отличиться и стал думать, что бы такое установить для завлечения людей в свои сети. Видя, что люди с трудом размалывают зерно, дьявол решил построить мельницу. Запрудил плотину, поставил стены, соорудил [illegible], осталось сделать колесо. Вот тут-то нечистый и задумался: для основания нужен крест, а креста

он не мог сделать. Сидит черт, чуть не плачет. Мимо шел [illegible] человек. «Ты о чем тоскуешь?» — спрашивает. «Да вот, — отвечает черт, — строил-строил мельницу, столько труда потратил, а теперь приходится бросать. Не могу [illegible] крест сделать». — «Я тебе помогу, — [illegible] прохожий. Сделал он крест, а [illegible] вместе с [illegible] и [illegible] мельница. Нечистый просит [illegible] за труд, [illegible] так: всякая краденая часть идет [illegible], а сам черт будет жить под мельницей — так появился первый водяной (Тверские ведомости, 1891).

На каждой мельнице [illegible] водяным, и [illegible] всякий водяник заведует водой [illegible]. Когда [illegible] в воду [illegible] водяной сидит наверху [illegible]. Если мельник [illegible], то [illegible] весною устроит сильный [illegible]. Для мельника [illegible] то же, что домовой у дома. Закладка мельницы совершается [illegible] не обязательно [illegible] достаточно положить зарок, а водяной сам найдет [illegible] в воду [illegible].

С [illegible] мельница затрудняет ход рыбы [illegible] и это сердит водяного. Чтобы злой дух не разрушил плотины, ему [illegible] приносят в дар [illegible] черную свинью (Афанасьев 2, [illegible]). [illegible] Дружба мельника с водяным [illegible] так давно, что, согласно некоторым [illegible] (Ушаков, 1896, [illegible]). Если все же водяной постоянно ломает плотину, так

что мельнику приходится неделю работать, а [illegible] чинить мельницу, то он приносит об[рок]: ковригу хлеба, соль и овцу. Все это он кладет [под] средним вешняком, сам один в полночь входит на мельницу и вызывает водяного: «Дедушка [водя]ной! Возьми от меня в оброк себе [illegible] ковригу хлеба и соль, что лежат у среднего вешника». [Ес]ли водяной возьмет оброк, то больше вредить не будет.

В отличие от лешего, водяной не учит колдовству, он требует жертв. С водяным (морским [ца]рем) связан распространенный сюжет сказки «Обещанный сын», когда герой вынужден пообещать водяному сына по договору, согласно которому должен отдать то, чего дома не знает, но [illegible] не в учение, а на вечное жительство под водой.

У водяного есть враги, прежде всего это [illegible] же омутники и лешие. Если предстояла битва с ними, водяной мог обратиться за помощью к людям. Омутник из Кривого омута реки [illegible] являлся как-то к [illegible] крестьянам: «[illegible] мне чужого омутника избыть», наказал им взять палки и бросать в воду [illegible] в то время, как [illegible] будет с чужим водяным драться. [illegible] прогонит [illegible] омутника, а [illegible] благодарность за помощь принес много серебра, только мужики не поделились, все [illegible] водяного [illegible] в черепки. Говорят, [illegible] водяного больше [illegible] на перевозе (Перетц, 9).

Следы [illegible] побоищ [illegible] обнаруживали [illegible] и рек: это лешие дрались с водяными. Борьба вспыхивает из-за сфер [illegible] вода [illegible] заболоченным [illegible] землям, примыкающим к озерам. [illegible]

[illegible] лесной [illegible] по лесам и полям, болотам и озерам. На шум и гам выскочил водяной из озера, заспорил с лешим, дело дошло до драки. Плохо пришлось бедняге водяному, на берегу — не в воде, осилил его лесной хозяин, так что водяной еле-еле убрался в свое озеро. В озере сил у него прибыло, стал он в лешего камнями кидать, чем дальше — тем больше. В ответ леший начал в озеро деревья валить, вырос над озером холм от одного берега до другого. Поджег леший деревья, и закипела вода в озере. Запросил пощады водяной, сошлись они с лесным на мировой, чтобы наперед жить дружно, не мешать друг другу пугать и губить людей: одному — в глухих чащах, суземах, другому — в глубоких водах (Вологодская губ.). Но все рав[но] то и дело в реках, текущих через густые еловые леса, можно заметить самородные плотины из упавших деревьев — следы непрекращающейся распри этих духов. В омутах близ таких плотин водятся крупные сомы и щуки — рыбы, любимые водяным, в которых он сам привык обращаться.

Запреты и обычаи, относящиеся к культу воды, связаны с верой в водяного духа, они объяснялись волей водяника, его желаниями и капризами. Главным предохранительным средством против козней водяного являлась осторожность в поведении на воде. В тех местах, где, по слухам, он пошаливал, т. е. топил людей, при переправах взбирался на спину скоту, подламывал корове или лошади спину и утаскивал животное на дно, — в таких местах не купались и старались вообще обходить их стороной. При этом водяной пытался заманить человека именно в такие места. Например, подстрелит охотник утку, и она упадет туда, куда нужно водяному. Охотник полезет в воду

[illegible]

чтобы достать ее, здесь-то он и попадает в лапы водяного черта.

В обычае водяных было пользоваться только душой утопленника, тела их он выбрасывал. Чтобы отыскать труп утонувшего, люди спускали на воду горшок с ладаном, деревянную чашку с тремя восковыми свечами, прикрепленными по краям. Такой горшок, [illegible] над местом, где находится труп утонувшего, начнет [illegible] круговые движения. Во всяком случае, как скоро [illegible] будут [illegible] на воду, тела [illegible] отыщется.

Не купались без шейного креста и после заката, ночь — время активности водяного. «Какое теперь купанье, — говорили старики с наступлением сумерек, — теперь водяной зажит». Только водяной может «зажить» даже в воде, принесенной в дом, [illegible] ночью старались не [illegible], чтобы не [illegible] «[illegible]». [illegible] опасной для купания была неделя [illegible] (около 20 июня) [illegible] время [illegible]. В ночную грозовую пору дерется с [illegible] и другими [illegible] отчего по лесу раздается грохот и шум падающих деревьев. [illegible] воде — [illegible] хлопанье [illegible] их волн. Во время дождя, идущего днем, при солнечном освещении, водяной выходит [illegible] и греется на берегу. Некоторые утверждают, что его облик зависит от фаз луны, а молодую луну, [illegible] на старую, [illegible] стариком. В [illegible] сумраке он выплывает поверх воды и [illegible] волосы [illegible] с необыкновенной [illegible] в полной тишине вдруг заклубится и [illegible] высокий водяной [illegible] и вмиг скроется, чтобы тотчас показаться вновь в полуверсте [illegible] места.

Помимо тех жертв, которые приносили водяному рыбаки, пчеловоды и мельники каждый домохозяин, державший водоплавающую птицу, осенью должен был отблагодарить дедушку водяного [illegible] в течение всего лета с приближением зимы в середине сентября, в дар водяному приносили гуся.

Зим й водяной не спящий, одни считали, что он спит в своих чертогах, другие — что уходит в подземные [illegible] куда собираются на зиму духи — демоны природы. Разбужены бывают и злые черти во время водосвятия, когда бесчисленное множество их после освящения воды на [illegible] кидает из прорубя в все это нечистое воинство рвется во всякую дверь всякое окно. В предупреждение проникновения в дом водяных на всех дверях и окнах углем и мелом чертили кресты (Зеленин 5, 4 [illegible]).

Убить или ранить водяного можно солдатской пулей, никакая броня его не берет. Однажды черт решил подшутить над солдатами, вылез из-под [illegible] и заявил, что сколько в него ни стреляй из ружья дробью, ему ничего не будет. Выстрелил солдат в водяного, а он дробь в пригоршню собрал и [illegible] (Сказ [illegible]). Задумал взять солдатскую [illegible] разрезал ее на части и бросил в черта. От его выстрела [illegible] перевернулся, захлебнулся, [illegible] куски [illegible] и с стонами пустился домой в омут (Колчин [illegible]).

ВОЛКОДЛАК Или волкодав, волкулак, вурдалак. *Оборотень-волк.*

В волкодлака может стать [illegible] Колдун или ведьма, по ночам обращающиеся волками, чтобы задушить насмерть или пугать спящих людей. Человек, против своей воли обращенный в волка на

родеем. 3. Дух некрещеного младенца или самоубийцы, ставший *упырем (вампиром)*. 4. Дух мертвой ведьмы или колдуна.

Древнейшее свидетельство о волкулаках есть у Геродота, который упоминал, что невры — предки славян — поклонялись у греков и скифов чародеями, умеющими хотя бы раз в году на несколько дней обращаться волками. Временем такого обращения, очевидно, была зима. У поляков, сербов и русских еще в XX веке было распространенное убеждение, что волки-оборотни особенно опасны в период Святок, посреди зимы, в это же время устраивались шабаши ведьм и нечистой силы в разных местах (см. *Ведьмы*).

В древней Руси, согласно указаниям Кормчей книги, [illegible] волки, оборотни, [illegible] закрывали луну и солнце («волк [illegible] изъедоша или сльнце»). Способностью превращаться в волков наделялись многие эпические герои: легендарный князь Всеслав, историческим прототипом которого был князь Полоцкий (XI в.), [illegible] Всеславьевич, сербский Змей Огненный Волк и др. На этой мифологической основе в средневековой Европе в них особый вид [illegible] — дикие, больные или [illegible] [illegible].

По мнению А. Н. Афанасьева, волкодлаки [illegible] «волки и волкаки» [illegible] в русских [illegible] (Афанасьев 3, 52). Человека в волкодлака можно было узнать по шерсти, растущей у него под языком. Рассказы о волкодлаках распространены преимущественно в центральных и южных губерниях России, для Русского Севера этот образ не [illegible].

Волкодлаки — ведьмы и колдуны, заедающие [illegible] людей, особенно опасны в Святки: смо-

[illegible] с толпой ряженых они проникают на свадьбу парней и девушек, скоморохов и проникают таким образом в любой дом. Волкодлаки подкрадываются к гадающим девушкам и также заедают их до смерти. Обратно задают девушкам на Святки трудные задачи во время сна [illegible] тех, кто их не разгадает, ничего не известно (Виленская губ.).

Невольный волкодлак [illegible] колдуна превращенный в волка на определенный срок или до тех пор, пока [illegible] не сможет вернуть своей жертве прежний облик [illegible] Сидит возле [illegible] дома, не боясь людей, заглядывает им в глаза. Брошенный кусок мяса такой волкодлак не берет, но с жадностью [illegible] зубами.

Колдуны [illegible] обращают в волков [illegible] свадебные [illegible] набрасывая на людей волчьи шкуры или [illegible] их наговоренными молитвами или ремнями. Есть рассказ, как на [illegible] убили трех [illegible] а когда стали снимать [illegible] второй [illegible] невесту, в начальном [illegible] — музыканта со скрипкой. [illegible] волкодлак обращен с помощью [illegible] которым колдуны умели обязать человека на свадьбе [illegible] волчий облик не раньше чем [illegible] и лишает народный пояс (Афанасьев. Т. 3. 527 — 532, 549 — 553).

Для защиты от волкодлаков в народе использовались разные средства, чтобы ночью волкодлак не зверствовал. Рекомендовали расстегивать ворот рубахи, крестить полушку и класть [illegible] Наконец, человек или другую книгу [illegible] содержания, [illegible] перекрестить [illegible] женщины не снимали головного убора (чепец, повойник), а девушки на ночь повязывали платок [illegible]

ред сном читали [illegible] молитву, которая вообще хорошо действовала против нечистых духов: «Господи Иисусе Христе! Благослови меня на сон грядущий. Пресвятая Богородица, защити меня. Все святые, молитесь за меня. Простите меня, все четыре стороны, прости меня, мать-сыра земля, прости меня, красно солнышко и [illegible] простите меня, часты звездочки, прости меня, заря ясная, простите меня, леса темные, реки быстрые, болота непроходные, простите меня, поля широкие, дороги дальние. Простите меня, все други и недруги» (Владимирская губ.).

ВОЛОСЕ́НЬ

1. Дух болезни «костоеды». Мучает женщин, пришедших под Новый год. Отъедает палец, и из него выпадает нечистая кость. Наказывает прях, [illegible] за работу в [illegible] м. *Пятница*) (Бондаренко, 120). 2. *Черт, м[illegible]* [illegible] дух [illegible] в [illegible] виде волосатик, волосеник (Черепанова, 28, 66).

ВСТРЕ́ЧНИК

Злой дух, который в виде воздушной полосы мчится стрелой по проезжим дорогам за душой умирающего грешника, особенно самоубийцы. Встречаясь на дороге с путником, чаще на перекрестках или поворотах дороги, он своей «окаянной силой» почти мгновенно убивает попадающееся [illegible] — [illegible] реже — человека. Во Владимирской губернии, чтобы предохранить лошадь от встречника, когда ее впрягали, [illegible] узелки продевали в [illegible] при дуге «по ходу», т. е. вперед, а не назад. Если

встречник причинит путнику какую-нибудь болезнь, то от хвори излечивались, прощаясь с землей: «Прости, матушка-сырая земля, раба Божия (имярек)». Так говорят, стоя на коленях, на все четыре стороны с четырьмя земными поклонами (Завойко, 109 — 110). В Псковской губернии верили, что сильная буря, ветер, мчащийся по дорогам, — знак того, что кто-то погиб неестественной смертью. Довольно распространенным было убеждение, что буря — к «голове», случается, когда где-нибудь произошло убийство. Встречного беса, по связи его с перекрестками дорог, называли также «крестовым», «кресным» (Черепанова, 32).

ГАДЮКИ

В народе существует поверье о семи братьях-гадюках. Если убить одного из них, то остальные шесть непременно отыщут убийцу и отомстят ему, ужалят так, что смерть наступит мгновенно. Детеныши гадюки появляются не из яиц, по мнению ейчан, а уже живыми змейками. Во время разрешения от бремени гадюка обвивается вокруг дерева хвостом вверх и старается пожрать своих падающих вниз детенышей. Немногим счастливчикам удается спастись от зубов матери. С первых дней существования ожесточенные своей матерью гадюки до самой смерти приносят одно зло. Поэтому убить гадюку — доброе дело, за которое сорок грехов снимается с человека. Отвар из убитой гадюки использовали в колдовских целях: если полить этим отваром любую пищу и съесть ее, то

можно при[illegible] [illegible] понимать язык [illegible] и птиц. Высушенная голова первой [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] шею, излечивала любую лихорадку. От укушения гадюки в заговорах обращались к Царице-гадинице: «На синем море есть остров, на острове гр[illegible] на той груше гнездо, а в том гнезде Царица-гадница. Царица-гадница, со[illegible] ты [illegible] [illegible] стеженых полевых [illegible] [illegible] [illegible] цу, двойницу, третьяку, четвертаку́, пятаку́, семику́, восьмику́, девятку́, десятку́. [illegible] выними ты зубы-зубища, жало-жалище!» Или: «На море на океане, на острове Буяне сидит [illegible] гадница, она сидит и говорит: „Я не укушу [illegible] [illegible] свои гады [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] гады [illegible]морные от раба Божия (имя)“» (Сборник материалов 29, 22 [illegible] 28, 43 — [illegible]) (См. также: [illegible])

ГЛУХА́РЬ

Вещая птица, которую, в отличие от обычн[illegible] глухаря, [illegible] никогда не видел. Кубанские казаки рассказывали, что глухарь, подобно домовому, предсказывает судьбу хозяевам дома, прилетая [illegible] к тем семьям, в которых вскоре [illegible] случиться большое несчастье или радостное событие. Глухарь садился на дымовую трубу и кричал до тех пор, пока его не услышат хозяева. Если глухарю не удастся разбудить своим криком людей в первую ночь, то он прилетает во вторую и кричит еще громче. Чтобы узнать, что предсказывает птица, нужно спросить: «К добру или к худу?» Но если хозяева дома пожелали бы оста[illegible] в не[illegible] [illegible] своего будущего, им следует убить глухаря (Сборник материалов 30, 146 [illegible]). В [illegible] области [illegible] [illegible]

гомостаря слушать ходили. Он пел от великого четверга до Христова дня, только два дня. Что за птица, никто не видал» (Черепанова, 17)

ГНЕ́ДКЕ

1. Гнетеница, гнетке, гнеток, гнютеница, за[illegible] [illegible]

Дух, давящий по ночам спящих и мучающий их кошмарами. Одной породы с *домовым* (см.). Ночью наваливается на мужчин и женщин; горячий, маленький, весь в шерсти. Ясно его не видел никто. Людям от него нет ни худа, ни добра, [illegible] [illegible] [illegible] давленный им когда-нибудь разб[illegible] [illegible] (Г[illegible]гневский, 60). 2. Гнетеница, гнетуха — [illegible] из сестер *лихорадок* (см.)

ГО́СТЬЯ

Оспа (см. *Оспа Ивановна*)

Дух этой болезни. Во время эпидемии говорят: «Гостья ходит» или «Гостьюшка Ивановна ходит» (Куликовский)

ГУМЕ́ННИК

См. также *Овинник*, *Подовинник*

Дух, родственный домовому-дворовому, обитающий в овине на гумне. Овины выстраивали на задворках жилых изб для просушки хлеба. Задымленный и почерневший как уголь, овин напоминал «лютого волчища, у него выхвачен бочище, не дышит, а пышет», как подсказывает загадка, сложенная о нем. Поскольку без огня овина не высушишь, а сухие снопы — что порох, то и суждено овинам гореть. В пожарах, уничтожавших хлебные запасы старого и нового сборов, винили злых духов, сидевших в ямках под садилами для снопов. Гуменник сжигал овин в тех случаях, когда с ним непочтительно обращались или работали в его владениях в неурочные дни, например на В[illegible]

жнье (14 сентября) или Покров (1 октября) начинать работу в овине надо было с 24 сентября с дня святой мученицы Феклы, которую звали в народе Заревницею. В старину почти весь день бывали песни и забавы, и только с полудня зажигали огонь и при этом начинали молотить в овине. Овин издавна пользовался большим религиозным почетом. Церковный устав святого Владимира в числе других языческих пережитков называл моление под овином. В слове Христолюбца есть указание на «еже молятся осмоно овинам». В Орловской губернии вплоть до конца XIX века 4 сентября под овином резали курицу, начало молотьбы в других местах чтобы резать петуха. 1 ноября Калинский (2[illegible]) гумен ник (овинник, подовинник) заставлял [illegible] тать свои «именинные» дни, был вероятно прямым потомком бога овинного духа, которого почитали язычники Древней Руси.

Опытные и догадливые люди собирались [illegible] ить они просили о явления у «[illegible]» на ложане после того как сбросят последний с[illegible] с снопа [illegible] домы к огню [illegible] [illegible] батюшка овинник, послужи ты нынешнему [illegible] ерой и прадеду».

Гуменник наказывал работающих в [illegible] ни не только в период молотьбы хлеба и мо[illegible] бы, но и в другое время года. Одна женщина [illegible] правилась трепать лен в ригу в чистый понедельник, ее сопровождала подруга. Тут [illegible] как кто-то затопал, захохотал так, что не [illegible] нулась бежать, а смелая баба осталась трепать лен. Ее не было так долго, что [illegible] за ней, но нигде не могли найти. Лишь спустя несколько дней заметили на небе [illegible]

му начали вглядываться — и испугались: это была кожа той женщины, вся целая, так что можно было различить даже волосы, [illegible] пальцев на руках и ногах (Максимов, 56 — 60).

Гуменник — ведун, предсказатель. На Новый [illegible] гуменному [illegible] звук перебиваемой метлы — к добру, звук метлы, которой было бы чем [illegible] разметают — к бедности и к злу (Сергеева, 29). В Васильев вечер на гумно ходили гадать девушки о своем замужестве. Гадающая поднимала на голову платок и становилась задом к окну сушила: если гуменник положит [illegible] мохнатой рукой — будет жить богато, голой — бедно. Некоторые протягивали руку и следили, как до нее дотронется гуменник. Также гадали в бане у банника.

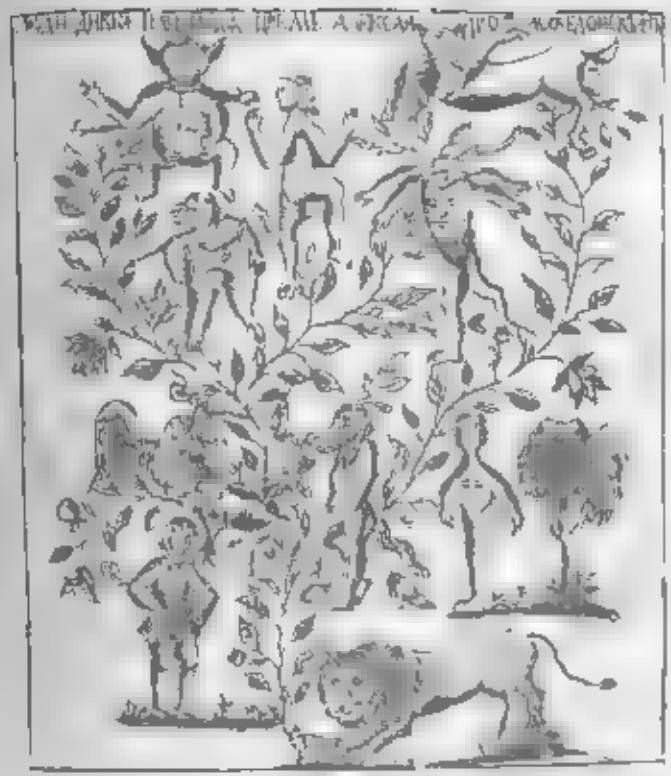
В Архангельском крае загадывали на гумне о будущем урожае. Крестьяне в Новый год собирались на гумно, брали с собою нож и парус, садились на середину гумна, ограждали себя кругом в длинной прочерченной ножом и накрывались парусом. Если послышится шум бросаемых снопов и стук молотильных цепов — наступающий год будет изобильным, и наоборот, тишина предвещала неурожай. Мастили в это время духи, и если бы кто-нибудь из гадающих не дождался в круге до окончания демонской работы, они закололи бы такого мешечка ножом (Афанасьев I, 289).

ДВОРО́ВО́Й См. *Домовой*

ДЕД В ИЗО́РВАННОЙ ША́ПКЕ

Повелитель северо-западного ветра в устье Волги. Берет с собою дождь, но не сеет разрушения, как буря — *Маряна*. Его шапка изорвана в поединке с Маряной, которая одержала верх над Дедом. Когда бьются Маряна с Дедом, морские волны столбом поднимаются к небу и крутят и топят морские суда. Затем гнев Марины переносится на леса: она с треском ломает деревья, вырывает их с корнем и бросает в море. Старинский справочный лист к [illegible]

ДИВЬИ ЛЮ́ДИ Дивовища, дикие люди, полетаи, песиголовцы, получеловеки



[illegible] Александром [illegible] Гравинский 2 [illegible]

«Дивьи» — от «диво», «чудо», т. е. чуд[illegible] Дивьи люди — удивительные народы, жив[illegible] далеких землях, уроды с песьими головами и [illegible]стами, одноглазые, с лицом на груди, с одной [illegible]гой, с большими ушами, которыми они закр[illegible]ются как покрывалом, обычно исполинского р[illegible] реже — карлики. Вера в существование дивов, [illegible]ходившая в глубокую древность из [illegible]лей о вражеских племенах далеких народах [illegible] дикарями и людьми, пред[illegible]жными на свои привычные

В Россию рассказы о дивьих людях проникали с Запада [illegible] из Византии позднее — Пл[illegible] запад[illegible] космографии книги о Христе Козьм[illegible] «Александрий» (повести о [illegible]тельных походах Александра Македонского) [illegible] «Баснословные [illegible]» о них писали в «А[illegible]буковниках». Образы чудовищ [illegible] в [illegible]гианских легендах, например о Гоге и Маг[illegible] включенных Македонским, но в будущем они [illegible]вободятся специально для того, чтобы в кон[illegible] принять участие в истреблении человечества.

Расширение связей России с другими на[illegible] [illegible] путешествия и завоевательные [illegible] и толков о дивьих людях, которых усматрива[illegible] например, в «самоядь» — поедающей [illegible]ом на темени, о людях, ходящих с [illegible] [illegible] в «звероподобных» племенах [illegible] [illegible] (может быть, низкорослых лопарях) [illegible] образы чудовищ возникли на основе [illegible] в этих странах, их флоре и фауне. Об[illegible] африканских племен протыкать уши и [illegible] в них огромные кольца, мог [illegible]

рассказам о необыкновенно больших ушах висячих носах, известия об орангутангах приводили к появлению толков о живых сатирах — полулюдях, поросших волосами, как их и изображали на [illegible] картинках. Классическая мифология, легенды о кентаврах, фавнах, циклопах, проникавшие в народную культуру XVI — XVIII веков, создавала почву для возникновения фантастических образов, например сказочно-лубочного Полуяна (полуконя).

Русские книжники упоминали разные горы как место обитания нечестивых диких народов: в Угорской земле на излучине моря есть скалы высотой до небес, в них слышен крик, говор и [illegible]ие, кто там заключены, секут гору, стремятся [illegible]ободиться, но просекли они малое оконце, сквозь которое просят себе железа. К тому месту дорога непроходимая, занесена снегом, поросла лесом и изрыта пропастями. В путешествии Василия Гагары (1634) говорится о дивьих зверях Гоге и Магоге, загнанных Александром Македонским в ущелья грузинских гор.

На основе древнерусских переводных повестей об Александре Македонском появились лубочные картинки и устные пересказы, в которых покорение завоевателем разных народов и государств заканчивается побеждой над дивьими людьми. Покорил царь Александр все царства земные и [illegible] на край света, где были такие народы, что, как ни храбр был Македонский, ужаснулся их. [illegible] [illegible] пуще лютых зверей и едят живых [illegible] у иного из них один глаз, и тот во лбу, а у иного три глаза, у иного одна только нога, а у иного три, и бегают они так быстро, как летит из лука стрела. Имя этих народов было: Гоги и Магоги. Долго вел с ними войну Александр, и побежали

дивы народы, загнал их царь в пределы [illegible] горы свел над ними одну гору с другою, сам поставил на своде рыбу и ушел назад в свою землю. [illegible] подует ветер и рыба [illegible] страшный вой, а дальние люди думают [illegible] жив Александр Македонский» (Аф[illegible] Сказки [illegible] № 118).

Из [illegible] указаний можно [illegible] что в древности представление о дивах [illegible] связалось с иноплеменниками, половцами и [illegible] ... неведомо откуда явились в [illegible] русскую землю. В Западной Европе также [illegible] было убеждение, что татары [illegible] [illegible] в [illegible] видах великанов [illegible] [illegible] ведьм [illegible] чешими и колдунами. В [illegible] ских былинах [illegible] [illegible] богатыри — татарам [illegible] [illegible] ростом с [illegible] Тугарину [illegible] [illegible] получше овсяного [illegible] (Сахмат[illegible])

Иногда [illegible] называли [illegible] мужиками [illegible] — [illegible] [illegible] из [illegible] [illegible] глубокие моря [illegible] был [illegible] Степан Разин [illegible] [illegible] к нему, заключенному в [illegible] от змей и [illegible] Вместе с [illegible] в пещере живут получеловеки об одном глазе [illegible] одной руке и [illegible] ноге [illegible] передвигаться [illegible] [illegible] со дна и тогда бегают [illegible] [illegible] себе подобных из железа [illegible] и смрад [illegible] [illegible] разные болезни, мор [illegible] (Афанасьев 2 [illegible] — 4 [illegible] 6.8)

ДИКАЯ БАБА

[illegible] ведьма или сама ведьма [illegible] [illegible] чтобы [illegible] им [illegible] [illegible] детей [illegible] ведьминами [illegible] лет и были [illegible] Дикой бабы [illegible] [illegible] детей [illegible] [illegible] [illegible] златокудрой красавицей [illegible] и желтых [illegible] уходит [illegible] [illegible] сама не [illegible] никакая сила не вернет его жене [illegible] [illegible] если их [illegible] теряет свою естественную [illegible] украшением ее [illegible] Загнать дикую бабу можно [illegible] где растет горох [illegible] она [illegible] (Зеленин [illegible] 45? — [illegible])

ДИКИНЬКИЕ МУЖИЧКИ

[illegible] жили в старину в [illegible] [illegible] губернии существа [illegible] с огромной длинной бородой и хвостом [illegible] в лесу, перекликались [illegible] [illegible] нападали на людей [illegible] щекотали их [illegible] костлявыми [illegible] [illegible] не умирали в их руках (Зеленин [illegible])

ДОМАНЯ Жена домового (см.)

[illegible] живет на [illegible] (средней балке [illegible] в крестьянской избе) она сама [illegible] в подполье [illegible] домовой заканчивает недоделанные дела за

хозяин мужчина, то она — за хозяек. Доманя не
нелюбившая хозяев, точила топоры, чтобы прожи
рабрезывала посуду. Домового обычно знали Ива
ном домовик — Марьей их облик сходен с внеш
ним видом домовладельцев. В новый дом завлекали
и домового, и доманю: «Иван да Мария, идите с
нами на новое дер'о» — так говорили, трижды
пятясь задом из старого дома, а в воротах пока
говорили: «[illegible] дворовой, милости просим
нами на новый дом, на новый, а ты [illegible]
[illegible] лицом к улице». Доманя знается с дедами
женой дедего. Один купчик заблудился в лесу и
вышел к деревенному дому, заглянул в окно: вда
в комнате идет солдатой пляс посреди комнаты
[illegible] бокалчик. Постучался, ему открыли дверь
[illegible] руководника-мальчика и попросили передать домо
не что дедушка умерла. Приходит мужичок домо
и все рассказывает жене и только дошел до
места, что дедушка умерла — клоп, как заревет
у него под печью, да вон из избы. Сожрет да ри
вет, так и убежала в лес. Доманя предсказывает
смерть хозяина. Один крестьянин из [illegible]
томой увидел, как его жена с веревкой в руках
лезет на чердак. «Ты куда?» А в ответ [illegible]
кирпичом. В [illegible] баба домой [illegible]
через три дня повесилась (Владимирская губ.).

ДОМОВО́Й (иначе батюшко, батюшко, батюшка, батюшка-домовой, большак, большачок, [illegible] двороной, дворовик, дедушка, дедушка-домовой, дедушка, дедушка-дворовик, дворовой, домовик, домовитой, домовитушко, домовой, домовой, доможивушко, другая половина, жильник, избный, большак, карпухин, конюшник, кормилец, кормильчик, лизун, набольший, нежить, нечи-

мой, он, отаманушко, постен, сам, хранящий, со
[illegible], [illegible], старик, сусед, соседко, су
шко, дворовой, хозяин, хлевник, хозяин, ба
тюшка, царь дворовый).

Домашний дух. В его ведении жилые и хозяй
ственные помещения дома. Из всех демонических
существ домовой пользуется у людей наибольшей
любовью. Домовые — предки рода, проклятые Бо
гом на определенный срок, не принятые землей,
[illegible] и обязаны служить нескольким поколениям
своих потомков, причем каждый раз со смертью
хозяина он принимает образ покойного (Смолен
ск — [illegible]). Это дух домашнего очага, заменивший
[illegible] Деда или Чура, после смерти хозяина
[illegible] его вот по нам, отлакшая его.

Домовой показывается в разных образах: мона
[illegible] предсказывающим спящим судьбу (Пск
[illegible]), [illegible] свиньей, катающейся по двору на
[illegible] с [illegible] покрытым грубой шерстью,
[illegible] с длинными волосами и бородой,
[illegible] в синему ярко-желтого цвета зимой и де
[illegible] и меховой шапке (Владимирская губ.), ма
леньким дедушкой с большой белой бородой, вер
хом на лошади (Псковские вести[illegible] [illegible]), вы-
соким черноволосым мужчиной, похожим на
хозяина дома, мужиком, кормящим скотину или
лежащим на печке — [illegible] белое
[illegible] откуда он длинной хворостиной
[illegible] какое-нибудь животное и улыбается. [illegible]
[illegible] в земле [illegible] [illegible]
[illegible] неуклюж, как медведь, у него [illegible]
[illegible] в [illegible] [illegible]
с [illegible] рожками, [illegible] — [illegible]. По
[illegible] смерти может быть рыжим, пегим или бе
лым ([illegible], 29 — 34). Домовой — обычно [illegible]
и может показываться охапкой сена, собакой, га

дюкой кошкой но чаще всего — кем-нибудь из членов семьи например самым старшим — дедом или бабкой (Костромская губ.)

Часто домового видят отдыхающие люди потому что и домовой после всех трудов на дню любит отдохнуть и погреться в доме. Грелся у мужик вдоль печки вдруг кто-то входит в избу и идет прямо к нему а на печи уже лежит чей-то к нему пройти нельзя. Он и сказал мужику «Ну-ка пусти меня погреться» а на дворе резко зашумел. Мужик отвернулся и пустил его на печку. Лег и руки за голову положил. Мужик потрогал руки — а они у него шершатые будто сначала поволочена. Тут он и узнал домового. Домовой и грелся и ушел из избы.

Молоденькую девушку домовой сгонял с лежанки. Обернувшись ее отцом девушка рассказывала «Лежу я на лежанке. В домах у меня ничего не было. Пришел ко мне тятя и будит меня «Таня Таня — устно ко мне девушка на лежанку!» Я пробудилась и говорю «Тятя да у меня ведь в голове-то нет ничего» А он говорит «А вот у меня-то подушка есть» Я поглядела а я вбыль с подушкой стоит. Я слезла с лежанки «Ну коли есть подушка так ступай ложись» Он и лег. Я того же часу в горницу сошла а тятя спит на постели. Тут я и подумала что это был домовой» (Новгородская губ.)

Домовой показывается людям перед несчастьем. Иногда прямо указывает на близкую смерть кого-либо из домашних являясь его двойником. Так например перед смертью хозяина он садится на его место начинает его работу надевает его шапку (Даль 860. с.5) Вышла девушка на крыльцо дать корм коровам и видит вместо нее уже сидит женщина вся в белом. Через пять дней девушка

умерла (Тверь 57 — 58) Домовой у кого-нибудь каждый из членов семьи по одному лысый пустой меньше и не всех предупреждает об опасности не в каждом живет и живет с одной семье в него и ходе жила девушка одна [illegible] дедушка, дедушка Тихон от бога [illegible] сердце стали говорить к свадьбе. Все бы [illegible] а мачеха по злом слышала и прогнала мачеха как в полынью «Зачем мы [illegible] на срам отдаешь» Мать зажгла свечу [illegible] Тихонов [illegible] «хозяин» [illegible] Вышла девка [illegible] а [illegible] умерла [illegible] докучать украшениями жене сына. Сын взял за [illegible] жену в [illegible] старика-отца из [illegible] а дочка домой вернулась [illegible] свечка и после ее и похоронили (Калужская губ.)

Говорит домовой резко сообщая о будущем [illegible] же тоже а если и речью то [illegible] дует ли [illegible] или завывания ветра. [illegible] домовой дует до синяков. Иные если смеются [illegible] к добру или к [illegible] любят [illegible] и удивляются [illegible] домовой подходит махнет в руки скажет [illegible] сразу замечется — к счастью выбрасит за [illegible] продолжает [illegible] к [illegible] Иногда ложится сонному коленями на грудь и душит человека впрочем никогда до смерти. При этом домовой бранится по-русски грубым [illegible] голосом разлетимся как будто со всех сторон [illegible] Когда он душит то отгадать его можно только такой же русской бранью и [illegible] в приметах [illegible] сможешь [illegible] [illegible] [illegible]

мя спрашивают к добру или к худу? — и дедушка глухо завывает к худу» (Даль 860 — 5)

Домовой будит спящих во время бедствия. Хозяин дома спал ночью на печи, вдруг к нему свалился кто-то холодный и говорит: «Подвинься, я дымоходь убрал». Соскочил крестьянин на пол, глянул в окно, а там — заревище, едва успел спасти от пожара людей и животных (Калужская губ.). Хозяин за руки или за ноги дремлющего вставай, в доме непорядок, во дворе воры, коней уводят. Домовой сообщает о хорошем наноготи — гораздо реже, чем плохие. Покажется хозяйке, дав но уведшим на заработки супругом — и тот скоро вернется.

Чудесное спасение ребенка, оставшегося во дворе без присмотра, может быть также делом рук домового. В одном доме хозяева задумали заложить сруб глубокого колодца. Плотники разобрали наземную часть сруба, а образовавшуюся «пасть» не закрыли досками, пошли обедать. Пятилетний ребенок, желая посмотреть, что там в глубине, нагнулся над колодцем и упал вниз. Вскоре родители хватились мальчика и увидели открытую часть колодца. Сейчас же один работник спустился туда и к великому изумлению родителей вытащил целого и невредимого мальчика, который даже не ушибся. Ребенок рассказал, что как только он упал, его подхватили на руки дедушка — «похож на нашего дедушку» — и вместе с ним спустился в колодец. Там он положил мальчика на доску, в сам сел на дно и держал его поверх воды. Пока за ним не спустился рабочий. «Он велел мне не кричать, не бояться и не креститься» — сказал мальчик, из последнего дома мне выйти, что это был домовой» (Пензенская губ.).

Похожая легенда есть в Прологе о святом Иулиане. Однажды преподобный Иулиан остановился у одной богобоязненной жены, имевшей единственного сына. Когда она прислуживала святому во время трапезы, дитя упало в колодец. Чтобы не прерывать трапезы святого, мать закрыла колодец. Когда его открыли, то увидели ребенка играющим поверх воды. Святой подал ему руку и вынес из колодца (Калужский 304 — 305).

Далеко не все действия домового нужно принимать всерьез: это один из самых озорных домовых, соседки любят проказничать, портить его детям обидеть, и тогда он бьет посуду по ночам, срывает со спящих одеяло, сбрасывает их на пол, стучит в подызбице, щекочет спящих, наваливает на них кусмарей грудью на молодых. Следы домового нередко видны днем: например, посуда вся очутится за ночь в другом месте, скатерти, одеяла с дивана и кадки из рассола стоят кверху дном, стулья переломаны или свалены в кучу (Даль 1860 — 10). Впрочем, говорят, что домовой проказит больше в тех домах, где в семье живут недружно, постоянно бывают драки и ссоры, а там, где семейство живет ладно, согласно, домовой не беспокоит жильцов, помогает ухаживать за скотом, иную доделывает за хозяев брошенную работу. В таком случае говорят: домовой «по двору».

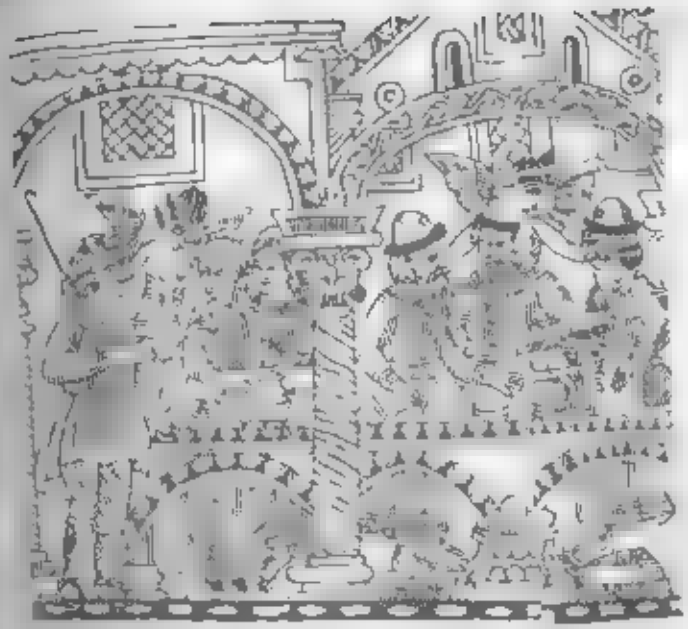
О том, где живет домовой, судить трудно. Чаще всего указывают на печь как на его излюбленное местонахождение: «Видел домового у трубы на чердаке, где он устраивает себе постель» (Владимирская губ.). Некоторые считают, что жить на чердаке он стал лишь в последнее время, а раньше жил в избе, лежал на лавке-казенке, пристраиваемой вдоль печи специально для домового, до

[illegible] казенка [illegible] нечистое место, на нее [illegible] кладут [illegible] хлеба [illegible]

Известно, что бес в образе огненного змея [illegible] дит к солдаткам и вдовам через печь [illegible] рассыпается над домом сноном искр [illegible] и избе [illegible] вается умершим или уехавшим мужем. Тут [illegible] происходит ожесточенный поединок между бесом и домовым, но змей обычно остается победителем, так как домовой боится огня (Звонков, [illegible]). Живет домовой и под печным столбом. В свадебных приговорах дружки есть выражение: «Жених с невестой за дубовым столом, а старик со старухой за печным столбом» (Завойко [illegible] 7, 4[illegible]).

Под печку ставят угощение для домов[illegible] на пример маленькие хлебцы и даже водку. Однажды, сидя в компании, хозяин угощал гостей [illegible] кой, гости пили и желали хозяину здоровья. Вдруг у всех на виду из-под печки высунула [illegible] лона вроде кошачьей и глухим голосом [illegible] «Мне дайте». Хозяин налил в черепок водки и поставил его в подпечник. Когда через некоторое время хозяин и гости осмотрели черепок, то [illegible] его [illegible] (Сборник материалов [illegible] 61 — 62). Как-то раз путник, [illegible] зашел в брошенную нежилую избу, закусил, а что не съел — положил на печь. Домовой принял это за угощение и проговорил тихим голосом: «Благодарствуем, [illegible] на памяти, обогрейся себе и ничего не бойся» — и всю ночь охранял [illegible] от нечистой силы, которая в нежилую избу беспокоила многих путников (Рыбников 3, 19[illegible]).

В [illegible] губернии в сочельник [illegible] Крещения кладут под голубец (деревянная [illegible] стройка к печи с ходом в подполье) маленькие булочки и лепешки, нарочно для домового испеченные. В других местах хозяйка оставляет ему



Тумба благочестивых и нечестивых. «Трапеза не оставлена». Родионов [illegible] № [illegible]

а затетке (затрепетке) горе-к казал 28 н[illegible]
рано в [illegible] домовой выходит [illegible]
уходит. Еще в этот день хозяйка зн[illegible]
[illegible] то ли из доброго [illegible]
[illegible] в дом [illegible]
[illegible] — непрожи со всех сторон [illegible]
(Афанасьев 2 [illegible])

Помимо [illegible] у[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] (Максимов [illegible] 37) По-видимому у [illegible]
есть семья хотя мы не утверждаем что [illegible]
[illegible] [illegible] Жители [illegible]
[illegible] домовой имея вид хозяина [illegible]
[illegible] — домовой — [illegible] же [illegible]
сколько хозяина В некоторых местностях
[illegible] на Русском Севере жен[illegible] перед
[illegible] спать говорит «Хозяин [illegible]
[illegible] деточками, благословите вас на всю ночку
спать!» (Цейтлин, 1 [illegible]). В Олонецкой губернии
где домашнего духа обычно называли «дворовым»
«избяным бесом», он вместе с семьей живет
в подполье Живут как обыкновенные люди едят
пьют женятся и время проводят так же как
крестьянская семья в своей избе Что [illegible]
большак прикажет то все и делают [illegible]
[illegible] они совсем как люди только чуть темнее
лицом. В подполье им холодно, и ночью они [illegible]
хозяин перебрался в избу но света они боятся
[illegible] Андомской [illegible]
[illegible] вышла баба с зыбком [illegible]
[illegible] у печки [illegible]
[illegible] хозяин дома зажег спичку [illegible]
и зыбку взяла с собой [illegible] но тут в
[illegible] дворовой и стал его уговаривать «Куда тебе
[illegible] что ли? Не пустил бабу перебраться в [illegible]

[illegible] зажег спичку [illegible] все исчезло (Харузин
[illegible] — 3.4)

Крестьяне Тульской губернии говорили что у домового нет семьи а есть подчиненные которые живут в надворных постройках сараях ригах [illegible] всем ему подчиняются Сам же домовой живет в доме если лошади все время проводит с ними а если нет то сидит за трубой на чердаке или спит в сенном сарае На зиму переходит в [illegible] на печку на порог или угол избы (Колпинский [illegible] — 30) На Русском Севере дворовой — [illegible] каждой лесной избушки построенной специально для охотников и путешественников вынужденных заночевать в лесу При входе в [illegible] избушку к нему обращаются с молитвой «[illegible] и большушка благословите и [illegible] спать раба Божия (имярек)» Людей [illegible] в под его покровительство дворовой хранит от нечистой силы, отказывая в помощи тем, кто вошел, не спросив его разрешения Последних пугает леший, грешащийся у печки. Домовой не пустил бы лешего, если б постоянно грел молитвой (Харузин, 323 — 324)

[illegible] домовой положены дороги в избе в амбаре [illegible] в доме Никто не лижет в избе на [illegible] на пути к двери например — из боязни загородить ему дорогу, когда ночью домовой будет осматривать свое хозяйство. На человека [illegible] у него на пути домовой может [illegible] кошмарами [illegible] Спать обычно ложатся головами к передней стене где иконы и никогда — к [illegible] (Жебелевский [illegible] 7)

Подобно всем демонам домовой склонен к [illegible] и если кого полюбит — соперников не потерпит Любовника демонного не сможет выйти за

[illegible] домовой и задушит ее из ревности. В [illegible] в деревне Куровской Кадниновского [illegible] Вологодской губернии жила старая девка Ольга [illegible] двороушко ходил спать по ночам [illegible] раз он ей заплетал [illegible] наказ[illegible] расплетать да чесать, то я тебя задушу. Так [illegible] и жила [illegible] не мыла, и гребня у себя не держала. [illegible] ночи домовой задушил девку. [illegible] звали девки в баню и Ольгу, невесту, взяли [illegible] не стали ее мыть, косу долго не могли расч[illegible] так круто закрепил ее дворовушко. На друг[illegible] надо было венчаться. Пришли к невесте [illegible] мертвая лежит в постели, и вся [illegible] домовушко-то ее и задавил (Максимов [illegible]

Но подлинная страсть домовых — [illegible] всей России, от берегов Белого моря и Онежского озера до казачьих поселений юга, домовой из стен прежде всего как хозяин хлевов [illegible] дворов. Это вполне согласуется с распространенным представлением о том, что баба за хозяйку должна быть в избе, а мужик до собаки — в дворе, что от хозяина должно пахнуть навозом, как от хозяйки — дымом (Даль, 1984 I 2 [illegible]). Покровительство домового выражается в том, что домашний скот сыт и здоров, шерсть у [illegible] гладкая, лоснящаяся. Любимую лошадь домовой по ночам поит, кормит, подгребает ей ближе к морде сено, которое порой даже ворует у соседнего дворового домового, чистит скребницей, заплетает гриву и хвост, подстригает уши и щетки. Казаки нацепляли волосяными в гриву лошади [illegible] лотые и серебряные кольца и пряжки и не [illegible] мали украшений во избежание того, чтобы домовой не разлюбил лошадей (Сборник материалов [illegible] 63)

Мешать домовому в уходе за скотом ни в каком случае нельзя: доведет до разорения. У одного тульского крестьянина были хорошие лошади, и он все хотел посмотреть, как домовой за ними ухаживает. Составил он бороны шалашиком, спрятался туда и видит, как домовой взял домашнюю кадку и поехал за водой. А воду из этой кадки вся семья пила, тошно стало хозяину, что он от нечистого воду пьет, и на следующий день, прежде чем лечь спать, хозяин выбил дно у кадки, чтобы домовой не смог набрать в нее воды. Домовой, как обычно, погладил, приласкал лошадок и поехал с кадкой к колодцу. Лил-лил воду, а она все выливалась. Рассердился домовой, растрепал сани с бочкой, перебил на дворе всех [illegible] лошадей, все переломал. Вывы хозяин благим матом: да сделанного не воротишь! (Колчин, 29 — 34)

Если лошадь домовому не полюбится, то он ее обижает, есть не дает, из-под морды корм отгребает, ухватит за голову и мотает из стороны в сторону, сбивает гриву в колтуны, которые остригать опасно, а расчесать невозможно, а то сядет на лошадь и катается, к утру приведет всю в мыле. Такая лошадь скоро спадает с тела и [illegible] если вовремя ее не сбыть [illegible] к. Осерчав на лошадь, домовой может перебить у нее зад, [illegible] щить в подворотню, забить под ясли, даже закинуть в ясли вверх ногами (Даль-1880, 12 — 13)

Как и лешего, домового можно увидеть через три бороны, составленных вместе шалашиком так, чтобы человек находился внутри. Борона вся состоит из крестов, а кресты отпугивают нечистых [illegible] и они не трогают человека. Можно также надеть на себя хомут и — непременно в пасхальную ночь — покрыться сверху бороной зубьями за себя, спрятавшись между лошадьми, которых

он особенно любит. Но говорят также, что если домовой увидит человека за ним таким образом подсматривающего, то может до смерти забить. Особенно лошади начинают бить задом и бороне в нем крест не страшен (Максимов, 1861).

Впрочем, сведущий хозяин найдет управу на домового, если увидит, что тот мучает его лошадей. Было это в Олонецкой губернии, в Пудожском уезде. Заметил хозяин шалости домового на скотном дворе, купил новый кнут и, [illegible] забрался под ясли караулить. Видит, бежит домовой с свинюшкой к [illegible] прямо к лошади. Вскочил на спину, пощекотывает да ножками лошадь [illegible]. Вылез хозяин из-под ясей и ударил свинюшку кончиком кнута, не задев лошади. Свинюшка так испугалась, что соскочила с лошади и [illegible] бегать по двору, а хозяин [illegible] за нею да [illegible] ее кнутом. До того свинюшку бил, что она легла на спину и только ножками шевелит. Хозяин [illegible] кратко: «Эй, домовой, повесил кнут на стене и [illegible] домовой не смел трогать лошадей. Кнут для такого случая обязательно должен быть новым, не мазанным дегтем» (Сергеевский, 59 — 60).

Во Владимирской губернии, чтобы домовой не мучил лошадей, к ней привязывали кнут и [illegible] обычаи, а в кредеценский сочельник метили мелом кресты на хлевах. У казаков хозяин в полночь шел нагим в конюшню, брал чекушу (вид бадьи, дерева или мешка) и бил ею в ясли по углам (Сборник материалов, 63). По некоторым местам, обезумевшие от злых проказ домовых, крестьяне клали на ночь [illegible] бревна, а утра с приговором: «Вот тебе, и тебе за то, и нет это» в Новгородской губернии догадливый хозяин дознался причины [illegible] мертвеца, вплетал ее в трехцветную ременную

плеть и залеплял воском. В самую полночь засвечивал эту плетку и, держа ее в левой руке, [illegible] на двор и бил плетью по всем углам хлева и под яслями, здесь как-нибудь попадет в домового (Максимов, 45 — 46).

Наконец, можно было просто отравить домового, если он не сердится, но [illegible] перестает. В одном доме домовой был кошек, бросая в них чем попадя. Раз ухватил он кошку и бросил наземь, а [illegible] тем часом он говорил: «Зачем бросаешь? Разве это хозяйство? Нам без кошки прожить [illegible] хороша хозяйка!» С того [illegible] домовой перестал бить кошек. Мужик какой-то увидел, что домовой сидит в дворе за [illegible] важно всех в [illegible] сердечная. «Зачем, домовой, заложаешь, кто тебя просит?!» — отворчал он, вместо ответа [illegible] пустил в него подковой, в [illegible] (Афанасьев 2, 49).

Иногда приходилось приглашать колдуна, чтобы [illegible] домового. Колдун в полночь [illegible] выпускал его кровь на голик и этим голиком [illegible] все углы в доме и во дворе [illegible] кошачьими экскрементами.

[illegible] домового, крестьяне клали [illegible] углы [illegible] мешежьей голову убитого ягненка [illegible] зарывали перед жилым черным жилом [illegible] хлев медвежьей или козьей [illegible] зарывали в шеи дома козью шерсть или [illegible].

Случалось, ладили с домовым [illegible] и [illegible] с ним, чтобы заключить договор с дружбой. [illegible] это следующим образом. В глухую полночь домохозяин выходил во двор, вставая лицом к месяцу и произносил: «Хозяин, стань передо мной, как лист перед травой, ни черен, ни

[illegible]

[illegible]

базара проводили во двор через овчинную шубу, расстеленную в воротах мехом вверх, по четырем углам хлеба клали насеченные ломти хлеба со словами «Хозяин-батюшко, вот тебе хлеб да соль, да добрый жинат пой да корми, да нас жирны держи». Если хлеб исчезает — дворовой полюбил скотинку. Держа в доме скотину, старались чтобы она не попала на коды домового, т. е. на его [illegible] пути во дворе скотину, выхаживаемую кем-нибудь из домашних, до крови [illegible] ссадины на теле. Тогда хозяину приходилось в продолжение девяти или двенадцати зорей [illegible] виться на крышу над скотным двором и, обратив лицом к востоку, просить: «Хозяин-батюшко, [illegible] заговора дуют и плюют через левое плечо (Белов [illegible]).

Домовой большой охотник до табака. В [illegible] за табак дом [illegible] из-под печи имена воров, места пропаж, угадывал будущее тем, кто к ней приходил ворожить. Табак разбрасывали во дворе со словами «Домовой [illegible] тебе мою скотинку [illegible] и [illegible]».

В Смоленской губернии на заговенье перед постом, хорошие хозяева оставляли домовому на накрытый стол [illegible] на [illegible] шаний и ставили их на топор, врубленный плашмя в ленную верею ворот, и говорили: «Хозяин-батюшка, хлеб-соль прими, скотинку [illegible] в [illegible] стойлом вешали камень с дырой — «лошадиный бога», а на курином насесте — горлышко от кувшина «куриный бога». Бал[illegible] мелкими подарками, старинной копейкой с изображе[illegible]

ем Егория, разноцветными лоскутками, мишурой [illegible] тканями.

В каждом доме всегда один домовой, но иногда их оказывается больше: двое, трое. Это происходит в двух случаях: во-первых, когда колдун по чьей-либо злой воле напустит в дом чужого домового, во-вторых, когда переезжая в новый дом возьмут с собой своего домового, в том уже [illegible] домовой. Иногда злой соседский домовой [illegible] в дверцу [illegible] прокрадывается во двор и чем может вредит соседу. От драк и ссор домовых падает скот, болеют люди, бывает пожар, [illegible] домовых почти невозможно, чужой — всегда враг, спасая себя от несчастий, домохозяин должен выгнать чужих, оставив только своего. Услышав шум драки или ссоры, хозяин выходит во двор и бьет метлой до [illegible] избы, приговаривая «Бей наш чужого», бросает дугу туда, где слышится шум, с теми же словами. Свой домовой, как более сильный, тогда выгонит чужого (Колчин, 29 — 34). Изгнанием чужого домового занимались и колдуны. Задача приглашенного колдуна состояла в том, чтобы обнаружить местонахождение насланной нечистой силы. В станице Червленой (Терской губ.) колдун [illegible] яйцо, произнес над ним какие-то заклинания, попросил хозяев плюнуть на яйцо, запернул его в платок и положил на печь. Через некоторое время попросил подать яйцо, развязал платок, вынул его оттуда и разбил, очевидцы рассказывали, что из [illegible] вылетел [illegible] черный «[illegible] он, злодей», — сказал колдун, взял его руки, дунул, и черный исчез. За работу колдун запросил десять рублей денег, восемь пудов хлеба и два ведра вина (Терские ведомости, 1891).

[illegible] в своем доме [illegible]
№ [illegible]

[illegible]

[illegible] сокрушить собак перекусает хозяину [illegible]

[illegible] крестьяне вынуждены были [illegible] временные шалашики разбросать [illegible] на временное жительство «Хозяин-дворовой [illegible] не стоявшей [illegible]»

[illegible] при переходе из прежней рассыпавшейся [illegible] не сумеет переманить [illegible] домового, то он не задумается остаться [illegible] среди [illegible] разваливающийся из упрямства или по забывчивости [illegible] будет страдать, томясь и скучая в [illegible] даже без [illegible] В Чембарском уезде [illegible] губернии домовых зазывали в мешок и в нем переносили на новое место, в Ярославской губернии их переманивали горшком каши, оставленным на загнетке (Максимов, 37). В Казанской губернии при переходе в новый дом из-под печки в лапоть на

сыпали золы и приговаривали «Домовой домовой не оставайся тут а иди к нашей семье» вложение «Дедушка-соседушка иди к нам» в Московской губернии когда ломали старую избу брали иконы хлеб и вызывали домового «Батюшка-домовой выходи домой» Те же обычаи сохранялись посемейно на Руси

В Пермской губернии переход на новое место происходил лишь после первых морозов. Хозяйка покрывала в старой избе стол скатертью с [illegible] на него все хозяин затеплил свечу [illegible] образами все молились Богу затем хозяин [illegible] малюсенькие божницы прятал за пазуху подходил к [illegible] открывал двери в подполье и говорил «Дедушка-домовушко пойдем в новый дом [illegible] жить в старом доме хорошо и было [illegible] как будем жить и в новом ты люби мой скот и [illegible]». Хозяин брал в руки петуха и курицу хозяйка хлеб-соль и [illegible] прочее [illegible] и другие вещи и все отправлялись к новому дому. В новый избу прежде пускали петуха с курицей и ждали [illegible] пойдет [illegible] хозяин ставил икону на божницу и от [illegible] «Дедушка-домовушко [illegible] Перед общей семьей [illegible] хозяйка накрывала на стол, ставила на него хлеб-соль и принималась за стряпню

В новый дом из старого несли прежде всего [illegible] несвятый хлеб с [illegible] или квашню [illegible] петуха [illegible] и кошку [illegible] в дом кошку [illegible] «Вот тебе хозяин мохнатый зверь на большой двор» Затем входили домочадцы и молились на икону перед которой горела восковая свеча Петух должен [illegible] в новопостроенном доме если он молчит [illegible] хозяев ждет здесь какое нибудь горе В Тверской губернии петуха в пер-

вую ночь после переселения оставляли в избе чтобы крик его обязательно отогнал жилище (Афанасьев 2 1 6 — 1 4)

Несколько сложнее обстояло дело когда в старом доме оставались другие жильцы или в нем оставалась часть семьи. Последнее случалось при разделе имущества В начальные времена [illegible] общей [illegible] домового в [illegible] Банка Постников (24 июня) когда хозяин [illegible] и водворял на станку всех и хлеб и домовитину Беспрозванные вынимали из старых всель кол и говорили «Мы домовой пойдем с тобой домой» В новом доме хозяин втыкал кол в ясли и [illegible] оглядываясь затем возвращался в хлев [illegible] домового которого было [illegible] находившимся в яслях в виде маленького [illegible] (Обычаи материалы 0 [illegible]) Но в той же губернии было распространено мнение что переселяет домового только злые люди и обычно [illegible] при переезде домового [illegible] хозяева брали немного земли с [illegible] с [illegible] и переносили ее на новое место жительства Если такая посылка будет замешана [illegible] жильцами и новыми [illegible] жестокая ссора Тверские [illegible] (1891)

Что [illegible] то [illegible] то [illegible] то [illegible] В отношении поверий о домовом [illegible] верил в [illegible] ей [illegible] несмотря на явную [illegible] [illegible] домового [illegible] в каждом [illegible] [illegible] обращения с этим духом [illegible] Но [illegible] [illegible] Тверской был [illegible] от домового духом [illegible] В [illegible] и Архангельской [illegible] [illegible]

вать «соседушкой-батюшкой» [illegible]. В Вологодской [illegible]: «Не плачь, [illegible] тебя съест», [illegible] — пугали детей. В Новгородской, Вологодской и Ярославской губерниях домовой часто являлся призраком, тенью, за что ему и дали имя — «стень», «тенник».

Одна из наиболее замечательных черт этого духа — его необыкновенная живучесть. Домовой не только наследовал некоторые признаки древних языческих божеств — покровителей рода, домашнего очага, но и сам со временем стал прародоначальником множества более мелких местных духов. Чаще всего это происходило оттого, что какая-нибудь одна характеристика домового начинала мыслиться как обозначение самостоятельного существа. Так появились [illegible] (помощник домового, [illegible] обливывать скотину, отчего у нее болезни [illegible]), [illegible] жихарь, кикимора (за обычай запить во сне спящих) [illegible] — маленькое белое животное [illegible] (Черепанова 24 — 25) [illegible] характер).

У каждого домового были свои норы: есть домовые-одиночки, есть служивые. [illegible] (Славянская [illegible] 1984, 2, 249). Говорили, что домовой лешему [illegible], а водяной знается и с домовым, и с лешим.

Всевозможные неожиданные явления в доме было принято рассматривать как знаки, которые подает домовой, знаки, требовавшие самого пристального внимания, поскольку их верное истолкование могло уберечь от большой беды или по крайней мере сделать ее менее разрушительной. С [illegible] ощущениями были связаны следующие приметы: если домовой покажется уже умершим членом семьи — к благополучию, явится двойником — к скорой смерти того, в чьем [illegible]

[illegible] показался (см. Вельмина). Если в [illegible] показался мохнатым — к добру, голым — к худу; покажется кому-нибудь в шапке — к худу. Покажет, как [illegible] мужики выносят гроб и ставят его в переднем углу — к покойнику. Но по большей части все сходились во мнении, что видеть домового — вообще к беде и даже к смерти.

Немало примет основывалось на слуховых ощущениях: если домовой скачет, песни играет [illegible] на гребенке — быть свадьбе, если плачет, стонет, воет и избу [illegible] — к покойнику, к смерти хозяина. Перед чумой, пожаром и войной [illegible] выходят из села и воют на выгонах. Если [illegible] углах [illegible] — [illegible] или в скором времени в доме будет покойник. [illegible] стук в доме от неизвестной причины — к [illegible] треск в заднем углу избы — домовой [illegible] частые удары [illegible] — к разорению [illegible] к выселению хозяина из дома. Если домовой заиграет [illegible] — будет [illegible] если застучит [illegible] — к краже или голова упадет.

Остававшийся невидимым и неслышимым домовой мог предупредить об опасности какими-то действиями, чаще всего щипками, толчками. Если домовой часто щиплет домашних животных и птиц, искривляет курам шеи, путает гриву лошадям, сбрасывает хозяев с саней или телеги, стаскивает с постели, душит до синих пятен, мешает в [illegible] работе — значит, домовой не по добру выживает из дома. К неприятностям — дергает за бороду мужчину или за волосы — женщину (к ссорам). К болезни — обмочит кого-нибудь

ночью. Если ночью потянет за ноги или за руки — нужно вставать без промедления и делать что-то неладное: это предупреждение об опасности. Если при отсутствии сквозняков задует у хозяина, когда он один, свечу — к смерти хозяина; если положит тяжелой мохнатой рукой — к счастью; к добру; к гостям; голой и холодной — к худу. Особенно часто домовой гнетет домашних соседей. В таком случае спрашивали спросонья: «К добру или к худу?» Прямого ответа домовой может и не дать, но спросившему станет либо легко (к добру), либо тяжело (к худу). Если домовой часто и сильно наваливается по ночам — перед несчастьем, смертью, пожаром, болезнью скота или людей. Цепляет до синяков — к болезни и иногда только щиплет чувствительно, но без следов — к семейным ссорам и разладу.

Домовой отдает приказания собакам и кошкам, которые необычным поведением предупреждают о опасности: собаки перед дверью начинают рычать, лаять и кусать без видимых причин, кошки беспокоятся и лижут.

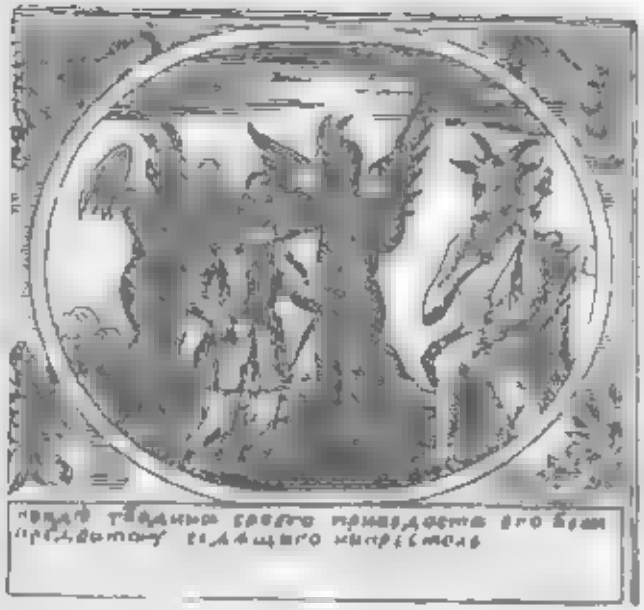
Домовой благоволит к молодым матерям, которым могут обижать у матери ребенка в первых шести недель после рождения, подменяя чужим вместо младенца. Чтобы вернуть ребенка прежний вид, его клали на горит и лопаткой ударяли березовым веником, поленом.

Но любые контакты с нечистой силой небезопасны. Когда шли на жительство в новый дом, домовых перезывали с собой, но просили идти старшим. Хозяин, держа в одной руке икону, в другой ломоть хлеба с солью, говорил: «Дедушка домовой! Прошу твою милость с нами на новое житье! Прими нашу хлеб-соль, мы тебя рады, только мы пойдем дорогой, а ты стороной».

ДЬЯВОЛ Diabolo.

Клеветник, обвинитель. Согласно учению церкви, дьяволы были некогда созданы Творцом, но, начав восстание, как добрые духи (они по своей воле отпали от Бога и стали падшими ангелами, духами злобы и тьмы). Все враждебное христианству, принадлежащее дьявольским по происхождению (злые помыслы, языческие верования, ереси и т.п.), средневековые изображения дьявола были или бритым, в виде змея, полузверя-получеловека с бычьей головой и рогами, с копытами козла, или сплошь с признаками льва, как самого зверя, способного пресмыкаться, жертвы, фигуры обычно имели копытами хищной птицы. Ужасный дьявольский облик с конца XVI века постепенно превращается в карикатурный, смешной.

В фольклорных повестях дьявол появляется в самых разных обличьях: змея, летающего к женщинам, незримого духа, не имеющего тела, и сердце людей («Повесть о Муромском князе Петре и о Февронии»), в образах разных людей, в том числе и кающихся грешников («Легенда о покаянном разбойнике»), в образе всего, даже предметов, которые могут его на преступление («Повесть о Тверском лыке»), принимающий и ночью, и днем, обманывает монаха и пытается хитростью вывезть крест из ада, так что жене остается только обнять лишь внутренности мертвого мужа-грешника («Легенда об исраке»), прячет облик эскимоса, чтобы отыскиваемый в чужой стране дьявол соблазнил (сказ «Пушкина подстать»), он отметил письмо раи любит замужней женщины («Повесть о Санте Глудыне»). В старинных русских повестях употребление наименований «дьявол», «демон» и «сатана» довольно произвольно: сатана мо-



[illegible]

жет быть [illegible] дьяволом, дьявол [illegible] бесовским князем («О бесовском князе Лазионе»), но все эти злые духи представляются главенствующими над бесами, которые, по-видимому, ниже по рангу и младше по возрасту.

В одной из басен о царе Соломоне рассказывается, как Соломон заклял бесов, превратив их в мак, и заключил в бочку, но обманутый дьяволом царь Ирод выпустил их оттуда, и они вылетели с дымом и смрадом — так дьявол освободил бесов.

О происхождении дьяволов в народных легендах [illegible] по-разному. Согласно версии, близкой учению церкви, дьяволы — это падшие ангелы. Сначала Бог творил мир невидимый — ангелов, которые ему во всем беспрекословно подчинялись, но с течением времени они возгордились и стали требовать для себя особого суда. Бог прогнал от себя непокорных, но не лишил их [illegible] их творения. О [illegible] ангелы стали спорить о власти между [illegible] и одному из них удалось стать во главе осужденных на вечное скитание, отверженных Богом духов. Изгоняя их от своего престола, Бог приказал [illegible] творить мир из хаоса, выделить воду, сушу [illegible] дух, при этом Господь лишил их звания добрых духов — так явилось дьявольское [illegible] во главе с Сатаной.

[illegible] Сатаны злые духи [illegible] из хаоса [illegible] и построили из него мосты, где устроились на жительство. Но Господь [illegible] сок в пространстве, и в тех местах, [illegible] образовалась земная твердь, сотворенная Богом, она поднялась выше тех мостов, которые строили черти. Вода с земной тверди стала скатываться прямо на мосты злых духов — так образовались океаны, моря, топи, озера и болота.

Сатана, [illegible] за Богом, решил подражать ему в работе творения. О[н] подобрал [illegible] Богом песок и прятал его во рту, [illegible] [illegible] так образовались горы. Бог стал размечать место для рая и здесь одним словом [illegible] создал неисчислимые растения, плодовые деревья, луга с [illegible] [illegible]. [illegible] сотворил одно дерево — яблочное древо познания добра и зла. [illegible] не [illegible] [illegible] между ними он посеял сорные травы — [illegible], которые стали их душить. Ползучие плевелы [illegible] начали [illegible] [illegible] деревьев [illegible], мешая росту. Сатаной были посеяны ядовитые растения и [illegible], на которых [illegible]. Из рая [illegible] жизнь распространилась по земле. Затем Господь из желтой глины сотворил четвероногих. [illegible] в это время пресмыкающихся и насекомых [illegible] [illegible] четвероногих и [illegible], которые [illegible]. [illegible] Сатана был [illegible] [illegible] из [illegible] человека, вдохнул в него жизнь и назвал Адамом.

В это время Сатана отступился от Бога и стал [illegible] [illegible] и чертям и стал уговаривать их отнять у Бога старшинство. Злые духи раскололись на две партии: одни отказывались, другие поддерживали Сатану. Присоединившихся к Сатане партию злых духов [illegible] Смерть [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Дальнейший [illegible] под предводительством Сатаны [illegible] выше [illegible] Господа [illegible] [illegible] все время [illegible] и рай, не зная о [illegible] [illegible]

да он вернулся в свое лоно, ангелы ему доложили, что злые духи разместились над ним.

Бог немедленно послал шестикрылого архистратига Михаила, начальника небесного воинства, повелев ему изгнать отступников с небес, но черти-дьяволы сами изгнали его огненными мечами. Тогда Бог собрал все силы [illegible] [illegible] над Сатаной — видя это, злые духи поднялись еще выше, и так повторялось несколько раз. Бог [illegible] [illegible] небес. Тогда Господь сказал архистратигу Михаилу: «[illegible]. Возьми с собою эту [illegible] и взлети выше злых духов. [illegible] я дам тебе в руку, держи подальше от себя». Господь вручил архистратигу оружие, [illegible] [illegible] его [illegible] и направил на злых духов [illegible] низвергнуть с неба. Небесные стрелы [illegible] [illegible] [illegible] другие — в провалы и пучины, а сам Сатана был загнан в преисподнюю [illegible] подняя образовалась от того, что Сатана [illegible] земля здесь не выдержала такого великого [illegible] и [illegible] [illegible] Сатана [illegible] находилась [illegible] где впоследствии был выстроен Иерусалим. В этом месте [illegible] падения Сатаны всегда слышится [illegible] (Сборник материалов [illegible] — [illegible])

По другим распространенным [illegible] — не падшие ангелы, некогда [illegible] Богом, но творение самого Сатаны. Было два царства: царство тьмы и царство света. Первое было на земле — здесь сидел сильный и богатый князь Сатанаил, второе было на небе, где был воздвигнут трон Божий. Сатанаил с Богом постоянно спорили между собой, кто из них сильнее. В ходе

[illegible] Божье [illegible] Сатанаил [illegible] от [illegible] тьмы [illegible] силой, наконец Бог победил Сатанаила, упал он и провалился в тартарары со всей демонской ратью. С тех пор дьяволы вместе с Сатаной [illegible] тают во тьме кромешной. Чтобы нечистая сила не [illegible] покинуть подземное царство [illegible] весит над землей [illegible] мечом [illegible] солнце [illegible] демоны [illegible] не [illegible]

Люди сотворены Богом, но Сатанаил однажды [illegible] к нему [illegible] [illegible] и [illegible] к каждому человеку [illegible] ангелу хранителю, заповедовав людям любовь к себе. В ответ Сатанаил приставил к человеку демона-соблазнителя, а сам ушел в тартарары. Таким образом борьба двух сил добра и зла продолжается на земле за души людей между ангелами и дьяволами. Ни Бог, ни Сатана на землю не сходят. Последняя их встреча произойдет во время светопреставления, когда они поделят между собой праведников и грешников, кого будет больше, тот и одержит верх. Между тем человек все чаще поддается дьявольским искушениям, ангелы [illegible] тают на небо, а как отлетят все [illegible] и конец миру. Выйдет Сатана из кромешного царства вместе с демонами и воссядет на земле на прежнем своем седалище. Но лишь три дня допустит Бог господство Сатаны на земле, снимет вновь свой огненный меч и поразит всю дьявольскую силу (Зиенков, 64 — 6[illegible]).

К циклу легенд дуалистического типа о происхождении мира в результате борьбы двух начал

[illegible] доброго, принадлежит следующий рассказ. До сотворения земли была тьма, а к тому — вода. Над водой летали два духа: светлый и темный. Светлый сказал: «Пусть будет свет», а темному оставил ночь. От слова Белого духа произошло небо, земля, воздух, вода, светила, животные, растения. Белый дух — Господь Бог, но все, что он сотворил, было сделано при участии Темного духа. Самостоятельно Бог сотворил только светлых духов [illegible] (последним архангела Михаила), которые появились от ударов Божьего огненного меча [illegible] камню. Когда Белый дух спал, Темный украл его меч и насек им великое множество злых духов, дьяволов. Он стал во главе их и отказался от Белого духа. Тогда Белый дух проклял их и назвал дьяволами, а Темного духа — Сатаною, с помощью архангела Михаила Бог отогнал дьявольскую силу от своего престола, и злые духи попадали на землю, те, кто упал в леса, стали лешими, в воду — водяными, на воздухе остались огненные змеи, а дьяволы, черти, провалились сквозь землю. После того как Господь сотворил первых людей, дьяволы занялись искушением человеков. Благодаря дьявольским козням Адам и Ева были изгнаны из рая, Каин убил Авеля и произошло смешение языков. Это было так: у Адама и Евы родилось два сына, дьявол научил Каина убить Авеля и забыть имя Божье. От Каина произошло нечестивое потомство, которому дьявол показал, как выстроить башню от земли до неба, чтоб можно было туда взойти. Господь не допустил завершения работы: он смешал языки, люди перестали понимать друг друга и начали поклоняться идолам (Колчин, 53 — 60).

Разнящиеся в подробностях, легенды о происхождении мира сходны в одном: дьяволы, после

[illegible]

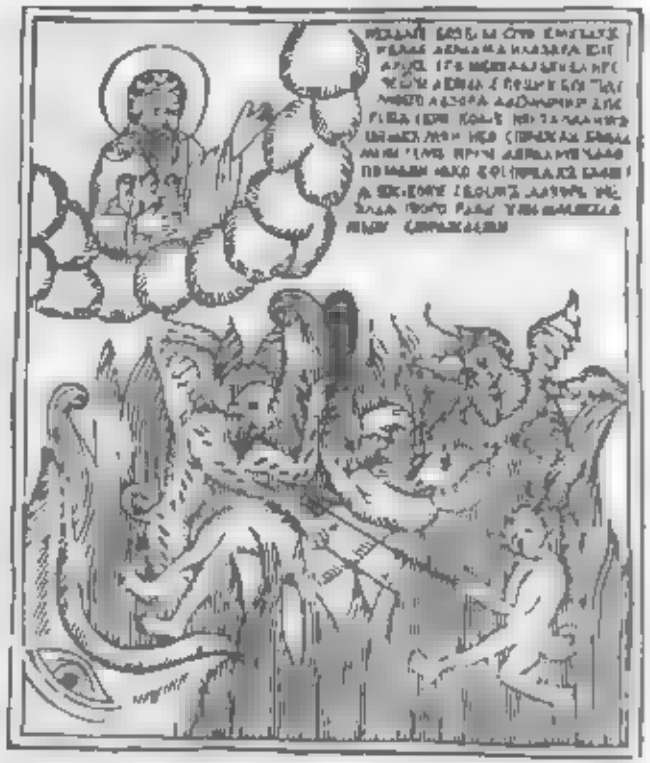
победы, одержанной Богом над злыми духами, стали адскими жителями и продолжили свою борьбу с небесными силами на земле за души людей. Ангел-хранитель посылается Богом человеку со дня его рождения для направления его души к добру и для предупреждения дурных и неугодных Богу мыслей, желаний и деяний, т. е. для предотвращения всех тех поступков, к которым склоняет человека дьявол. Ангел-хранитель всегда сопутствует человеку и находится по правую его сторону или сидит на правом плече. Дьявол также постоянно находится возле человека, только по левую его сторону и несколько дальше, чем ангел-хранитель. Наставляя человека на добрые дела, ангел-хранитель отдаляется и проливает горькие слезы, если человек подчиняется влиянию дьявола и грешит. При раскаянии в грехах ангел-хранитель вновь приближается, восторженно улыбается и возносит свои молитвы к Богу о прощении и помиловании человека (Сборник материалов 16, 61).

В связи с размещением злого и доброго духов по правую и левую сторону от человека сложились многие поверья и обычаи, благодаря которым оказывалось уважение ангелу-хранителю и унижался дьявол. Левая рука, например, считалась менее праведной, чем правая: левая служит «от чресл до делу», тогда как правая — «от чресл до главы», поэтому есть нужно только правой рукой. Следует надевать левый сапог раньше правого, так как лучше сначала быть грешным, а потом праведным. Ни в коем случае нельзя плевать через правое плечо, а только — налево, в сторону дьявола.

Дьяволы устраивают торги с ангелами за душу умирающего. Как только человек начинает испускать дух, за его душой являются ангелы, но лукавые духи их предупреждают. Ангелы спрашивают: «Зачем вы, архары черные, явились? Зачем вы душу пугаете?» Дьяволы начинают доказывать свои права на душу умирающего. Умирающий оправдывается, но если он грешник, то у него отнимается язык, и он не может говорить. Пока идут торги, человек не умирает. Если душу берут ангелы, то они носят ее по всем местам, где прежде бывал человек, показывают его злые и добрые дела. В сороковой день священник отпускает душу, и она отправляется в уготованное для нее место, в темницу, где и сидит до Страшного суда, не претерпевая никаких страданий, но и не радуясь свету вследствие своей слепоты (Завойко, 8[illegible]).

В духовном стихе о двух Лазарях подробно изображается изымание души великого грешника, богатого Лазаря, дьяволами или «аггелями», «пекельниками» (или «грозными ангелами»). Душу праведника, бедного Лазаря, милостивые ангелы вынимают через сахарные уста, кладут ее на белую пелену и под правым крылом несут в светлый рай. За душой грешника прилетают крылатые пекельники, они выламывают левое ребро и крючьями сквозь темя вытаскивают душу. Насадив ее на копье, они поднимаются с нею ввысь, чтобы оттуда низринуть душу в ад, в геенский огонь, в кипящую смолу, огненную реку на вечную муку (Бессонов I, № 27).

В народных легендах дьявол появляется там, где присутствует мотив искушения, соблазна. В известной притче о хромце и слепце, которые сторожили яблоневый сад, — встречающейся в списках XII — XV столетий, фантастический элемент обычно отсутствует, в народной легенде на этот сюжет появляется дьявол как противник



Притча о богатом и убогом Лазаре. Ровинский 3 № 680

Бога, таким образом и весь рассказ подключается к теме вечного спора светлых и темных сил. Заставил Господь слепого и безрукого караулить сад: безрукий яблок не достанет, а слепой не найдет. Поспели яблоки. Пошли духи сладкие. Слепой сел верхом на безрукого, тот его поднес к яблоне, а слепой нарвал за пазуху яблок. В это время к саду подошел Бог, безрукий бросился бежать, слепой упал, и оба чуть не разбились. Поставил их Господь к воротам сад караулить. Мимо ворот шел дьявол. «Что ж вы яблок не едите?» — «Как же нам их есть? У меня рук нет, а у него глаз». — «Пойди, безрукий, ударься об яблоню, а слепой подбери». По совету дьявола они обтрясли все яблони, и Бог выгнал их из сада навечно, а сам решил сделать нового, праведного человека — Ноя. Но и тут ему напакостил дьявол. Бог вылепил Ноя и приставил к нему караульщиком голую, без шерсти, собаку. Подходит к собаке дьявол. «Пусти меня Ноя праведного посмотреть! Я тебе за это шубу дам, и на руки, и на ноги». Допустила собака дьявола посмотреть на Ноя, тут дьявол его всего оплевал, стал Ной синий, зеленый, дурной. Вернулся Бог, осудил собаку, все дьявольские плевки Ною в середку сунул, из ребра праведника сотворил Еву, но, после того как они съели яблок с древа познания добра и зла, выгнал их огненными прутьями вон из своего сада. Напоследок предупредил Господь Ноя, что через три года на земле будет потоп и чтобы он за эти три года выстроил ковчег, никого не посвящая в тайну своей работы.

Дьявол явился к Ною и стал спрашивать, что он делает, но Ной не ответил. Тогда дьявол научил Еву наварить хмелю и дать попить мужу, он

все и расскажет. Напился Ной квасу с хмелем, лег отдыхать. «Ной праведный — говорит Ева. — Два года ходишь, мне правды не сказываешь! Что это такое ты работаешь?» Ной и проговорился, что через полгода, первого мая, начнется потоп. Отдохнувши, пришел Ной к ковчегу, а ковчег весь дьявол разметал. Шесть месяцев собирал Ной ковчег заново: не пил, не ел и домой не отлучался. Собрал Ной в ковчег зверей, птиц, плодов разных. Дьявол спрашивает у Евы: «Как бы мне с тобой в ковчег залезть?» И придумал: «Начнется потоп, а ты не всходи в ковчег, пока муж не крикнет: «Иди, окаянная, а то утонешь!» Как только он тебя окаянной назовет — я с тобой влезу». Все так и вышло, как задумал нечистый. Вспрыгнул он мышью в ковчег и стал дыру в нем прогрызать. Уж эту дыру головой закрыл. Плыли они одиннадцать суток, на двенадцатый день вода стала спадать, приплыли они к пристани. Господь их встречает: «Что вы, живы ли все? Выходите!» Все вышли, а напоследок и дьявол прошмыгнул: «Вот, Господи, хотел меня утопить, а я — вот он, я тебе большой враг!» — «Коли ты мне большой враг, возьми меня за руку», — сказал Бог. Не мог дьявол божьей руки поймать. Тогда Господь схватил его за руку и так сжал, что дьявол закричал: «Ой, ой, буду тебе меньшим братом!»

Приказал Бог дьяволу нырнуть на дно моря, достать горсть земли, взял Господь эту землю, перекрестил и кинул на три стороны — появились по взморью луга, леса, рощи. «Господи, а что ж за мои труды, какое будет угожение?» — спросил дьявол. «Насадили мы белый свет, может, тебя будут хвалить, меня поминать, я и тем буду дово-

лен», — ответил Господь (Афанасьев-Легенды, № 14).

С тех пор дьявола часто вспоминают, но никто не хвалит. Злой дух не прекращает охоты за душами людей, считая самой ценной добычей для себя — душу праведника. Один пустынник молился тридцать три года, и видит — к царю на обед дьяволы ходят: кричат, пляшут, скачут и песни поют. Как-то отстал от них хромой дьявол, пустынник его и спросил, как это они к царской трапезе попадают. Дьявол объяснил, что в том дворце стряпухи не набожны, готовят еду без благословения, а неблагословенными кушаньями дьявол пользуется. Старик-пустынник известил царя о незваных гостях, царь приставил к стряпне людей набожных, за что ни возьмутся, всё говорят: «Господи, благослови». Видит пустынник, идут дьяволы из дворца печальные, а хромой нечистый дух грозится старцу: «Ужо, мы тебе отплатим!»

Через некоторое время приходит к пустыннику набожная женщина. Он к ней с расспросами — кто да откуда, стали вницо попивать и договорились венчаться. Пришло время венцы надеть, тут пустынник перекрестился, и дьяволы отступились от него, а перед ним не венец, а петля (там же, № 20-а).

В полночь в доме одного саратовского священника на кухне и в покоях раздался стук и шум, зашли к нему нечистые и стали требовать дочь Александру. Испугался священник и просит дьяволов прийти на следующую ночь, а сам обратился с молитвами к Господу Богу и Николе Чудотворцу. Никола Чудотворец вложил в него счастливую мысль — дать дьяволам такую работу, которую они справить не могут. И приказал священник нечистым выстроить к рассвету церковь, не ус

[illegible] дьяволы хотят достигнуть [illegible] грехов и [illegible] чезнет дьявольское наваждение (Ончуков № 7).

По свидетельству многих, зло и нечистоты [illegible] не нужному изучению и чем [illegible] дальше пространственно тем убедительнее [illegible] в нем дьявола. В [illegible] столетнем Алексеев Мих[illegible] жила в Москве в нищенствующем притоне, [illegible] на Кулишках, что за Варварскими воротами [illegible] действию некоего чародея поселился демон и творил разные пакости: ночью стучал, гремел, кричал, никому не давал уснуть, всех обличал и стыдил, раскрывая тайные грехи каждого. Благочестивый инок [illegible] перед иконою Иларионом вместе с [illegible] [illegible] Уже на вечернем пении дьявол начал стучать [illegible] и кричать: «Уж не ты ли калуга [illegible] пел выгнать меня? Нет ко мне [illegible] со мною». Инок продолжал читать молитвы, а дьявол стучал по полатям и издевался: «Ах калуга! Еще ты и в потемках расплакался». Дьявол [illegible] черным котом и подскакивал [illegible] к нему и [illegible] всякий раз, как он [illegible] к земле. Но Иларион был незлобив и [illegible] к нему в сторону сотворил [illegible]. Сотворенно Иларионом вслед, как дьявол кинул в лампаду [illegible] ребенка, начал Иларион святить [illegible] — дьявол стал кидать камни, за [illegible] — дьявол [illegible] его в губы [illegible] [illegible] к [illegible] через месяц в одну неделю молитвами и святостью [illegible] дьявола Илариону.

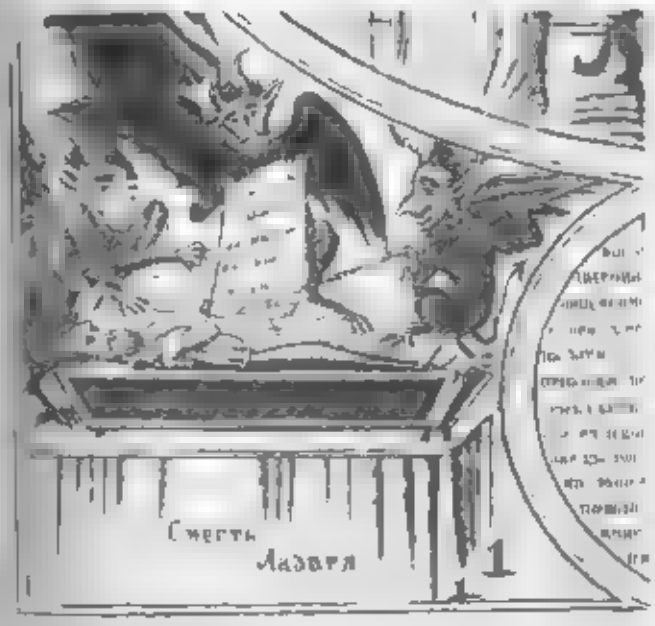
Дьявол — [illegible] конь бесовская в образе человека. Он толкает к самоубийству и вкладывает нож в руки [illegible]. В 26-м главе Скитского патерика рассказывается, как муж [illegible] наказать жену за какой-то проступок, свя-

зал ей руки и вывел наружу, чтобы побить несчастную. Тут перед ней явился дьявол в человеческом образе и сказал: «Возьми этот нож и зарежь себя, потому что муж твой силен, разгневался и хочет тебя без милости мучить». Вражьим внушением она разрезала себе руки, схватила нож и стала резать себя по горлу и животу. Муж нашел ее всю в крови, почти без дыхания и решил сбросить ее в реку. Жена [illegible] чудом осталась живой (№ 8 — 1).

Самоубийца — «дьяволу кашка», согласно [illegible] мнению, на том свете [illegible] несут [illegible] Сатаны тяжелую солдатскую [illegible] превращенные в коней, возят Сатану с [illegible]. Сатана сидит на [illegible] месте, а дьявол — на козлах. Помимо самоубийц в распоряжение дьявола поступают бесноватые — люди, в которых вселился дьявол. Бесноватых отличают от [illegible] безумие последних постоянно бесноватые находят из себя при приближении [illegible] предметов креста, иконы и других. Они [illegible] бессвязные слова и стараются [illegible] на святыни. Бесноватыми чаще становятся женщины, чем мужчины, но во время припадка женщину не могут удержать пятьдесят [illegible] мужчин, такую силу придает ее телу [illegible] (см. *Бесы*).

Дьявол входит в человека при следующих обстоятельствах: от думы и отречения злобы и брани [illegible] по навету злых людей, во время еды, когда ешь на ходу или переступая порог. Тот, [illegible] овладевает проклятыми людьми. Мать в сердцах скажет сыну или дочери: «Чтоб тебя прах разбил, окаянная сила» — и обречет тем ребенка аду. Такие дети живут недолго, а после смерти их души отходят дьяволу.

К изобретениям дьявола относятся многие могущественные средства совращения людей, прежде всего вино, водка, табак (см. *Черт*). Зеркало [illegible] гласно раскольничьим легендам, также придумано дьяволом. О происхождении зеркала рассказывают так. Некоторый монах, спасаясь в пустыне, [illegible] читал в Священном писании: «Просите и дастся вам». Желая удостовериться, действительно ли [illegible] сможет получить все, что захочет, пошел к [illegible] ему царю просить его дочь себе в невесты. Царь, подивившись такому требованию, сказал о странном женихе своей дочери, которая, также подивившись, ответила отцу: «Так как дело это чрезвычайное, то должно, чтобы монах, ежели хочет получить меня в жены, принес бы мне в подарок вещь, в которую бы я всю себя видеть могла». А сие происходило еще тогда, когда зеркало выдумано не было. Монах пошел искать такую вещь. Долго бродил он по лесам, пока не набрел на [illegible] обитаемую пустыньку (заброшенное жилье отшельника). О[illegible] посидел в ней некоторое время и вдруг услышал тяжкий стон: «Почтенный монах, сжалься над моим страданием! Уже несколько лет я заключен в этом рукомойнике некогда обитавшим здесь монахом. Выпусти меня из темницы, и я услужу тебе всем, чем ты пожелаешь». Монах, пользуясь случаем, и рассказал ему о той вещи, которую просила царская дочь. Дьявол (а именно он был заключен в рукомойнике) пообещал достать ему диковину, монах снял с рукомойника крест и выпустил нечистого духа. В скором времени дьявол принес ему зеркало, которому монах, видя его впервые, чрезвычайно удивился и отнес к царю, однако от брачного союза он отказался, а отправился молить Господа, чтобы он прости[illegible]



Евангельская притча о богаче и бедном Лазаре (Фрагмент). ИРЛИ, оп. [illegible] № [illegible]

[illegible] дьявольы храм достроить, потух пресвя[illegible] и исчезло дьявольское наваждение (Ончуков № [illegible])

По убеждению многих, зло и неурядицы [illegible] вершаются по вражьему наущению, и чем сильнее прелестствие, тем убедительнее участие в нем дьявола. В царствование Алексея Михайловича в Москве в нищепитательнице патриарши[illegible] на Кулишках, что за Варшавскими воротами, [illegible] женщину некого чародея поселился демон и творил разные пакости: ночью стучал, гремел, кричал, никому не давал уснуть, всех обливал и стыдил, раскрывая тайные грехи каждого. Благочестивый царь повелел [illegible] Иларию вместе с другими монахами изгнать злого из богадельни. Уже на четвертом [illegible] дьявол начал стучать на палатях и кричать: «Уж не ты ли, [illegible], [illegible] выгонять меня? Подай мне, переведаемся с тобою!» [illegible] молитвы, а дьявол стучал на палатях и издевался: «Ни калуга [illegible] Едешь и в потемках расплакался!» Дьявол оборачивался черным котом и подскакивал под колени преподобному всякий раз, как он поклонился в землю. Но Иларион был миролюбив и отбрасывал кота в сторону, сотворив поклон. Стоило Иларию встать, как дьявол [illegible] в лохань с водой, вместе с ребенком, начал Иларию снятать воду [illegible] дьявол стал кидать камни, засыпа монах не [illegible] дьявол [illegible] в [illegible] научил баб волокитству и ссорам. Только через месяц и одну неделю молитвами и святой водой удалось изгнать дьявола Иларию.

Дьявол — принудение, казнь бесовская в образе человека, он толкает к самоубийству и подсовывает нож в руки отчаявшегося. В 26-й главе [illegible] патерика рассказывается, как муж решил наказать жену за какой-то проступок, сня

[illegible] руки и вышел [illegible], чем бы побить несчастную. Тотчас явился перед ним дьявол в человеческом образе и сказал: «Возьми этот нож и зарежь себя, ибо что муж твой сильно разгневался и хочет тебя без милости мучить». Вражьим наваждением она разрезала себе руки, схватила нож и стала резать себя по горлу и животу. Муж [illegible] ее всю в крови, почти без дыхания и решил сбросить ее в реку. Женщина чудом осталась жива. (Бусласев 1868, 8 — [illegible])

Самоубийства — «дьяволу как [illegible] согласно распространенному мнению, на том свете самое [illegible] и [illegible]. У Сатаны тяжелую солдатскую службу [illegible] грешники в коней возят. Сатану с дьяволами [illegible] Сатана сидит на почетном месте, а дьяволы — на конях. Помимо самоубийц в распоряжение дьяволов поступают бесноватые — люди, в которых вошел дьявол. Бесноватых отличают от [illegible] безумие последних постоянно бесноватые выходят из себя при приближении священных предметов: креста, иконы и других. Они произносят кощунства, богохульные слова и стараются плюнуть на святыню. Бесноватыми чаще [illegible] женщины, чем мужчины, и во время припадка женщину не могут удержать пять-шесть [illegible] мужчин, такую силу придает ее телу дьявол (см. *Бесы*).

Дьявол нападает на человека при следующих обстоятельствах: от думы и огорчения, злобы и брани, [illegible] словом, по навету злых людей, во время еды, когда ешь на ходу или переступая порог. Дьявол овладевает проклятыми людьми. Мать в [illegible] скажет сыну или дочери: «Чтоб тебя пра[illegible] [illegible] окаянная сила» — и обречет тем ребенка черту. Такие дети живут недолго, а после смерти их души отходят дьяволу.

ему грех сомнения в словах Свидетеля [illegible]
Итак, поскольку зеркало досталось людям и для
[illegible] в зеркале [illegible] до
дятся и в их домах на едного не отыщешь кро
ме как разве у сектских раскольников, которые
между ними не редкость (Чулков 196 [illegible]

Дьявольское изобретение — зеркало — [illegible]
лось весьма кстати во время святочных гаданий
в него можно увидеть не только себя [illegible]
женить, как в этом не раз убеждались гадающие
девушки. На Святки (25 декабря — 6 января) [illegible]
вушка одна приходила в пустую комнату, взяв с
собой два [illegible] зеркала [illegible] Все эти [illegible]
меты расставляются на столе, девушка [illegible]
против зеркала и произносит тихонько: «С женой
суженой, приди ко мне ужинать». Минут [illegible]
перед его приходом зеркало начинает гускнеть,
девушка [illegible] его заранее [illegible]
полотенцем. Наконец [illegible] идет [illegible]
через ее плечо в зеркало. Как только невеста [illegible]
смотрит [illegible] черты будущего жениха, [illegible]
кричит: «Ч[illegible] мне!» [illegible] дьявол принимает
на себя образ суженого, сядет за стол, вынет из
кармана перстень, ножичек или другой какой ни
будь предмет и положит его на стол. Девушка
снова зачурает, тогда положенная на стол вещь
останется ей в добычу. Как многие умерщвл[illegible]
свадьбы обнаруживается, что эта вещь действ[illegible]
тельно была похищена некогда у женщины (Чулков.
146—149). Гадающие девушки вызывают дьявола
в образе суженого и иным способом. Ложа[illegible]
спать, они кладут под голову гребень, загадывая
«Суженой ряженой, причешу мне голову». Во сн[illegible]
является дьявол в образе будущего жениха и [illegible]
расчесывать волосы (там же, 153).

Впрочем, во время гаданий обращаются вообще
[illegible] силам, называя «дьяволом» [illegible]
[illegible] Различаются в употреблении такие
названия: «дьявол», «черт», «демон», «сугубо», [illegible]
тем, что прямо этих злых духов старались не на
зывать, заменяя конкретное обозначение [illegible]
[illegible] духовный, злодейский, нечистый, нехо
рошим и проч.

Некоторые различия между «чертом», «дьяволом»
[illegible] и «сатаной» имелись в [illegible] «Чер
[illegible] — дьявол сам по себе». «Черт смущает бес
[illegible] дьявол будит, а сатана знамение [illegible]
[illegible] бо[illegible]ей части стар и [illegible]
[illegible] за [illegible] ему [illegible]». Дьявол
[illegible] как бы со стороны, оставляя ра
[illegible] — так [illegible] характеризуют
[illegible] как [illegible]
[illegible] человека духа
[illegible]
[illegible]ью, Чур у древних славян был богом [illegible]
[illegible] и властелином над
[illegible] Сохранилось «Чу, меня!» в играх
[illegible] время [illegible] и отгораживало от дьявола.

Заговор от дьявола. «Отыди, дьяволе, от храма
и [illegible] от дверей и от всех [illegible]
лов. Нет тебе, дьяволе, части и участия, места и
покою здесь. [illegible] Матери [illegible]
Гречитая [illegible] святой Петр, святые Еван
гелисты Иоанн, Лука, Марк, Матфей, святой ар
хангел Михаил, архангел Гавриил, Урилл, Уриил, Ураил

ил Ерудиил Варахаил Силы небесные ликовс... ют здесь святые херувимы и серафимы, свя... Михаил ныне по всей вселенной по них же... лки держит святой Петр палицу держа здесь Р... дество Предтечи, здесь тебе, дьяволе нет части участия места и покою не делай пакости дьяволе, всему месту и дому, и человеку, и скоту и всем рабам Божиим, беги отсюда во ад кромешный, где твой настоящий приют, и тамо да о... тайся. Слово мое крепко, яко камень аминь аминь, аминь» (Забылин, 281, 322)

ЕРЕТНИК, *еретни́ца* Иначе: ерестун, еретик клохтун, *хлоптун*, шептун

Дух, входящий в тело *колдуна* после его смерти и делающий его упырем, живым мертвецом Когда колдун, заключивший договор с нечистой силой, умирает, возле него собираются черти и рвут на части его тело пожирают мясо, затем в кожу колдуна влезает черт и лежит под видом мертвеца. В одной семье умер старик-колдун, а в этом доме случайно остановился странник, он посоветовал сыновьям вскипятить два чугуна воды и облить ею мертвое тело. Так они и сделали После второго чугуна черт выскочил из колдуновской кожи и пустился бежать, но попал не в дверь, а высшиб простенок чтоб уйти из избы Сыновья закопали одну отцовскую кожу у себя на задворках

По обычаю колдуны и ведьмы, как и всех прочих, умерших преждевременной смертью (от убийц, от утопленников) кладут на кладбище лицом вниз, в крайнем случае — к самой ограде, в углу, или тела их сжигали.

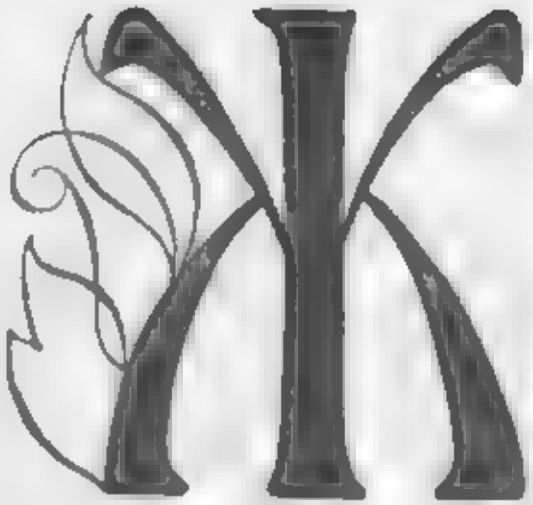
Черти являлись к колдуну перед смертью в виде разных черных кошек, с которыми колдун сливался. В Сл[illegible] м уезде черти [illegible] делавшись ерестунами после смерти колдуна, [illegible] минуты [illegible] смертушка [illegible] к обычному человеку, неприятному чарам [illegible] чуть только душа его расстанется с телом, войти в его покойника, а затем [illegible] в эту семью и замучить живых.

Есть [illegible] принимают личье какого-нибудь человека и подбираются к семью [illegible] или чужого. Живет ерестун у него на виду как добрый к [illegible] и [illegible] пытаются пустить тюти [illegible] на другие [illegible] ерестуны [illegible]. Чтобы изнести такого ерестуна, надо взять плетку от нелюбимого коня и [illegible] ерестуна насмерть, тогда до могилы он не сможет, а чтоб [illegible] не сжил в гробу, ему [illegible] осиновый кол в спину промеж плеч. (Рыбинск, уезд. 841. Осиновый кол в спину — немаловажная в этом случае подробность: осина — проклятое дерево, на ней удавился Иуда. Оттого на осине даже без ветра колышется листья. (Чулк. в. 204)

В отличие от ерестуна еретница — не мертвая обманчива колдуна, заполонившая нечистым духом, но женщина, зажившая при жизни душу чертям. Еретницы ходят в виде безобразных обрюзгших старух к всему собранию в поганых оврагах, а ночью уходят в провалившиеся могилы и спят там в гробах и честных людей. Могильные провалы, встречающиеся на кладбищах, считаются

[illegible] ерестуна [illegible] а [illegible] ерестуна [illegible] умрет. В [illegible] Гдовск[illegible] губернии [illegible] крестьянина умерла дочь, и он попросил кума [illegible] для нее могилу. По хмелю тот отвел на кладбище. Нашел могильный провал [illegible] в него и стал рыть могилу. Вдруг лопата стукнула о гроб, и сквозь [illegible] кум увидел глаз [illegible]. Выпрыгнул мужик прибежал домой [illegible] на [illegible] — а там ерестуна лежит и смотрит на него [illegible] — [illegible] лежит в ногах и называется дьявольским хлебом. (Тот перепугался и [illegible] в [illegible] — умер. Среди [illegible] ерестуны бродят весной и поздней осенью, а [illegible] не могут попасть в могилы — [illegible] в [illegible] через трубу, громко там плещутся, скачут и пляшут под синим небом. От одной из таких ерестуниц, когда-нибудь родится Антихрист. (Смолков, [illegible] 76)

Чтобы увидеть ерестиков, надо найти [illegible] траву, [illegible] которая растет кустами [illegible] до пояса, [illegible] ярками желтыми [illegible], [illegible] ночевать и заночевать — эту траву [illegible] через золотую или серебряную [illegible] стебелек сделать отвар и пить, а корень осушить, [illegible] и положить в церкви на [illegible] на сорок дней. С этим взять и носить при себе, увидишь и домовых и водяных демонов и еретиков. (Шекснинский уезд Ярославской губ.)



ЖАРЕНИ́ЦА

1. Злой дух, живет в подполье у печки, показывается в огненном сиянии: вся горит и светится. 2. Жареник и жаренница — духи полей и огородов. Жареник пугает ребят, чтобы не рвали репку (Черепанова, 28). См. *Полудница*

ЖЕЛТЕ́Я *Желтиця*

Одна из сестер-*лихорадок* (см.), дочерей царя Ирода (Соломона). Способ лечения — гипнотический, желтею изгоняли в щуку: больного заставляли смотреть на рыбу до тех пор, пока она не уснет и не пожелтеет, т. е. воспримет болезнь.

ЖЕРДЯ́Й

Уличный дух. Шатается ночью вблизи человеческого жилья, заглядывает в окна, греет руки в трубах, пугает людей. Предлинный и претоненький. Особой опасности не представляет. Возможно, вера в нечистого духа — жердяя возникла на основе сказок о Кащее Бессмертном: образ волшебной сказки трансформировался в ночное привидение, кошмар. Чтобы подобная чертовщина не могла проникнуть в дом, советовали ставить дом воротами на север. Отличным средством от нечистых служила также молитва, пост, свечка, оставленная со страстной недели (с пятницы), которой коптили крест на притолоке в дверях (Даль-1880, 54).

ЖИРОВИ́К

Дух — хозяин дома, *домовой* (см.). От «жи́ра» — жилье, изба и имущество (Куликовский).

ЖИ́ХАРЬ, *жихорь*

1. *Домовой* (см.). 2. *Банный* дух. Весь черный, страшный «жихорь-пахарь, костяна борода». Очень зол, любимая забава — сдирать с людей кожу, когда они поздно моются в бане, и растягивать ее сушиться на банную печь — каменку (Цейтлин, 159). 3. Злой дух, живущий в доме, но где в точности — неизвестно. Особенно опасен для молодых матерей, в отсутствие которых он крадет детей из зыбки. Если мать бывает вынуждена уйти из избы, то для предохранения от покушений жихаря она кладет в зыбку ножницы и веретенный (надеваемый для тяжести на веретено) камень, а под зыбку на пол — старый веник

Жизнь бессилен и ослабе сделать [illegible] ребенок находится под защитой этих предметов (Хар[illegible] 320 [illegible] 327)

ЖМА Жмара, заженик, [illegible]

[illegible] дух, мучающий людей по ночам, гнетет [illegible], жмет, [illegible] душит. [illegible] из образов *домового* (см.), *гнедке* (см.)

ЗАКЛЯТЫЕ

Люди, животные, предметы, растения, обреченные злым духам. На них лежит проклятие, колдовство, порча, и вследствие этого они опасны для всего [illegible] мира. См. также *Проклятые*. Мать, в недобрый час сказавшая дочери: «Унеси тебя леший!» или «Возьми тебя вихорь!», отдавала ребенка нечистой силе. Проклятье отца не приносило такого вреда. Жители Заонежья считали, что заклятые люди пропадают из дома и переносятся чертями на Мянь-гору и Ишь-гору. Возвратить их домой можно с помощью чар над осиновым листом, поэтому в Заонежье говорили, что заклятого человека от дома отделяет один осиновый лист (Куликовский).

Особенно боялись заклятия странников, проезжих людей. П. Н. Рыбников, известный собиратель фольклора Олонецкого края, рассказывал о случившемся с ним в дороге неприятном происшествии: его дорожную сумку помогала нести ветхая старушка и уронила ее ненароком с моста в воду. «Эх, унеси тебя!» — невольно сорвалось с языка. Старуха чуть не расплакалась. «Ты зачем это выговорил? Дорожному человеку неличе кликать лембоя» (черта). Местные проводники рассказали Рыбникову о причине пропажи ряпушки в заливе около Кижей: рыба была заклята дорожным человеком. Случилось это следующим образом. Сидели рыбаки у костра, хлебали уху. Подошел к ним приезжий, они ему место у костра дали, а ухой не угостили. Смотрел-смотрел на них путник, да и сказал: «Видно, рыбки-то у вас мало ставится, так и будет». С той поры приходится рыбакам ездить за ряпушкой в большое Онего (Рыбников-1, 57).

Много рассказов ходило повсюду о заклятых кладах, зарытых преимущественно разбойниками, с известным заклятием на конкретного человека, с какими-нибудь характерными приметами и на определенный срок (см. *Клады*). Заклятыми могут быть камни, растения, имеющие удивительную форму или загадочное происхождение, о них рассказывали легенды, к ним боялись прикоснуться, опасаясь их вредоносного действия. Близ Великого Устюга, например, росла заклятая сосна на могиле в одночасье погибшего семейства. Пьяный Заумарко зарезал жену и маленького ребенка, а сам сгорел от вина. Все семейство было похоронено без отпевания в одной могиле, а на могильном кургане, по тогдашнему обычаю, посадили сосну, которая стала считаться заклятой (Зеленин-1914, 201). Заклятые предметы имели обыкновение искать себе новых жертв, так, например, были заклятые клады, положенные «на три головы молодецкие».

ЗАЛО́ЖНЫЕ

Покойники, опасные для живых, умершие неестественной смертью — убитые, *самоубийцы*, опойцы, утопленники, погибшие неожиданно вследствие какого-то несчастного случая, до срока, предназначенного при рождении. Они постоянно являются живым, пугают, покушаются на их жизни. Привидения заложных покойников показываются в полдень и в полночь, они ощутимы лошадям. Чаще всего заложных хоронили в оврагах, болотах, бросали в воду, но не совершали над ними обычного обряда погребения, принятого для большинства умерших, покоящихся на кладбищах. Д. К. Зеленин считает название «заложные» — севернорусским, восходящим к слову «заложенные», т. е. прикрытые сучьями, а не похороненные в земле (Зеленин-1991, 352), которая не примет нечистого трупа. Самоубийцы, опойцы считались слугами дьяволов («дьяволу свечка»), их черти обращали в лошадей, мучая бешеной скачкой. Гнев земли, оскорбленной нечистым трупом (если заложного все же хоронили на кладбище) выражался весенними холодами и заморозками, пагубными для посевов, голодом и неурожаями. В случае засух тела опойц вырывали из могил и топили в реках и болотах, чтобы они не испытывали жажды и не пили росу и дожди.

Убитых старались похоронить на том месте

Изображение [illegible] № 105

где случилась их гибель. Богатырь Пашко из села Юромы Мезенского края с товарищем Тропою (их именами впоследствии были названы поселения, где они жили) расправились с шайкой разбойников, самого атамана Пашко убил закрещенной стрелой, окаянное место убийства, рядом с исщепленным стрелами дубом, вблизи соединения реки Мезени с Печорой, известно всем проезжающим, которые не забывают бросить охапку хвороста на проклятое место (Максимов-I, 505). В Волынской губернии могилы утопленников и удавленников устраивали при дорогах, на перекрестках, проезжающие бросали на них пучки соломы [illegible] возов (Зеленин-1914, 294). В Псковской губернии при устье впадавшего в реку Оку безымянного ручья находится возвышенное место — «сопка богатыря», мимо которой не пройдет ни один крестьянин, чтобы перекрестясь не бросить на курган клочка сена, а проезжий верхом сходит с коня и бросает на возвышение сорванную траву. Если кто-нибудь, проходя мимо могилы, не положит жертвы, то ночью богатырь явится всадником необычайного роста и заслонит путнику дорогу. К весне на сопке накапливается много сена, но никто не отважится взять его для своих нужд. В Торопецком уезде между реками Торопой и Двиной есть несколько курганов, оставшихся, по преданию, после битвы Руси с Литвой. Возле самой дороги почитается место, где пал жертвой собственной храбрости могучий витязь; каждый из окрестных жителей, минуя это место, бросает на могилу сучок дерева. В продолжение двух лет накапливается большая куча, которая на третий год сгорает от неведомой причины (Зеленин-1916, 1128 — 1129).

Душу не похороненного человека, заложенного, на тот свет не пускают. Иные считали, что душа такого мертвеца живет около тела, просит у проходящих мимо путников погребения, но все же может попасть на тот свет, если звери и птицы растащат весь труп, до последней косточки (Новгородская губ.); некоторые полагали, что души заложных обречены скитаться в пространстве до самого Страшного суда. Чтобы избежать несчастий от заложных покойников, по ним устраивали общие поминки в семик — на седьмой четверг после Пасхи. Идя на компромисс, деятели церкви устраивали особые сооружения, известные в старой Москве как убогие дома, скудельницы, буйвища — своеобразные общественные морги для трупов нечистых покойников. Это были большие ямы, выкопанные на краю города или за городской чертой, над которыми возводилась легкая надстройка. Всю зиму сюда свозили тела убитых, самоубийц, умерших от чумы, бродяг, иноверцев. Трупы клали без гробов и без отпевания, покрывали рогожей. Общее захоронение (иногда в этом же яме) происходило в семик. В городах Московского государства убогие дома просуществовали XVI до конца XVIII века (Зеленин-1991, 353 - 354).

ЗАПЕ́ЧЕ́ЛЬНИЦА Запечельная мара

Злой домашний дух, портит неблагословенные предметы в доме. Родственный мужской образ: запечник, дух вроде домового. Живет за печкой, большой охотник до разных шуток с домашней утварью — прячет ухваты у хозяек, бьет посуду (Олонецкая губ.). Для запечника (иначе подпеч

Картины из Библии и Апокалипсиса. Общество Авеля. Ровинский-3. № 810

[illegible] оставлять часть приготовленной еды чтобы он не озоровал и был добр к хозяевам.

ЗЛЫДНИ

В русских демонологических представлениях о злыднях как злых духах носителях горя и бедствий сохранились в пословицах и поговорках. В украинско-белорусских поверьях нечисть и злыдней — маленьких невидимых злых духов, живущих за печкой и приносящих несчастье в дом — было довольно распространенной. В Витебской губернии о происхождении злыдней — маленьких женщин-невидимок, без языка глаз и ушей — рассказывали следующее. Давным-давно в одном доме жила змея. Однажды она обвила за шею черта и стала его душить. На крик черта вылетел Люцифер и бросил черта вместе со змеей в кипящую смолу. Одна из жуткой смрад Люцифер вытащил змею, ударил ею себе по заднице и стала змея злыднем. Вместо души у нее черт с горшком, внутри которого разные мерзости, и кто злыдня и раздает людям (Зеленин 19 : 1 : 5).

Дом, где поселится злыдня, грозит большое зло, как бы ни было велико богатство хозяина: оно быстро сгнет, и вместо довольства наступит страшная нищета. Крохотным ростом и коварным характером они напоминают домовых карликов, злых эльфов и кобольдов хикимор. В отличие от домовых, живущих в домах поодиночке и не любящих борьбу с чужими демонами, злыдни живут сообществами по два и более демонов в одном месте за печью. Поскольку они невидимы, распознают их по разговорам. Один крестьянин рассказывал [illegible] счастливой случайности. Построил новый дом с радостью и новоселье, а старую избушку закинул на пашню. Как-то раз он ссорился с женой [illegible] свое прежнее убожество, тут жена и всплеснула: что в старой избушке они оставили жернова. «Правда, мы сделали, — сказала она, — ведь они нас кормили при бедности, а теперь как господами стали, мы и забыли про них». Но [illegible] «Мы за жернованами покинули жилье, злыдню зародо, а слышится ему голоса из старой избушки: «Злыдней! Брат! Слой! Брат! — нас покинул, завертит тут на долгую муку!» — «Да вы кто такие?» — спрашивает Иван. «Мы — та[illegible] злыдни». — «Зачем с нами мне вас [illegible]». — «Нет уж, мы от тебя не отстанем!» Тут [illegible] подумал, как отделаться от злыдней. «Хорошо, — говорит, — возьму вас, но с условием: вы мне поможете донести жернова на [illegible]». Принял к ним тяжелые жернова и заставил идти впереди себя. Надо было переходить глубокую реку по мосту, мужик собрался с силами, [illegible] и сбросил злыдни как [illegible]. Подобное предание рассказывается в Германии о кобольдах. Хозяевам не давали покоя домовые кухни, и они построили [illegible] избу, [illegible] вся утварь была вынесена, дружно взялись [illegible] «Куда ты?» — спросила одна другую и [illegible] голоса ответили: «Мы перебираемся!» Испуганные служанки бросили веник и пруд [illegible] «Мы перебрались!» а вскоре в пруду сдохла вся рыба (Афанасьев 3 : 464 — 464).

В сказках Злыдня — спутники Жабы (Горя) и слепого, как и злыдни, Лиха (или одноглазого) — [illegible] духи, [illegible] и виновники беды и печали, обы

яснает их неразборчивость в жертвах, они не ищут ни правых, ни виноватых, привязываются ко всякому, кто окажется поблизости, накликают тех, кто по собственной воле ищет горя. Жил до сих пор человек и не знал, что есть на свете Лихо. Слышит — люди часто его поминают, и решил с ним увидеться. Шел-шел, под лесом стоит железный замок, кругом частокол из человечьих костей, черепа воткнуты сверху. Вошел в горницу — а там лежит громадный тучный великан, голова на покути (в переднем углу), ноги на печке, ложе под ним — людские кости. Это Лихо, а вокруг него сидит Злыдни и Журба. Само Лихо — слепое, гостей ловит на слух и ест (Афанасьев. Сказки 3. № 572).

В пословицах подчеркивается неожиданность и навязчивость прихода злыдней: несчастье, которое они приносят, кажется случайным, кратковременным, а длится годы. «Пришли злыдни погостить — три дни, а выжили целый век»; «Упросились злыдни на три дни, да черт их выкурит»; «Ходил три дни, принес злыдни».

Злыдни льнут к бедняцким и обходят богатые дома: «Деньги идут к богатому, а злыдни — к убогому», «Злыдни скачут, неволя учит, а чужие хлебы спать не дают»; «На всякое ремесло — злыдни».

В разговоре слово «злыдни» обозначало тяжкое, бедовое время, нужду, бедность, голод, злыднями также называли людей, не пригодных ни к какому делу, ленивых и бедствующих, находящихся в горе и нужде.

ЗМЕИ

Сколько змеи принимали разные духи, как добрые, так и злые, но чаще — враги человеческого рода, демоны. Реальным змеям, ядовитым пресмыкающимся, также приписывали возможности духов: сбрасывание змеей своей шкуры и некоторые повадки (например, заглатывание и выплевывание детенышей в случае опасности) наводили на мысль об оборотничестве, перевоплощении змей.

Происхождение змей-духов, оборотней, как и прочей нечистой силы, относится ко временам великой битвы Бога и архистратига Михаила со стаями непокорных ангелов, которые оказались побежденными в этой войне и попадали с неба на землю. Часть из них осталась на воздухе — летучие змеи, другие стали ползать по земле, третьи спустились под землю. Среди ползающих есть «жирные» — вроде домовых духов. Все змеи отлично плавают, во рту всегда держат травинку, обладающую чудесным свойством: при соприкосновении этой травы сокрушает самые крепкие железные замки (Зеленин-1914, 51). Старшая над всеми змеями — белая змея, по русскому поверью, кто поймает белую змею и, убивши, натопит из нее сала, а потом вымажет этим салом свои глаза, тот получит дар видеть скрытые под землей клады (по сходному чешскому поверью, если у белой змеи отсечь голову и в ее правый глаз вложить горошину, то вырастет чудесный стручок, кто станет носить его при себе — будет невидимкою, в немецкой сказке мудрый царь, вкусив мяса белой змеи, стал понимать речь животных и птиц) (Афанасьев-2, 550, 573 — 574). Царем змей считали *василиска* (см.), хотя рассказов о нем у русских было мало. К змеям не относили *ужа* (см.), но почитали его едва ли не больше, чем других

Лицевое изображение сто третьего пожима Давидова. Ровинский [illegible] № [illegible]

змей, ужом могли называть и василиска, и *огненного змея* (см.)

В преданиях рассказывалось об огромных, исчезнувших с лица земли змеях, устроителях земного ландшафта, прожорливых людоедах, выпивающих реки. Земляные валы, из десятки и сотни верст охватывающие в южнорусском крае [illegible] округа и уезды, назывались «змиевыми валами»; книжники еще в XVII веке именовали их также «Траяновыми валами», т. е. появившимися в самое отдаленное время, в эпоху римского императора Траяна (II в.). У этих валов есть рвы, обычно на стороне, противоположной Киеву (у переяславских валов — противоположной Переяславлю); они были возведены для защиты страны от степняков, но в народной памяти сохранилась иная [illegible] версия их происхождения. Вблизи Киева у Днепра залег огромный, страшный змей, причинявший жителям многие бедствия. Он требовал дани детьми, и все семьи посылали девиц и мальчиков на съедение чудовищу. Очередь дошла до княжеской дочери, она полюбилась змею, и он оставил ее у себя. Девушка выпытала у змея, кто в состоянии его убить, и сообщила эту тайну отцу. На борьбу со змеем отправляется Кирило Кожемяка. О победе богатыря рассказывается по-разному. В одном из вариантов легенды Кузьма и Демьян сковали герою огромный плуг, в который он впряг змея и заставил его пахать. Выкинутая плугом борозда образовала Змиев вал. Утомленный работой змей, мучимый жаждой, выпил реку и тотчас окаменел в страшных мучениях, а оставшаяся вода получила название реки Стугны («стоны» змея) (Антонович, 353 — 370).

Основание многих городов русской земли было связано, прямо или косвенно, со змеями, которые

залегали на месте будущего города. На берегу Волхова, согласно редакции легенды (XVI в.), в близости от города Словенска Великого (позже Новгорода) старший сын князя Словена — Волхов — обернулся в лютого зверя «крокодила», залег водный путь по реке и всех, кто не поклонялся ему, пожирал или топил. На месте города Казани до построения онего было гнездо змеиное. Обитал тут змей велик и страшен и имел две головы: одну змеиную, а другую человечью, и пожирал человеков, зверей и скотов, а пил всякое вино, и при нем множество других змей гнездилось, так что и пути мимо того места иметь никому было не можно. Когда для строения места онего хан Саин возжелал и построить на нем город, то, пленившися и пленив за великие плоды оных гадов вредных, послал [illegible]. Сии, [illegible] дьявольского наваждения собрал всех змиев в кучу и отрезал внук [illegible] своим прутом, чтоб ни один гад из онех не вылез, и, связав их хворостом, серою и смолою, всех сжег, и было от происшедшего от сих смрад, многие из воинства Саина на люди [illegible] и верблюды [illegible]» (гл. 2 и).

В сказках змей опоясывает город, охраняя его, исторически ту же роль выполняли змиевы валы — укрепления для защиты от кочевников (половцев). «Сидел Федор Бурмакин с товарищем на горе [illegible]. Вдруг [illegible] — обвилися и кругом городу огненный змий, хвостом на горах. Мог бы зайти в город, а зайти некак. Говорит Федор Бурмакин: «Змий разлиться», змий разлилися из гортани и хвостом. Федор Бурмакин в город прибежал. Змей сторож по своей природе всегда остается на ловищах с жирадами людей и скота. Великий

ский царь приказал написать на всех предметах в городе змей, и кругом городской стены тоже был написан змей. Привезли мехи, стали его надувать, и ожил, а вместе с ним — все гады на ложках, чашках и прочей утвари. Эти змеи источили всех в городе, осталась одна Царевна — туловище [illegible] ческое, а хвост змеиный (Ончуков № 48, 25.) (источник сказки — Сказание о Вавилоне, [illegible] в многочисленных списках XV — XX вв.)

Образ змея, опоясывающего город, восходит к [illegible] древней, космической функции мирового змея, держащего или окружающего землю: змей Шеша в индоиранской мифологии, Ермунгард — в скандинавской, Мехента — египетской. В XIX веке сохранилась вера в другое, не менее важное значение змея как начала жизненного, живого и оплодотворяющего. Повсеместно было распространено убеждение, что радуга — это змея, которая, опустив свое жало в воду, вбирает ее в себя и после выпускает, отчего идет дождь. На концах радуги повешено по котелку с древними золотыми монетами (Зеленин 19.5 8(9).

Представление о необычайной производительной способности змей отразилось в многочисленных мотивах сказок и бывальщин о связях их с женщинами, об их многочисленном потомстве — змеенышах, которые сосут груди красных девиц, беременных змеями в свои жилища. На лубочных картинках с изображениями мучений грешник и змеи и змееныши обычно наказывают распутниц. Бес летает к тоскующим вдовам в образе змея, рассыпающегося звездами над крышей дома несчастной женщины. Змей любит в них — традиционный образ старинных эпических песен — вдовы. Змей Тугарин покушается на

честь жены князя Владимира, Опраксии, держа руки у нее в пазухе на виду у всех, за пиршественным столом, милый друг Маринки-потравницы, известной всему Киеву гетеры, — Тугарин Змеевич, от лютого змея рождает молодая княжна могучего богатыря — Вольга Всеславьевича

По саду, саду по зеленому
Х[illegible] гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна
Она с ханею скочала на лютого на змея
Обнимается лютой змей
Около [illegible] шелк-ва
Около чудочка шелк-ва
Хоботом бьет по белу [illegible]
А втапоры девичьи поясы вонесла
А поясы вонесла и дити родила
А и на небе [illegible] и [illegible] месяц
А в Киеве родился могуч богатырь
Как бы молоди Вольга Всеславьевич

Кирша Данилов № 6.

По месту обитания и способу передвижения змеи делятся на летающих (драконов — Змиев Горынычей, летунов, несунов, пара — огненных змеев) и ползающих по земле или под землей. Драконы, трех-, двенадцатиглавые (реже — более) змеи, живут в норах или пещерах гор, они могут быть как мужского, так и женского пола (Змея Горынчата), в сказках такие змеи являются обладателями царств и дворцов где-то на краю земли или под землей. Горынычи питаются человеческим мясом, их тайные пещеры полны пленниками и пленницами, захваченными в разных странах.

Наметив себе жертву, Змей Горыныч прежде всего стремится обжечь ее искрами, опалить огненным дыханием, затем, взяв в когти человеческое тело, он несет его (обычно над морем) в свое логово. Герой, вступивший в схватку с чудовищем, должен обязательно отрубить ему все головы, или обессилить его с помощью особых приемов: он избивает Змея прутьями или плеткой, засыпает ему глаза песком, бьет монашеским колпаком (шапкой земли греческой) («Добрыня и Змей»).

Воспоминание о многоглавых драконах сохранилось, в основном, только в сказках, былинах и духовных стихах, живым поверьем XX века был бес — огненный змей, являющийся тоскующим людям в образе милого человека. Он носил в дом деньги и сокровища; посторонним полет беса кажется падением и сгоранием метеора над крышей какого-нибудь дома.

Ползающие, «подземельные» змеи владеют нижним миром, они охраняют сокровища, находящиеся в земле: клады, золото, драгоценные камни. Пищей им служат тела мертвых, покойников: «Там ходила змея ведь подземельная, А ела ведь тела она мертвые» (былина о Потыке-богатыре). «Змея» — от «земли». Под землей змеи преодолевают любые преграды, благодаря необыкновенному языку, которым они могут пролизывать камни (в заговорах змеи лижут мифический камень Алатырь), железо и дерево (пролизывая стенки гроба, змея проникает внутрь, к мертвому телу). По новгородским поверьям, змея поселяется в горле умершего на страстной неделе. Змеи гнездятся там, где скупые прячут свои сокровища. Один богатый старик перед смертью, чтобы его деньги никому не достались, положил их в опучи. Его так и погребли. Спустя некоторое время сыновья, искавшие наследство, догадались разрыть могилу и увидели, что ноги старика обвили большие чер

ные змеи (Новгородская губ.). На Онежском озере есть Мат-остров, где водится множество змей. В народе говорили, что там спрятан большой клад, потому что «змей без свету не живет: что ему делать в темной норке, как бы там не было золота и драгоценных камней?» (Куликовский-1902, 63). На Урале ходило много рассказов о Великом Полозе — хранителе горных сокровищ и рудных богатств. Вот один из них. Старик Леонтий, всю жизнь проработавший в шахтах и на казенных приисках, ослаб настолько, что его отпустили на вольную работу. Услышал он, что в верх-вьях речки Рябиновки стало попадаться золото, облюбовал место, сделал заявку и стал работать. Только сил у него мало: живо намахался, устал — еле жив сидит. А с ним ребятишки были, мал мала меньше, какие они помощники. Поработали с неделю, видит Леонтий, пустяк дело, на хлеб не сходится. В субботу пошел в контору сдавать золотишко, какое намыл, а ребятам наказал: «Вы тут побудьте, инструмент покараульте». Остались ребята караульщиками у шалаша. Старший сбегал на реку, порыбачил, надергал окунишков, и давай они себе уху варить. Костер разожгли, а дело к вечеру, боязно ребятам стало.

Вдруг видят — подходит к костру старик, из [illegible]. Семенычем звали. Двадцать пять лет в солдатах был, вернулся уже стариком, родные все у него умерли, избушка заколочена стояла. Семеныч подправил ее кое-как и жил в ней один-один [illegible]. Только [illegible] соседи замечать, работы у него нет, а денежонки водятся. Над книжками каждый вечер сидит. Бывало, кой-кому и ссуды давал, и чудно так: иной просит-просит, заклад дает, надбавку обещает, а он не даст. А к другому

сам придет: возьми, мол, Иван, на корову, ребятишки у тебя маленькие, а подняться не можешь. Чертознаем его считали: за книжки больше.

Вот подошел этот Семеныч к костру, ребята радехоньки: «Садись, дедушко, похлебай с нами ухи!» Он давай уху нахваливать, а сам из сумы мягкого хлеба достал, ломоточками разрезал и перед ребятами разложил. Ребята под разговор наелись как следует, а старик знай похмыкивает: «Давно так-то не едал». Стал старик расспрашивать про их дела. Они все рассказали по порядку, как отцу от работы отказали, как они тут золото стали мыть. Семеныч головой покачал и спросил: «Сколько намыли?» Ребята говорят: «Золотник». Старик встал: «Ладно, ребята, надо помочь вам. Только вы помалкивайте, ни одной живой душе — ни слова». И так Семеныч на ребят поглядел — ровно и не он вовсе: «Вы тут сидите у костра, а я схожу, поклонюсь, кому надо. Может он вам поможет. Только не бойтесь, а то все дело пропадет».

Сидят ребята, дожидаются, а уж ночь совсем. Набросали они в костер хвои, испуг и прошел. Вдруг подходят к огню двое: один — Семеныч, а другой — незнакомый, одет странно: кафтан на нем, штаны — всё из золотой парчи, поверх кафтана широкий пояс с узорами и кистями, парчовый, с зеленью, шапка желтая, а справа и слева по ней красные зазорины, и сапожки тоже красные. Лицо желтое, в окладистой бороде, а борода [illegible] завилась, глаза зеленые и светят, как у кошки, ростом с Семеныча, не толстый, а грузный — на том месте, где он стоял, у него под ногами земля вдавилась. Сказал он Семенычу: «Что твои вольные старатели? А не испортим мы с тобой ребятишек-то? Все люди на одну колодку

пока в нужде и бедности, ровно бы и ничего, а как за мое охвостье поймаются — так откуда на них всякой погани нальнет! Ну ладно, малолетки, может, лучше окажутся. Смотрите, ребята, хорошенько. Замечайте, куда след пойдет, по этому следу и копайте».

Видят ребята — человека того уже нет. Которое место до пояса — все это голова стала, а от пояса — шея. Голова точь-в-точь такая, как была, только большая, глаза стали — по голубиному яйцу, а шея змеиная. И вот из-под земли стала выкатываться тулово преогромного змея. Голова поднялась выше лесу. Потом тулово выгнулось прямо на костер, вытянулось по земле и поползло к Рябиновке, а из земли всё кольца выходят, ровно конца им нет. Костер потух, а на поляне светло как днем, только свет не как от солнца, холодный.

Дошел змей до Рябиновки и пополз в воду, перешел на другой берег, дотянулся до старой березы и крикнул: «Заметили? Тут вот и копайте. Хватит вам по сиротскому делу». Сказал так и словно растаял. Вода в реке опять зашумела, костер загорелся, только траву будто иней прихватил. Семеныч объяснил ребятам: «Это Великий Полоз. Все золото в его власти. Где он пройдет — туда оно и подбежит. А ходить он может и по земле, и под землей, и места может окружить, сколько хочет. Оттого вот и бывает: найдут, например, люди хорошую жилку, а случится у них обман или драка, и жилка потеряется: Полоз отвел золото. Или найдут старатели хорошее рассыпное золото, а контора вдруг объявит: уходите, это место берем за казну, сами добывать будем. Навезут машин, народу нагонят — а золота нет. Это Полоз окружил все то место, пролежал так

[illegible]
змея [illegible]

[illegible]нику — золото и стянулось по ее кольцу». В следующий день братья стали копать на том месте, где костер был, — и сразу две [illegible] желки нашли (по сказке сказителя Хмелева, записанной П. Бажовым в 1936 г. — В кн. Тайны сказы, № 19)

В библейских и церковных символах змей, дракон — изображение дьявола, антихриста, язычества, атрибут многих святых. Например, в иконописи святой Георгий Победоносец поражает змея, в духовных стихах святой Егорий, отвергая святую веру на земле, минует разные «заставы», среди них — лютый огненный змей, которого он одним словом превращает в подземельных змеенышей: «Рассыпься, змей, в [illegible] вонди ж ты, змей, во сыру землю. Где ты [illegible] изначальной земли» (Бессонов-2, 465). Горные и [illegible] пещерные змеи, чудовища [illegible] гораздо более опасными для человеческого рода, чем те, что ползали по земле. Победа над таким чудовищем одерживается с помощью чудодейственного слова. Георгий продергивает пояс в [illegible] змею, и освобожденная от дракона Елисавета [illegible] дет его на поясе в Раклейское [illegible] страхом угрозы быть съеденными змеем, [illegible] выстроили бы три христианские церкви (Бессонов-2, 513).

В народной легенде о змее-искусителе [illegible] ник Сатана «Леонид прошел в рай по водам рек, увидел древо познания добра и зла (яблоню), творенное некогда Сатаной, вошел в змею, лежащую под яблоней, и обвился вокруг ствола. [illegible] дал человеческим голосом убедил Еву попробовать плодов с дерева, но едва Ева вкушала от плода, как разразилась страшная гроза. Адам [illegible] они нарушили Божью заповедь, хотел выплюнуть

кусок яблока, но он навечно застрял у него в горле (от этого кусочка образовалось адамово яблоко). Бог молнией поразил змея» (Сборник материалов 36, 138 — 140).

Символикой змея — врага человеческого рода — отмечены многие народные легенды и предания, иногда они отталкивались от скульптурных, живописных изображений змея. В олонецком предании (XIX в.) значение знаменитой статуи Петра I (скульптор Э.-М. Фальконе) раскрывается следующим образом. Верхом на коне Петр I пришел на берег Невы и сказал, «Если я перескочу на коне через реку, то весь мир будет мой». Но как только царь захотел перепрыгнуть через Неву, река обратилась змеей и ужалила коня в ногу. Так Петр и не перескочил через реку.

На практике символика змеиных образов преобразовывалась в конкретные рекомендации обращения с природными змеями. Согласно одному из вариантов легенды о потопе, кошка съела дьявола в образе мыши, когда он прогрызал дыру в Ноевом ковчеге. Поэтому шкурка кошки у вятчан считалась прекрасным предохранительным средством от укушения змеи: эту шкурку носили за пазухой, [illegible] туда, где водится змея, ее клали на [illegible] ложась спать, чтобы не ужалила змея.

Встречу со змеей или ее необычное поведение считали знаком, предзнаменованием каких-то событий. Увидеть змею, ползущей вон со двора, — быть беде, вползающую во двор — к радости. В этом случае змея отождествляется с духом дома — домовым-дворовым. Любую змею, увиденную в пределах человеческого жилья (на дворе, на улице), признавали домовым, которого нельзя ни гнать, ни убивать, чтобы он не отомстил несчастьем (пожаром, смертью детей и проч.). Зато

встреченную вне селения змею обязательно [illegible]
вали и несли домой (опытные люди при [illegible]
из нее лекарство — в частности — от глазных бо[illegible]
лезни (змею варили в котле заставляли больного
держать голову над паром вынаренную змею
выбрасывали на улицу и сжигали) (Ку[illegible]
163 [illegible] 641) Зкуление змеиного мяса [illegible]
мудрость в рассказах о колдунах чародеи варили
змей для приготовления волшебных зелий [illegible]
[illegible] отвара выгоняла траву [illegible]
смертельным ядом третий давал [illegible] яд
птиц и зверей Магическими [illegible] и до
лась змеиная шкурка змеиная высушенная [illegible]
прикрепленная к шнурку [illegible] креста [illegible]
лась от лихорадки от тяжких людей [illegible]
дет любим и благополучием всем (Новгород[illegible]
губ)

Многие уверяли что змеи входят во в[illegible] тре
ности человека «Ежели спящему на п[illegible]
лось, что он пил весьма студеную воду [illegible]
[illegible] по утрам ежели мнится что у [illegible]
ворочается или раздувается живот то никто [illegible]
не смеет сомневаться что у него в желудке [illegible]
тает змея Также [illegible] вареным к [illegible]
коровьим молоком смешанным с [illegible] пряными ме
лом столько сколько желудок его вместить м
жет, потом привязывают его за ноги и жарко [illegible]
[illegible] к потолку и держат до тех [illegible]
пока не вырвет из него как говорят «черепо[illegible]
с костью ростом по уверению их и змея вы
дает» (Чулков 201 — 202 В конце XX века в
Енисейской губернии с той же целью женщин
подозревавшую что у нее во внутренностях на
ходится змея поили мочой сильно перепуганных
лошади варили в так жарко натопленной бане
как только можно было потерпеть

Убить змею не считалось грехом это все ра

но что к обеду сходить можно после этого шести
недель в церковь не ходить [illegible] не только [illegible]
[illegible] змея — далекоблаженный облик дьявола Змеи и
[illegible] пьют солнце когда раскрыв рот сидят
на камнях и [illegible] а [illegible] больше
[illegible] (30) Полагалось убивать
[illegible] укусившую человека но что с [illegible]
[illegible] — мнения расходились Одни совет[illegible]
[illegible] не на месте другие напротив считали
[illegible] на месте змея [illegible] и ужалит
[illegible] (Даль 1864 2 346 [illegible]) Распрост
[illegible] было поверье что ужалив человека
змея ползет в воду полоскать жало Надо успеть
[illegible] до воды раньше года тогда действие яда
[illegible] и галина пройдет Или [illegible]
[illegible] убить змею а [illegible] из нее «мокре
[illegible] приложить к ранке змеиное жало клали в
[illegible] сапога чтобы никакая сила не могла одо
[illegible] [illegible] или такого талисмана Тем мерам
змеи иногда [illegible] в дом с [illegible] «змея и
[illegible] клали [illegible] и вешали его близко к полу [illegible]
и змеи [illegible] выше [illegible] человека [illegible] хозяин
[illegible] (Зеленин 1916 [illegible])

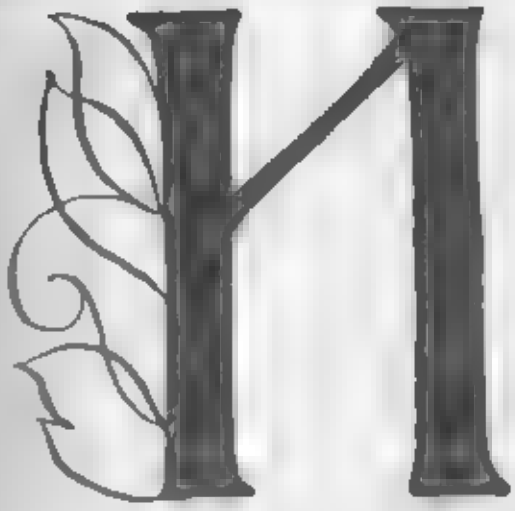
Для [illegible] [illegible] змеиных укусов пользовались предметами которых боятся змеи [illegible] мимо
[illegible] шкурки [illegible] перекладины из конского волоса Волосяное [illegible] помещали в том месте где [illegible] провести [illegible] змеи не любят [illegible]
[illegible] и не приближаются к [illegible] (Макарен
[illegible] 5 — 9.)

Как и всякие другие напасть укушение змеи [illegible] заговорами заговоры и мольбы [illegible] также [illegible] укусы «Змея Македонская» за
[illegible] [illegible] змеям старшая и большая [illegible]
[illegible] изъяны кусаешь добрых людей [illegible]
[illegible] и [illegible] и братьев и сестер и родных и чужих выпей свое жало из грешного тела

у раба такого-то, а если ты не вынешь своего жала, то нашлю на тебя грозную тучу, каменьем побьет, молнией пожжет. От грозной тучи [illegible] ты не укроешься: ни под землей, ни под межой, ни в поле, ни под колодой, ни в траве, ни в сырых борах, ни в темных лесах, ни в оврагах, ни в ямах, ни в дубах, ни в норах. Сниму я с тебя двенадцать шкур с разными шкурами, сожгу самою тебя, развею по чистому полю. Слово мое не прейдет ни в век, ни вовек!» (Сахаров, 52).

В молитвах звали не помощь святых: «Молитвами ради Пречистыя твоея Матери благодатный сей мира, отступи от меня, нечестивый, змея злая, подколодная, гадина лютая, снедающая людей и скот, яко комары от облаков растекаются, такожде ты, опухоль злая, разойдись, растянись от раба Божьего (имярек). Все святые и все монастыри, все братья иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовые святые лики, станьте мне на помощь ныне в дни, тако и в нощи, во всяком месте раба Божьему (имярек). Аминь» (Даль-1880, 3[illegible] — [illegible]).

Укушенное место натирали осиновой корой — корой дерева, широко использовавшегося в народе как универсальное средство против всякого рода чар (например, осиновым колом пробивали тело упыря, чтобы мертвец по ночам не вставал из могилы; согласно легенде, на осине удавился Иуда, оттого листы ее дрожат и тогда, когда нет ветра), — затем над осиновой корой трижды читали следующий заговор: «Цереса, росица, шереспе, подика сюда! От чего это стало? Стало этот галя — черья земляного. Ой же ты галь! Возьмешь свою ять, и не возьмешь свою ять, не пустит тебя ни вода, ни земля, ни пень, ни колода и ни липовый куст. А возьмешь свою ять, примет тебя и вода, и земля, и липовый куст» (ять — яд. Новгородская губ.).



ИГО́ША

Дух младенца, умершего некрещеным. Уродец без рук и без ног. Проживает в разных местах дома, проказит, как кикиморы или домовые, мстит тем, кто не хочет признать его за домового и не кладет иноше за столом ложки и ломтя хлеба, в морозы не выкидывает ему из окна шапки и рукавиц. Дух мертворожденного ребенка, недоноска. Поверье, вероятно, обязанное своим происхождением обычаю хоронить мертворожденных или умерших во младенчестве детей (до полугода) в пределах своего жилья, во дворе, под порогом (Афанасьев-2, 102, -3, 237, 241, 317). Повитухи уверяли, что выжить может только ребенок, родившийся не ранее чем за четыре—шесть недель до срока. Недоноска клали в рукав шубы и остав

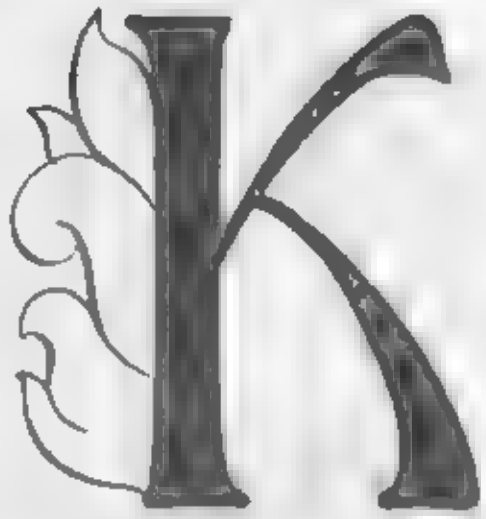
[illegible] на [illegible] мать [illegible] в день капала ему в рот грудного молока. [illegible] дитя «доходило» до положенного срока, с ним обращались как с обычным младенцем, но такие случаи были редки, дети [illegible] выживали не часто. Дух младенца, умершего без крещения, считался очень беспокойным — он [illegible] вблизи человеческого жилья и требовал себе креста и имени, нужно было [illegible] дать его имя (вернее — пол, т. е. назвать соответствующее его полу мужское или женское имя) и привидение покидало свою жертву.

ИКО́ТА

Дух болезни икоты, вызывающий истерические припадки, сопровождающиеся бессвязной, не контролируемой сознанием речью, которую часто принимали за пророчество. Болели икотой преимущественно женщины-северянки, особенно жительницы Мезенского, Пинежского, Печорского краев. Голос, которым говорила больная, неприкрытно бранясь, выкрикивая непонятные фразы или называя имена известных ей людей (которых в связи с этим начинали считать колдунами и порчевниками «икотниками») признавали за голос самого духа болезни. Одной из разновидностей икоты была «немуха», лишавшая больного дара речи. Чтобы вылечить «немуху», больного вели к икотнице-говорухе, и в ее присутствии временно онемевший начинал говорить.

Духа икоты почти невозможно было изгнать из тела страдающего ею. Со смертью больного икота не умирала, а вселялась в очередную жертву из круга знакомых и родственников больного,

не в добрый час помянувшую черта в присутствии умирающего. Колдуны-икотники [illegible] болезнь на какой-нибудь предмет и клали его так, чтобы тот, кого нужно было испортить, споткнулся об него и выругался с досады. Снять порчу мог этот же колдун или более сильный, поэтому окружающие внимательно прислушивались к именам, которые произносила икотница, думая, что она назовет того чародея, к которому нужно обратиться за помощью. Приступы икоты сопровождаются головокружением, головной болью, слабостью и потерей аппетита. Некоторые больные рассказывали, что перед тем, как болезнь поразила их, они слышали жужжание мухи. Икота вызывала в человеке несвойственные ему прежде желания: есть пряники, пить вино, отказаться от всякой работы, так что больная не в состоянии была даже застегнуть или пришить пуговицы на одежде. Икотниц иначе называли *клакушами* (см.) (Дмитриева, 87 — 90)



КИКИ́МОРА Кика, кикимор, кикимра, кыкимора, шишимора, шишимра. Ср. др.-рус. «качица».

Кикиморы [illegible] немецким [illegible] эльфам, которые по ночам путают и искажают [illegible] у [illegible] людей. Сербским и чешским [illegible] и [illegible] — [illegible] мучающим людей [illegible] к [illegible] в белорусском языке [illegible] дух обратен, в сербохорватском — [illegible] Словарь «кикимора» имеет и родственные русскому, украинским и белорусским языкам, но в Киевской губернии были известны миф о этих существах «нечисть» — ночные духи, они выпрядали лен по ночам, шумели и стучали в избах, особенно в [illegible] ночи.

«Кикимора», «шишимора» [illegible] сложные слова

восходят к «кикать», «кыкать» — кричать, пищать, издавать резкие звуки (в «Слове о полку Игореве» Ярославна кукушкою «кычет»), или к «кика» — женский головной убор с рогами, к «кикать» «шишить» — черт, нечистый дух, вторая часть слова соотносится с «мара» или «мора» — привидение, дьявольское наваждение.

Кикимора имеет вид крохотной безобразной старушки. Днем она сидит за печкой, а по ночам выходит прясть с прялкой, веретеном и начатой пряжей. Придет, подпрыгивая, чаще всего на голбце — лавке у печи, свист веретена, звук сворачивающейся с прялки кудели можно услышать ночью, сама же кикимора остается обычно невидимой. Если кто-нибудь захочет оставить в доме кикимору на всегда или убедиться в том, что она — из проклятых в прошлом или умерших некрещеными детей, то накидывает на кикимору крест, она тут и останется. Видеть кикимору — к несчастью или к смерти кого-либо из домашних. Для прядения она берет пряжу, оставленную без благословения на ночь, прялку, оставленную на любимом месте кикиморы — воронце (полке — доске, укрепленной на ноль и посреди всей избы). О ленивых прялях говорили: «Спи, кикимора за тебя спрядет!»

О происхождении кикимор рассказывали по-разному. Некоторые полагали, что кикиморы — женщины, унесенные во младенчестве чертями и [illegible] колдунами в чей-нибудь дом, навлекая на хозяев великий страх своим «неугомонством». Реже — мужчины, украденные чертями от матерей в детском возрасте и воспитанные нечистой силой. Помимо колдунов, кикимор в дом могут посадить плотники, если им не заплатят за работу надлежащим образом. Назывные кикиморы особенно беспокойны, ломают вещи в доме, шумят и стучат, выживая хозяев. От всего этого плотники

мают избавить хозяев — лучшая сделка за работу (Чулков, 89 — 90; 268 — 269). В ночи дети в бане кикимора во время ужина и других занятий начала на стол разные вещи. Дом пришлось продать. В купленной избу стала разбирать ее для перенесения на новое место. В переднем углу в стене между бревен нашли тряпочку и куклу, смоченную кровью, это была кикимора, подброшенная плотниками (Черепанова, 126 — 127).

Чтобы избавить дом от насланной кикиморы знахаря и обметали печь и все углы избы с заклятием «Кикимора домовая! Выходи из горницы дома скорее, а не то задерут тебя каменными прутьями, сожгут огнем-полымем, зальют горячим смолою» (Афанасьев 2, 106). В случае, если кикиморы приносят от умершего некрещеным младенца, она часто поселяется в тех домах, где его когда-нибудь был уже ребенок, а для того, чтобы у такой кикиморы крестообразно вырезать правое ухо, она станет человеком и будет расти как дитя, но обязательно с каким-нибудь уродством (Зеленин, Очерки, 2а).

Кикиморы боятся медведей, в прошлом мещане — вожаки медведей — весьма часто изгоняли с просьбой сгонять из дома ту или иную нечистую силу. В одном доме кикимора мешала хозяевам по ночам ходить, стучала, была злая. Наконец, хозяева вынуждены были покинуть дом. Так и стоял дом пустой. Мимо него вели раз мужик, ученый медведь, не было им места где остановиться, поэтому они с медведем разместились в доме, где жила кикимора. Медведя привязали, а сами легли спать. Кикимора начала проказничать да и набросилась на медведя. Началась борьба, сильно помял мишка кикимору. Она заревела и убежала из дому. После этого не стали манить (звать) в дом и прежние хозяева смели

вернуться в прежнее жилье. Через месяц подходит к этому дому какая-то женщина и спрашивает у ребят: «Уда ли от вас кошка?» А дети действительно держали кошку, которая к тому времени и котят принесла, поэтому они ответили: «Кошка жива и с котятами!» Повернулась женщина и пошла прочь от этого дома: «Вона — думает кикимора — у них и прежде кошка была злая, одна без котят, а с котятами еще злее будет». Больше кикимора не возвращалась (Волжская губ.).

Существовало также представление о кикиморе (русалке), она ухаживает за домашними животными, кормит их и пересчитывает, но считать умеет только до трех. Рассердившись за что-нибудь на хозяев, она строжет овец и из их шерсти вяжет постели для скота. Обижалась кикимора, так же как и все демоны, на недостаток уважения и пренебрежительное отношение к ее слабостям. Например, нельзя в дом приносить траву чернобыльник, которую очень не любят все домовые духи. Скотина кикиморы постоянно живет по скотным дворам, кормовым сараям или в пустых чередах, на улицу не выходит из боязни, что ее хромоногую старуху унесет ветром (Зеленин, 1914, 2а).

Подобно дворовому, кикимора ночью гоняет некуг лошадей, так что утром они все измылены. Один хозяин решил за это наказать кикимору — застеречь ее ночью. Явилась около полуночи женщина невысокого роста в темном уборе — самшуре, села на лошадь и стала ее гонять вокруг ясли. Изловчился хозяин и ударил кикимору плетью по голове, самшура упала, а кикимора соскочила на землю, обиженно вопя: «Не ушиб не ушиб, только самшурку сшиб!» — и бросилась бежать. После этого никто больше лошадей по ночам не мучил.

У кур кикиморы вышипывают перья. Для пре

дохранения птиц от злых духов крестьяне вешали на нашесте красные лоскутки, рыльце от разбитого глиняного умывальника, горлышко от бутылки или камень с дыркой. Такой оберег называли «куриным богом».

Довольно распространенным было мнение о кикимора — жена домового, скрюченная, безобразная, нищенски одетая старушка или маленького роста женщина с распущенными волосами в простом будничном платье. Живет она, как и домовой, в подполье, в правом от входа углу у печи, куда сметают мусор, или в голбце возле печки. Выходит ночью прясть, т. е. доделывает брошенную женскую работу, так же как домовой — мужскую. Услышав ночью стук посуды, звон разбитых горшков или свист веретена, домашние догадывались, что это хозяйничает кикимора.

В Тотемском уезде Вологодской губернии кикимору почитали за хранительницу домашнего очага и верили, что она может уберечь дом от пожара. Это верование воплотилось в обрядовую форму: как только девушки начали трепать лен и у них накапливалось достаточное количество отбросов (костры), то их собирали, выносили на поле за деревню и зажигали. Когда костер хорошо разгорится, под кучу подсовывали палки и подбрасывали ее вверх — получалось очень большое пламя и целый сноп искр. Молодежь бегала вокруг этого пламени с криками: «Кикимора на бабку! Кикимора на бабку!», веря, что после этого заклинания нечего бояться пожаров от искр. «Бабкой» называли огонь, а также загнету, загнетку, т. е. то место в печи, куда сгребают жар, горящие угли (Зеленин-Этнографические работы, 159).

Сравнительно редко указывали на гумно, как жилье кикиморы, где она находилась до Святок, а после уходила. Кикиморами могли также называть демонов женского рода независимо от того, жили ли они в домах или вне дома: лешачих, русалок, болезней-лихорадок, водяных женщин, полудниц. Кикимора-полудница, например, в летнее время сторожила горох, она ходила вокруг горохового поля с раскаленной железной сковородой в руках и изжаривала на ней любителей полакомиться чужим горохом. Впрочем, в отличие от полудницы, кикиморы сторожили горох по ночам.

Именование «кикиморами» всех злых женских духов связано со словоупотреблением «кикимора» в качестве бранного прозвища неряшливых, неопрятных, злых женщин или людей с каким-нибудь недостатками (домоседов, замкнутых и угрюмых, или напротив, юрких, беспокойных, неуживчивых людей; худосочных; хитрых и настойчивых, но неприятной наружности и т. д.) (Черепанова, 127).

Помимо жилых домов, кикимора может занять пустующий дом или кабак. В Самарском крае бытовала сказка про кабачную кикимору. К краю оврага лепился кабак, поблизости находилось село, где были большие базары по понедельникам и пятницам, и в кабаке шла бойкая торговля вином, но ни один целовальник не мог долго усидеть в кабаке — постоянно проторговывался и разорялся. Все целовальники рассказывали, что ровно в полночь кто-то у них вино цедит, а когда зажигали свечку, то видели хомяка, который скрывался в нору под полом. Тот кабак никто не решался брать на откуп, пока не предложили его одному моту и пьянице, уличенному несколько раз в сокрытии краденных вещей. Был он человек семейный, неглупый и отчаянная голова и взял кабак, хотя и слышал о нем много странных рассказов.

В первую же ночь новый кабатчик приготовил [illegible] положил [illegible] на [illegible], выпил полштофа вина и лег спать. «Теперь, — гово-

рит, — хоть сам черт приходи, никого не боюсь». Вдруг слышит, кто-то вино из бочки цедит. Зажег свечу, взял топор, подошел к бочке, осмотрел ее и видит, что все печати на ней целы, а кран полуотворен. Постукал топором по бочке и по звуку определил, что вина стало много меньше. Выругался кабатчик: «Черт ли отлил! Покорись мне. Ведь я чертей не боюсь, до чертиков-то я раз десять напивался, не привыкать мне вашего брата видеть!» Тут он услыхал под полом треск, стала поворачиваться половица и из-под пола вырастать странного вида дерево. Оно все росло и росло, закрыв ветвями чуть не весь кабак, листья зашумели над головой кабатчика, но он не испугался, взмахнул топором и стал рубить дерево. Но топор его будто во что-то воткнулся, будто могучая рука удерживала его. «Пусти, — говорит целовальник, — я знаю, ты — черт, а все-таки буду рубить!» В это время слышит над головой тихий и кроткий голос: «Послушай, любезный, не руби меня, не руби ты дерево, ведь это — я. Ты со мною уживешься, мы будем с тобой друзьями, и ты будешь счастлив». — «Пусти топор, — ответил целовальник, — я хочу и выпить». — «Поднеси и мне», — попросил дух. Целовальник налил два стакана и видит, стакан сам собой поднял я в воздух и опрокинулся, будто его кто выпил. «Ну, брат, спасибо за угощение, — сказал голос. Слушай! Я — сын богатых родителей, сын купеческий, проклятый еще в утробе матери, и вот теперь скитаюсь по свету около тридцати лет. Отец меня проклял ни с того ни с сего, а мать поклялась своей утробой в нечестивом деле: они с отцом душу человеческую сгубили, отравили родного брата, чтобы воспользоваться его богатством. Так вот кто я такой! Теперь слушай дальше. Ставь каждый день в двенадцать часов дня и ночи

в чело печи за заслонку по стакану вина и пресной на меду лепешке, этим я буду кормиться, а ты торгуй — не бойся ни поверенных, ни подсыльных. Я тебе о них сообщу еще за десять верст, так что ты будешь знать, кого подослали, чтобы тебя поймать в разливе вина. Образов не заводи и молебнов не служи, а как я уйду отсюда через год, так и ты уходи, а то худо будет тебе. А теперь ложись и спи». Целовальник выпил еще вина и лег спать, видит — дерево становится все ниже и ниже, скрылось под полом, и половица опять легла на свое место.

Поутру он встал рано и увидал, что у него открылась хорошая торговля, целый день он ни в чем не обсчитался, к вечеру проверил выручку и смекнул, что торговля шла на удивленье. С тех пор он никогда не попадался ни под какой штраф, хотя постоянно продавал рассиропленное вино, и всегда знал, кто из поверенных приедет его ревизовать. Все удивлялись его ловкости и аккуратности, а больше всего тому, что целовальник, несмотря на то что пил вино без меры, пьян никогда не напивался.

Прошел год. Наступила полночь. Целовальник, по обыкновению, спал на стойке, как вдруг услышал голос. «Ну, прощай, брат! Я ухожу. Ты же завтра откажись от кабака и прекрати торговлю». «Покажись мне!» — попросил целовальник. «Возьми ведро воды и смотри в него». Целовальник взял ведро воды и свечку и стал смотреть на воду; и увидал он в ведре свое лицо, а с левого плеча — другое лицо, красивого человека средних лет, чернобрового, черноглазого, на щеках будто розовые лепестки вырезаны. «Какой ты красавец!» Но кабачная кикимора вздохнул: «Не родись ни хорош, ни пригож, а родись счастлив» — и все пропало. В печной трубе раздался страшный вой и плач

Целовальник все же не послушался брата и на другой день хотел еще зашибить копейку, и тут же был оштрафован на двести пятьдесят рублей. Тогда он сдал должность и навечно отказался от торговли вином, перестал пить, купил себе [illegible] стоялый двор и сделался набожным человеком (Садовников, № 70).

В сатирических сказках образ кикиморы используется для повествований о плутах и обманутых мужьях. Бедняк продал шкуру последней коровы и вырядил у купца к оплате еще стакан водки. Купец послал его к своей жене, а у купчихи в это время был любовник. Пока она угощала в подполье мужика, продавшего шкуру, вернулся домой муж, и ей пришлось прятать обоих гостей в подполье. Купец явился с товарищем, приказал поставить самовар, принести вина и закусок. Вскоре товарищ затянул песню. Бедняк, сидевший в подполье и успевший изрядно захмелеть после стакана водки, сказал любовнику купчихи: «Это песня родителя-батюшки, сейчас подхвачу!» Купчихин дружок стал просить молчать и дал денег. Наверху затянули новую песню, мужик опять: «Это матушкина песня, сейчас подхвачу!» Любовник еще больше заплатил за молчание. Надоело мужику сидеть под полом: «Я есть хочу, — говорит, — до каких пор мы будем здесь сидеть? Попроси у хозяйки подушку и ведро смолы». Любовник говорит западню и потихоньку сказал: «Дай ведро смолы и подушку с перьями». Купчиха все им принесла, мужик вылил смолу на ее дружка и валял в перьях, сел на него верхом и вывел из комнаты. Купец испугался, а купчиха говорит мужу: «Разве я напрасно тебе рассказывала, что в подполье у нас кикиморы живут? Вот кто у нас деньги таскает!» Отворили дверь, кикиморы и выехали на улицу (Смирнов-2, № 350).

КЛАДЫ

Согласно народным рассказам, клады — это не только спрятанные где-либо ценности, но духи сокровищ, которые то ищут себе новых хозяев, то наоборот, прячутся от кладоискателей. Каждый клад охраняет нечистая сила, являющаяся людям в самых разных образах, от предметов до чудищ необыкновенных размеров. Поверья о кладах особенно распространены там, где много рассказов о первопоселенцах или аборигенах края (например о чуди на Русском Севере), о разбойниках, немногда промышлявших в данной местности, об интервентах, захватчиках, которые либо сами зарывали сокровища, либо это делали богатые хозяева, боящиеся ограбления и прятавшие свое добро с каким-либо заклятием, затором, чтобы клад нельзя было не только выкопать, но и достать: сила заговора делала клад живым существом, способным уходить от преследователей, духом-оборотнем.

Поверья о кладах существовали еще в Киевской Руси. В Киево-Печерском Патерике (сборнике произведений об истории Киево-Печерского монастыря и его первых подвижниках) рассказывается о монахе Федоре, на богатых бояр, как он жил в пещерах и был мучим бесом, являвшимся к нему в образе знакомого старца Василия, который увещевал монаха найти в пещере клад, якобы [illegible]ченный Богом ему в награду. Федор отказался от соблазна. Тогда бес явился к князю Мстиславу Святополковичу и рассказал о тайне клада, хранящегося в Варижской пещере, где жили Федор и Василий. Князь потребовал добыть клад, но монахи Федор и Василий приняли мученическую смерть, не предав сокровищ на зло и корысть людям (Аничков, 354 — 355).

Клады бывают двух видов: 1. Живой клад. Яв-

Клад. Картинка [illegible] лубочной книги XIX в.

дается своему избраннику или избраннице, т. е. предполагаемому новому хозяину, в виде человека или животного. Такой клад не нужно ни искать ни откапывать из земли, стоит только ударить его левой рукой наотмашь один раз, сказав: «Аминь, аминь, разаминься!», как он рассыплется на золотые и серебряные деньги. 2. Некретимый (от «кретать» или «крятать» — сдвигать, стронуть с места, шевелить) клад — из земли въявь выйти не может. Показывается людям обычно во сне и сообщает о месте своего нахождения, иногда дает знать о себе знаками горящими огоньками, свечами, видениями. Например, может присниться в образе пастуха, пасущего большое стадо коров вблизи трех сосен (где он зарыт). Когда придут охотники добыть клад, он, как и «живой» клад, может обернуться белой телкой, пятнистым теленком, которого найдут в выкопанной яме. От удара наотмашь клад обратно рассыпается на деньги. Будет ли клад «живым» или «некретимым» зависит от воли того человека, который его закапывает; т. е. от того заклятия, которое он положит [illegible]

Живой клад сам дается в руки человеку, важно только не растеряться и угадать в нем оборотня, а угадав, вовремя ударить наотмашь. У одного [illegible] клад жил в подполье. Однажды клад вошел в избу стариком, мужик ударил его наотмашь — с тех пор его потомки ни в чем не знают нужды. Живой клад ищет себе честного, отличающегося набожностью и добродетельным поведением, хозяина, но такие люди часто сами отказываются от него, почитая эти сокровища нечистыми. Среди крестьян ходило много рассказов о видевших клады, но не решившихся их взять. Кто-то, выйдя в полночь, чтобы бросить лошадям

сена, видит чужую белую лошадь, всю в серебряных уздах, между своими лошадьми, кто-то белого барашка или теленка и даже серебряный кузов. Вероятно, золотое яичко всем известной курочки-рябы также не что иное, как клад, с которым надо было обращаться умеючи, чтобы он не пропал.

В Симбирске один дворовый человек нанялся чистить сад. Работали под горой, а обедать ходили наверх, к амбарам. Раз он приходит — вдруг из-под амбара к нему козленок кинулся. Он его взял, положил на плечо и стал гладить: «Бяшка-бяшка!» А козленок ему в ответ: «Бяшка, бяшка!» Работник испугался, схватил козленка за заднюю ногу и ударил об землю. Смотрит — а козленок опять под амбаром скрылся: это ему клад давался. С тех пор работник захворал и скоро умер.

Бывают и счастливые столкновения с живыми кладами. Один богатый человек решил посмеяться над своим бедным братом. Ночью поднял на улице дохлую собаку и бросил ему в окно со словами: «На те, проклятый, одолел ты меня, попрошайка!» А вышло, что дохлая собака в избе бедняка рассыпалась золотом. Бедный брат проснулся от зари, услышал братнину ругань, встал и увидал груду золота, поблагодарил брата за помощь. С того времени они поменялись судьбами: бедняк разбогател, а богач промотался (Сахарников, 1901, 364).

Поверий и рассказов о неразрытых кладах гораздо больше, чем о живых. Клад-искателей Руси было так же много, как и «Росписей о кладах» — тетрадок, писанных, как всегда, «кое-чем в конце, со старинной бумаги». В кладовых «Росписях» перечислялись те места, в которых по преданиям были зарыты клады. Несмотря на по-

рой самые подробные и точные указания, где находятся сокровища, достать их было почти невозможно, поскольку все они «заклятые» и в руки человеку так просто не даются.

Известный собиратель фольклора П. И. Якушкин получил, например, от новгородского дьячка бумагу, где было перечислено тридцать пять местонахождений кладов. Вот некоторые, наиболее типичные, из них: у Богатырских ворот на горке — котел серебра и меди; там же, в бору, найдешь каменный крест на сопке, вышина креста два аршина, под ним сундук в кресте медном, под церковью в погребе двенадцать бочек серебра и церковной утвари, не доходя Флора и Лавра десять сажен, там лежит камень белый, на нем выбит поднос, под ним котел; близ Нарвы на двадцать пять верст, близ почты, лежит камень, на нем набит крест: отмерь от него на полдень семь сажен — найдешь три сундука с деньгами, за Варламьевыми воротами близ красной сосны отмерь четыре сажени, и там котел. Там же на восход отмерь семнадцать сажен и найдешь клад, на бойнице найди малую рель на островке, под ракитою в корню — котел; там же близ ключей найдешь два камня, на них набито по кресту — между ними деньги опущены; на зимней дороге не доходя Поклонной горки, близ кривой сосны в березнике между сопками есть бочонок с деньгами, на старинной Порховской дороге за вторым домом по левую сторону забора найдешь две сопки, как сенные копны, между ними две бочки медных пятаков.

Церкви, заброшенные строения, приметные камни с какими-либо приметами («следочки»), сопки, старые сосны, островки — все это традиционные кладовые места. Были счастливчики, ко-

терам удавалось достать клад по известным им местам. У замковой горы близ Сарапула и Черниговской губернии стоял столб, и все знали, что тут лежит клад. Кто только ни пробовал тот клад отрывать, весь столб подкопали кругом так, что он еле держался, но клада никто не достал. Один мальчик гас монастырский скот возле того столба, солнце было на закате, и пастушек стал копать не рядом со столбом, а у самого конца его тени. Копнул раз-другой и наткнулся на жерновный камень, а под ним — золото (Якушкин, 60). [illegible] 216 — 217).

В Олонецкой губернии встречались «Росяи о кладах» времен Литвы, т. е. польско-литовской интервенции начала XVII века, когда либо должники прятали нажитое, либо грабители не могли всего унести с собой, пряча добычу в надежде когда-нибудь за ней вернуться. На реке Хворосне есть погост, называемый Николой чудотворным, и [illegible] погост — вторник от Николы видел. При том же погосте Николы есть топь, где люди не ходят. Пониже топи — земляной вал, в концах вала лежат по камню серых, под теми камнями по кубку денег серебряных. При том же погосте Николы есть колодец с кипучей водой, в него спущено деревянное будов церковной серебряной посуды и закрыто дубовой доской. При том же погосте есть два кубовых камня, на них выбиты петухи, один на другого глядят, под ними — по кубку денег золотых. При том же погосте на поле есть три пруда, один — кругом да велик, а другой — челноком. С круглого в челноковый сделан водоток, и по тому водотоку опущено в землю двенадцать кубков, по от куба по сажени, и между ними во [illegible] пущена железная цепь. За одним все кладешь. С полторы версты от того погоста есть три сопки, в

одной — ружья, в другой — кости человеческие, в третьей — куб серебряных денег (Кричевская, 84 — 85).

Типичные кладовые места — сосны, камни на перекрестках, колодцы, топи, где никто не ходил, чернорожные столбы, сопки над могилами — в то же время считались типичными местами обитания нечистой силы, чертей, бесов, которые порой становились «кладохранами», стражами кладов.

Разбойники зарывали клады, обеспечивая их охранность духами мертвецов, оказавшихся жертвами во время сокрытия драгоценностей. В конце XVIII — начале XIX века в окрестностях села Демина Меленковского уезда Владимирской губернии, у Аматом, шайки разбойников кладуном, данным было зарыто много кладов. К каждому Рощин приставил по сторожу и заклял их. Сторожу Рощин отрубал голову и клал ее на крышку сундука с золотом, духи этих людей становились кладохранами.

Большая часть кладов вообще зарыта на чью-либо голову. Жертва не обязательно должна быть принесена первым хозяином клада, ею может стать искатель клада спустя много лет после того, как он был зарыт. В сказках героям удается порой избежать роковой опасности благодаря чуду или [illegible] случайно. Один бедный мужик слышал, что в одном месте есть клад. Копал он [illegible] ежедневно, но ничего не находил. Как-то слышит голос: «Что ты, мужичок, трудишься по-напрасну? Клад ты можешь получить, если дашь мне голову». Пришел мужик домой и думает, на какую голову отдать клад, — в доме у него кроме жены и сына никого не было. Решил принести голову сына. Обсказал все своей старухе и говорит: [illegible]

рит: «Испеки мне рыбничек, я завтра с сынком пойду рыбу удить». Баба испекла ему пирог с начинкой рыбой, мужик с сыном и отправились к тому месту, где был клад. Жаль было сына, да и клад надо достать. Сели пообедать, мужик достал рыбник, сам ест и сыну дает. В рыбнике рыбки все мелкие, он у них головы отвертывал и кидал в сторону. Вдруг слышит знакомый голос: «Довольно мне, мужик, твоих голов, бери клад и иди домой». Обрадовался мужик, взял клад, в котором нашел золото, и пошел домой (Ончуков, № 7).

Зарывая клад, хозяин может положить на него любое заклятье, например: «Не достанься мой клад никому, кроме того, кто сто петухов зарежет», или: «кто в тридцать трех монастырях побывал», или: «кто трех сирот воспитал» и т. д. С момента заклятия клад становится оборотнем, духом, ищущим нового хозяина. Один очень скупой старик, чувствуя скорую смерть, зарыл клад с наговором: «Чьи руки зароют, те руки и отроют». Снохи все это видели, и, когда старик умер, они стащили его мертвого в подполье и давай его руками клад отрывать, да приговаривает: «Чьими руками зароется, теми и отроется!» Клад ей и дался.

В селе Красная Река Самарской губернии недалеко от леса в пещере есть клад: лодки и ведушки с деньгами. Дверь в пещеру отворяется накануне первого дня Пасхи. Клад может взять тот, кто матерно не ругался. Сокровища до сих пор не тронуты, так как такого человека не нашлось.

Обряд положения заклятия на клад не безопасен для кладозарывателя. Заклятие должно предусматривать какого-то возможного хозяина сокровища в будущем и появление жертв — кладоискателей. Один татарин решил зарыть клад у себя во дворе навечно с таким приговором: «Как стрела высоко

улетит, так пусть клад в землю уйдет!» Вдруг будто его кто на этом месте по голове ударил — час он лежал без памяти и с тех пор ходил согнутым в турий рог.

Клад храны любыми способами пытаются помешать найти клад. Недалеко от Конной слободы в Симбирске на валу две женщины искали клад. Вырыли уже пистолет и кинжал, как вдруг от храма Иоанна Предтечи пошел сильный гул: тройка лихих коней скакала с горы во весь опор и с шумом выехала на Большую Московскую дорогу. Тройкой правил красивый кучер в бархатной безрукавке и бархатных штанах, в поярковой шляпе с красными лентами. Рядом на козлах сидел красавец казачок, а в коляске — важный барин. Выехав на дорогу, тройка остановилась, барин слез с коляски, казачок спрыгнул с козел и пошел вдоль дороги плясать вприсядку, а кучер шагом поехал за ними. Казачок так лихо и чудно плясал, что кладоискательницы на него засмотрелись, испугались и барина. Когда тройка поравнялась с ними, из реки Свияги вылез страшного вида солдат, подошел к казачку, схватил его на руки и как игрушку понес в омут под водяную мельницу. Барин сел в коляску, кучер ударил по всем трем можжами, гаркнул на них, и тройка полетела вдоль столбовой дороги. Солдат дошел с казачком до омута, бросился туда и пропал. Все это представление так испугало кладоискательниц, что они бросили свое занятие и с молитвой вернулись домой.

После этого женщины пошли к колдуну, который по черной книге прочитал им, чтобы они отправились рыть клад на Пасху, между заутреней и обедней, взяли бы с собой по яичку и, кто бы им ни встретился на валу, с тем бы похристосо-

вались. В Пасху кладоискательницы пришли на вал, начали рыть клад и спустя короткое время стали задевать заступом за чугунную доску. Тут пошел гул, рев, зык, и видят — по валу идет к ним медведь — не медведь, человек — не человек, глаза как плошки и горят как свечи, рот до ушей, нос кривой, руки как грабли, рыло на сторону сношено. Идет это чудище и с ревом кричит так, что земля под ним стонет и гудит. Встали рядом кладоискательницы и яички приготовили — похристосоваться с чудищем-кладом. Чудовище подошло, да как рявкнет: «Вот я вас! шкуры барабанные, так тут-то вы ребятишек зарываете!» подошло над ними страшным кладом — бросились от него женщины бежать что есть духу, а чудовище все топало да кричало, «Вот я вас!» После чернокнижник объяснил им, что этого клада им больше не найти, что он ушел в землю и теперь не дастся в руки.

Кладохраны являются в виде свиньи, собаки, коровы, особенно часто — черной кошки. Недалеко от Чердаклов (Самарской губ.) под дубом мужики рыли клад. С полуночи около дуба кругом начали ходить черные кошки — глаз от них не отвести. От сильного головокружения попадали мужики наземь, очнулись, хотели рыть — а кошки опять хороводятся, то вправо, то влево. Так и бросили. Говорили, что на этом дубе повесился тот, кто клад зарыл (Садовников, № 112). Кошкой может показаться и живой клад, но, в отличие от кладохранов — нечистой силы, стерегущей сокровища, сами клады-оборотни имеют цвет белый (серебро), красный (золото), рыжий или желтый. Зашел путник ночевать в пустую избушку, только начал засыпать — как выскочила рыжая кошка и стала бегать по избе, сама светится словно золото

где хвостом ударит, там деньгами звякнет. Мужик поймал ее, трижды проговорил: «Аминь, аминь, рассыпься!» и кошка рассыпалась на червонцы.

Клад дает знать о себе горящими огоньками, свечками, некоторые считали, что огнем горит голова клада, когда он выходит из-под земли, и, если бросить на то место что-нибудь из одежды или шапку, клад не уйдет под землю, а так и останется наверху. Клад-оборотень также можно узнать по светящимся глазам: это горит золото, переливаются и сияют драгоценные камни, заключенные в нем. Белорусы считали владельцем и распорядителем кладов «Деда»: он ходит по дорогам с сумою в виде нищего с красными огненными глазами и рыжей бородой, а встретив несчастного бедняка, одаривает его деньгами. В одном рассказе бедняк пошел просить огня у соседей на Пасху, хотел затеплить свечу перед образами, но никто не дал ему огня, так как, согласно обычаю, в этот день огнем делиться нельзя. Вышел бедняк в поле, видит — огонек светится, думает: «Верно, чумаки остановились, спрошу у них». Подошел к костру, поклонился чумакам: «Христос Воскресе!» попросил жару. Те насыпали ему в полу свитки. Когда бедняк воротился домой и высыпал жар в печку — горячие угли превратились в золото. Представление сокровищ жаром, горящим огнем, породило и обратный мотив: жадный и скупой человек, отрывши клад и наполнив сумы драгоценностями и деньгами, приносит домой одни угли. Отсюда поверье о наказании ростовщиков на том свете: они будут в аду загребать руками жар, как при жизни загребали золото.

Клады обнаруживаются обычно в начале весны (на Пасху) и на Ивана Купалу. На Пасху, между заутреней и обедней, и на Иванов день земля рас

крывается и клады просушиваются, тогда в глубоких провалах и погребах можно увидеть висящие на железных цепях огромные бочки и котлы, полные золота и серебра, по краям котлов горят свечи — все это тут же исчезает, едва подойдешь поближе или станешь творить молитву.

Только в Светлое Христово Воскресение кладоискатели — душегубы и разбойники — могут получить прощение: их мучения прекратятся вместе с открытием клада и пожертвованием его части на церковь, а до тех пор хозяева кладов, собравшие свои сокровища грабежом и разбоем, вынуждены находиться возле своего золота и принимать страшные мучения по ночам от змеев, птиц и чудовищ, терзающих их тела. В народе бытовали предания о разбойниках, ждущих своих избавителей-клад искателей, но встречи с живыми мертвецами (или так называемыми «заложными покойниками») не сулят смельчакам ничего хорошего.

По берегам Волги, где некогда гулял Стенька Разин, некоторые холмы называются Стол Шатка, Бугры Стеньки Разина. В Буграх он спрятал свои сокровища, положив на них заклятие. Сам Стенька сидит в горе, стережет клад и мучается из-за того, что мать-земля не захотела принять его тело. Перед концом света он явится в мир и примет на себя роль антихриста, а до тех пор два змея каждый день прилетают с полудня и полуночи сосать его за сердце. По рассказам, есть где-то змеиный остров, со змеиной пещерой на том острове, в ней скрываются знаменитые разбойники не только Степан Разин, но и Гришка Отрепьев, Ванька Каин и Емелька Пугачев. Вздумала как-то одна девушка спасаться в пещере, но вечером явился перед ней худой, обросший волосами Стенька Разин и прогнал ее. «Эта пещера моя, — сказал он, — здесь хранятся награбленные мною

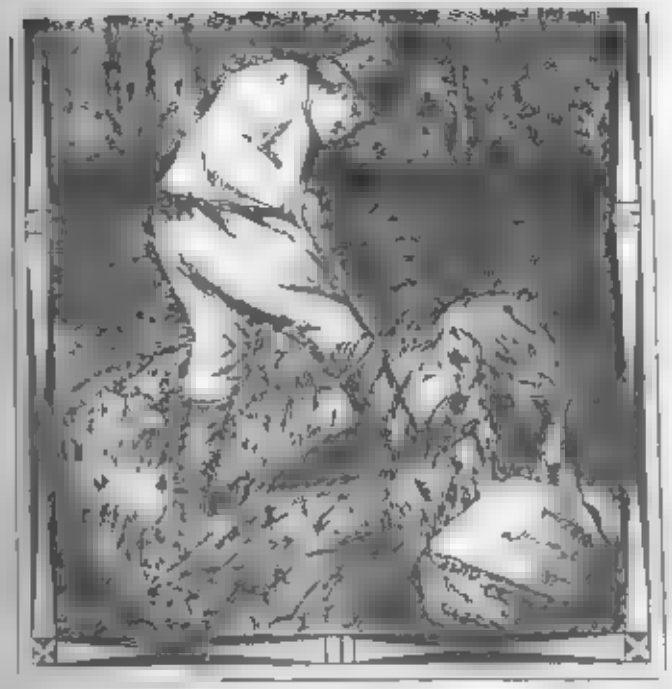
сокровища». При выходе из пещеры девушка увидела бочки, наполненные золотом (Афанасьев-1, 202 — 203; -2, 361 — 371).

В Орловской губернии есть местечко Веселый верх, и возле него котловина. Ночью с Веселого верха нечистая сила смотрит одним глазом, а сбившемуся с пути путнику кажется, что там горит огонек. Так черт заманивает людей на Городище, где в прежние времена гнездились разбойники, круглый год пировали, потому и прозвали свой холм в дремучем лесу «Веселым верхом». Но за пролитую человеческую кровь Бог наказал разбойников: их логово провалилось сквозь землю, и на его месте образовалось бездонное озеро. Провалилось и награбленное ими добро. Только их атаман Кудеяр остался жив: земля не приняла его костей. Кудеяр дряхлым старцем живет в лесной избушке. Каждую ночь к нему прилетают двенадцать змеев, бьют его крыльями, пьют его кровь и бросают, посиневшего, на постель. К утру силы возвращаются к Кудеяру, но он будет так мучиться до тех пор, пока кто-нибудь не побоится в Светлое Христово Воскресение прийти на Городище, что раскроется тогда на две половины и покажется внутри золото, которое достанется смельчаку.

Кудеяров клад часто показывается людям и просит взять его, но он так велик, что если и найдется охотник, всего унести не сможет. Этот клад видели пастухи: в Веселом верху показалась большая собака, с блестящей как золото рыжей шерстью. Смирная и ласковая, она зашла прямо в стадо, пастухи бросились на нее с палками, а она привела их на Городище и там пропала. Часто на Городище видели человека в белой одежде и шляпе. В Пасху он стоит с горящей свечой в руках, ожидая кладоискателей. Один из них дошел до свечи: растворились клады, он набрал полные

карманы золота и хотел бежать, а старик держит его за руку, не пускает: «Бери, друг, бери больше, тут много!» Вырвался мужичок, побежал, а гора — за ним, хочет навалиться, задавить. Принес мужик золото домой, семья его с тех пор жила богато, а сам он скоро умер. Другой кладоискатель в Пасху нашел свечу на Городище и наполнил золотом мешок, закопал его в своем погребе и умер. Дети его выросли, но никто из них не знал, где отец спрятал сокровища, пока младший сын не пошел в погреб, ступенька под ним обломилась, он попал ногой под лестницу, стал вытаскивать, а нога вязнет: смотрит — золото. Так и нашли клад, но младший сын скоро повесился (Иванов, 72 — 78).

Клады искали, запасаясь чудесной травой или цветком папоротника. Цветовая почка папоротника с треском разрывается и распускается золотым пламенным цветком в ночь на Светлое Христово Воскресение или на Ивана Купалу. Цветет папоротник всего один миг: листочки его сразу осыпаются и растаскиваются нечистыми духами. Кто хочет добыть цветок папоротника, должен накануне Светлого праздника отправиться в лес, взяв с собою скатерть, на которой хотя бы раз святили пасху, и нож, которым ее разрезали. Найдя куст папоротника, надо очертить его вокруг ножом, расстелить скатерть и, сидя в круговой черте, не сводить глаз с растения. Как только цветок загорится, тотчас нужно сорвать его и спешить домой, накрыв себя скатертью. Дома разрезать палец или ладонь руки и в рану вложить цветок. Тогда все тайные клады будут видны такому человеку. Круг можно обвести также страстной четверговой свечой, принесенной из церкви зажженной, рябиновой палочкой или остатком первой лучины, горевшей накануне Нового года. Чертя круг, нужно чи



Клад. Картинка из лубочной книги XX в.

тать молитву «Да воскреснет Бог», все эти пред-
сторожности необходимы, так как нечистая с
сторожит цветение папоротника, — оборотивши
змеями и чудовищами, бесы лежат вокруг не
наводят на человека, пришедшего за цветком
пробудный сон или страх. Едва он сорвет цвет
земля заколеблется у него под ногами, завоет
тер, загремит гром, блеснет молния, послышат
ужасные крики, стрельба, дьявольский хохо
свист хлыстов, которыми нечистая сила будет бить
по земле, человека обдаст адским пламенем, пер
ним явятся звероподобные чудища с высунутыми
огненными языками, концами которых они про
жут человека до самого сердца. В это время не
зя покинуть круговой черты или оглянуться, че
ти разорвут на части. Сорвав цветок, нужно кре
ко сжать его в руке и без оглядки бежать домой
оглянешься — цветок исчезнет из руки. Нек
рые считали, что в круге следует находиться
утра, до первых петухов. В рукописном травни
о цвете папоротника сказано: «Цвет папороти, к
да отцветет, осыплется на то, что постлан, и
тот цвет смети перушком в одно место бер
и залепи воском (от свечи, горевшей у запресто
ного образа Богородицы), тот цвет завсегда цел
дет. А если не залепишь, то нечистые унесут
тебя, для того людям не дают его взять, что
очень им противен и всю их силу разрушает.
ли кто его возьмет, то никакой дьявол, и вер
жея, и грешник укрыться не может, и дьяво
ская сила вся ему будет видна и знатна и ни
какой своей пакостию от него не укроется.
цвет носи на лбу, узнаешь и увидишь, где ка
поклажа (клад) лежит, и как что положено и
сколь глубоко, и можешь взять без всякого вре
и останавливаю — для того, что ты уже демонов
увидишь, а с ним тебя жестоко бояться станут

когда ты куда ни поедешь, если нечистые тут на
месте есть, то они отходить с того места станут
и можешь всякие поклажи с тем цветом
получить — не заперто!.. А сия трава самая на
исильнейшая над кладами — царь над цветами
трава — папороть» (Афанасьев-2, 380 — 382)

Действием, подобным цветку папоротника, об
ладают другие чародейские травы: плакун, скакун
и разрыв-трава. Без них никакого заклятого клада
не выроешь. Если приложить одну из этих трав
к замку, запертому входу, то они тотчас отопрутся
(Чулков, 273 — 274). О разрыв-траве рассказыва
ют, что цветет она также в Иванов день в пол
ночь и держит цвет столько времени, что успеешь
лишь прочитать «Отче наш», «Богородицу» и «Ве
рую». Находят разрыв-траву случайно, во время
косьбы: на этой траве в Иванову ночь коса пере
ламывается (Даль, 1984 2, 349). Листья ее имеют
форму крестиков, цвет подобен огню. Воры, добыв
траву, вкладывают ее в разрез на пальце, дают
ране срастись и отмыкают затем этим пальцем лю
бые запоры. Косить нужно в полночь накануне
Иванова дня где-нибудь в диком пустыре. В том
месте, где упадет коса, нужно собрать всю траву
и бросить в реку по течению: разрыв-трава поплы
вет не вниз, а вверх, против течения. Иначе ее
называют также скакун-трава, спрыг-трава — по
способности быстро переноситься с одного места на
другое. Разрыв-трава отпирает подземные погреба
входы в горные сокровищницы. Такое же поверье
существует о траве петров крест, которая, согласно
старинному травнику, «ростом в локоть, цвет бар
ров, растет кусточками, корень весь крест-на
крест» — с нею отыскивают клады и спасаются от
нечистой силы (Афанасьев-2, 397 — 399, 4 [illegible])

В Иванов день добывают цвет и корень пла
кун-травы, под которой подразумевают часто раз

ные растения (медуницу, иван-чай, иванов цвет и другие). Она заставляет плакать нечистых духов и открывает доступ к заклятым кладам, которые стерегут черти. Трава эта зарождается «на обидящем месте», т. е. на крови, на месте преступления. С этой травой осуществляется поиск кладов следующим образом: берут немого петуха, привязывают ему на шею плакун-траву и спускают на землю. Как только петух встанет на то место, где под землей скрыт клад, тотчас закричит (Афанасьев-2 413). С петухом ходили также за цветком папоротника: сорвав цветок, заставляли петуха запеть, чтобы не задушила нечистая сила (Зелениц[illegible] 832).

Наконец, и сам заклятый клад удобнее всего добывать под вечер на Ивана Купалу. Узнав заранее, где лежит такой клад, запасались свечами «по покойника» (теми, что раздавались мирянам во время панихиды над усопшим), ладонкой, [illegible] клада окуривали до трех раз, вынимали из [illegible]ницы уголь, клали его на землю и вздували огонь, от которого зажигали восковую свечу. Как покажется огонек — над ним держали ломы, шуры, лопаты, которыми начинали рыть клад. Место клада легче было разыскать с одним из вышеназванных цветков, врезанных в ладонь правой руки, — тогда можно узнать все, что находится в земле на глубине трех аршин.

Любой клад может рано или поздно истощиться, поэтому самым большим богатством считали неразменный рубль. По калужским поверьям [illegible] владеет сам Сатана и выпускает один раз под [illegible]вый год. Отличительное свойство неразменного рубля заключается в том, что сколько бы его не тратил, если останется хоть копейка сдачи, то он [illegible] из лавки [illegible] рубль снова в кармане. У того, кто забудет взять сдачу, рубль исчезает

он возвращается к Сатане. Достать неразменный рубль можно в ночь под Новый год. Для этого необходимо посадить в мешок черного кота, а на мешке, из него самого, завязать семь узлов и выйти в полночь на перекресток. К человеку с мешком подойдет дьявол и будет просить продать кота, предлагать баснословные суммы, но продавец [illegible] только неразменный рубль. Когда черт даст монету, продавец должен без оглядки бежать домой, так, чтобы успеть достичь порога, пока дьявол не развяжет все семь узлов. Если ему не удастся хотя бы коснуться рукой ручки двери своего дома, дьявол разорвет в куски. Существовало также [illegible], что неразменный рубль имеется у домового, а получить его можно [illegible]щим образом: в чистый четверг [illegible] борща с кашей, взять хлеб и все это отнести на [illegible] предложенным угощением, то в уплату оставит [illegible] рубль.

Помимо чертей, оборотней, живых мертвецов клады хранят *змеи* (см.). Общ[illegible] способность носить деньги в избранный им дом. Неожиданно разбогатевшего человека считали облагодетельствованным таким змеем. За огненного змея принимали падающие звезды, в том месте, куда они упадут, можно найти под землей клады. Кто увидит змей, свившихся в клубок, а между ними царя змей, и бросит в них камнем, найдет вместо змей золото. У царя змей на голове золотая корона или золотые рожки, царем змей и [illegible] змеем считали также [illegible] рожденного из петушиного яйца. Старшей над всеми змеями считается белая змея, кто убьет ее и натопит из нее сала, а затем помажет им глаза, увидит скрытые под землей клады (Афанасьев-2

69 541 — 550) На Урале ходили рассказы о Б-
ликом Полозе, стягивающем в кольцо подземн
золото и указывающем редким избранникам золо
тые жилки. Согласно многочисленным историям о
скупцах перед смертью прятавших накопленное
добро в подушку или одежду так, чтобы оно ока
залось в гробу вместе с покойником, наследники
в поисках исчезнувших богатств вскрывавшие гр
бы с телом усопшего родственника, вместо де ег
находили змей, лежащих на том месте, где скуп
скрыл свое добро

КЛИКУ́ШИ Порченые, одержимые бесом, дь
том, бесноватые

Кликушество — нервное расстройство, сопро
вождающееся судорогами, пеной у рта, искажени
ем лица В народе причиной кликания — исте
рического припадка, прерывистого крика с кора
ми — считали порчу *колдуном* (см также
Икота). Множество сыскных дел о колдунах был
начато в Московской Руси из-за «показаний» кли
куш, которые выкрикивали имена чародеев во вре
мя своих беснований, в иных случаях намерен
называя тех людей, которым хотели отомстить По
наговору кликуш мнимых преступников пытали и
заключали в тюрьмы, а они обращались в Моск
к государю с жалобой на несправедливые истяза
ния Кликуши служили порой орудием достиже
ния корыстолюбивых целей дьяков и воевод, к
которые специально указывали кликушам имена бо
гатых людей, чтобы те во время конвульсий
обвиняли их в колдовстве, а потом, пользуясь об
винением, обирали чужое добро. Широкий размах
приняла такая практика против богатых посадских
людей в Шуе в середине XVII столетия. Петр I
указом 1715 года повелел приводить кликуш в
приказы для розыска — действительно ли они

больны, или, притворяясь порченными, нарочно об
виняют своих недругов. Но несмотря на этот указ
многие страдали от поклепов порченых еще в кон
це XVIII века. Так в 1770 году из Яренского уезда
в Вологду были привезены оговоренные в чародей
стве и под плетьми признали себя колдунами и
колдуньями. От одной из «преступниц» потребова
ли доказательств того, как она по ветру насылала
порчу на людей она предъявила судьям «червей»
которые оказались мужскими личинками За не
вежество Сенат освободил городские власти от за
нимаемых должностей, а кликуш за ложные об
винения приговорил к наказанию плетьми (Афа
насьев-3, 635 — 637)

Указом от 13 мая 1773 года Святейший Синод
запретил духовенству петь молебны и читать сло
во Божие (отчитывать) над кликушами, так как
порченых надо было рассматривать только как об
манщиц и лентяек, не желающих работать (Минх
166 — 167)

Такой взгляд на кликуш не выдержал провер
ки временем, кликушество было массовым явлени
ем (особенно на Русском Севере) вплоть до начала
XX века В XIX столетии кликушами были почти
исключительно женщины, в основном красивые и
молодые. Они не выносили пения херувимской
песни, дико бесновались в это время, выведенные из
храма, катались по земле, плевались, дразнились язы
ком, ругались непристойными словами (Зеленин
1915, 802). Криком и бранью разражались клику
ши во время крестных ходов, тосковали и волно
вались накануне праздников, особенно перед
Рождеством и Пасхой В церкви припадки усили
вались при приближении священника Несмотря
на запрет, многие священники брались за излече
ние кликуш, читали над ними молитвы, изложен

ные в большом требнике. Чаще всего кликуш от-
читывали молитвами Святому Духу и «Отче наш».
Когда приступок случался дома, кликушу с головой
накрывали салфеткой со стола, встряхивали, по-
дули и крепко прижимали рукой мизинец ее лево-
руки. Заранее запасались в церкви херувимским
ладаном, т. е. остатками ладана из кадила, ко-
рым курили во время херувимского пения, лес-
ками священнической епитрахили и ими
этим окуривали кликушу. Помимо ладана и мо-
литв, пользовались разными способами, обычными
при изгнании бесов из тела человека. Кормили
перьевыми потрохами, так как черти боятся пе-
рьев, поили «на кликушу», поскольку их за-
бесы не выносят, купали в прорубе в Крещение,
прижигали им пятки раскаленным железом, р-
вязывали к хвостам лошади и гнали ее в поле
натальные с бабкой.

Свое заболевание кликуши объясняли ем-
гда-то, например в церкви или во время свадьбы
колдун положил на ее плечо свою руку, с ч-
она провалилась в виде водяного жучка в
кувшина с водой, стакана с вином, квасом и
т. д., что черт пришел к ней по воде, т-
запрещает местных колдунов. Женщины старались
не допустить посторонней в дом, а при питье ле-
бого напитка не забывали перекреститься, от чего
бес посаженный в напитке должен был вылететь
без помощи кликуши. Беременную женщину
ть ее чтобы невозможно, разве что прибегн-
к чарам более могущественной мати. Чтобы уз-
нать имя колдуна, создавшего беса в несчас-
ной, на кликушу надевали хомут и спрашивали
кто ее сглазил. Одержимая называла имя и отчество
того ее колдуна. Крестьяне приводили этого че-
ловека к бедной, которая слезно просила у него

прощения, умоляя изгнать беса. Редкий колдун
соглашался на такое, поскольку вылечив ее, он
тоже был погубить сам. Так до самой смерти
больная оставалась бесноватой.

Можно было отвести ее к более могущественно-
му чародею, чего очень боялся колдун — ви-
новник порчи. Узнав о готовящемся визите к дру-
гому колдуну, он начинал испытывать страх, шел
в дом своей жертвы и выпрашивал что-нибудь, на-
пример луку, хлеба или соли. Давать ничего нель-
зя, иначе порчу не снять. Кликуши неохотно из-
ны отказываться, но если отговор удается, то
колдун исчезнувший ее сибнет. Когда знахарь
или знахарка изгоняют нечистую силу, она дви-
жется внутри тела от места своего первоначаль-
ного обитания к тому выходу, который предусмат-
ривается отговором. Перемещения злого духа заметны
для наблюдающих. Например, у одной кликуши
сначала задрожала рука, затем заломило большой
палец, и из него вылетел нечистый в виде большой
бесхвостой крысы, которая убежала в подполье.

Более поздними признаками кликуши на-
в этом тоже знали в народе — являлись неоп-
ные подергивания, состояние угнетения и тоски, бо-
сердца, тяжесть. У матери
плакали дочери, видя в возраст начинали кли-
кать. Кликушами могли стать женщины
перенесшие тяжелые роды. У одной молодой
женщины беременность затем возникла пе-
как и она «разлилась», то
умоляла из дома взять с собой мал-летних
детей. Причем именно в те места, куда не смо-
ть проникнуть для нечистой силы —
в церковь. Ее посадили на день на
ее обрела смысл и здравость.
Женщину отпустили, то при посещении церкви

каждую обедню она кричала в голос, богохульствовала и бранила священника. Кликушу отвезли к чудотворной иконе, отслужили молебен, заставили к ней приложиться, после чего она упала в беспамятстве перед иконой и пролежала около часа, несчастную кропили святой водой, читали Евангелие и отчитали, припадки больше не возвращались, больная очнулась здоровой.

Кликуши пользовались славой провидцев. В определенных случаях кликушу возбуждали намеренно, чтобы вызвать в ней состояние исправления и узнать от нее какую-нибудь тайну. Некоторые кликуши умело пользовались своим даром сами. Например, когда нужно было узнать имя поджигателя, из мести спалившего чей-то дом, к ней обращались за помощью пострадавшие, кликуша будила в себе темного духа следующим образом: она снимала с божницы икону, принесенную из Киева, и крест из Иерусалима и, бросив их, начинала говорить. Бывали, конечно, случаи откровенного притворства. Женится парень на девушке, обманув прежнюю любовницу, и та насылает порчу на молодую жену, молодка делается кликушей и в припадках все время выкрикивает имя соперницы, которую односельчане начинают считать ведьмой, тем самым серьезно, ложная на жизнь.

Если кликушество не исчезает до самой смерти, то бес выходит из порченой вместе с ее последним вздохом. Дочь кликуши рассказывала, как перед смертью у матери вздулся живот и началась черная рвота, вместе с нею выскочил черный лохматый чернячок с палец толщиной и в четыре вершка длиной. Едва он успел скрыться под печью, как матушка скончалась (Калужская губ.).

КОЛДУНЫ и *колду́ньи*. Волховники, волховницы, ворожеи, еретики, обавники, опасные, порченики, чаровники, чародеи, *чернокнижники*.

В отличие от *ведьм* и ведьмаков, колдуны не находятся в родстве с нечистой силой, не имеют хвостов, свой дар получают по собственному решению или, в детском возрасте, по неопытности, находясь рядом с умирающим родственником-колдуном: они неосторожно берут что-нибудь из его рук и сами становятся после этого чародеями. Чтобы стать колдуном, нужно пройти серьезные испытания, а иногда и обучиться чарам и заключить договор с дьяволом, согласно которому сатана передает в распоряжение колдуна или колдуньи бесов, нечистую силу, которая во всем будет служить чародею, но после смерти и тело, и душа колдуна поступают во власть бесов.

Есть много способов узнать колдунов по их внешности, поведению, особым приметам их домашнего быта. В разговоре колдун никогда не смотрит прямо в глаза человеку, а только в землю. Если собеседнику удастся заглянуть в глаза чародею, то в его зрачках он не увидит отражения своего лица, они будут оставаться темными (Владимирская губ.). В Тульской губернии говорили, что если смотреть в глаза колдуну, то увидишь, что в зрачках у него люди отражаются вверх ногами. Некоторые замечали огненные струйки в зрачках колдунов. Их отличает также слишком резкий или тихий голос, манера говорить вслух с самим собой. Мимо бормочущего человека полагалось проходить молча, прикрыв рот ладонью и не отвечая на его вопросы. Дом колдуна можно было узнать по особенному дыму: он вьется около трубы с завихрениями — это колдун, вынужденный постоянно давать слугам чер

Заключение договора с дьяволом. Картинка из д[illegible] боевой книги XIX в.

тям работу, заставляет их «весить дым», вить из пыли веревку (Зеленин-1916, 1249 — 1250).

Узнавали колдунов на общественных сходках во время праздников, т. е. во время собрания большого количества людей, когда колдуны обнаруживали свою непохожесть на остальных, выдавали себя некоторыми повадками и прежде всего отношением к святыням. Один тульский староста разгонял на сходках колдунов следующим образом: когда соберутся крестьяне, он трижды про себя читал «Да воскреснет Бог», и все чароден брали шапки и один за другим покидали сход.

В пасхальную заутреню свечи у колдунов постоянно гаснут. В эту службу колдунов узнавали с помощью яйца, в первый раз снесенного молодой курицей. Яйцо окрашивали в красный цвет и клали в карман, затем вместе с крестным ходом [illegible] вокруг церкви, а когда священник в первый раз скажет: «Христос воскресе!» — вынимали яйцо и смотрели поверх голов собравшихся: все колдуны будут стоять спиной к иконам, а на головах у них будут рога. По поведению в церкви узнать колдуна трудно: здесь они самые богомольные люди, стоят у самых икон, кланяются в землю, любят ставить свечи к иконам, только свечи у них плохо горят и все время падают (Колчин 52).

Удобным временем для распознания колдунов являются все дни страстной недели. В первый день в печи топят одно полено, во второй — два и т. д. Таким образом, в Светлое Воскресение должно быть сожжено семь поленьев. Пока они горят, колдун находится в страшной тоске, он идет в ту избу, где топится печь, просит какую-нибудь мелочь или заходит по другому незначительному поводу. После того как будут сожжены все по

ленья колдун заболевает и в скором времени должен умереть (Владимирская губ.)

Волхвы, чародейники, кудесники (ср. рязанское «окудник» — колдун, кудесы — ряженье и ряженые на Святки), кобники были известны на Руси с глубокой древности. В Святославовом Изборнике (1073) осуждается волшба, ворожейство, заговоры («баяй»), чары («дивы»); Кормчая книга запрещает творить «коби» («коб» в старинных рукописях — волшебство, а в современных говорах — зло, худое дело) и «дивы». У Нестора в рассказе о смерти Олега «волхв» и «кудесник» — синонимы, это вещие люди, предсказывающие смерть Олегу.

В древнерусских памятниках часто говорится об обращении к волхвам и чародеям за помощью в случае болезней (особенно детских) или при необходимости опоить кого-нибудь питьем, зельем, над которым произнесены заклятия. Большой популярностью пользовались колдовские амулеты («наузы», «наюзы» — узлы, привязки), состоявшие из сушеных трав и других снадобий (высушенное крыло летучей мыши, уголь, соль, серазменная голова или кожа) или бумажки с заговором, прикреплявшейся к нательному кресту. Такую наузу советовали навязать ребенку — Всеславу (1044) из-за того, что на голове у него «знамя язвено — яма». Волхвов, умеющих изготовить наузы, называли наузниками или узольниками. Постепенно эти амулеты из колдовских средств превращались в предохранительные от чар; в употребление вошли ладан и ладанка как обереговая привязка, носимая на шее. Но еще в XVII веке людей, у которых были обнаружены привязки с корешками и травками, обвиняли в колдовстве и публично наказывали.

Славянская Кормчая и Домострой называют чародеев «облакопрогонниками», т. е. видят в них чародеев, управляющих тучами, ветрами. В XVI веке ходила молва, что в 1552 году во время осады Казани татарские колдуны, стоя на городских стенах, махали одеждами на русское войско и посылали на него дожди и ветры («Сказания князя Курбского»). Брошенный в вихревой столб нож мог ранить колдуна, дух которого летает вместе с ветром. Рассказывали также о поездках колдунов верхом на волках, в актах XVII столетия встречается обвинение, возведенное на одного попа, будто он ездил на медведе. Наидревнейшим свидетельством о чародейских возможностях невров (народа славянского племени) является указание Геродота, что у греков и скифов невры почитались оборотнями и что каждый из них хотя бы раз в году мог на несколько дней превращаться в волка. В былине о Волхе Всеславьевиче, в которой не без оснований видят отражение каких-то преданий о Всеславе Полоцком, князь по темным лесам летит черным вороном, по полю скачет серым волком, по горам бежит белым горностаем, по морям плывет серой уткой (Афанасьев-3, 423 и сл.)

Более или менее подробные сведения о процессе превращения обычного человека в колдуна дошли до нас от XIX столетия. Кто хочет стать ведьмой или колдуном, должен отказаться от отца и матери и от всего рода до двенадцатого колена. Отрекаясь, стоять на иконе, положенной вниз ликом, на перекрестке дорог или в другом нечистом месте. Один человек, встав на икону, услышал позади голос: «Лезь сюда», он обернулся и увидел огромную собаку с разинутой пастью. «Да, Господи, куда же я полезу?!» — воскликнул он, и со

бака только дымилась, а нездешний колдун [illegible] стал чахнуть и через год умер.

Есть [illegible] сильные колдуны, выдержавшие особые испытания в обряде посвящения. В Тульской губернии пользовался славой могущественного чародея, способного уморить или вылечить кого угодно, обратить в любое существо, крестьянина, которой высмотрел в ночь на Ивана Купалу ряд с попортником, держа в руках свечу из [illegible] воска, и, когда попортник расцвел, сам Сатана [illegible] своего трона [illegible] приказал зашить в ладонь правой руки (Колчин, [illegible] 36, 49 — 50). Выбра[illegible] попортник, который может расцвести в Иванову ночь не так [illegible]. По распространенному поверью, в горемыкановском [illegible] среде [illegible] из [illegible] папоротника [illegible] [illegible] цветами [illegible] [illegible] а [illegible] расцвете с [illegible] [illegible] [illegible] ли тьмами [illegible] [illegible] (Поверья, 178 — 179).

Злые колдуны, кажется, слабее тех, кто [illegible] чары непосредственно от нечистой с[illegible]. Вот рассказ, присланный в бюро кн. В. Н. Тенишева в конце XIX века, который [illegible] [illegible] происшествие. Один мо[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] колдовать и он [illegible] к своему дяде, известному в округе чародею. Пошли они учиться в баню, ночью. Отец с матерью догадались, зачем сын с дядей ходят в баню, встали ночью и пошли подслушивать, чему их сына дядя учит. Подошли к бане и слышат, как дядя говорит: «Ты перво-наперво отрекись от отца с матерью и проклянись. Прокляни небо, [illegible] луну и звезды, не верни в Бога и не читай Священного писания. По праздникам работай, в церкви ходи рядом близиру, чтобы люди не могли догадаться, что ты настоящий колдун. Теперь иди и

испорти отца или мать — кто первый отопрет ворота, а если ты не испортишь никого из домашних, тебя черти разорвут в мелкие куски».

Родители как услыхали, что их сын отрекся от них и от Бога, пошли домой, заперли ворота и легли спать. Подходит сын к воротам, стучался, стучался, никто не слышит. Стал кричать: «Батюшка с матушкой, отоприте!» А отец с матерью ему отвечают: «Ты от нас отрекся, теперь ты — сын нечистого. Ступай к своему учителю, а мы тебя знать не знаем». Только они так пробаяли, как сын их страшно закричал возле ворот: «Батюшки, смерть моя!» Отец с матерью вышли к воротам, глядят — а сын их весь по частям разорван: где голова, где рука валяется, все разбросано куда попало. Махнули родители рукой: «Такая ему дорога!» (Владимирская губ., Меленковский уезд).

Были люди, учившиеся колдовать самостоятельно, следуя приемам, о которых они знали только понаслышке. Иногда — удачно. В той же губернии и уезде в прошлом веке жил колдун Ермак. Решил стать чародеем, он добыл черную кошку и пошел в полночь варить ее в бане. Затопил печь, положил кошку в котел, вдруг слышит голос: «Ты чего тут варишь?» — «Ребенка». Черт ему и говорит: «Ты так никогда не выучишься колдовать. Отдай мне свою душу, я тебя научу». Ермак согласился. Черт приказывает: «Выпусти из правой руки кровь и этой кровью напиши расписку, что ты продал мне свою душу за то, что я выучил тебя колдовать и портить людей». Ермак написал и подал черту, а дьявол вынул у Ермака глаза и вставил ему другие. «Теперь иди и порти, кого знаешь». С той поры Ермак сделался колдуном и перепортил много народу. Сам же помер

недоброй смертью. Баба его топила печку, дрова в ней почти прогорели, остались одни угли. Она ушла за водой, а колдуну, должно быть, показалось, что в печи не угли, а золото блестит. Залез в печь, да и сгорел. Баба приходит с водой, глядит — в Ермак лежит в печи, пылает. Сбегала за народом, вытащили его из печи, а он черный, как уголь, глаза лопнули. Схоронили колдуна на коровьем кладбище.

Колдунами стремились стать бедные люди в надежде, что, продав душу черту, они получат верный достаток. Народные притчи показывают, что дьявольское богатство не принесет счастья и душевного покоя. Один корабельник, в молодости ходивший на бусах (лодках-однодеревках) по Оке, вспоминал, как чуть было не стал колдуном. Плавал с ними колдун с Рязанщины Гришка. Бывало, пристанут к городу или к богатому селу. Гришка ни за что не останется на бусине, пойдет в город, на базар, лавки обойдет, наберет всякой всячины, бет денег и возвращается. «Возьми меня с собой!» — напросился матрос. Пришли в лавку на пристани, Гришка набрал кренделей, конфет, пряников, орехов и еще много кое-чего, а денег не отдает, подошел к лавочнику, постоял немного и говорит: «Давай, господин лавочник, сдачу». Лавочник вынул целковый и отдал Гришке. Вышел колдун с товарищем из лавки, матрос просится: «Выучи этому искусству! Ведь этим ремеслом можно большие деньги нажить». — «Да, можно. Вот придем на бусяну, я тебе покажу, что должно вперед сделать, коли тебе это понравится, то и учиться можно».

Вернулись на лодку, взял Гришка кусок хлеба и товарищу велел взять. «Бросай, — говорит, — хлеб в воду». Бросил матрос, подплыла рыбка и

стала тормошить его. «А теперь гляди, — говорит Гришка, — как я брошу» — и бросил свой кусок. Откуда ни возьмись — великое множество гадов, змей и ужей, стали рвать хлеб на части. «Так будут терзать они мою душу на том свете, — сказал колдун. — А твою — так же как твой кусок. Хочешь ли теперь продавать свою душу черту? Мое-то уж такое дело, мне колдовство передал дед, когда я еще глуп был, а ты если жалеешь свою душу, то не учись» (там же).

В сказках родители отдают сына в ученье колдунам от безденежья. Ученик колдуна постигает премудрость оборотничества и вскоре превосходит в этом искусстве своего учителя, который не хочет возвращать родителям сына. Оборачиваясь разными животными, сын просит отца продать его (в образе мерина) и получить деньги, но продавать нужно без узды. Покупателем обычно становится прежний учитель-колдун, заставляющий отдать лошадь с уздой, после чего побег из дома колдуна становится почти невозможным, так как узда не дает оборачиваться (Смирнов-1, № 24; Афанасьев, Сказки-2, № 249 — 253).

В бывальщинах иногда рассказывается о не выдержавших курса обучения колдовству — люди не могут вынести страшных испытаний, связанных с принятием в себя дьявола, с посвящением Сатане, но обратного пути для них нет: они умирают, так и не став колдунами. Одну женщину нашли лежащей в избе в одной рубашке с раскоряченными ногами и лягушкой во рту. Все знали, что она хотела стать колдуньей. Прохворав некоторое время, женщина умерла.

Помимо обеспеченности, в положении колдуна привлекал тот почет, которым пользовались чароден. Во время свадеб их сажали в передний угол

так что даже жених с невестой занимали уже вто-
рое по значению место. К колдунам обращались
во всех сложных, запутанных ситуациях, их боя-
лись и уважали.

Колдуны колдовали более по хозяйству: они
умели устроить так, чтобы свой петух бил чужо-
или чужое молоко выливали на свой двор, вы-
сушали или лечили женские и детские болезни.
Мужчины-колдуны портили людей, расстраивали
свадьбы. И те и другие могли насылать порчу, сре-
лать залом или прожин на поле, лишая его ур-
жайности, могли приворожить, занимались лече-
нием. Отличие колдунов от знахарей состоит
тем, что знахари лечат с помощью трав, колдуны
снимают или напускают болезнь, порчу с помощью
нечистой силы. Когда больной приходит к колду-
ну, тот не спрашивает о недуге, а сразу говорит:
«Что, сколько их я тебя насажено?» или «Как мно-
гой в тебе насажено» — и изгоняет болезнь по-
средством изгнания бесов из тела больного. С
этим занятием обычно видит вышедшего беса в
образе насекомого, лягушки, рыбки, червяка и
т. д. Колдун дает больной питье воды из кружки
и выпаривает, после чего вместе с
рвотой извергается бес. Если у молодой женщины
пухнет живот, но настоящая беременность не на-
ступает, значит в ее чреве — дьявол. Колдун из-
гоняет его, заставляя молодую стоять над дымом
или сажая ее на ведро с водой и ведре находя-
щуюся планаящую рыбу, — это и есть чорт. С
ними от порчи колдунов считали боли в животе,
под ложечкой опухоли — грыжи. Два первых не-
дуга передавались колдунами в напитках, в пи-
щевом, пускали по ветру. С помощью сильных
«слов» черных заговоров действенную силу ко-
рям может пущать только колдун (обоянный чи-

ловек, даже зная заговор, не может им восполь-
зоваться, так как у него нет связи с нечистым).
Порча направляется по ветру и пристает к перво-
му встречному. Килы пускают на лес, в таком
случае они пристают к стволам деревьев в виде
наплывов шарообразной формы. Иногда колдуны
посылают в дома порчу в образе воробья, вы-
бежавшие несчастной безвинные хозяева разрывали
перьев и бросали в печь, иначе прежде чем
будут туда поставлены горшки.

Если колдун хотя бы раз в день (по иным по-
верьям — в месяц, в неделю) кого-нибудь не ис-
портит, он теряет чары, хиреет и умирает. Чтобы
укрепить чары, оленецкие колдуны и колдуньи
ежедневно пускали по ветру щетины, — выходя
на крыльцо рано утром, они бросали на ветер
пригоршни мелких щепочек, стружек, морской
мусора. Все это должно было попасть в людей и
вызвать болезнь, она чаще приставала к детям
чем ко взрослым. Это накожное заболевание, ко-
торое снимали в бане. Ребенка терли лепешкой
на красном меду, непременно провертывая ветреной
[illegible] при гать к меду, терли деревянным
[illegible] перед ярко горящим [illegible]
[illegible] пускали и гораздо более страшные бо-
лезни эпидемические, которые так и назывались
«ветрием» сибирскую язву, холеру. Одна жен-
щина [illegible] что вырезала у петухов на хво-
стах перья и сожгла их. В той стороне, куда она
сожгла перьев из перьев, умирал народ или по-
являлась холера (Зеленин-1915, 780).

Распространенным средством порчи [illegible] кол-
дунов был [illegible] закидывание хомута. На [illegible]
[illegible] с [illegible] кольцы и бросали на
то место, где должен пройти человек. Достаточно
перешагнуть через этот «плетень», имеющий схо-

ство с обыкновенным хомутом, или взять его в руки, чтобы захворать. Снять хомут могут только колдуны. Чаще всего болезнь выражается в распухании детородного члена (у мужчин), а у женщин — резями внутри матки и мочевого пузыря. Временное облегчение вызывалось окуриванием половых органов мохом, пили также сок конопляного семени (чистым или в слабой смеси с нашатырем) (Макаренко, 75). Хомутника или хомутницу, в свою очередь, можно было извести чарами на след, например, заметив, куда ступала нога колдуньи, воткнуть в след три иголки остриями вверх — через год-два отмщение совершится.

Жители Сибири весьма страдали от колдовства со змеями. Местные чароден, держа обиду на сельчан, делали невозможными покосы: под ногами у косцов неожиданно появлялись тысячи змей, приходилось бросать луга с прекрасной травой и уходить на другое место. В то же время колдуны змей совершенно не боялись: змеи обвивались вокруг шеи колдуна, жили в его доме, со змеями играли дети чародея. Когда измученные «червями» крестьяне обращались за помощью к колдунам, те обычно собирали змей в клубок с помощью небольшой жерди в палец толщиной, ее втыкали в землю, и десятки гадов свивались вокруг нее, а после уползали куда-то (Зиновьев, 230 — 244).

Наиболее распространенным видом колдовства были заломы, куклы и прожины в поле. Кукла или закрутка в хлебе — это несколько стеблей ржи, скрученных вместе на корню с произнесением известных заклинаний. Закрутка отнимает «спорынью», «спорость» у хлеба, плодородие поля. Хорошая полоса хлеба дает мало груд, и с этих груд намолотится меньше обычного, хлеб будет «не умолотен». Да и расходоваться хлеб с такой

полосы будет чрезвычайно быстро. Залом — то же, что закрутка, но считается сильнее ее, снять его может только колдун и тоже с соответствующими заклинаниями. Прожин — узенькие полоски выжатой ржи, вершка в полтора (около семи см) в ширину и во всю полосу или во все поле длиной. На том поле, где сделан прожин, никогда не будет урожая. Возле прожина хлеб не помят, будто кто сделал его, летая по воздуху, поэтому многие думали, что, чтобы сделать прожин, колдун подвязывает к ноге святую икону и едет на ней по полю как на лыже (Балов, 190, 112). Куклы и прожины нужны колдунам, чтобы у них было больше хлеба с того загона, где колдун сделал прожин или куклу, нечистая сила по зернам натаскивает им полные закрома. Черненькие букашки, что ползают в узле куклы, и есть нечистая сила.

Прожины и кукол опасно уничтожать самому, хотя говорят, что куклу в хлебе можно снять кочергой, вынести за загон или тут же сжечь, не выдергивая. С помощью этой куклы можно извести колдуна: вставить ее в расщепленное дерево и сжать — у колдуна заболит поясница, положить между спицами колеса — тотчас прибежат спросить, что ты делаешь. Решив самостоятельно наказать колдуна, хозяин полосы должен быть очень внимательным с того момента, как он сорвет куклу. У старухи-матери был единственный сын, прилежный хозяин, и дела шли у них хорошо, пока однажды он не нашел в поле куклу, завязанную во ржи. Сорвал он куклу и повесил в амбарчике под коньком, чтобы, когда колдун придет за куклой, хорошенько наказать его. Но прошло лето, наступила осень, и никто не являлся. Сын совсем забыл про куклу. Однажды к ним за

шел путник будто бы полюбоваться амбаром, увидел куклу, схватил ее и — опрометью вон. Парень было бросился за ним, но не догнал. На следующий день он заболел, а на четвертый умер. Поэтому срывать и сжигать куклы жители Тамбовской губернии советовали только при священнике, который в это время обходил загон, читая Евангелие (Колчин, 43).

Заломы на полях, засеянных рожью, овсом, ячменем (круг около 30 см в диаметре из спутанных колосьев, стебли которых на середине сломаны вершками к центру), устраивали женщины-колдуньи. В Новгородской губернии верили, что кто сожнет такой залом — высохнет и умрет, съест в хлебе — умрет, пойдет солома на подстилку — скот передохнет. К полуночи, до пения петухов, колдунья выходила из дома в одной рубахе без пояса, а когда приступала к залому, то снимала и рубаху, оставаясь голой. Кто увидит ее идущей на залом — колдовство не выйдет, возвращающейся — сам помрет. В последнем случае избавиться от смерти можно было только убив колдунью. Как только залом будет обнаружен, около него выставляли сторожа, чтобы скот не сжевал и не передох после этого. Ликвидировать залом обычно приходили тоже колдунью, уплатив ей за это 3 — 5 рублей.

Женщины иногда становились колдуньями после смерти колдуна-мужа: кормиться надо, и они начинали пользоваться славой покойного супруга, брали без отдачи муку, продукты, корить их этим никто не смел, опасались порчи. Но чем больше была колдунья, тем сильнее ненависть к ней — стороны окружающих, вскоре все местные беды начинают связывать с ее именем. Все заломы, смерти, пожары, болезни приписывали ее чарам.

Колдунья. Картинка из лубочной книги. XX в.

и однажды колдунью могли найти убитой, со связанными и притянутыми к спине ногами, наверное залома на полосе. Очень часто колдунов и колдуний сжигали в их собственных домах скоро такое место становилось заповедным, заклятым, здесь не брали сучьев, не рвали травы, ягод вообще из опасения, что будет «манить», старались обходить перелище стороной.

Колдуны и колдуньи если и оказывают помощь людям, то в тех случаях, когда причиной бедствия является нечистая сила, с нею чародеи может договориться. Например, колдуна приглашали, чтобы унять лихого домового: он резал петуха, выпускал его кровь на голик и выметал им все углы в избе и во дворе с необходимыми заклинаниями (Афанасьев-2, 106). В Вологодской губернии были колдуны, которые давали пастухам приводы для скота. Пастух обращался к колдуну, тот давал ему зверька-оборотня, черта, с тем, чтобы пастух каждое утро выпускал его на то место, где должны пасться коровы. При этом нельзя никому говорить о своем нечистом помощнике. У одного пастуха был заяц, который пас за него все стадо, однажды пастух показал его, решив похвастаться своим чудом. С этого момента начались разные несчастья: заяц перебил посуду в доме, перестал стеречь стадо, бегал пастуха по незнакомым лугам, а дома постоянно просил работы.

Как отсушить, снять любовную тоску, знают знахари и бабки, но присуха дается только колдунам, любовь — болезнь, чтобы заронить ее, нужно иметь дело с нечистой силой. Присухи редко имеют традиционный зачин белых заговоров «Встану я благословясь, выйду перекрестясь» или «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», — как правило, они начинаются либо сразу с основной

части: «Выйду я на улицу на Божий свет, посмотрю в чисто поле. В чистом поле есть 77 медных светлых каленых печей, на 77 на медных на светлых каленых печах по 77 яги-баб, у тех у 77 яги-баб по 77 дочерей.» Дочерей бабы-яги просят присушить рабу Божию (имя), как жарко горят их печи, так чтоб пылало сердце девушки, либо в начале заговора специально произносят: «Стану я не благословясь, пойду не перекрестясь из избы не дверями, из двора не воротами в чисто поле» в том поле — океан, на океане камень Алатырь на камне от земли до неба столб огненный, под столбом жгучая змея. «Я той змее поклонюсь и покорюсь», чтобы змея разожгла белое тело, ретивое сердце, черную печень и горячую кровь у милой девицы. Заговор колдун может наговорить на пряник, который нужно отдать возлюбленной, на соль, пиво, вино (Забылин, 305 — 315).

Колдунья могут устроить встречу с женихом-мертвецом. У девушки утонул жених, она все горевала и плакала, пока не рассказала о своем горе колдунье. Та научила ее: «Поди в полнолуние на то место, где утонул твой любимый, и разведи огонь. Выйдет сначала много водяных, ты с ними не разговаривай, а после выйдет один — с ним и говори». Дала корешок, с которым можно отыскать мертвецов. Девушка пошла к реке, набрала хворосту и развела огонь. Пропели петухи, вода зашумела, забурлила, вышло много водяных и говорят: «Еще душа прибыла». Потом все они ушли и явился один, просится погреться у костра, спрашивает: «Чего, девица, ищешь?» — «Ищу места куда бы поступить в услужение». — «Если хочешь, пойди ко мне убирать дом». Девка пошла за ним: он был холодный, как лед, и пах мертвецом. Пришли в хрустальный дворец, стала она

там жить. Как-то раз ушел водяной, девушка взяла корешок, с которым утопленник в разы кивают, нашла в одной комнате своего возлюбленного и увела домой. Стали они венчаться — вдруг в церковь хлынула вода, затопила жениха и увела с собой опять в реку (Владимирская губ.).

Самый большой вред колдуны приносят во время свадеб. Все свадебные неурядицы, болезни молодых всецело относят к проделкам колдунов. Соберутся венчаться, запрягут несколько пар в кони — ни с места, или вдруг в пути дуга лопнет, или на свадебном пиру в окно нож влетит, жених с невестой занемогут, прохворают некоторое время и умрут, гости расползутся по дому и лают по-собачьи, вдруг невеста покажется жениху, бравшему девушку по любви, рябой уродиной, он закричит в голос, ни пить, ни есть не может, портили жениха нестоихой, так что он никакого греха с невестой сделать не может.

Колдуны могут всю свадьбу оборотить волками. Приехали от венца поезжане — человек двенадцать — и только сели за стол, как тут же оборотились волками и бросились из-за стола, кто в дверь, кто в окно выпрыгнул. Все двенадцать человек были заколдованы на семь лет, но через семь лет домой вернулись только три мужика, остальных настоящие волки разорвали. Один волк оборотень повадился ходить к риге и лежать там. Домашние подумали: «Не наш ли это сердечный?» — и кормили его хлебом, который оборотни предпочитают мясу. Прошло семь лет, волчья шкура треснула и соскочила, волк стал человеком, и крест, как был на шее, так и остался, только клок серой шерсти на груди, возле сердца, напоминал о пережитом оборотничестве (Колчин, 38).

Во время свадьбы колдун не в силах не вредить, даже если венчаются его собственные дети, сын или дочь. Один колдун выдавал дочку замуж и, чтобы ее не испортить, попросил сноху запереть его в чулане на то время, когда приедут за невестой от жениха. Увезли невесту к венцу, открыли чулан — на полу лежал мертвый отец-колдун. Существует роковая необходимость для колдуна помешать семейному счастью, и он останавливает свадебные поезда, но может и отпустить их (Ушаков, 168 — 171).

В XIX веке колдунов было много, по нескольку десятков на волость, в начале XX столетия жители называли одно-два имени «черных колдунов», знающихся с нечистой силой. Например, в двадцатых годах на Пинеге, славящейся заговорным искусством, уже были районы, где вообще не могли указать имен колдунов и вспоминали в этом виде только умерших стариков, но рассказов о чародеях ходило множество. Их отличало от знахарей ведовство «знатье», благодаря которому они предсказывали будущее и умели найти пропажи. У крестьянина пропала корова, он обратился за помощью к колдуну. Колдун наговорил на соль и приказал хозяину: брось соль в трубу, закричи: «Пестронюшка, приди!» — и отправляйся искать. Как дойдешь до колодца, увидишь ее следы. Все так и случилось. По шерсти с пропавшей скотины колдун мог найти вора, если ее украли. Колдун может устроить так, что человек, если пролезет сквозь расколотую сосну, увидит то, что ему надо (Астахова, 38 — 39). На Русском Севере считали колдунами удачливых охотников и рыболовов, им нечистый помогает. Вообще на удачливых людей, пренебрегавших моралью и принципами ради бо-

гатства, положения, достатка, смотрели с недо-
рием, лиша в их успехах заслугу бесов

Несметные сокровища разбойников служили постоянным предметом слухов и толков (см. Ата-
ды) а сами они слыли могущественными колдунами «Окаянные» помогали Стеньке Разину обы-
рывать и карты купцов убегать от преследования
расстелет на воде ковер и поплывет Заключат Ра-
зина в тюрьму а он возьмет уголь нарисует на
стене лодку на сколько закочет весел, три раза
перевернется на ритки свистнет — и пошла лод-
ка сам на корму вспрыгнет да прямо к судну
какое попадется, да все до денежки и обе-рет В
Астраханском крае змеи не кусаются их Стенька
заговорил, если бы все сбросились зали ему по
денежке, он бы и комаров заговорил (Зеленин
1914, 65)

Чем известнее имя разбойника, тем чаще о
нем рассказывают как о колдуне заговоренном от
пуль и заговорившем своих товарищей Добыча да-
ется им легко

Мы молом махнем и рабы от нас
Кр[illegible] мы ти каровы [illegible]
Мо[illegible] махнем [illegible]

В атаманы Степана Разина выбрали потому
что он, подняв шапку заставил всех себе покло-
ниться Раз Стенька сам начальству сдался [illegible]
ратили заковали его в железы, начали бить
шелками колоти, били — ничего не берет
Стенька знай себе хохочет. Выискался знающий
человек «Вы не Стеньку бьете не он у вас в
кандалах а чурбан» Глядят начальство — вправ-

чурбан! В стычках — из шайки все живы а
стрельцы так и валятся Один сержант догадался
выстрелить в Стенькиного есаула крестом из пи-
шали и ранил За Волгой на Синих горах при
самой дороге лежит Стенькина трубка Кто ту
трубку покурит, станет заговоренный и клады ему
все задутся, будет сам словно Стенька Только тя-
кого смелого человека не выискивается до сей по-
ры (Садовников, 332 — 348)

В Вологодской губернии сохранилась память
об атамане Блохе, получивдем свое прозвище от
того что сам умел оборачиваться в это насекомое
и всю свою шайку блохами оборачивал Поселок
где жили эти разбойники до сих пор носит на-
звание Блохино Раменье В бассейне Белого моря
к югу от Соловецких островов есть каменный ос-
тров Калгуев далее к югу, остров Жогжин (бли-
Летнего берега) а неподалеке от него мысок на
берегу – Кончаков наволок Все три названия
напоминают о трех братьях-разбойниках Калге
Жогже и Кончаке Они не пропускали промысло-
виков с рыбой не взяв у них доли в свою пользу
Имели они один топор и котелок так что пере-
бросывали их с острова на остров при надобности
Криничная, 126, 136)

В Пермском крае сложился культ Ермака, в
каждом зажиточном доме можно было найти его
портрет рисованный на железе его именем осве-
щали старинное оружие приобретавшее особую
ценность от того что оно — «ермаковское» (Бо-
ловский, 77)

Сверхъестественные способности, присущие
колдунам, — оборотничество, умение тай-
мстить врагам через дьявольские наваждения, за-
говорить оружие, превратить любую вещь в сред-

ство достижения своей цели (кошку — в лодку воду из стакана — в речной поток) — приписывались главарям разбойничьих вольниц, именно они были колдунами, иногда приобщая чарам ещё атаманов, остальные члены шайки находились под их охраной, например Стенька Разин заговорил своих товарищей от пуль, убить их можно было только как и всех колдунов — пулей, отлитой из креста или медной солдатской пуговицей.

После смерти разбойники становились живыми мертвецами и охраняли свои клады, принимая страшные мучения от бесов, являвшихся в виде птиц или змеев по ночам, чтобы пить их кровь и выклевывать печень. Бесы всю жизнь служали колдуну, помогая ему портить людей, и мучили его постоянно требуя работы, поэтому чародеи, чтобы иметь какой-то отдых, посылали их считать иголки на соснах, считать песчинки, отрезать у мышей хвосты и т. д. Колдун не может умереть пока не передаст своих бесов кому-нибудь другому или не наделит ими какой-нибудь предмет (палку, веник). О смерти колдунов рассказывали множество историй. В одной казачьей семье умирал колдун, никто не подходил к нему, боясь, как бы он не отдал бесов. Старик пустился на хитрость, попросил семилетнюю внучку передать ему веник. Девочка успела лишь подать ему веник, как вошла мать и оттащила ее от колдуна. Колдун бросил веник, и он закружился, стал летать по хате; после этого старик успокоился и умер. Черти вытрясли его кости из кожи и съели, а вместо мяса и костей в кожу влез дьявол. В конце XIX века несмотря на то что, по поверьям, тела колдунов принадлежат чертям, их все же хоронили на кладбищах, как и остальных людей, но в могилу вбивали осиновый кол (Терские ведомости, 1891).

В Орловской губернии считали, что если колдун умрет, никому не передав своих тайн, то он ходит оборотнем, свиньей и делает разные пакости людям. Колдун встает из могилы также тогда, когда умирает раньше окончания срока договора с чертом, на земле живым мертвецом он доживает положенные ему годы, тело его не принимает земля. В Саратовской губернии черти сдирали с колдунов кожу и облекались в нее или залезали в рот покойнику при смерти. Колдуны, вставшие из могил, выдаивают коров, так что из вымени течет кровь, а если молоко и вернется, то навсегда делается нежирным и невкусным, бьют скотину, приносят болезни домашним, прячут оставленные ими деньги. Чтобы прекратить ночные хождения чародея, его перекладывали в другую могилу, подрезали ему пятки и насыпали туда мелкой щетины, вбивали в могилу осиновый кол (Зеленин. Очерки, 27). В Тульской губернии в доме, где умирал колдун, остановился прохожий, который указал семье способ избавиться от живого мертвеца. Зная об обычае чертей проникать в кожу колдунов после смерти, он посоветовал сыновьям старика вскипятить два чугуна воды и вылить их на мертвое тело. После второго чугуна черт выскочил из кожи и кинулся к двери, но попал в простенок и вышиб его, чтобы убежать из избы. Сыновья закопали одну кожу колдуна у себя на задворках.

Местные священники отказываются отпевать в церкви колдунов, крестьяне не дают похоронить тело чародея на кладбище, разве что в самом углу, близ ограды. Как и всех заложных покойников

(см. *Мертвецы*) их хоронят отдельно от остальных православных или сжигают. Считали, что колдун после смерти ходит в семью просить еды, а оставшись голодным, бьет посуду. В случае таких посещений мертвецов, могилу колдуна раскапывали и находили его обычно лежащим лицом вниз. Священник читал Евангелие, держа в руке крест, а сельчане, получив благословение батюшки, отесывали осиновый кол и забивали его обухом в спину колдуна, против сердца, находя при этом труп живым, кровь брызгала из-под кола, мертвец бился, брыкался и стонал (Колчин, 46 — 47).

Забить осиновый кол в спину колдуна — значит проклясть его, поскольку осина — проклятое дерево, на нем, по преданию, удавился Иуда, после своего предательства он решил повеситься, думая, что попадет в пекло, а Христос, когда будет вызволять из ада души грешников, освободит и его. Но к какому бы дереву ни подошел Иуда, ветви его тотчас же поднимались, перекинет веревку — ветки опустятся и веревка соскользнет. Так повторялось каждый раз, пока Иуда не дошел до осины, на ней и повесился (иные утверждают, что до бузины, оттого ее считают негодной для построек и жильем дьявола) (Афанасьев-2, 307). На проклятой осине листья всегда трепещут, хотя бы не было никакого ветра.

Посторонние не видят бесов, мучающих колдуна перед смертью, так как им черти показываются в виде вороны или черной кошки, в таком же образе и колдун после смерти приходит в прежнее жилище. Чтобы колдун поскорее скончался, открывают трубу, вынимают потолочную балку. Когда никто не соглашается принять чары

колдун велит поднять на избе желоб, принести меру песку, которую он рассыпает пригоршнями на все стороны, заставляя нечистых собирать песок, как только черти справятся с этой работой, они тащат колдуна за язык, за ноги, умудряются протащить его тело сквозь маленькие дырочки в полном и там замучивают до смерти. Избавить от бесов ребенка, если колдун сумел обмануть его и передал вместе с каким-нибудь предметом свои чары, очень трудно, это под силу тоже колдуну или знахарю. Последний задает бесам работу, но абсолютно невыполнимую. Один знахарь излечил мальчика, испорченного колдуном, тем, что заставил бесов собрать мешок муки, развеянной по полю; другой — тем, что приказал чертям носить воду замшенным решетом. Во время похорон колдуна, когда зарывают его могилу, земли все время не хватает, чтобы засыпать яму.

Предохранительных средств от порчи колдунов довольно много, все они, главным образом, основываются на отсутствии чувства страха перед ними или на преданности молитве, Богу. Во избежание порчи на перекрестках, куда чаще всего колдуны по ветру пускают порчу, читают молитвы, крестятся или плюют. В Витебской губернии верили, что в ночь на 24 июня ведьмы и чароде[illegible] вылетают из своих пещер и дворов для выдаивания коров, порчи скотины, хлеба в амбарах, заговора трав, становящихся вредными для здоровья, овощей и т. д. Девушки и парни не спят в эту ночь, ходят от деревни к деревне, жгут костры и прыгают через них. Колдуны боятся огня, особенно разожженного трением («живого»), и через такой костер не будут прыгать. Во Владимирской губернии сборище колдунов и всякой нечистой

силы происходило каждый год возле березы Ф мут, но из простых людей никто не знает где она растет

Колдуны портили людей при встрече в двер или в воротах тем, что ударяли человека рук по плечу. Избавиться от порчи можно было таким же способом, ударив в ответ колдуна, причем с большей силой, хорошим средством было троекра ное сплевывание после сомнительных похвал ко дуна. Некоторые считали, что испорченный че век может избавиться от недуга, до крови удари колдуна или откусив ему нос, выбив зуб, обозв еретиком или опоив водой после стирки брачн женской рубашки, ударив палкой с тремя дыр ками, пробив осиновым колом его тень на земл Насмерть убить колдуна можно тележной осью после этого живым мертвецом, упырем, он стать не сможет

Существовали травы, предохранявшие от по и колдовства. Одолень-трава: растет в сырых мес тах, невысокая, цвет голубой. Ее нужно рвать 9 мая, а на ее место положить куриное яйцо. В случае порчи давать пить в отваре и носить бой сушеной (Балов, 114). Плакун-трава: от порч и злобы, растет в стрелу, цвет багровый, корен рогатый. Из корня делают крест и носят при себе рвут траву 2 августа. Конский щавель с особым корнем с тремя наростами (черьяками): первый — красный, от нечистой силы, второй — белый, для чистоты глаз, третий — черный, для успеха в торговле. Адамова голова — растет у рек и озер кустами, цвет грубо желтый, кувшинцами, бывает в шесть, восемь и двенадцать листов. Эту тра вырвать на Ивана Купалу на вечерней или ней заре, пронять ее сквозь золотую или сере

ную цепочку и носить корень при себе: хранит Господь от всякой порчи. Кто хочет видеть дьявола или колдуна — пить настой на этой травы, корень освятить водой и положить в церкви на престол на сорок дней. Носить при себе, и увидишь еретиков, воздушных и водяных демонов (Ярославская губ., Пошехонский уезд)

Хорошими предохранительными средствами от чар являются лук, чеснок, редька, хрен, соль, горчица, полынь, калган. Последние травы настаивают на водке. Лук, чеснок, хрен используют как приправы к пище. Носят при себе янтарь, льняное семя. Из действий — помогает переодевание, снимают верхнюю одежду, встряхивают, переодевают обувь с левой ноги на правую. Можно лишить колдуна чар на какое-то время (например чтобы он не испортил молодых), большим пальцем левой руки зажать сучок на столе или лавке и читать молитву «Да воскреснет Бог» — в течение нескольких часов колдун останется неподвижным, а потом запросит отпуска у человека, который его остановил (Владимирская губ.)

Наиболее распространенным средством от порчи является игла, которую всегда носят при себе. Чтобы обессилить колдуна, достаточно проткнуть его одежду иглой, а если, продернув иглу сквозь одежду колдуна, вынуть ее и воткнуть ушком кверху в дверь того здания, куда он вошел, колдун не сможет выйти из дома, пока игла будет находиться в двери, а если и выйдет, то не повредив дому

Все колдуны во вражде друг с другом, это свойство часто использовали в борьбе с порчей, избавляясь от нее с помощью другого, более сильного колдуна. Чтобы колдун не испортил молодых

приглашали на свадьбу дружку, который обычно славился в округе и как знаток свадебной церемонии, и как колдун. На свадьбах иногда разгорались состязания в колдовстве между дружкой и пришлым, неприглашенным колдуном, задумавшим испортить свадьбу. Нередко дружка и колдун были разными лицами, тогда приглашенного колдуна усаживали на самое почетное место за столом и всячески ублажали, а он уж знал, где увидеть порчу и как ее снять. Чаще всего колдуны останавливают свадебные поезда, вредят коням, поэтому дружка внимательно следит за дорогой, убирая всякие подозрительные предметы, обходит весь свадебный поезд перед выездом в церковь и внимание со специальными свадебными заговорами, на всех поворотах улиц и перекрестках кричит «Христос воскресе!», по приезде в дом жениха проводит молодых по овчине, расстеленной при входе мехом вверх. Собирая к венцу невесту, зашпиливают ее платья иглами со всех сторон, закладывают иголки в подол и рукава, а когда после венца она въезжает в ворота к новому мужу, иглы вынимают, переламывают надвое и бросают на обе стороны, для того, чтобы ведьма не перекинулась через эти иглы. В обувь жениху и невесте сыплют мак, — если колдун захочет испортить молодых и начнет перечислять то, что на них надето, маковые зерна ему не перечесть. Колдун не прикоснется к молодым, если их перепоясать суточкой, обыкновенной рыболовной, так как навязанные узлы с глубокой древности почитались действенным способом избежать порчи.

КОЛОКО́ЛЬНЫЙ МЕРТВЕ́Ц Колокольный мам, колокольный мужик, церковник.

Нечистый дух, вселившийся в тело мертвого колдуна, из тех, кого не принимает земля после смерти. Если в полночь забраться на колокольню, можно увидеть его сидящим в углу, в белом колпаке, сорвешь с него колпак — будешь маяться всю жизнь, каждую ночь колокольный мертвец будет ходить под окнами, прося надеть колпак, а станешь надевать — тут и придушит злой колдун (Звонков, 77). Привидение, бодрствующее колокольного звона и падающее с колокольни во время трех первых ударов колокола, — поэтому многие осеняли себя крестным знамением только при четвертом ударе. Заслыша звон колок за, нечистые духи и ведьмы улетают как можно дальше, иначе звон охватит их своими звуками, как волками, и завертит в страшном вихре, словно легкую лодочку в водовороте. В Нижегородской губернии, когда в окрестностях появлялась холера или другое поветрие, одна из девиц забиралась в полночь на колокольню тайком от всех и била в колокол тревогу: жители в испуге выбегали из домов, а она так же незаметно возвращалась домой. Делалось это с целью прогнать ведьму, посылающую мор. Кликуш, больных лихорадкой ставили под колокол во время звона, дабы изгнать бесов болезней из их тела. В представлениях о колокольных нечистиках отразилась вера в вечную борьбу Бога с дьяволом и взгляд на церковные здания как арену этой борьбы. Церкви, часовни, колокольни ночью служили прибежищем упырей, живых мертвецов и чертей, исчезающих с первым криком петуха. Шел мужик ночью мимо церкви, видит: служба идет, двери растворены, он вошел и стал молиться, а вокруг были нечистые, догадался прохожий

не побежал, а стал пятиться к двери задом и так же задом вышел из церкви; кинулись за ним вдогонку нечистые, а обратно — ни одного следа нет, только в церковь. Поискали человека и бросили. Епитимья, наложенная на мать, заспавшую ребенка, заключалась в стоянии в церкви возле дедского гроба в течение трех ночей; в это время черти мучают мать всяческими видениями, заставляя выйти из круга, который она должна очертить вокруг себя, оставаясь в нем всю ночь. Власть темных сил распространяется на церковь только ночью.

Безумцы или дерзкие смельчаки отважатся в это время посетить колокольню. В одном селе жил мужичок с дочкой-девицей, которая считалась полудурочкой. Однажды отец зазвал швецов в дом для починки и шитья одежды. Шили они несколько дней. Как-то вечером швецы стали подшучивать над девушкой: мол, не сходить ей, трусихе, ночью на колокольню. Она заспорила, что сходит и даже позвонит. Дело было к полуночи, оделась девушка и ушла. Приходит сначала на кладбище, приближается к колокольне, входит на первую лестницу и видит, что кто-то там сидит в колпаке. Она и подумала, что это — маи или покойник. «Пусти, — говорит, — меня на колокольню!» Маи отвечает: «Не пущу!» Она ему с угрозой: «Я тебя красный колпак сорву!» — сдернула с него колпак и побежала домой. Заходит в избу и хвалится: «Поглядите, я была на колокольне, даже колпак с кого-то сорвала». Швецы переглянулись: «Ай да девка, молодец!»

Вдруг под окном раздался голос: «Отдай мой красный колпак! Отдай мой красный колпак!» Швецы и хозяин бросились кто на печку, кто на полати, притаились и шепчут оттуда: «Отдай ду-

ра, колпак, а то нам всем худо будет». Девушка вышла в сени, потом на крыльцо, протянула руку с колпаком — маи схватил ее за руку, вытащил и разорвал поперек надвое. Ни швецы, ни отец не посмели ночью выйти, а утром нашли ее возле крыльца разорванную пополам (Смирнов-1, № 74).

КОРОВЬЯ СМЕРТЬ

Дух повальных болезней рогатого скота, по народному поверью, всякое живое существо, первым заболевшее эпидемической болезнью, является проводником этого духа — от него зараза распространяется на других животных, поскольку оно носит на себе демона смерти, распространяющего своим дыханием скотскую чуму. Первые павшие животные подвергались очистительному обряду сожжения, потопления или погребения в земле. В некоторых деревнях на том месте, где пала первая зачумленная скотина, приготовляют яму и в ней зарывают павшее животное, привязав к его хвосту живых собаку, кошку и петуха. В Нижегородской губернии от сибирской язвы вбивали на перекрестках осиновые колы и посыпали пеплом сожженной по этому случаю собаки (Афанасьев-3, 523). Коровью Смерть искали следующим образом: весь скот сгоняли на один двор, запирали ворота и караулили здесь до утра, а с рассветом разбирали скот, выпуская его поодиночке. Если останется хоть одна корова неизвестного хозяина, то ее принимали за Коровью Смерть, взваливали на поленницу и сжигали.

Коровья Смерть — оборотень, может показаться женщиной, собакой, незаметно, с попутной подводой, она проникает в село, и начинается мор. Поздней порой ехал мужик с мельницы, видит — плетется по дороге старуха, просит: «Под-

вези меня, дедушка!» — «А кто ж ты, бабушка?» — «Лечейка, родимый, коров лечу. Всех лечила у Истоминой, да там все переколели. Поздно привезли, я не успела захватить». Мужик посадил ее на воз и поехал. Доехали до перекрестка, снял мужик шапку, перекрестился, оглянулся — а бабы как не бывало. Оборотившись черной собакой, она бежала в село, а на другой день в крайнем дворе пало три коровы — мужик привез Коровью Смерть (Потебня, 224).

Чтобы узнать ведьму, которая занесла Коровью Смерть, добывают трением живой огонь, на большой камень кладут кусок сухого дерева, и двое начинают водить по дереву канатом, пока оно не загорится. Всех женщин заставляют прыгать через камень, та, что откажется прыгать сквозь живой огонь, — ведьма. Против ведьм, переносчиков болезни, как и против самого духа, Коровьей Смерти, устраивают опахивание села. Старуха-повелительница, большей частью вдова, в полночь, в одной рубахе, собирает женщин и девушек в глубокой тайне. Все идут в белых рубахах с распущенными волосами. Мужчины не участвуют в опахивании. В руках у женщин — печные заслонки, сковороды, ухваты, а также икона, свечи, ладан в кадиле или гордюк с раскаленными углями. Нерожавшая замужняя женщина, или девушка, или вдова впрягается в соху. При опахивании соха отбрасывает землю в сторону, противоположную селу, на перекрестках прочерчивают сохой крест. Остальные участницы обряда стучат в сковороды, заслонки, устраивая страшный шум, в конце опахивания закапывают живьем в землю собаку, кошку или черного петуха. Если опахивающие встречают на пути какое-нибудь живое существо, оно считается Коровьей Смертью и его разрывают на куски (если это животное) или избивают до полусмерти (если человек). Поют заунывные погребальные песни:

Девять девок, три вдовы
Со ладаном, со свечами
Со горячей со золой!
Мы огнем тебя сожжем
Кочергой загребем
Метлой вымести
И целым забьем
Вийди вон! (3 раза)

Очерченный сохой магический круг вокруг деревни преграждает путь эпидемии (Зеленин 1991 Чи — 97).

КОЩЕ́Й (Кащей) Бессмертный

Сказочный персонаж, в побывальщинах о нечистой силе не упоминается. Злой колдун, похищающий женщин — жен и невест сказочных героев. Имя «Кощей» соотносится с древнерусским «кощь», «кошть», что указывает на сухость, худобу тела; также со словом «кощей» — узник, пленник (например, в «Слове о полку Игореве» князь попал в плен, пересев из золотого седла — в «кощиево», от тюркского «кос» — пленник). В русском языке «умереть» и «окостенеть» — синонимы. Кощей был одним из образов Смерти, которую изображали обычно в виде скелета. Смерть никогда не умирает, отсюда прозвище Кощея «Бессмертный». Только в сказках герой может победить Смерть, спрятать ее в кисет, обманом заманить в табакерку, коробочку. Кощей бессмертен потому, что его смерть находится очень далеко: она надежно спрятана: на море-океане есть остров, на острове Буяне растет дуб, под дубом зарыт

железный сундук в сундуке заяц в зайце утка в утке яйцо стоит сжать это яйцо, как Кощей начнет испытывать страшные мучения раздавить его — и он умрет. О местонахождении Кощеевой смерти герой узнает обычно от своей суженой, украденной Кощеем, или от Кощеевой дочери. Дворец Кощея, как и избушка Бабы-яги (ко[illegible]гой), находится чаще всего в глухом лесу. К К[illegible]щею иногда ходят за диковинками, например, за шубой, в которой летом холодно, а зимой жарко (Ончуков № 107). Добыть Кощееву смерть герою помогают благодарные животные (медведь, [illegible], ястреб, щука). Образ Кощея может быть замещен змеем: он также похищает женщин и гонит от [illegible]дальенного яйца — камня, вынутого из яичного желтка и брошенного змею в лоб (Афанасьев 2, 598 — 599).

КУДЕ́СА Кудесы, бесы.

Название ряженых, ходивших по беседам и избам с 6 декабря по 4 января, на Святки — с 24 декабря по 6 января. Одни из древнейших международных обычаев празднования перелома зимнего поворота на постепенное прибывание дневного времени, начала нового года включая в себя маскирование, переодевание, связанное с идеей перевоплощения, оборотничества, которое отождествлялось с кудесничеством, чародейством. Церковнославянское «коудесьнях» — маг и «коудешьник» — мим указывает на сближение мима с жрецом, волхвом. По грамотам Алексея Михайловича 1648 и 1649 годов можно сделать вывод о том, что накануне Рождества Христова и Василь[illegible]ева дня (1 января) кудесники кликали Колядь и Таусень, а в Богоявление Господне — Ивану

[illegible] исполняли заклинательные песни с соответ[illegible]ством [illegible] (Вестник [illegible] 10[illegible] 33 — 34). Архимандрит Киево-Печерской лавры Гизель говорит о Коляде, замечает «нечии памяти беса Коляды и доселе не перестают обновляти, начиная от самого Рождества Христова, по вся святыя дни собирающеся на богомерзкие игралища, песни поют и в них, аще и о Рождестве Христовом вспоминают, но тая же безаконныя и Коляду, ветхую прелесть диаволовую, много повторяюще, приговаривают». Слово «Колядa» есть измененное латинское «kalendae» — «календа», так называлось первое в каждом месяце число, затем оно стало употребляться для обозначения январских праздников (с 14 декабря по 1 января включительно) как исхода года; в средние века оно закрепилось за святками этого периода. Кормчая книга по списку [illegible] 82 года запрещает колядские обряды, называет «скаранды сотворенные в изменяемо [illegible] в них же обычаи бе Елином творити жертвы» — и добавляет, что святые отцы запрещают христианам в Святки переодеваться мужчинам — в женскую одежду, а женщинам — в мужскую, возлагать на себя косматые личины — козлиные и «сатоурьские» (Калинский, 344 — 345).

В конце XIX — начале XX века в Сибири молодежь маскировалась в старую одежду, используя платье местных народов — тунгусов, бурят, ханов. Водят «козу» (овчинный тулуп мехом наружу, в руках палка с изображенной из дерева головой козы, с козлиной бородой и т. д.). У русских на Новый год целиком запекали поросенка, пекли фигурные хлебцы: «ягнят», «овечек», «пастуха». В песнях угрожали: «А не дашь пирога — мы корову за рога» (Календарно-обрядовая поэзия сибиряков, 20, 26).

Маскирование одевание «личин» подвергалось до допуск ряжеными в себя бесов. В Новгородской губернии их так и называли «бесами». Помимо обычного переодевания в одежду другого пола устраивали представление «в покойника» требовавшее особых костюмов и грима. «Покойника» изображал молодой парень с лицом, вымазанным мелом, в лаптях и белой рубахе. Он ложился на скамейку, все остальные были «попами» в ризах из рогожи и полотенцах. «Покойника» вносили в избу, где была беседа, и клали под образа. «Попы» читали «Данное чудо в монастыре жить с игумены — бесмены стоят — грабители архимандриты — сирыты послушники — кощунники» — и кадили вместе ладаном, забавным и комическим поветом с горящими углями, затем укладывались после чего «покойник» вставал и уходил. Там же существовал обычай ряжения «в Святки «воевадей». Один из мужиков, знавший все тайные дела парней, делал себе большое бревно из соломы, вязал соломой колесо, надевал на голову соломенный колпак, это был «воевода». Остальные кудесники разбились кто «кобылами», кто «статами». Все входили в избу, где они находились, и тотчас запирали за собой двери, чтоб ни один из парней не ушел. Воевода усаживался посреди избы на табурете, к его ногам тожились «кобылы» и начинался «Военный приказный». «Стати» такого-то» воины хватали парня и клали на «кобылу», а воевода переписывал все его грехи (украл с зоренькой обнял девку и т. д.). Девушек надевали цыганками и клали задать под скамейками.

В Череповецком уезде Новгородской губернии «бесами» ходили с Николина дня с 6 декабря. Рядились не только молодые, но и степенные мужики и бабы. Мужики одевали в кацавеи и ряженые кафтаны, старые сапоги, прикрепляли бороды из кудели и с корзинками и батожками отправлялись по избам просить милостыню. Денег крестьянин хлеба не брали. Когда накопится достаточно подаяния, останавливались у кого-нибудь и устраивали «вечеринку», за которой и немалыми с приятелями распивали бутылочку-другую.

Молодежь собиралась для ряженья на беседы парни переодевались в женскую одежду, девушки — в мужскую. Один из парней изображал медведя, надевал тулуп мехом наружу, продевал руки в рукава, подбирал его к воротам, а на голову надевал оглобли. Медведя запрягали в санки, на которых сидела девушка, выряжалась гусем. Вся ватага человек в двадцать отправлялась на беседу в другую деревню и устраивала там страшный переполох: медведь ревет, гусь гогочет, остальные орут, смеются, устанет и уймется, и одна ватага — в избу вваливается новая артель, тут несут покойника, кудесники отпевают, доктор с пузырьками кричит, что вылечит больного. Среди всеобщего шума из гроба раздается: «Как Кузькина мать собиралась помирать, помирает и глядит, протянется лежит» — и живой мертвец в белом балахоне вскакивает из гроба, стараясь кого-нибудь поймать. На удивление и восхищение деревенской публике кудесники порой устраивали целые представления с царем Максимилианом и его непокорным сыном Адольфом.

Очень распространенным сюжетом была продажа лошади: двое ребят прятались под попоной, передний держал бумажную лошадиную голову на палке («лошадь»), третий — «цыган» — ее продавал. Рядились вожаком и медведем. В Васильев вечер, накануне Нового года, переодевались практически все девушки и ребята, собираясь в сли

Музыка. Ровинский I, № 10

[illegible] случаю праздника избу. Поочередно после [illegible] плясок выходили и возвращались [illegible] нищими, стариками, покойниками и т. д. Лица закрывали платками.

В Олонецкой губернии делали специальные маски [illegible] из белой бумаги с прорезями [illegible]. Помимо уже названных сюжетов представлений здесь играли также «убой быка», которого устраивали примерно так же, как лошадь. Бык мычал, упирался, но его вводили в избу и вожак ударял его обухом по голове — горшку, который разбивался на мелкие осколки. Подобное поведение в любое другое время года осуждалось бы как страшное кощунство. Кудеса святочных ряжений изгоняли из себя бесов купанием в проруби — Иордани — в день Богоявления Господня 6 января.

Церковные процессии для водосвятия на реки воспринимались в народе за выходы в Иордань. Многие верили, что в Богоявленскую ночь открывается небо, а потому она считается самым удобным временем для молитвы и просьбы о прощении. В основу этого поверья легло сказание Евангелия об отверстии небес при крещении Спасителя и о гласе Бога Отца из отверстых небес. Кудеса, усердствовавшие в маскировании и дьявольских играх на Святки, часто даже с опасностью для здоровья кидались в проруби после водосвящения для того, чтобы очистить себя от грехов. Об этом обычае упоминал еще в XVI веке барон Герберштейн, а также другие иностранцы, посещавшие Россию в XVI — XVIII веках. Впрочем, купание с целью очищения от скверны игрищ могло иметь место и в языческую пору, но с принятием христианства оно превратилось в омовение в Иордани (Калинский, 353 — 354).

КУ́МО́ХА́ Кумаха, кумушка

Болезнь — *лихорадка* (см.), вообще «беда». От «кума», «кумиться» — состоять в духовном родстве с кем-либо после совершения соответствующего обряда. «Кумоха» в значении «нечистая сила» употребляется в вопросах. «Какой тебе кумохи?» вместо «Что тебе нужно?» «Какая у тебя кумоха?» вместо «Что у тебя за надобность?».

Кумаху приносят двенадцать дочерей царя Ирода (Соломона): отец проклял их, и, скитаясь по белу свету и мучаясь от проклятия, они и людям причиняют одни мучения. В Енисейской губернии кумушка являлась людям в образе плохо одетой старой безобразной женщины, единственным наслаждением которой было видеть страдания и смерть людей. Кумушка носится по белу свету *«стенью»* — *тенью*, призраком и сеет и подтишка порчу, незаметно для встретившегося с нею. Затем кумушка трясет каждый день больного, иногда давая ему передышки, то падет на грудь, то ломит руки и ноги, то ляжет на сердце или стучит в голову и кружит, жжет пятки и тело, кидается в поясницу: «На двенадцать манеров кумушка берет людей».

Кумушка каждоденна кидает то в жар, то в холод, человек теряет аппетит и слабеет. Перед приходом лихорадки советовали сесть на смирного коня и ехать в поле: кумушка кинется в погоню, станет зверем бросаться на коня, реветь, оборачиваться по-всякому. Все это надо вытерпеть молча и ехать, ни на что не обращая внимания: тогда она отстанет от больного.

От каждоденной кумушки прятались под чаю, залезали в печь: если вытерпеть, когда она будет душить под печью, давить ею или представляться кем-нибудь, — она бросит и уйдет.

Маловременная красота мира сего. Ровинский 3
№ 741

Больному не дают есть пищу, какой смолоточет я, так как это не его желание, а кумушки напротив, заставляют силой есть именно то, что ему больше всего не по душе.

Кумушка поденная — перемежающаяся лихорадка, с приступами через день — два. Помимо уже названного лечения пьют настои из трав (полыни, троелистки, горькой травы), пьют в том числе и с целью изгнать кумушку, так как после первого же приема настоя кумушка сразу приходит и начинает трясти. По зорям водят больного на реку для наговоров — в течение тридевяти зорь. От кумушки вяжут на крест воск со свечей, оставшихся со страстной недели, выползки змеиной кожи.

При первом громе берут земли из-под ляжки больного, смешивают ее с квасом, так чтобы больной об этом не знал, кумушка больше не вернется. Чтобы унять лихорадку, прибегают к ядам мышьяку, стрихнину. Доброжелательные знахари, неумело обращавшиеся с таким порошком, могли отправить не только кумушку, но и больного на тот свет (Макаренко, 62 — 64).

КУРИ́НЫЙ БОГ Курячий бог, курячий поп.

Камень-оберег, в котором заключался дух — хранитель кур. Его подвешивали на насесте в уголке, чтобы куры утром, слетая вниз, могли молиться своему богу. Камень охранял кур главным образом от злых домовых и кикимор, которые любили давить птиц и вышипывать у них перья. Изредка изображением куриного бога служило бутылочное горлышко, но, как правило, это был случайно найденный камешек с одним или несколькими отверстиями. Один из таких камней был доставлен в Московское Археологическое общество в середине XIX века. он носил на себе следы явной искусственной обработки в виде головы с намеченными на ней глазами, ушами, носом и просверленными дырочками для ноздрей (Афанасьев-3, 800).

Петух слывет в народе за великую птицу: он оповещает о наступлении вечера или полночи и никогда не проспит зорю. Когда куры сядут на насест, петух запоет первым, а куры кудахчут около куриного бога — камушка. Нечистая сила не подступится к петуху, так как на нем «ангельский чин», а гребень у него на голове — корона. В Вязниковском уезде Владимирской губернии в удельной лесной сторожке во дворе на насесте для кур лесной сторож положил куриного бога в виде человеческой фигурки. В эту сторожку вскоре был назначен новый сторож, который случайно уронил бога. Спустя некоторое время у него издохли бык и телка. Свое несчастье сторож приписал куриному богу, которого невзначай обидел. Желая избавиться от колдовства, исходившего от куриного бога, хозяин схватил его рукавицей, чтоб не прикасаться голыми руками, и забросил как можно дальше за забор (Завойко, 126 — 127).

ЛЕ́МБОИ (олонецкое). То же, что *черти* (см.).

В Заонежье лембоев отличали и от природных духов (леших, водяных), и от дьявола («черт чертом, а дьявол сам по себе»). Водятся везде, но любимые жилища имеют на Ишь-горах и Мянь-горах (в Толвуе, Кижах и на Пудожском берегу). По преданию, там когда-то жили сестры, пекли блины и с горы на гору перебрасывали. У лембоев на этих горах теперь села с переселками и города с пригородками. Лембои женятся между собой и плодятся, но им все мало: они похищают детей, которые прокляты родителями, а иногда и взрослых людей. Стоит матери послать ребенка сгоряча в недобрый час к черту: «А унеси тебя!» — и дитя попадает к заклятым. У лембоев заклятые в

слугах: им поручают красть пищу, оставленную без креста, из жилищ крестьян.

Известны десятки случаев, когда проклятые люди попадали к лембоям, иногда их удавалось возвращать домой, но чаще они пропадали навсегда. На Толвуе у жены пропал муж. Стала она просить колдуна помочь отыскать его. Накануне Иванова дня колдун вместе с женщиной отправился в полночь к Ишь-горе, сам остался внизу, а ей велел подняться. Поднялась она — а там вместо ночи — белый день, на улицах пляски, игры, столы расставлены, яствам и питьям счету нет. Окружили черти женщину, стали спрашивать, зачем она пришла к ним. «Я-де мужа разыскиваю». Встали лембои рядами (а их не меньше тысячи) — у всех платья точно с одного плеча, и ни по волосу, ни по голосу, ни по взгляду, ни по походке одного от другого отличить нельзя. Так бы и не признала баба между ними своего мужа, если б не заметила: у всех платье застегнуто с левой стороны и в лице — ни кровинки, а у мужа правая пола вверху и кровь на щеках так и играет. Указала она мужа, и лембои с честью отпустили их домой. Пока они шли до колдуна, жена не выпускала из рук руки супруга.

Некогда в Заонежье жил старик, оба сына у него умерли, и он кормился охотой. Была у него отличная охотничья собака. Раз попался ему навстречу человек. «Продай, — говорит, — мне собаку и приходи завтра ко мне на Мянь-гору за расчетом». Старик отдал собаку и на другой день пошел на гору, яндит — большой город. Указали ему дом того человека, но хозяина дома не было. Пока старик ждал лембоя — его напоили, накормили и в бане выпарили. Парильщиком дали ему доброго молодца. Тот и пал в ноги старику: «Не

бери за собаку денег, а проси меня!» Вернулся сын в палаты, хозяин спрашивает: «Что тебе за собаку?» — «А не надо ни золота, ни серебра, дай доброго молодца: детей у меня нет, будет мне вместо сына». Нарядили молодца в лучшую одежду, козловые сапожки, на прощанье дали еще пятьсот рублей.

Вернулся старик с молодцем к себе домой, парень и говорит: «Ступай в Новгород и отыщи на улице Рогатице такого-то купца» — и научил, что нужно сказать купцу. Старик разыскал торговца, попросился к нему на ночлег, а за ужином спрашивает: «Были ли у тебя дети?» — «Был сын, да мать в сердцах выговорила ему: «Лембой тя возьми», он его и унес». — «А что дадите, если я верну его?» — «Где тебе вернуть! Сколько денег мы издержали, чтоб воротить сыночка, а не смогли». Старик позвал купца с собой в Заонежье, тот узнал в молодце сына и хотел наградить старика, а сын говорит: «Он мне второй отец, из лютой неволи вызволил. Нельзя его оставить». Так и стали жить все вместе (Рыбников-3, 182 — 184).

Существовало в Олонецкой губернии и более широкое воззрение на лембоев как всякую нечистую силу, обитающую не только на Мянь и Ишкорах, но и на заболотье, в пустошах, у мельниц, в озерах, водоемах, в лесах. Памятуя, что водяные лембои не любят, когда бранят их воду, олончане всегда хвалили ее, если брали из озера. Рыбаки никогда не отвечали, куда идут, чтобы не было вреда от лембоев.

Лембоев, живших в лесах, звали шишками, подкустовниками, некрещеными, неблагословенными. Они прячут ягоды, покажут, нагнешься, захочешь сорвать — а они уже исчезли. Шишко питается кусками хлеба, положенными во время обе-

да на стол без благословения. Если приходится ночевать в лесу, надо испросить позволения у шишко, иначе лембои выгонят с ночлега.

Лембоями называют «жировиков» — домовых банников. Лембои, живущие в воде, — водяные. Водяной царь — небольшого роста с седыми распущенными волосами, с длинными руками и короткими ногами. Иногда выходит на сушу. Очень зол в пору созревания ржи, в это время маленьких детей не пускают купаться, так как водяные нерестятся, свадебничают. Свадьбы лембоев иногда приводят к сильным наводнениям, уносящим дома, сараи, разрушающим плотины. Свадебные поезда водяных лембоев направляются в просторные озера, где их молодым будет свободнее жить. Человеку эти свадьбы не видны из-за песку и глины, которые несет вода. Дома и сараи лембои уносят в приданое молодым. Гул и шум потока — свадебная музыка, пляски и песни.

Водяного лембоя можно поймать тем неводом, который никогда не был чинен или вязан в праздники. В Бесовом ручье у бывшего Лачиновского завода однажды вытащили таким образом лембоя-недоростка: волосы пестрые, весь истыкан. Спросили его: «Тебя на сушу?» — «Не-не». — «В воду?» — «Да-да!» И стал проситься в воду. Ловцы сжалились, отпустили его в Бесов ручей, так он им потом много рыбы нагнал.

Лембои иногда борются между собой за власть в своем водяном царстве, порой даже обращаются за помощью к людям, чтобы победить соперника. Один водяной лембой явился как-то к попу и просит «одну вещь», а точно назвать ее не может, обещал только за нее насыпать полную шапку золота. Священник догадался, что нужно черту, взял крест с божницы и отправился с лембоем к

озеру. Пришли на самую середину озера и спустились в подводное царство. Тут лембой указал попу на крест и велел выпустить его из рук. Поп отпустил крест, поднялся рык, шум, гам, загорелось все водяное царство и сгорело дотла. Разбежались все тамошние жители. Лембой велел попу взять крест, вынес его на берег, дал шапку золота и сказал: «Ну, спасибо тебе. Тутошние совсем было выжили меня из своего жилища — они переселились сюда из соседнего озера. Сжег ты все их водяное царство, а я новое построю и буду в нем царствовать. Если тебе что понадобится — приходи на это место, вызови меня, а я буду тебе вечным слугой. Прощай».

Есть лембои — хранители кладов, они называются древними стариками. Достать клад, охраняемый лембоем, трудно, потому что все они — заклятые, положены с заклятием на определенное лицо. Говорят, что лембоя-кладохрана могут обмануть три Ивана, в один и тот же день рожденные и крещенные, все три — племянники. Пришли им надо в урочное место (перед Иванским днем, 24 июня) и угостить лембоя свинцовыми орехами, а пока он их будет разгрызать, трижды проговорить: «Отдай наше царское имение!» Он и отдаст.

Лембои часто заходят в кабаки, здесь их узнают по неправильно застегнутой одежде: левая пола всегда запахнута поверх правой (Барсов, 87 — 89).

Во второй половине XX столетия «лембой» стало преимущественно бранным словом: «Ну тебя к лембою!», «Ах, лембой, совсем про рыбник забыл». Большинство ученых считают это табуированное название черта заимствованием из финно-угорских языков, в частности — людиковского

диалекта карельского языка (lembol), вепсского («лембей») что значит «черт», «нечистый дух».

ЛЕТУН *Летучий, огненный змей* (см.).

Дух-оборотень, являющийся тоскующим женщинам после смерти жениха или супруга. Вера в летунов была широко распространена не только в сельской, но и в городской местности. Синодальное дело Белгорода (XVI в.) содержит письмо, в котором автор уведомлял, что змей летает к жене белгородского президента О. С. Морозова, живет с ней блудно и носит к ней летаючи немалое богатство — деньги, золото, серебро, жемчуг, от чего Морозов разбогател. Влетая в дом, нечистая сила приводит мужа в состояние временного обмирания и обращается человеком для его жены (Никольский, 494 — 495). По происхождению летуны — падшие ангелы. Когда Бог наказал восставших против него ангелов, он низверг их с неба, и они попадали кто куда. Так в воде появились водяные, в лесу — лешие. Духи, оставшиеся в воздухе, на лету стали летунами, летучими. Ростом они с гуся и меньше, полет их медленный, подобный колыханию, цвет — красный, как у раскаленных углей. Над тем местом, куда они летают, они рассыпаются звездами, за что некоторые зовут их не летунами, а «рассыпучими» (Зеленин, 1915, 784).

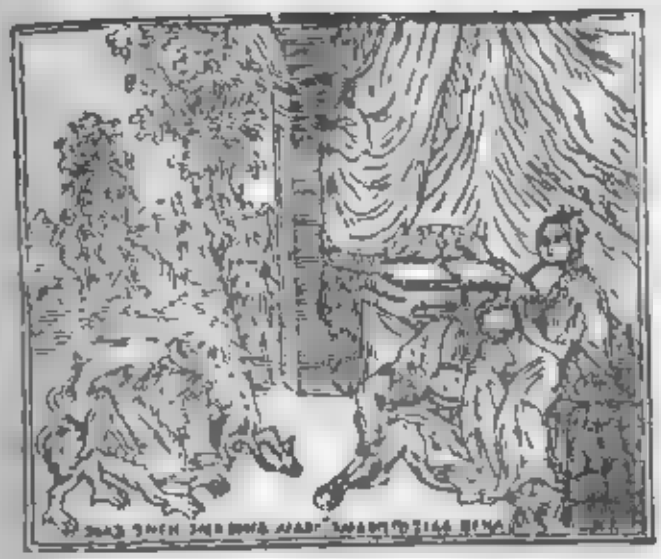
Летуны — умершие мужья — являются по ночам бабам на погибель, их посещения длятся до тех пор, пока вдова не умрет. Овдовела молодуха и начала тосковать. Куда к вечеру ни пойдет, а ее уже всюду муж ждет и учит: «Не говори на меня, молчи». По ночам начала она с кем-то шептаться, свекровь спрашивает, с кем она разговаривает, невестка отмалчивается. Пойдет на двор и

долго там остается. Выходит раз свекровь с огнем и видит, что та столб обнимает, думается ей, что это покойный муж. А сама хитрит, говорит, голова, мол, закружилась, вот на столб и оперлась. Раз ночью часов в одиннадцать начала она ставить самовар. Свекровь не дает, а молодуха и проговорилась: «Да что ты, матушка, разве не видишь, что Ваня пришел!»

Перестали класть бабу одну спать, на ночь уложат с ней ребенка, она его откидывает, не принимает. Ладаном окуривали — ничего не помогает, баба все худеет и хиреет. Пошла раз обирать яйца и не возвращается, смотрят, а она под настилом вся скорчилась, посинела и не дышит — задушил ее шут.

Посещения летунов могут длиться по нескольку лет, реже они летают к тем, кто их не приваживает и рассказывает о наваждении другим людям. У молодой женщины умер муж. Вся деревня начала замечать, что по ночам огненный змей овчиной рассыпался над трубой ее избы. С бабой стало твориться неладное — бледнеет, тоскует, разговаривает с кем-то по ночам. Семья была большая, догадались, стали расспрашивать. Та рассказала, что по ночам к ней является мертвый супруг и носит гостинцы, на лежанке положены. Поглядели — а это овечий и лошадиный помет: она его ела вместе с мертвецом, когда он приходил к ней ночью.

Семейные взялись отвадить беса: стали класть невестку спать в другое место, с двумя женщинами по бокам, наняли вековушу читать псалтырь. Трое суток подряд в трубе раздавался по ночам вой и стук, по избе гулял ветер. В доме никто не спал, все ждали беса. Старик-свекор закричал бесу: «Я тебя поганый гашником задушу», сын



Завк. жена. Ровинский 3, № 783.

бранил нечистого матерными словами. Все окна и двери в доме были заминены — бес побился-побился в трубе и улетел. Гостинцы перестали появляться, а после третьей ночи и блазнить не стало.

Чем старше вдова, тем легче ей отвадить летуна. У женщины лет сорока умер муж. Пойдет во двор — слышит его голос: «Дуня». Баба рассказала домашним и всякий раз, как он ей померещится, бросит любое дело и уйдет к своим. Видя, что вдова его не приваживает, бес то лошадью обернется и чешется об угол дома, так что вся изба ходуном ходит, то в сенях заблеет овцой, то вихрем всю скотину распугает, то всю ночь стеклянную посуду бьет, а утром смотрят — все цело. По совету знающих людей, в избе все эти дни читали псалтырь, а двери и окна замикивали. Бес ушел (Смирнов, 72 — 73).

ЛЕШАЧИХА Лесная, лесачиха, лешевица, лешовка.

Дух леса, воплощенный в женском образе, жена лешего. Кое-где так называют русалку, рассказывая о том, как лешачихи на берегу озера расчесывают длинные волосы большим железным гребнем. Лешачиха — жена лешего — некрасивая, неприглядная женщина. Неопрятных, уродливых женщин в Поморье дразнили «лешевицами». Вероятно, из-за непривлекательного вида супруги леший ухаживает за другими женщинами, часто вводя их в искушение, особенно летом, когда все мужское население находится на морских промыслах. Во время сенокоса можно увидеть, как женщина отгоняет лешего-соблазнителя: подняв сарафан, она бьет ладонью по голому телу, прикрикивая: «Н-н-а, леший! Ничего не получишь!»

(Цейтлин, 157 — 158). От лесачихи у лешего есть дети — лешевики, няньку для них леший часто добывает среди людей (см. *Леший*).

Леший посылает жену пасти скот, как собственный, так и людской, в случае, если пастух заключил с ним договор на этот счет. У одного крестьянина была земля, расположенная далеко в лесу, где он жил летом. Раз пустил он прохожего переночевать в своей избушке. Прохожий пообещал ему за гостеприимство поставить пастуха, так что скот к вечеру сам приходить будет. Прошло три года, крестьянину стало любопытно, кто же его скот пасет, пошел он искать свое стадо в лесу. Видит — с краю поляны стоит высокая старуха, опершись на палочку. Дряхлая такая, качается будто дремлет. Мужик ее и оговорил: «Бабушка, ляг, отдохни!» А лесачиха: «Спасибо, кормилец, спасибо!» — стала все меньше и меньше и сгинула. С тех пор пришлось мужику пастуха нанимать (Перетц, 7 — 8).

По вологодским поверьям, лешачиха — высокая черноволосая женщина, она забирает в домах еду, оставленную без благословения, крадет проклятых детей, заставляя их на себя работать, тоже красть у людей пищу. Послала однажды мать дочку отнести отцу в поле обед, при этом она выругала ее: «Хоть бы леший тебя унес!» Идет девочка полем, попадает ей навстречу высокая черная толстая женщина, берет за руку и ведет за собой. Долго ходила девочка с тетей, которая посылала ее в дома снимать сметану с крынок. Девочка входила в избы, и никто ее не видел. После возвращения домой она указывала деревни и дома, в которых они побывали. У одного мужичка она попросила хлеба, он после узнал ее. Неблагословенное молоко черная женщина снимала сама и клала в громадный бурак. Спасли де-

вочку с помощью креста, который бросили на нее когда она, поднимая лешачихой, шла по воде через реку и не тонула

На Русском Севере знали лесачих — лесных женщин, живущих одиноко и бравших себе в мужья и любовники лесных промышленников. Такие лесачихи очень опасны для обитателей лесных избушек. Под видом жен они посещают дворовых, и у тех начинает «сменяться кровь»: человек чахнет, тоскует и скоро умирает Чтобы избавиться от лесачихи, надо или надеть ей крест на шею тогда она может превратиться в обыкновенную женщину, или отстегать ее рябиновой веткой Один охотник часто тосковал по молодой жене живя в лесной избушке. Вот и приходит — будто она. «Поди со мной жить», — говорит. Он понял что это лесачиха, припас рябиновую ветку и стал ее бить. Смотрит — а в руках у него своя собака. Пошутившие мужички, возвращавшиеся домой через лес, признавались, что, бывало, на телеги к ним подсаживались лесные девки со светящимися телами и зелеными волосами (Карнаухова, 86 — 87)

Изредка лешачихи уводили человека в лес навсегда, беря его себе в супруги Во время рыбной ловли на виду у всех пропал девятнадцатилетний парень: его звали-кричали, а он все шел в противоположную от рыбаков сторону, пока не исчез из виду Лет через пятнадцать узнали, что он живет в лесу с лешачихой и четырьмя детьми. Родители не пошли в гости к сыну, побоялись, так на Святой неделе, когда, по поверью, всякий пропавший может вернуться к родительскому дому, в стену избы стариков-родителей что-то как стукнет видно, обиделся сын, что не пришли его провидать (Ончуков, № 292)

ЛЕ́ШИЙ Большой [illegible] гаркун дикарь дикий мужичок другая половина лаван лес, лес праведный лесной хозяин лесной царь лесовик, лесной дед (лед) («Кого лида?» — «Что тебе надо?», «Ляд тебя побери!»), мужичок, негодный, он, честной лес, щекотун

Хозяин всех лесных богатств, лесной флоры и фауны. Русскому лешему соответствуют греческие сатиры, римские фавны, сильваны, немецкие лесные люди, шведские скоугманы и др

Об облике лешего существуют разноречивые мнения. Некоторые говорят, что видеть его вовсе нельзя, а только слышать, признак его присутствия — эхо, голос лешего, неожиданно поднявшийся ветер. Ауканьем он заводит путника в такую глушь, что человек гибнет в чащобе Громкие крики, хохот, хлопанье в ладоши — все это проказы лесного хозяина, за что его и прозвали «гаркуном». В поверьях XVIII века лешие — существа как мужского, так и женского пола, огромного роста, вровень с деревьями, если ходят по лесу, и маленького — если бегают по траве Верхняя половина тела человеческая, на голове — козьи уши, рога и борода Ниже пояса — козлиное туловище Аукает, обходя путников и таким образом заманивая в глубь леса. Заведя в свое жилище леший защекочивает свою жертву до смерти, отделаться от него можно, повторяя: «чесноку» или «гасника» (растение «буковица») (Попов, 196)

Из леших есть царьки с золотыми рожками их видели в селе Городце, недалеко от Старой Рязани Царьки любят подшучивать над людьми: могут выщипать полбороды или выкрасить тиной свернуть в кольцо корову, запутав ее хвост на ее же рогах. В то же время лешие — радетели за проклятых и обиженных. Лешими могут стать не

винноубиенные. В XVIII веке рассказывали, что под мостом при деревне Голыгиной каждую полночь жаловались и плакали души Хованских, казненных будто бы по домогательству царевны Софьи в селе Воздвиженском и потом затоптанных в гати под Голыгиной. Тени несчастных сына и отца Хованских видели на Голыгинской гати: они останавливали прохожих и требовали свидетелей к суду Божию на князя Василия Голицына, Хитрова, Хлопотова. Один из Хованских, кланяясь, снимал свою отрубленную голову как шапку. Спустя несколько лет после ужасного преступления тени страдальцев сменил стон лешего над Голыгинской гатью (Макаров-2, 128).

В Орловской губернии лесовой — великан, издали похож на человека, а вблизи вообще не виден. Одежда на нем белая, рост — семь метров (десять аршин) и более. По владимирским поверьям, лесовой показывается перед несчастьем. В заговорах лес постоянно именуется праведным, лесным царем является Мусаила-лес. С виду похож на человека, но синеобразен, так как кровь у него синяя. Мусаила-лес — царь только над всеми русскими лешими. Когда между государствами возникает война, войну между собой ведут и лешие этих государств: сходятся войска лесовых и зверей и дерутся до тех пор, пока не прекратится людская война. По народным приметам, перед войной всегда бывает передвижение зверей, например — белок. Это лешие формируют войска (Куликовский).

Один из леших жил в глухом буераке, он был храбрым воином во всех сражениях. Однажды лишился правого глаза, случилось это в те времена, когда басурмане напали на Русь. Лешак свалился на противника как снег на голову, всех не

Леший. Рисунок Ковригина. Иллюстрация 2. № 19

сметную рать заманил дерном, камнями, валежником. Но одна вражеская стрела попала ему в глаз и леший выдернул ее вместе с оком. С тех пор у него пропала охота воевать. У лешего был сын-силач, с двенадцати лет без труда ломал матерые ели. Прошло много лет, началась война с турками, враг осаждал русские села и города, и быть бы Руси под нехристью, если бы на бранное поле не явился богатырь, побивший басурманскую рать. То был тот самый лешачонок, сын старого лешего. Одноглазый отец долго не пускал его на войну, даже привязал к высокому дереву, да нашелся добрый человек, крестьянин, который отвязал лешего, тот на прощанье обещал услужить мужику.

В этой войне с турками участвовал солдат, некогда освободивший лешего. Решил богатырь-лешачонок отблагодарить своего спасителя: нашел его и пригласил в кабак, требует у чумаков ведро вина; солдату приказал стакан подать, спрашивает: «Знаешь ли, кто я?» — «Нет, батюшка, не знаю», — ответил солдат. «Я тот, которого ты с дерева отвязал». — «Что ж ты стал такой маленький? Или ты книзу растешь?» — «А я каким хочу, таким и могу быть, — ответил леший. — Знаешь ли, что твоя жена тебя забыла, за другим замуж собирается идти?» Солдат заплакал. «Не дись, — говорит леший, — на меня, может, поспеем к тебе домой, сегодня у нее посиделки». Взял леший солдата под пазуху и полетел с ним так быстро, что волосы ветром с головы срывало. Шапка у солдата слетела, а леший кричит: подбирать не надо, она уж за тысячи верст осталась. Так по дороге всю амуницию в клочья разорвал. Прилетели как раз к свадебному пиру: жених и невеста за столом сидят, колдуна худобой забили, как увидел новых гостей. Лешак взял невесту за

руку, подвел к своему товарищу: «Вот твой жених!», а отставному жениху: «Здорово женился, да не с кем спать!» Запросил кадку пива, выпил до капли и захмелел. Солдат кремнем на заслонке играет, а леший так плясал, что чуть потолок головой не вышибал (Смирнов-2, № 202).

Лешего видят иногда, когда ездят в ночное. Они (лесные духи) очень любят светлые месячные ночи: сидит леший словно старый старик на пеньке, лапти плетет и на месяц поглядывает. Как месяц за тучку зайдет, ему темно станет, он голову поднимет и глухо проговорит: «Свети, светило!» (Садовников, № 68). Косари жили табором возле леса, ночью жгли костер. Вдруг из лесу к теплине вышла голая образина вроде лягушки, а ростом с человека. Подходит к огню, шлепает себя по брюху лапами, а брюхо все желтое, только пупок зеленый. От страха все онемели, а «он» стоит да хохочет возле костра, пока один мальчишка не догадался перекреститься. Леший ухнул, покатился с грохотом по лесу и пропал (Смирнов, 76).

В новгородских лесах видели лешего: огромного старика с длинной седой бородой, в белом, с широкими рукавами, балахоне, в широкополой шляпе, с растрепанными волосами. Леший — оборотень, может явиться зверем, птицей, поводырем, ямщиком, собакой, кошкой, козлом, грибом или кустом. Мужичком подсаживается к путникам на сани или телегу. Лошадь останавливается, и никакими усилиями кучера не могут сдвинуть ее с места, пока леший не сгинет (Ефименко, 153).

В своем настоящем виде, по тульским поверьям, черен, крылат, хвостат и покрыт шерстью черной и блестящей. Голова кудрявенькая, с небольшими, загнутыми винтом рожками, на ногах копытца. Глядит ласково, как добрая черная соба

ка. Ездит за водой с большущей бочкой, сидит на ней и правит лошадьми. Лошади у лешего — оборотни, пропавшие или заблудившиеся в лесу люди. В каждом, даже маленьком, лесу живет по лешему, а лесной царь — один, в аду прикован под землей цепями. Он бы их давно перегрызал, если бы цепи вновь не спаивались, когда в церкви поют «Иже херувимы».

Лешие живут семьями и на земле подчиняются своему атаману, который посылает их смущать людей. В полночь лешие выходят поиграть с атаманом: атаман выбирает самое высокое дерево в лесу, велит его пригнуть к земле и приказывает лешим вешаться на ветвях вниз головой по очереди. Каждый работает весело и увертливо. С первыми петухами лешие разгибают дерево, а ко вторым петухам — шум, гам — все стихает.

Если леший встретится в образе человека, то распознать его можно по привычке одевать верхнюю одежду: левая пола кафтана запахнута на правую, а не наоборот, как обычно, правый лапоть надет на левую ногу, а левый — на правую. Глаза — как раскаленные угли, подпоясан красным кушаком. Сбив путника с дороги, леший оборачивается ямщиком и предлагает подвезти. Один путник заблудился в лесу. Его нагоняет кто-то на тройке и кричит: «Эй, приятель, садись!» Путник сел, и кони помчали так быстро, что трудно было дышать от встречного ветра. «Слезай, приятель!» — крикнул кучер, и путник обнаружил, что очутился в Аравии. Стал расспрашивать, как добраться до России, а ему посоветовали: ступай на то место, где тебя ссадил неизвестный. Глядит — едет тот же мужик, вновь попросился путник к нему в попутчики, и помчались быстрее прежнего. Седок слова не может выговорить, кричит: «Разбой!» — и цепляется за экипаж. А леший завез его прямо в избу и скрылся. Жена стоит рядом, окликает: «Иван, Иван, чего ты? Что с тобой?» А Иван уцепился за столб в избе, «Разбой!» — кричит. После, как муж пришел в себя, жена напомнила ему, что он обещался сходить в Новый Иерусалим Богу помолиться за то, что спас их от пожара, а до сих пор не сходил, вот леший и мучил его за невыполнение обета (Колчин, 19 — 20).

Лешие-оборотни часто показываются родственниками или знакомыми. Пойдут охотники в лес вдвоем, леший покажется одному их них двойником-товарищем. После захода солнца лучше никого в лесу громко не звать. Одна девушка принесла к лесной избушке ужин и позвала: «Филипп, Филипп, иди ужинать». А рядом река, ельник угрюмый. Из этого ельника вышел высокий мужик, глаза светлые, собачка на веревке. Упала девка на землю, а он над нею свистит, кричит, в ладони бьет. Пришел Филипп, а она чуть живая от страха. Если человек полесничает в одиночестве, лешие прикидываются знакомыми: бежишь за ними, слышишь, как они смеются, разговаривают, а догнать не можешь (Ончуков, № 198).

Иногда лесовые собираются в артели, дружины, в кафтанах и шляпах, они, словно люди, заходят в кабаки пить водку. Совместные пирушки леших — перед войной. Лесовой может франтом прийти на молодежную вечеринку, узнают его по способу запахивать кафтан так, что левая пола лежит поверх правой. Если вовремя не признать лешака на вечеринке — вся изба провалится сквозь землю (Олонецкая губ.).

О любви леших к выпивке ходило много рассказов. Стоял на краю деревни кабачок. Дело бы-

ло зимой, под вечер, часов в семь. Заходит в кабачок человек и, не перекрестясь и не помолившись, требует у хозяина ведро водки. Тот подал. Проситель швырнул ему деньги, взял деревянное ведро за ушки и выпил зараз. Хозяин, хоть был и не из робкого десятка, сильно струхнул, понял что дело нечисто. А посетитель, выпив водку, сразу вышел из кабака. Хозяин глянул в окно — а там, прямо возле дома, с полсотни волков. Леший всех их собрал вокруг себя и погнал по направлению к лесу (Вологодская губ.)

На зверье лешие играют в карты и, когда в тух проиграются другому лешаку, с досады идут в кабак. В Самарском крае рассказывали, как леший подогнал к кабаку целое стадо крыс и закричал целовальнику: «Отпирай, подай вина!» А была поздняя ночь и целовальник отказал. Тогда леший взял, приподнял кабак за угол и кричит: «Давай четверть водки!» Тот испугался, поставил ему. Леший одним духом выпил, деньги отдал и опять как надо поставил и погнал крыс дальше (Садовников, № 68). Некоторые видели лешего в солдатском мундире и кивере. Бровей и ресниц — нет (Зеленин-1916, 1011). Вологжане верили, что леший рыжеволос, добр, честен и простоват до глупости (Зеленин-19.4, 263).

Взгляд на лешего как на дурня, которого можно запросто обмануть, сосуществует с представлением о лешем-людоеде. Лешие, как разбойники, могут жить без семей, вдвоем втроем, копить серебро и золото и жестоко расправляться с людьми, которые забредут к ним в жилье. Жители реки Пинеги рассказывали такой случай. Одна девушка брала ягоды и заблудилась в лесу. Видит — далеко горит еле заметный огонек в избушке. Она и пошла на огонек. Добралась до избушки и так устала, что села отдохнуть под березку. Вдруг вышло что-то из дома — черное, волосатое, волосы по земле волочатся, курит, загурчало про себя и ушло. Девушка подставила полено и заглянула в окно: печка топится, а на печи трое, все волосатые, мохнатые. Она озябла, котела в избу войти, да боязно леших, легла в сени, укрылась листьями. Один из леших почуял человечий запах и вышел в сени, наступил девушке на ногу, она и заплакала. Он заурчал, заругался, да и занес девушку в избу. Раздели ее там, хотели скипятить и съесть. К счастью, отец отыскал дочку, убил леших и нашел у них полные подвалы золота и серебра (Карнеухова, 86).

Давным-давно в Новгородчине, в глухом месте в лесу жил лесной сторож с женой. Однажды муж отлучился по делам, а ей пришло время родить. Родила она девочку, крестить некому. Вдруг подвернулся какой-то странник-старик. Женщина и позвала его в «божатки». Тот согласился, и девочку домашним образом окрестили. Прощаясь с женщиной, старик сказал, где он живет и как его найти, и наказал послать к нему крестницу, когда подрастет. Выросла девочка и превратилась в настоящую красавицу невесту. Однажды спрашивает у матери: «Где живет мой крестный?» — и засобиралась в дорогу.

Долго шла девица, попадается ей навстречу обоз весь белый, лошади, телега, кладь, извозчики — все белое. Она спрашивает: «Откуда вы едете?» — «От твоего божатушки с кладью». Рассказали ей извозчики дорогу и укатили. Нашла девушка указанный дом, видит — дверь приперта человеческой ногой. Она ногу прочь отодвинула, вошла, а в доме никого нет. Попалась ей на глаза кадушечка, полная крови, смотрит на печку —

там повешены голова и руки человеческие, заглядывает в подполье и видит там брюшину и кишки, а в печке жарятся в плошке женские титьки. Тут вошел крестный, девушка к нему: «Здравствуй, божатушко!» — «Здорово, крестница». Девушка доверчиво к нему обращается. «А я без тебя все в доме высмотрела» — «Ну и ладно», — говорит старик. «А для чего это у тебя нога у двери?» Он отвечает: «Это золотой замочек» — «А кадушка с кровью?» — «Это у меня квасок». — «А голова и руки на печке?» — «Это у меня вялится говядина». — «А зачем брюшина в подполье?» — «Это солонина к лету». — «А титьки в печке зачем?» — «Это любимое мое жаркое на сегодняшний день, не хочешь ли и ты поесть?» Она согласилась. Стали есть: она осторожно, а он с жадностью. Съев все жаркое, он бросился на свою крестницу и начал глодать у нее груди, а потом съел ее всю живьем, не выходя из-за стола (Смирнов-2, № 73).

Происхождение леших толкуется по-разному: одни гипотезы восходят к библейским рассказам, другие — к поверьям о живых мертвецах и заложных (умерших необычной, неестественной смертью) покойниках. Наиболее распространена версия, согласно которой лесовые — восставшие против Бога ангелы, низринутые с неба на землю и в тартар. Кто упал в воду — превратился в водяного, в лес — лесного, в дом — домового хозяев. По другой версии, лесовые — проклятые люди. При сотворении мира их не было. Когда Моисей выводил евреев в прекрасные земли, им нужно было перейти море. Моисей разделил море на две части и провел евреев посуху, а за ними шли египетские народы, которые их догоняли. Моисей проклял египтян, и море залило их, но

не всех: кого залила вода, те превратились в водяных и русалок, а кто остался на берегу — в леших (Владимирская губ.).

По рассказам, живые мертвецы и проклятые люди могут превращаться в леших. Довольно распространенным был на Руси обычай не хоронить на кладбищах самоубийц и опойц, вынося их трупы на болота, в лесные чащобы, сбрасывая в омуты. Вот как происходит обращение такого мертвеца в лешего. Молодые парни нашли в лесу гроб с телом знакомого мужика, пьяницы, из соседней деревни. Одни ребята ушли сообщать о находке, другие остались сторожить у гроба. Чтобы скоротать время, пили, пели песни, играли на гармони, плясали и свистели. Вдруг мертвец, в которого уже вошел нечистый дух, встал из гроба да как засвистит, захохочет, так что деревья зашумели, с осин листья осыпались. Все перепугались, стали читать молитвы кто какие знал, и мертвец упал в гроб по-прежнему. Когда этого покойника хоронили, то вбили ему в спину осиновый кол, чтобы не вставал и не пугал людей (Вологодская губ.). Разумеется, из лешего с такой родословной выйдет только людоед. Он будет сбивать с дороги путника, чтобы, щекоча его, выгрызать у него бока, а потом и совсем заесть. Лешие-людоеды распределяют работу между собой: одни откармливают пойманных людей орехами, другие ездят на своих жертвах по лесам как на лошадях, третьи занимаются только поимкой путников (Колчин, 21).

Наконец, еще одной распространенной версией происхождения леших является взгляд на них как на плод нечистой любви черта к женщине. От такой связи вообще рождаются разного вида злые духи, колдуны и оборотни. Наполовину человеческая природа лешего сделала его страстным по-

клонником женского пола. Бесчисленны рассказы о том, как лешие по договору или обманом уводят в свои жилища женщин и девушек, где они становятся настоящими лесачихами и производят многочисленное потомство лешенят. Бывает и так, что леший посещает любовницу в ее доме, носит ей гостинцы, которые к утру обращаются в лошадиный помет, а ночью кажутся лакомствами. Если у избранницы лешего родится ребенок, то он тут же исчезает, отец берет его к себе. Избавиться от посещений лешего можно, повесив над дверью, над постелью и положив под подушку траву чертополох или прострел. Спасает от лешего-оборотня молитва и крик петуха.

Жила старуха с невесткой, а сын был в солдатах. Раз ночью в солдатской форме он явился домой. Мать и жена радуются. Мать пошла к соседке за сковородой, решив угостить сына яичницей. Старуха-соседка и заподозрила: «Не сын к тебе пришел, а леший. Крещеный человек в самую полночь не приходит. Пойди домой и прочитай молитву «Да воскреснет Бог» и встань под курий насест». Так мать и сделала, читает и потихоньку продвигается к насесту. Сын за ней, а около одной его ноги обвился черный хвост. Как только мать подошла к петуху — молитву дочитала и дернула кочета за хвост. Тот захлопал крыльями, закричал, а леший и говорит: «Счастлива ты, старая, что скоро спохватилась, ведь я бы тебя разорвал» — и провалился (Колпин, 21).

Пойдут в лес девушки за ягодами — и пропадают. Родители обращаются за помощью к колдунам. Пока колдун не расколдует, дочки и живут у лешего, он их жирными зайцами да белками кормит, они так исхудают, что краше в гроб кладут. Рассказывают, как колдун их отколдовал, лешин

взял девок на плечи и отнес к реке — кого за руку через реку перекинул, так что мочку перерезал, кого вплавь на доске спустил. Две недели после пережитого ягодницы лежали, не могли ни есть, ни пить (Ончуков, № 179).

У леших оказываются девушки, если одна из компании ягодниц была проклята матерью. Например, уйдут девчонки в лес и долго не возвращаются. «Чья нибудь мать дома и скажет: «Черт их не унесет, ягодниц!» Тут же навстречу девушкам выходит дед, предлагает вывести из леса, а сам приводит в свой дом, где человек восемь сыновей лешего — черных, худых, некрасивых. Поэтому об ушедших в лес боялись говорить плохо.

Если у лесного хозяина окажется мужчина, имеющий сестер на выданье, то они служат ему откупом от лешего. Заехал один охотник на остров, смотрит — дерутся два лесовика, только его увидели — бросили драться, схватили и говорят: «Если отдашь нам свою старшую сестру, так мы тебя отпустим, нет, так тут тебе и смерть. Приведешь домой, пошли сестру за ягодами, мы ее возьмем». Парню делать нечего, пришел домой, отправил старшую сестру в лес за ягодами. Там ее схватили двенадцать медведей и увели. Через некоторое время опять случилось мужику быть на том острове, и все повторилось как в первый раз — отдал он им среднюю сестру, послал за водой. У озера ее взяли двенадцать ершей и увели. В третий раз пришлось отдать младшую сестру, послал ее брат ступени крыльца мести, налетели двенадцать лебедей и унесли девушку. Пришел молодец в четвертый раз на тот остров, дерутся два лесовика из-за находок — шапки невидимки и кота-бархота. Взялся он их рассудить: кто первый камень принесет, тому и добро. Бросил мо-

лодец камень, а пока лесовики за камнем бегали парень находки унес. В шапке-невидимке брат проникает в дома шуринов-леших: у каждой из сестер оказалось по двенадцать хозяев-оборотней, гулявших по белу свету в медвежьих, ершовых и лебединых шкурах, все девушки научились от них колдовать и подарили брату чудесные предметы — медвежью шерсть, ершовые колючки и лебяжьи перья. Стоит сжечь их, как тут же прилетят на выручку лебеди, приплывут ерши, прибегут медведи — лешие (Ончуков, № 167, 179, 198).

Волшебные сказки о леших могут иметь сложную, сочетающую мотивы разных сказок, композицию, «бывалошные» истории о леших короче но и те и другие восходят к древним как мир сюжетам о похищении женщин злыми духами, сверхъестественными существами и о возможности их найти и освободить. В Самарском крае один охотник шел лесом. Собаки привели его к норе, а в нору леший девку затащил. Подошел охотник к норе, кричит: «Кто там?» — «Человек». — «Какой человек?» — «Такой же, как ты». — «Вылезай сюда!» — «Нельзя мне, я вся ободрана. Кинь одежду, и я вылезу». Охотник кинул из своей одежды, девка и вышла из норы на ту пору лешего в норе не было (Садовников, № 68).

Лешовкам-женщинам нужны няньки и повитухи из человечьего мира. В одной деревне, в Поморье, жила старуха на веках. Раз пошла в лес и заблудилась. Пришел мужик. «Баба, что плачешь?» — «Заблудилась, дитятко, дом не знаю с которой стороны». — «Пойдем, я выведу на дорогу». Старуха и пошла, а лес все гуще и темней. Вывел ее старик на чистое место: дом стоит боль-

шой. «Дядюшка, куда ж ты меня привел? — спрашивает старуха. — Этот дом мне незнакомый». — «Пойдем, бабка, отдохнем, а после я тебя домой сведу». Зашли в избу — люлька висит. «На, женка, — говорит леший, — я тебе няньку привел». Женка у лешего была из русских утащена. Старуха обжилась, да через три года затосковала. Лешонка ее пожалела: «Ты от нас так просто не уйдешь; не ешь нашего хлеба, скажи, что не могу есть». Старуха не ест сутки, вторые, третьи. Тут жена мужа заругала: «Какую ты няньку привел! Ни лешего не ест, с ребенком водиться не умеет, отнеси не домой». Леший взял старуху на плечи, притащил к ее двору и бросил, а она вся оборванная, старик еле ее узнал. После рассказывала всем, мол, хорошо у лешего, всего наносит, да только скучно — один дом, не весело.

Когда придет время родов, леший для своей жены приводит повитуху. Одной бабке понадобилось обмыть ребенка, а посуды у лешего не было, чтобы воды погреть, она просит: принеси ведро. Лешие берут в домах людей все, что положено, без благословения. В тот день снохи той повитухи как раз оставили, не благословив, подойник. Бабка смотрит — подойник будто ее. Сделала зарубку на ободке, обмыла лешачонка, запросила расплаты. Жена лешего ее предупредила: «Муж тебя рассчитывать будет, станет давать серебро, ты говори: «первый, первый, первый» (рубль), как скажешь «другой», он считать перестанет». Так повитуха и поступила — пока не набрала полные карманы и пазухи монет. Притащил леший старуху домой, она смотрит — в углу ее подойник стоит с той самой зарубкой, что она у лешего сделала. Тут повитуха заругалась на снох: «Ах вы, беспут-

ные! Все делаете не благословись, вон иван подой ник леший брал на родины» (Ончуков. № 234 290)

Леший берет в жены про́кляться женщин. Однажды свекровь прокляла сноху, большак-лешачонок вскоре унес ее в лес. Муж долго искал пропавшую жену, но безуспешно. Года через три услышал он от своей умиравшей матери, что она проклала его жену, созналась мать в тяжком грехе и умерла. После похорон сын отправился просить леших вернуть ему жену. Пошел в сузем — лесную чащу, куда редкий человек может пробраться. Вышел к глухому озеру и видит: его жена на берегу белье полощет. Обрадовалась она мужу: «Не за мной ли, дорогой мой, желанный? Только не добыть тебе меня, если не поклонишься лешим и не разжалобишь лесного большака! Приходи пораньше, к вечеру вон в тот дом, пока лешачата еще из походов не вернутся»

Так мужик и сделал. Спрятался в избе, а когда лешие собрались, пал в ноги большаку и рассказал о грехе своей матери. Видит леший, что не за свою вину увели жену у мужика, приказал отдать ее мужу вместе с прижитыми детьми (а у бабы от лесного хозяина родились двое детей: старшего она оставила с лешачатами, а младшего взяла домой) (Вологодская губ.)

Все про́клятое — женщины, дети, мужчины, еда, вещи — становится добычей нечистой силы, в том числе и леших. Собрались ребята в лес за грибами. Мальчишка пристал к матери, чтобы она дала ему кузовок или лукошко, а ей не до того было, она не вытерпела и обругала его: «Чтоб тебя леший взял!» Ушел в лес мальчик и пропал. Спохватилась мать, пошла к попу отчитывать, ста-

ла подавать милостыню. На третий день вошла в комнату, видит — висит чужой армяк, мохнатый словно мохом оброс, темный, как дубовый, а под армяком — ее сынишка: бледный, голодный, ноги исцарапаны. От него мать насилу добилась, где он пропадал: встретил в лесу старика и этот армяк, тот запахнул его в армяк, и встали они возле кряжистого дуба — другие ребята шли мимо, а их не видели. Ночью бродили по лесу, искали ягоды, коренья и ели их, а днем старик становился под дерево и закрывал мальчика армяком, так что их никто видеть не мог. Хотела мать выбросить этот армяк, но ей посоветовали: «Не трогай до трех дней, а то снова уведет мальчишку». Через трое суток армяк пропал — леший забрал, а ребенка не тронул (Смирнов, 75 — 76)

Редкий рассказ взрослого человека, лично пережившего переход во власть лешего после отцовского проклятия, был записан в конце XIX века от костромского крестьянина: «Было мне лет двадцать пять, пять лет прошло, как уж женат был. Мы с отцом были на покосе возле реки Меи за селом. Я что-то сказал отцу насупротив, он осердился: «Хоть бы тебя леший унес, да нет, видно не унесет!» Вдруг поднялся вихрь столбом, из этого вихря явился человек и позвал меня с собой. Я догадался и не пошел, а он сказал мне: «Тебя отец мне отдал, ты должен идти со мной». Я начал упираться, но он схватил за шнурок, на котором висел шейный крест, сорвал его и бросил на покос, подхватил меня на плечи и понес по деревням, покосам. Вижу — знакомые крестьяне сено гребут, хочу им крикнуть, а голоса нет. Семь дней мы так ходили. Он меня хотел накормить пищей, что в домах была оставлена без благосло-

нения, пробовал белку бить для меня — но я от казывался, ничего не ел. Для отца моего в то же час, как он выговорил проклятие, я стал не видим. Собрал он людей на покосе, признался что согрешил, отдал сына лешему. Искали меня двое суток — не нашли, стали служить молебны Господу Иисусу, Пресвятой Богородице и Николаю Чудотворцу. Через некоторое время бросил меня леший на сеновал, там и нашли, у стены, ногами вверх. Трое суток слова вымолвить не мог»

Летом 1893 года в деревне Ямницы Новгородской губернии объявился мальчик, пропавший четыре года назад, когда ему было тринадцать лет. Мальчик был покрыт толстой, как кора, кожей, от одежды остался только ворот, говорить не умел и с трудом выучился. Все считали, что он был у лешего (Перетц, 8)

К лешему попадают те дети, родители которых не соблюдают речевой этикет — не чураются, не здравствуются, не упоминают имя Господа в известных бытовых ситуациях. Такие этикетные погрешности приводят к уводу лешим ребенка так же, как и проклятия в его адрес. Шел бедный человек по дороге, думал, где бы раздобыть еды себя и семью прокормить. Дорогой нагоняет его попутчик, спрашивает — хочешь ли, я тебе помогу поросенка раздобыть? Бедняк согласился, а попутчик научил: «Войдем мы в богатый дом, я на печку спрячусь, а тебя обедать пригласят. У них дите есть трехлетнее, станет ребенок чихать, если домашние не скажут. «Будь здорова, ангельская душенька!» до трех раз, то ребенок будет мой». Догадался мужик, что лешего повстречал, да делать нечего, с голодухи под ложечкой так и сосет. Зашли они в богатый дом, оглянулся он на

попутчика, а того уже и след простыл, на печку забрался. За ужином ребенок сошел на пол и чихнул. Домашние не заметили, никто ничего не сказал, один гость за столом. «Будь здоров, ангельская душенька!» — «Быча!» — донеслось с печи. Ребенок другой, третий раз чихнул, а мужик все свое: «Будь здоров!» Закричал, загоготал кто-то на печи, да в двери. Хозяева перепугались, а гость тут им все и рассказал. В благодарность за спасение дитяти бедняку на воз положили мешок муки, да еще десять рублей дали в придачу (Смирнов-2, № 63)

Поступки лешего непредсказуемы, в рассказах он является то злым, то добрым: у кого сгорает ребенка, а у кого сбережет от лесных хищников. Жили в одной деревне молодые, муж и жена. Перед жнивом молодка родила первого ребеночка, которого они брали с собой в поле. Повесят зыбку за кустом, а сами жнут. Как-то раз забыла мать взять ребенка, муж увидел и тоже не взял, решил, что баба назло ему сделала, хотела, чтоб он принес. «Да не бывать тебе надо мной большухой!» — сказал он сам себе. Вернулись домой, когда стемнело, молодка глянула на пустой очеп и взвыла — нет ребенка. Стали мужа просить с нею сходить за зыбкой — темно, а жива версты три от деревни. «Не надо, — говорит муж. — Поутру придешь, а ребеночек уже там, нет труда и носить». Какая мать оставит ребенка одного в лесу! Приходит она к киве, а зыбка высоко на дереве висит, и нянька рядом — вровень с лесом — качает и приговаривает: «Бай, бай, дитятко, бай, бай, милое! Матушка забыла, а батюшко оставил!» Как подойти к лешему, чтобы отдал дитя? Подошла сторонкой и просит: «Куманек, кор-

милец! Отдай ты мне ребеночка!» Отбежал леший в ладоши захлопал, закричал: «Ха-ха-ка! Шел да шел, да кумушку нашел». Гулко бежит по лесу и повторяет, любо ему стало, что куманьком назвали. Баба схватила ребенка и опрометью из лесу (Смирнов-2, № 62) О таких случаях рассказывали во многих северных деревнях, иногда лешие после «кумления» сосну наклонят, чтобы люльку удобнее снять было, а потом все лето пасут коров этой семьи К вечеру гонят скот домой, слышен свист кнута, окрик. «Ксыте, кумовы коровы», — а видать никого не видно (Вологодская губ.)

Многие пастухи, охотники вступали в союз с лешим, заключая с ним договор. В отличие от черта, леший не всегда требовал душу человека, а только небольшой жертвы, например одну-две коровы за лето. Чтобы вызвать лешего, нужно сесть на сосновый пенек и трижды вукнуть (Владимирская губ.). В Калужской губернии существовал следующий способ добиться удачной охоты: во время обедни выйти в лес и, как только зазвонят, — зажмуриться и выстрелить в ту сторону, где церковь. Тогда ружье будет бить без промаха и дичь всегда найдется Один охотник зажмурился, прицелился в ту сторону, где звон слышен, да вдруг подумал: дай посмотрю! Глядь — а перед ним крест, на кресте — Спаситель, а рядом стоит кто-то высокий, весь в зеленом: леший. Бросил парень ружье со страху, побежал домой, а леший вдогонку — комками, сучьями

Леший — хозяин волчьих стад. Сам честной лес может принять образ белого волка. Как и святой Егорий, он то насылает волков на стада, то запрещает им нападать на животных. С просьбой о покровительстве пастухи обращались как к святому Егорию, так и к честному лесу, клали им приношения и относы, например оставляли в лесу на съедение овечку Способность насылать волков на стада приписывалась также колдунам (Добровольский, 135)

В Архангельской губернии, чтобы вызвать лешего, произносили заговор: «Дядя леший, покажись не серым волком, не черным вороном не елью жаровою, покажись таковым, каков я» (Ефименко, 153) В Тотемском уезде Вологодской губернии против прокл леших писали прошения главному лесному хозяину на огромных листах бересты углем, их приколачивали к деревьям и не смели ни трогать, ни глядеть на них. Такие прошения писали те, кого леший обошел и завел в непроходимую чащу, кто потерял в лесу лошадь или корову Бывают крестьяне — друзья лешего к одному домохозяину лесовой всегда ходил в гости в пиные праздники, и тот всегда оставлял для него котел ведер в пятнадцать. В полночь приходил леший, брал котел и выпивал в два приема (Потанин, 190)

Туляки, чтобы вызвать лешего, на ночь не молились Богу и перед сном думали о нем. Увидеть лешего можно было так же, как и домового: через три бороны, поставленных так, чтобы можно было сидеть в середине между ними. Через хомут глядели на лешего. В пути, если леший прикинется человеком смотрели через правое ухо лошади чтобы увидеть приметы лесного духа. Охотники и пастухи вступали в договор с лешим следующим образом. снимали нательный крест, приносили в лес «дарочки» (святые дары) от причастия, держа их за скулами, не глотая. Заделывали их в березку, вырубив в ней предварительно углубление, и

стреляли в дерево через плечо. После совершения этого обряда человек во всем ощущал помогу от лесового (Колчин, 21 — 24). Новгородцы вызывали лешего так: выходя из дому, затворяли дверь левой рукой, придя в лес, разрывали муравейник левой ногой, срезали левой рукой вершину березы, после чего надо было крикнуть: «У-у-у!» Лесовой отзовется и явится. Другой способ: пойти вечером в лес, срубить осину, отрубить от нее чурку, произнеся громко: «А-у!» Он вдали откликнется. Затем также отрубить вторую чурку — [illegible] отзовется ближе; когда будет отрублена третья чурка, он явится и вступит в переговоры. Чтобы прекратить встречу и избавиться от лешего, надо запомнить первое произнесенное им слово и твердить его — леший исчезнет, не причинив вреда; если этого слова не запомнить, то уведет в лес. В Новгородчине считали также возможной встречу с лешим в великий четверг на страстной неделе. Рано утром надо прийти в лес, сесть на старую березу и громко крикнуть: «Царь лесовой, всем зверям батька, явись сюда!» — он явится и откроет многие тайны, предскажет будущее.

В Олонецком крае пользовались теми же приемами, вступая в сговор с лешим, но, чтобы избавиться от него, могли добавить: «Твоя жена тебе не верна», и он помчится по лесу так, что деревья и кусты на его пути вырвет с корнем словно бурей. На Русском Севере сплавщики отправлялись рубить лес, предохраняли себя, завлекая лесного хозяина. Известно, что леший боится рябины, так как у нее листья напоминают кресты, поэтому сплавщики отыскивали возвышенное место, поросшее молодыми деревьями, где водилась и рябина, срубали отросток и ветку, делали несколько

ко рябиновых палочек и клали — одну против сердца, другие на спинной хребет с произнесением заговора, обращенного к царю Мусаилу, старшему над всеми русскими лешими. Если с кем-либо из артели случится несчастье в лесу, то винили в этом лешего и жаловались на него Мусаилу в особой грамотке, которую оставляли возле рябины, что-де кимрек просит избавить его от лика, иначе будет послана жалоба в Москву и московский царь пришлет стрельцов и донских казаков, которые вырубят этот лес в пень (Куликовский). В больших лесах Севера леших много, часто они ссорятся при дележе своих участков и бьют друг друга столетними деревьями, вырванными с корнем, стопудовыми камнями, отбитыми от скал, забрасывая их верст на пятьдесят и более; следы этих побоищ заметны и по сей день.

Заручиться поддержкой лешего стремились пастухи. Каждый пастух, когда погонит скот на пастбище, видит лешего — высокого мужика в серой сибирке и орешниковом армяке — или слышит, как он стрекочет сорокой, ржет жеребцом. Пастух приглашает лешего показаться, обещая красное яичко и спрашивая: «Каким манером тебе положить?» Относы, подарки кладут в лесу на пенек. За связь с лешим пастуха очень уважают — хорошо кормят, кладут спать на белом, чистом белье. Но женщины не должны показываться пастуху без платка, босыми или в рубахе без кофты, девушки не водят с пастухом хороводов — оберег скота пропадет. Если пастух угодил лешему, он все лето помогает ему пасти скот, но если он чем-нибудь не поклянется лесному хозяину, то приходится принимать такие меры, которые бы отпугивали лесового, например класть крест под

пятку. Теряют расположение леших те пастухи, которые бьют и ругают скотину или вследствие какой-нибудь случайности. Один хозяин как-то раз увел свою корову на ночь из стада. Лесовой вечером посчитал скотину: одной не хватает. Нашел подходящую и отдал взамен. А утром в стаде оказались две одинаковые коровы. Леший рассердился: «Скотина дома, а у меня столько трудов вышло! Я всю вселенную за ней обежал». Взял пастуха и засунул в расщепленное дерево (Богатырев, 51)

Главным пастушеским средством от козней лесовиков был заговор, «отпуск» скота, его читали около Николина дня (9 мая), когда начинали выгонять скот на пастбища. Тексты с отпусками переходили от пастуха к пастуху, пока окончательно не ветшали. Заговор прятали в пастушеской свирели, в шапке или в глубине дремучего леса вместе с шерстью, срезанной с головы каждой пасомой скотины. Рукописи хранили так, чтобы чужие руки их не касались. За определенную мзду можно было получить отпуск от колдуна. Заговоры на «оборону скоту» очень длинны и обращены к Христу, Богородице, всем святым и чудотворцам. Здесь же, в рукописи, обычно даны и наставления относительно обереговых действий, которые должен был выполнить пастух: трижды прочитать рукопись, кругом обходя стадо, собрать со всякой головы шерсти, добавить муку, соскрести роговицы с копыт каждого животного, соскрести медь с церковного колокола, все испечь, а мякушку закатать воск. Воск с мякушкой зарыть в землю там, где люди не могли бы найти. Обходить стадо нужно с деревянным крестом и образом Егория, волоча по земле топор и нож и держа вырванное с

корнем рябиновое дерево, которое следует посадить в землю после отпуска (Рыбников 3, 2, 9 — 225)

Некоторые пастухи помимо заговора-отпуска скота заключают договор с лесным царем, которому обещают отдать одну-две коровы, если леший пожелает. За это лесовик оберегает стадо. Если какая-нибудь скотина пропадет, пастух зовет колдуна, умеющего вызвать лешего. Тот отправляется в лес, становится на перекрестке и свищет. На свист выходит леший, у которого узнают, взял ли он обещанную ему по договору скотину или пропажа произошла случайно, по вине недобрых людей и т. д. Если исчезла пожертвованная лесному духу корова, то хозяин примиряется с потерей и больше ее не ищет, если нет — продолжает поиски. Берет завернутое в тряпку яйцо, идет в лес на перекресток лесных дорог и, положив яйцо (или ржаные лепешки) в левую руку, произносит: «Кто этому месту житель, кто настоятель, кто содержанец, тот возьмите дар! Возьмите и домой скотинку пустите, нигде не задержите, ни за реками, ни за ручьями и ни за водами». Гостинец остается на перекрестке для лесного царя, который вернет пропавшее животное (Харузин, 310 — 313) Иногда вместо яйца и лепешек на перекрестке кладется крест из лучин, а рядом на дерево — краюшка хлеба, щепотка чая и несколько кусков сахара (Георгиевский, 56 — 57)

Леший предлагает пастухов-чертей в Ильин день пригонки пастуху-человеку целое стадо вражонков, советует: бери этого, кривого. Вражонок схватит лозину, как крикнет — так и повалит скот по дороге. В обращении с духами-пастушатами соблюдали некоторые тонкости, например, за

гоняя скот, шли по следу, а не навстречу стаде (Перетц, 7), никому не рассказывали о чудесном помощнике, чтобы не рассеялись чары, не вступали в разговор с вражонком-пастухом, который мог принять любой облик, зайца, дряхлой старухи и остаться невидимым.

С прошениями к лешему обращались также в случае болезни, если знали, что причиной недуга являлось какое-нибудь происшествие в лесу. Чаще всего вред здоровью человека наносило пересечение следа лешего. Поскольку главным признаком передвижения лесного духа считали вихрь, сильный ветер, ломающий деревья по обе стороны от несущегося лесового, то угадать, где проложены тропы лесного хозяина, было не трудно. Чтобы умилостивить лешего, в дар ему несли ломоть хлеба и щепотку соли в чистой тряпочке. Придя в лес, больной молился над хлебом-солью, оставлял свой дар на пеньке и возвращался домой. Если угощение будет тронуто, больной выздоровеет (Афанасьев 2, 342). Купание в лесном пруду, питье воды из лесного водоема могли стать причиной болезни. В Онежском крае под земледельческие культуры расчищали куски леса — ляды, выкорчевывая пни, сжигая дерево на участке. В жаркий летний день, утомившись от «чищобы», одна женщина выкупалась в лесном пруду и вскоре заболела. Ни знахарь, ни врач не смогли помочь ей. Баба обратилась к тому самому пруду «прощаться», трижды произнеся заклятие, которому ее научила колдунья: «Царь лесо́вой и царица лесо́вая и лесо́вые малые детушки! Простите меня в чем я согрешила». После каждого раза она клала земной поклон. В третий раз возле них послышался шум, словно выстрел. В скором времени

знахарке удалось вылечить больную. Так же как и пастухи, больные оставляли лесовику относы — красное яйцо — на перекрестках, в заговоре к «настоятелю» тех мест просили его простить согрешившего во всех грехах перед лесом и дать здоровья.

Неожиданное слабоумие, временную потерю рассудка связывали со столкновением заболевшего с лесовиковой свадьбой. Но по мнению некоторых, зря лесовой не пошутит, ни в чем не виноватого перед ним он оборонит от несчастья. Девушка крестьянка рассказывала о том, как она повстречала лесовикову свадьбу: «Едет их много, как людей точно, только что почернее наших будут. Старик соскочил с поезда и отвел мою лошадь в сторону, так и держал, пока они ехали. Кто помоложе из лесовиков — заглядывали, теребили. А как проехали все, старик вывел мою лошадь на дорогу и уехал» (Харузин, 307 — 310). Возможно, представления о шумных свадьбах, справляемых лесными духами, — отголосок древнерусских брачных языческих обычаев, когда девицы умыкали у воды, молились рощам, а венчались, подобно богатырю Дунаю с богатыршей Настасьей, «вкруг ракитова куста». Еще в XIX веке у раскольников сохранился обычай, согласно которому молодой парень, сговорившись с девушкой, отправлялся с нею к заветному дубу и объезжал его кругом трижды, после чего с них считался заключенным. Стенька Разин, захватив власть на Дону, запретил бракосочетание в православных храмах и желающих венчаться, вступить в брак приказал венчать около верб (Афанасьев-2, 324 — 325).

Убеждение в том, что с лешим можно вступить в союз, умилостивить его подарками, что ле

совику нужны люди для продолжения рода, для проказ, для работы по дому, — наглядно проявилось в сказочных сюжетах об учениках леших, которые становятся колдунами, оборотнями. Не каждый способен выдержать курс обучения у лесного хозяина. Посредником между человеком, пожелавшим стать учеником лешего, и самим духом был колдун. Одному мужичку очень хотелось знаться с лешим. Колдун повел его в лес для знакомства. Стали они у большой ели, колдун говорит: «Смотри, братан, не убойся, как придет леший». Сильно засвистел колдун — и пошел большой вихрь, так что ели стали гнуться до земли. С вихрем пришел леший и стал перед колдуном как человек, в белой рубахе, в лаптях, с растрепанными длинными волосами, большой, как холм. Он спросил у колдуна. «Чего тебе надо от меня?» А колдун ему в ответ: «Да вот я к тебе, царь лесной, привел знакомить человека». Леший поглядел на мужика и говорит: «Этот мне не знаком. Что из него выйдет, если он вихря боится!» Тот и вправду лежал на земле от страха. Так он и не сделался колдуном (Новгородская губ.)

Одновременно с поверьем о лесового — учителе магии — бытовали сказки на сюжет «Хитрая наука» (Афанасьев, Сказки 2, № 249 — 253) в которых учителем-колдуном был леший. У одного крестьянина был сын, отдал он его дедушке лесовому в науку. У лесового было три дочери, вот он и говорит: «Первая дочушка, истопи избушку калено-на-калено». Истопила лешонка печку, а бросил дед мальчика прямо в печь — тот там вертелся, изгибался, пока дед его не вытащил, спрашивает: «Ну, знаешь ли чего?» — «Нет, — отвечает мальчик, — ничего не знаю». Вторая

затем третья дочки калят печь, и лишь после третьего обжига ученик сказал. «Больше твоего знаю, дедушка». Так окончилось учение у лесового. Пришел отец забрать сына домой, а дедушка поставил его меж другими двенадцатью паренька ми. Все платочки вынимают из правого кармана, а один из левого, на него отец и указал, догадался. Пришлось лесовому отпустить ученика. Идут они с отцом через лес, на гумне ворона каркает батьке и спрашивает: «Ты теперь все знаешь, о чем ворона грает?» Мальчик не хотел отвечать. «Ты осердишься, если я скажу» — «Нет, скажи». — «Она на своем языке говорит, что будет время, когда мне придется ноги мыть, а тебе ту воду пить». Отец разгневался, сын ему посоветовал: «Если ты на меня сердишься, продай меня жеребчиком, только узду не отдавай». Пришли на ярмарку, откуда ни возьмись покупатель: продай да продай ему жеребца с уздой. Отец узды не сумел вырядить и отдал сына с обратью. Покупателем был дедушка-лесовой, уж он гонял, гонял жеребчика, всего запарил, ни одной шерстинки сухой не осталось. Идет мимо царева дочь, жеребчик и просит: «Вылей на меня ведро воды, очень я запарился». Вылила девушка воду на жеребца, он оборотился рыбкой — ершом — и в родник, а леший за ним щукой, только хотел схватить — ерш оборотился кольцом и — на руку царевой дочке. Она днем носит кольцо, а ночью спит с молодцом. Дед-лесовой пришел к царскому дворцу, стал на рожке играть. Царь позвал его в палаты и приказывает: «Сыграй обо всем, что есть в моем царстве и в моем доме нового». Дед и сыграл о любви царской дочери к молодцу-колдуну, оборотню. А молодец из кольца шепчет: «Сейчас отец

потребует снять колечко, а ты брось его на пол оно рассыплется на пять частей, одна частичка тебе под ногу подкатится, ты на нее наступи». Все так и произошло. Дед-лесовой обернулся петухом все частички склевал, а пятой не заметил. Так молодец вскоре женился на царской дочке. Прошло много времени. Довелось отцу того молодца проходить мимо дворца, и сын подал ему милостыню, оставил на ночлег. Старик лег на печь да ночью жажда его одолела, слез он с печи, видит — в сенях вода стоит, он взял этой водицы и попил. Утром сын его спрашивает: «Не ты ли дедушка, ночью ходил воду пить?» — «Верно кормилец», — ответил странник. «Ведь ты, дедушка, мне отец, а я тебе сын. Помнишь, когда ты взял меня из ученья от лесового, ворона каркала, и я все тебе предсказал, что сейчас случилось. Оставайся в моем доме». Так вот сколь умен и мудрен лесовой дедушка: захочешь — всему научит, а проглеваешь — кожу слупит (Смирнов-I, № 72).

Представление о лешем-благодетеле, платящем добром за оказанную услугу или просто из непредсказуемой симпатии (известно, например, что лешие любят немых и горбатых, подводят их к грибным и ягодным местам, к роям диких пчел, муравейникам с чистым муравьиным маслом в пузырях, любят они и некоторых охотников, подводят им под выстрелы лучшую дичь, даже открывают клады) (Калужская губ.), воплотилось тоже двояким образом: в поверьях, сообразуясь с которыми человек старался не приносить вреда лесу и лесному зверью тогда, когда это было возможно и в сказках, бывальщинах о лесовых — помощниках людей.

Шел путник по лесу, видит: затягивает болото лешего. С виду он на человека похож, в желтом зипуне, красной шапке, молодой, без бороды. Просит леший прохожего: «Мужичок, сходи к моей хозяйке и скажи: большая лумпа на большом болоте с сохатым, со зверем, да с медведем утонул». Пошел мужик по указанной дороге, видит — стоит большая изба, крыта кожами, все сказал, как велел лесовой. Жена выбежала из дома, а потом воротилась, ведут она — медведя, леший — сохатого. Мужичка за услугу угостили, а на прощанье лесовой ему в подарок от своего кафтана рукав оторвал, так мужик из этого рукава сшил себе кафтан и пять колпаков (Ончуков, № 227).

Известно, что все колдуны, все нечистые духи находятся во вражде между собой. Лесовые чаще всего ссорятся с чертями, с водяными и с домашними духами. Если человек поможет лешему одержать победу, он хорошо отблагодарит его за это. Однажды вышел водяной на берег драться с лешим. Он одолел дедушку и повесил его на дереве. Висит леший на березе, качается. Мимо шел крестьянин, Кузьмой звали. «Освободи, — просит лесовой, — меня из петли, что хочешь для тебя сделаю». Кузьма вынул его из петли, тут лесовой ему и предсказал, что скоро набор будет, так он за него в солдаты пойдет. Вот слышно, царь на войну собирается, леший за Кузьму в ратники пошел, просит: «Сходи к моему отцу, Иван Ванычу в нашу деревню — там всего девять домов, все каменные, и передай, что меня не будет двенадцать лет, пока война идет». Пошел Кузьма в лес, видит — перекресток. Как его леший научил, он взял налево, задом повернулся и вошел. Точно девять домов стоят, все каменные. Показали ему, где Иван Ваныч живет. Тот за столом сидит, ин-

где никаких образов, одни шишки еловые торчат. «Вот, — говорит, — сын ваш за меня в солдаты пошел, я вам от него поклон принес». Накормили его лешие и оставили погостить, прожил Кузьма у нечистых двенадцать дней и домой засобирался. Глядь — а леший, что за него служить ушел, уже домой вернулся: в это время у людей уже двенадцать лет минуло, у Кузьмы уже жена за другого замуж идет. Черт как свистнет — сейчас их подняло и понесло ветром по воздуху выше леса, ниже облака, успели к свадьбе: в избе жена Кузьмы сидит, с женихом целуется. Кузьма попросил: «Дайте, люди добрые, напиться». Подает ему невеста туес с пивом, видит, а на руке у нового гостя — ее обручальный перстень. Сейчас узнала она мужа, подвела к столу, говорит: «Вот муж мой вернулся, а я ему жена». На прощанье леший подарил Кузьме ведро водки и сто рублей денег (Смирнов-I, № 135).

Нанимался мужик в срок на работу, а его никто не брал, он и скажи: «Хоть бы меня лесной взял!» — тут ему навстречу другой мужик: «Подрядишься ко мне?» Человек испугался, понял, что перед ним — черт, сходил к попу за молитвенником и вернулся: «Подряжусь». Лесовой посадил мужика на плечи и понес так быстро, что тот и шапку потерял в пути. Прилетели к дому лесового, легли спать, а утром пошли к озеру. Глядят: а на воды камни летят — кидают их черти в леших, лесовые выдергивают громадные пни из земли и хлещут ими по озеру, черти одолевать стали. «Что ты, работник, глядишь, — кричит лесовой, — видишь, нас одолевают!» Мужичок достал из кармана молитвенник, стал им размахивать, и черти рассыпались, как дождь. Хозяин работником не нахвалится, отпустил его домой до

срока, в награду сивого мерина дал. Доехал мужик до дому, привязал мерина к столбу, а сам в избу вошел. В скором времени вышел на двор, а у крыльца, у столба, стоит седой старик. «Откуда ты, дедушка взялся?» — «Ты, дитятко, на мне приехал. В малолетстве взят я был лесовым хозяином, он меня оборотил в коня, и всю жизнь у него пробыл, а ты вывел меня в Россию умереть. Спасибо, дитятко!» (Ончуков, № 226).

Лешие — хозяева не только лесов и лесных зверей, но и лесных избушек, в которых, по надобности, останавливались путники ночевать только испросив разрешения у дедушки лесового, который брал тогда ночлежников под свое покровительство. Накануне Крещения два солдата — Дмитрий Ильин и Яков Филимонов — рубили в лесу бревна, не захотели идти домой, остались в лесной избушке ночевать. Филимонов долго рассказывал Ильину о Петербурге. «Хоть бы раз побывать там», — подумал Ильин. Рано утром Ильин отправился за водой на озеро. Видит — навстречу ему бежит пара лошадей в санях и с колокольчиком. Подъезжают ближе, а в санях едет бывший становой пристав. «Садись, — говорит, — Ильин, я провезу вас». Быстро помчались и скоро очутились в Петербурге. Пристав оставил Ильина на Неве и велел дожидаться, когда крестный ход выйдет для освящения воды. Кончилось водосвятие, угостил пристав Ильина французской булкой, и поехали они обратно. Поблагодарил солдат пристава и вернулся в избушку. «Я, — сказал он приятелю, — в Петербурге был». Тот смеется. Тогда Ильин подробно рассказал товарищу, как расположен Петербург, и показал ему французскую булку, которую ему леший, обернувшись приставом, дал (Ончуков, № 301).

В Крещенье девушки ждали лешего для гаданий о суженом, он являлся в образе будущего жениха. Накануне праздника одна девица решила кудесить, вошла в дом не благословясь, дверь не заперла, села в уголок, говорит: «Богосуженой мой, поди ужинать со мной». Перед ней на столе — два прибора, для себя и для будущего жениха. Глаза закрыла, слышит в сенях сапоги застучали, слышит кто-то в избу зашел, крекнул, встал посередь комнаты — пиджак, кафтан поморежского сукна, кушак шелковый. Кушак сняла, повесила на крючок, и шапку сняла, вешает на крюк. Тут девица перекрестилась, закрыв глаза, открыла — нигде никого нет. Только кушак в углу висит. Девушка убрала его в сундук. Через некоторое время посватался к ней мужчина, и родители отдали, вот тогда она мужу тот кушак, что леший оставил, и показала — у него точно такой в Крещенье потерялся (Ончуков, № 294).

Впрочем, лешие помогали угадывать судьбу в Крещенье, замещая в этом случае чертей, прославляясь только ради Святок. Так как, по распространенному поверью, все лешие пропадают или умирают на Ерофея Мученика (4 октября), в перед этим устраивают между собой неистовые драки, ломают деревья, гоняют зверей и проваливают в сквозь землю, чтобы явиться вновь, когда наступит весна (Максимов, 74). Во многих волостях Белозерского уезда игру леших замечали в ночь накануне Воздвиженья (14 октября), когда лесовые сходились на лужайку посреди дремучего леса, сгоняли сюда зверье и домашний скот, оставшийся на полях. Заботливые хозяева не забывали накануне Воздвиженья пригнать скотину домой, чтобы не потерять ее вовсе. Лешие проигрывали друг другу зверей, а домашний скот пожирался на

этом сборище волками и медведями. Случалось, что до Воздвиженья местность изобиловала белками, зайцами, тетеревами, рябчиками, а после этого дня та или иная порода зверей совсем исчезала: здешний лесовой проиграл ее лешему другой округи. После Воздвиженья луг, где шла игра, был весь выбит и исцарапан когтями зверей, а один из леших оставил там как-то берестяной лапоть длиною в сажень (Новгородская губ.).

Лешие — хозяева всему лесному зверью, но с медведями, которые, подобно этим духам, также замирали на зиму, отсыпаясь в берлогах, с этими лесными богатырями у лесовых были особые отношения. Медведь лешему так просто не даст над собой командовать. О борьбе с лешим напоминает кущый медвежий хвост. В старые годы у медведя был длинный хвост. Лесовик ходил по лесу и схватился за него, медведь рванулся, леший взялся за елку, медведь рванулся сильнее, и хвост остался в руках лесового (Вятская губ.). С тех пор между лешими и медведями установилось нечто вроде побратимства. Большие охотники до вина лешие и медведей угощают этим напитком, а когда опьяненный лесовой висит, медведь ходит возле него дозором и охраняет от водяных чертей (Афанасьев 2, 336).

Наилучшим средством избежать проказ лешего было хорошее знание лесов, в знакомом лесу манить не будет. Осторожное поведение в лесу также было залогом безопасности, то есть свист, остановка на тропах леших, пересечение следов лесового, смех, громкая, вызывающая речь — все это противопоказано в лесу. Свист, смех, окрик прилекали лешего, который тут же наказывал дерзкого.

Чудо лесное. Романский 2. № 309

Вот рассказ одного портного, ходившего с товарищами по деревням шить одежду. «То ли в субботу, то ли в канун какого-то праздника кончили мы работу и шли лесом, всё болтали кое о чем и смеялись. Взошли мы в лес, вдруг около болота кто-то как крикнет: «Ге-ей!» Иван Минев и говорит: «Ребята, это гаркун кричит. Давай позовем его к себе, нас четверо, что он нам сделает?» Мы его стали отговаривать: «Ну тебя с гаркуном! Не видали мы его сроду, так и впредь чтоб не видеть!» — «Трусы вы этаки, — взял да как крикнет в ответ лешему: Гей! Где ты там?» А гаркун-то вышел на дорогу да еще громче зазычал «Ге-эй-эй!» да за нами следом пошел, индо валежник под ногами у него захрустел. Мы — чуть не бегом домой, прошли лес, вышли на наше поле, глядь — в посреди дороги стоит копна сена и от нее огненные искры так и плещут во все стороны. Мы кое-как с молитвой обошли копну и пустились бежать в село: бабы сидят около ворот. Мы кричим, пойдемте, мол, с нами, а то мы боимся одни-то. Бабы — смеяться, ну мы дошли до большого проулка, а гаркун-то как захохочет «Ха-ха-ха!», да в ладоши как зашлепает и опять пошел в лес — высокий, косматый, глядеть страшно. С той поры по ночам мы той дорогой не ходили, чтобы опять с гаркуном не встретиться» (Владимирская губ.).

А вот что происходит, если все же устроить привал на дороге, о которой идет слава как о пути гаркуна. Один лесной промышленник заночевал в лесу. Вдруг раздался крик: «Убирайся домой! Расклался на самой дороге! Покойника понесут!» Человек отошел в сторонку и прислонился к деревцу. Только успел это сделать, как целая толпа леших прошла мимо него с покойником на

руках. Если на дороге лешего построить дерев[illegible] как, например, деревню Коныгино выстроили в трех с половиной верстах от Никольска, — лес[illegible]ной хозяин ветром сшибет дома. Мужики той деревни долго упрямились, все отстраивались зан[illegible]во, пока, наконец, во время страды не засун[illegible] леший одного ребенка в подворотню, что видели няньки и после рассказывали другим. Пришлось перенести деревню пониже (Потанин, 189).

Если пастух опрометчиво разложит костер в излюбленном месте лесового хозяина или побе[illegible]покоит его звуком рога — тотчас гадюка ужалит скотину или леший волков напустит. Насыльн[illegible] волк от простого отличается тем, что его не ин[illegible]тересует еда, он не тащит в лес ягненка, а рвет вымя коровам, схватывает за шеи овец и бьет об землю, передушит голов пятнадцать и убежит в лес (Калужская губ.).

Водят лешие не везде, а только в определе[illegible]ных местах, о которых говорят: «здесь водит». [illegible]мо невольное скитание называется «блудом». [illegible]мым распространенным способом найти вер[illegible] дорогу было переодевание: нужно раздеться донаг[illegible] и все платье, включая шапку, вывернуть наизна[illegible]ку, конному нужно даже перевернуть седло на [illegible]шади. Тогда леший сам выведет на дорогу, иначе заведет в сюземы — в свои заповедные дубравы, в такую глушь, что путнику покажется — кров[illegible] жадные звери обступили его со всех сторон [illegible] заберется от них на дерево — и лес наполнится гуканьем и стоном сов и филинов, которые во множестве закружатся над его головой, и к этим жутким звукам присоединится хохот лешего. [illegible] шуток лешего нередко сходили с ума или надол[illegible] оставались глупенькими.

Спасает от лешего молитва и крик петуха, а также матерная брань. Последним средством надо пользоваться к месту, т. е. браниться, когда поблазнит, а не просто так. Одного мужика леший унес в лес с колокольни за то, что тот без пути матерился в таком заповедном месте. Случилось это на виду у всех односельчан.

Случается, что леший не дает охотникам бить белок. Тогда используется верное, но крайне опасное средство: нужно зарядить ружье не пулей, а пуговицей из меди, с собственной одежды. Один охотник после этого сразу попал в цель, белка упала мертвой, а по всему лесу раздался оглушительный рев. «Ой-ей-ей! Руку прострелил!» (Вологодская губ.)

Если все же леший завел и переодевание не помогло, то рекомендуют заблудившемуся разложить костер и очертить себя вокруг осиновой палкой. Конному — идти по лошадиному следу, так как с лошадью часто ходит домовой, а леший его побаивается. Вынуть пояс из брюк и хлестать им по сторонам — леший уйдет. Домашним, беспокоящимся о потерявшемся в лесу родственнике, рекомендуют оставить на пне хлеб-соль для лешего, с просьбой более не шутить.

Во время ночевок в лесу лучшим средством уберечь себя от посягательств лесового служат рябиновые палочки. Рябина — священное дерево. В житии преподобного Адриана, игумена, Пошехонского чудотворца, говорится о том, что в Пошехонье издревле в пятницу перед днем пророка Ильи совершался крестный ход к рябине. Из ближайших деревень стекались процессии, возглавляемые священником, приносили образ Параскевы, совершали молебен, сквозь рябину для здоровья пронимали детей, а совершеннолетние сами про-

лезали сквозь дерево и получали исцеление (Б... лов, 96). Новгородские домохозяева, стремясь очистить дом, в день Ивана Купалы втыкали рябин... в углы дома, в огороде, оставляли в поле и на гумне, отпугивая таким образом нечистых духов. Рябины леший боится. Два мужичка остались в лесу ночевать и, по обычаю, возле себя положили рябиновую палочку — если придет леший, то через нее не переступит. Ночью мужик громадного роста все разворотил вокруг, но не тронул заночевавших людей, доверившихся рябиновой ветке (Новгородская губ.).

Есть еще одно верное средство избавиться от лешего, это — рассмешить его. Озорник по натуре, леший очень любит сказанную к месту шутку. Вот рассказ охотника из Олонецкой губернии: «Шли мы в лес, вижу, стоит мужик большой, глаза светлые. «Ты, мужик, — говорю, — когдашний?» — «А я, — говорит, — вчерашний». — «А какой ты, — говорю, — большой, коли вчерашний». — «А у меня сын годовой, а побольше тебя головой». Побаяли, побаяли, отец что-то смешное сказал, он в ладоши захлопал и побежал, засмеялся» (Ончуков, № 198).

В бывалошных, житейских рассказах о лешем он дик и страшен, люди обращались к молитве или к магическим средствам, к просьбам и жалобам, чтобы уберечься от него. В сказках герои прибегают к собственному уму, одолевая злого духа хитростью. В этих сказках леший — дурень и простофиля. Возможно, такие сказки рассказывали, чтобы побороть страху перед этим чудовищем: то, что смешно, уже не страшно.

В одной деревне жил богатый мужик. Он построил дом, но в новых хоромах повадился ночевать леший. Пришлось мужику вернуться в ста-

рую избу, хотя и новый дом он протапливал, чтобы не выстывал. Как-то осенним вечером попросился у хозяина солдат переночевать в новом доме. Только расположился спать на печке, как зашумел ветер, изба вздрожала, отворились двери и вошел мужичок среднего роста в белом зипуне. «А, — говорит, — служивый здесь! Ну вочуй мы с тобой кое-что поталякаем. Одолжи-ка мне табачку!» Солдат подал свою берестяную табакерку, мужичок в одну ноздрю вдохнул, а в другую — уж ничего и не осталось. «Ох, как вы, дядюшка, шибко нюхаете!» — возмутился солдат. «Да знаешь ли, кто я такой?» — «Да уж какой леший нюхает пуще тебя», — ответил служивый. «Это я самый и есть», — говорит леший.

Тогда солдат спрашивает: «Ну что вы, лешие, помираете когда-нибудь?» — «Нет, никогда не помираем, только если игла попадется под ногу — наступим на нее и помрем». — «А как же ваши телеса убирают?» — спрашивает солдат. «Запрягай хоть пятнадцать лошадей, никогда нас не вывезти, а привяжи куриду и петуха на мочалко, пугни их — они и утащат, ветер дунет — все развеет».

Легли спать. Солдату не спится, зажег лучину, смотрит — леший уснул на печи, ноги — на полатях у стены. Вынул солдат из кармана иглы, взял молоток и давай лешему в пятки заколачивать. Леший стал помирать и растягиваться, так что стены затрещали.

Утром пришел хозяин. «Ну что, служивый, как ночевал?» — «Хорош твой ночлег! Смотри, какой леший лежит!» Хозяин обрадовался, что солдат лешего ухлаял, думает: выброшу его, и с концом. Выломал простенки между окон, привел трех мериков, привязал к ним лешего веревка

ми — и ну понужать. Постромки рвутся, леший — ни с места. Поехал хозяин за солдатом, думает: «Он его ухаял, он и знает, как его убрать». Догнал служивого в поле, пообещал сто рублей за работу.

Солдат поймал петуха и курицу и привязывает мочалком к лешему. Мужики смеются: три мерина не могли вывезти, а он петуха с курицей привязал! Солдат все приготовил, пугнул петуха, они полетели и вытащили лешего на улицу. Ветер дунул, ничего и не стало (Зеленин, Вятские сказки, № 10).

Во Владимирской губернии приятелем лешего считали цыгана, вечно обманывающего глупого духа. Сошлись цыган и леший, стали хвастаться силой, леший сожмет в руке камень — из него искры сыплются, цыган говорит, что это — не диво, он из камня воду выжмет, а сам вместо камня взял в руки пареную репу и стал ее давить, пока сок не пошел. Начали биться врукопашную — цыган сотворил молитву, леший с ним ничего сделать не может. Позвал леший цыгана жить с собой. Затопил печь, посылает цыгана с оленьим мехом за водой. Цыган пустой мех еле-еле до колодца дотащил, а с водой и думать нечего, не донести. Взял лопату и стал колодец обрывать. Леший долго его ждал, пошел посмотреть, куда цыган запропастился. Видит, цыган возле колодца землю роет. «Что ты делаешь?» — спрашивает. «Хочу колодец обрыть да весь сразу и забрать в мех, чтоб каждый раз сюда не бегать». — «Экой ты, братец, чудак, многого захотел», — схватил леший мех, зачерпнул воды и сам понес его домой.

На другой день посылает леший цыгана за волами, чтоб он на обед принес тройку волов. Тот

пришел в стадо и давай им хвосты вязать. Долго нет цыгана, отправился леший посмотреть, что он делает. Цыган отвечает, что нечего волов по тройке вязать, он свяжет двенадцать голов сразу да и понесет. Опять леший сам донес волов до дому.

В следующий раз послал леший цыгана за дровами, принести три дуба на растопку, а цыгану и одного не одолеть, он и давай вязать макушками целую дюжину дубов. Связал, стал лопатой обрывать. Снова леший цыгана не дождался, бежит, спрашивает, в чем дело. Тот отвечает, что, мол, вместо того чтоб каждый день за дровами ходить, он притащит сразу двенадцать дубов. «Этакий ты, братец, чудак! — удивился леший. — Многого захотел» — и сам принес три дуба. Так и живет цыган своей хитростью с лешим до сих пор (Смирнов, 96).

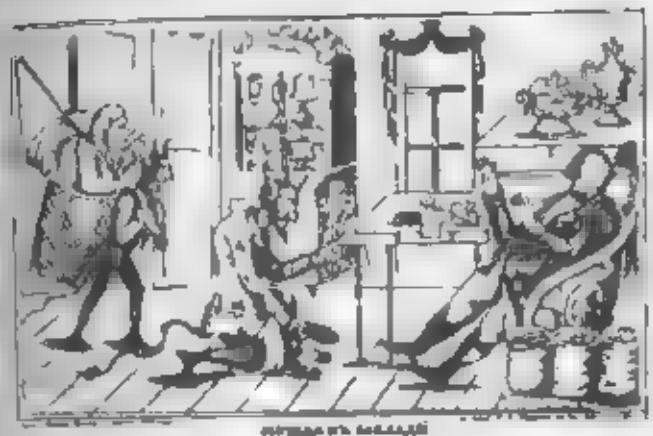
В архангельской сказке леший попадает в положение медведя, спорящего с мужиком из-за репы. Поп сеял репу. Вдруг кто-то испугал его кобылу, она убежала и борону сломала. Поп рассердился и говорит: «Возьми, лешой, и репу всю! Кобыла убежала, да и бороны жалко». Осенью репа выросла хорошая, поп пришел репу рвать, и леший пришел, говорит: «Что ты, поп, ведь ты мне ее отдал. Я все лето воду носил да поливал» — «А я все лето молебны пел да Бога просил». Попадья услышала их спор и говорит: «Вы приезжайте завтра на зверях невиданных, кто приедет на таком звере, что и узнать нельзя, — того и репа». На следующий день едет леший на льве, поп сразу сказал: «Ишь ты, леший как на льве едет!» А поп ехал на попадье: попадья волосы распустила, сделала хвостом, в жопу стеколко вставила и ползет задом наперед, поп верхом сидит. Леший смотрит: что за зверь? Рогов нет, го

ловы не видно, глаз один блестит и рот вдоль «Ну, поп, — говорит, — твоя репа» (Ончуков № 26.)

ЛИХО Лих, беда, горе, напасть, нужда

Демон злой судьбы, несчастий. В пословицах — странник, бредущий от дома к дому: «Беда (горе) ходит не по лесу, а по людям»; «Беда не спит, по людям ходит», «Лихо не лежит тихо: либо катится, либо валится, либо по плечам рассыпается». Поверье общеславянское. Подобно злобному духу, Лихо садится на плечи и заставляет свою жертву всегда носить себя с собою. Изредка Лихо засыпает, тогда несчастному становится легче: «Коли спит Лихо, не буди его». Лихо приволакивает беды одну за другой: «Беды вереницами ходят». Нет такого места, куда бы не проникло Лихо, Горе. На этом поверье основан сказочный мотив избавления от Лиха: герой делает вид, что не может поверить, как Горе исхитрится забраться в маленькую табакерку. Горе (Нужда, Лихо) показывает это и оказывается запертым в ней. См. также *Злыдни* — духи неопределенного облика и размеров. В песнях о Горе дух злой судьбы — оборотень, он бежит (обегает) впереди бессчастного молодца то собакой, то серым волком, то щукой, пока не вгонит в гроб бесталанного героя. Тут оно приходит с заступами и лопатами и, забросав могилу землей, отправляется искать очередную жертву.

Лихо представляется человеку огромным, могущественным, с ним не сладить, его не обойти и от него не уберечься. Оно людоед: заедает счастье, долю, а значит, и жизнь человеческую. Неожиданность его прихода связывается со слепотой или



Нужда в закладе. Картинка из лубочной книги XX в.

одноглазостью. В сказках Лихо олицетворяется ба бой-великаншей с одним глазом

Жил один человек и не знал, что есть на свете Лихо, и решил увидеться с ним. Шел-шел, ст ит у леса железный замок, кругом частокол из человеческих костей, черепа воткнуты сверху Подходит к замку. «Чего надо?» — «Лиха ищу». — «Лихо здесь». Вошел в горницу, а там лежит громадный тучный великан, голова в углу ноги на печке, ложе под ним — человеческие кости. Это Лихо, вокруг него — Злыдни и Журба Подало ему Лихо человеческую голову, а само слепое. Гость голову под лавку кинул. «Где ты головка-мотовка?» — спрашивает Лихо. «Под лавкой». — «Скушай, голубчик, — говорит Лихо гостю, — ты сам для меня тогда вкусней будешь» Гость спрятал голову за пазуху, а Лихо опять «Где ты, головка-мотовка?» — «Подле желудка». — «Ага, — думает Лихо. — значит, съел» А гость улучил минуту — и к двери, дверь заскрипела, Лихо услышало, закричало. «Держите уйдет!» А гость уж за дверьми, только правую руку не уберег, в железных дверях осталась, тут он и понял, что такое Лихо (Афанасьев, Сказки 3, № 572)

В другой сказке искать Лихо отправился кузнец и взял себе в товарищи портного. Забрели они ночью в глухой лес, увидали большую избу и зашли в нее отдохнуть. В избе пусто, но вскоре пришла высокая одноглазая баба — Лихо, и говорит «А, у меня гости! Будет что поужинать» Затопила печь, зарезала портного, изжарила и съела. Кузнец видит — ничем ее не возьмешь, разве что хитростью. «Бабушка, — говорит, — я кузнец, все ковать умею» — «Скуй мне глаз». — «Хорошо, да есть ли веревка? Надо тебя

покрепче связать, я бы тебе другой глаз вковал» Великанша принесла веревку, кузнец скрутил ее крепко-накрепко, разжег на огне шило и выколол ей единственный глаз. Баба рванулась, веревка лопнула, уселась она, слепая, на пороге избы и говорит «А, злодей, из избы от меня не выйдешь». Настала ночь, на ночь она овец в дом запустила, а утром стала выпускать их в поле схватит за спину да и выкинет Кузнец выворотил свою шубу шерстью вверх, надел и пополз на четвереньках, словно овца. Выкинула и его. Встал кузнец и пошел лесом, глядь — в дереве топорик с золотой ручкой, захотел себе взять, но только дотронулся — рука пристала к топору, а великанша нагоняет, кричит «Не ушел, злодей!» Кузнец вынул нож, отрезал себе руку — только тем и ушел от смерти, узнав, что такое Лихо (Афанасьев 2, 698 — 699)

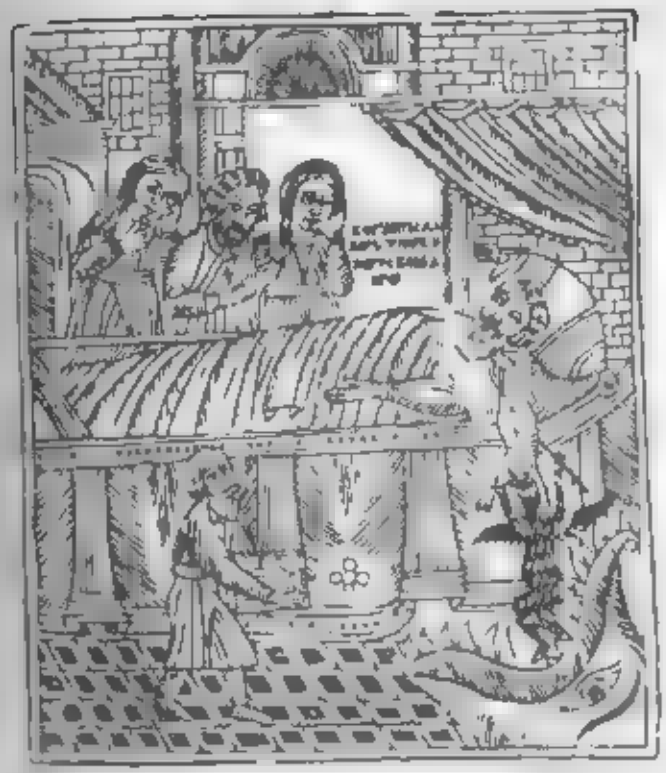
В более узком значении Лих, Лихо — дух вселяющийся в человека и ввергающий его в сумасшествие или в нервную горячку Изгоняли Лихо с помощью банника. Хорошенько протапливали баню и наполняли ее паром. Больного клали на полок и туда же приносили коврижу хлеба, соли и бутылку вина. Просили банника, чтобы он принял гостинцы и отогнал от раба Божия (имярек) злого духа — Лиха Затем все выходили из бани оставляли больного наедине с Лихом и банным хозяином Через час возвращались и замечали если банник взял подарки, то больной выздоровеет (Владимирская губ)

ЛИХОРА́ДКИ Буквально: «злоделатели», «зло приносящие». Их называли также: лихоманками, добрухами, тетками, *кумахами*, комухами, трясавицами, трясунцами, трясучками, напасницами

пестухами, корчеями, ворогунками, гнетухами, злючками, сглазом, престритом и др.

Дочери царя Ирода, одна из которых приказала отрубить голову Иоанну Крестителю и принести ее на блюде. Между прочим, солнце представлялось головой Иоанна Крестителя, когда она повернется к земле отрубленным местом, бывает солнечное затмение (Новгородская губ., Череповецкий уезд). Число сестер-ироднад, по заговорам и бывальщинам, колеблется от девяти (семи) до девяноста девяти. Каждая из них имеет свое имя соответственно тому виду страданий, которые она приносит. Эти имена вместе с именами святых, которые могут изгнать лихорадок, обычно произносятся в заговорах от болезни: «Под кустом под авритом сидели двенадцать апостолов Михаила Архангел, Гавриила Архангел, Рафаил, Анафаил, все бесплотные ангелы и мимо их идоша двенадцать дев простоволосых... и даша им на каждую деву по тысяче ран кровавых и вверже их во огненное море...» Имена окаянных: тресавица, гнетия, вевия, детия, желтия, огния, пухлия, хрипуша, горбуша, задушиха, кашлея, голодея (заговор) трижды прочитывали вслед за знахарем, бумагу с текстом разрезали на четыре части, первую сжигали и пепел давали больному выпить в воде, вторую спускали на воду, третью клали в щель на мокрое место, четвертую бросали на перекресток. Ироднад называли также *русалками* и ждали от них защиты у святых отцов Пафнутия и Пахомия, прося угнать бесову силу за горы, долы и темные леса (Зеленин-1916, 1257).

В XVIII — первой половине XIX века с большим успехом в народе расходились лубочные картинки «Сказание кним святым каковыя благодати исцелений от Бога даны и когда память их». Ик



Притча о богаче и уборном Лазаре. Ровинский-1 № 636

ны заказывали для избавления от болезней. На них, наряду с изображением святого, порой устанавливали и образы болезней — лихорадок. Так, в большом ходу была икона святого Сисиния с двенадцатью лихорадками. Вверху — Господь, перед ним внизу — святой Сисиний и мученица, а под ними, как бы в пропасти, двенадцать нагих простоволосых женщин, которых поражает копьем архистратиг Михаил. Подобные изображения встречались и в церквах, например в Тихвинской церкви слободы Холуй Вязниковского уезда Владимирской губернии, где лихорадки представлены в виде крылатых женщин. Заговоры от лихорадки во многом воспроизводили эти картины, уточняя названия демонов болезни, выходящих из бушующего моря. Лихорадки в первую очередь мучают тех людей, которые им угождают: пьют, не чтят праздников и постов, много спят, рано утром, сразу встав с постели, едят и т. д. Трясея мучает ознобом, Огнея — жаром, Ледея — холодом, Гнетек — удушьем, Грыкуша ложится на плечи и грудь человека и причиняет гнойный нарыв, Глухея проникает в голову и закладывает уши, Пухлея напускает отек, Желтея — желтуху, Желтея и Коркуша — всех проклятее — смыкают ручные и ножные жилы, не дают двигаться. Глядея отнимает сон, тогда бесы приступают к человеку и он мешается в уме; Невея доводит до смерти (Голышев, 36 — 40).

По смоленским поверьям, лихорадки обыкновенно сидят в аду, но зимняя стужа выгоняет их на землю, и они заходят в избы погреться, а затем забираются в людей. Это уродливые тощие создания, слепые и безрукие. Сами войти в избу они не умеют и стоят обыкновенно в сенях у дверной притолоки, прижавшись в угол и ожидая

когда войдет кто-нибудь из «виноватых», на кого можно будет накинуться, с ним и проникают в дом. По вятским поверьям, лихорадка является в виде красивой женщины или приятных видом мужчин. Чтобы избавиться от нее, одержимый лихорадкой обмазывал лицо сажей или грязью, так что страшно было взглянуть на него, и забирался в репную яму. Там он лежал, не шевелясь, пока к краю ямы не подойдет лихорадка. Она станет просить больного выйти оттуда, но он не должен подавать признаков жизни. Лихорадка наконец плюнет на лежащего и скажет: «Не приду к тебе больше вовек! Ты безобразен, выпачкан обманщик» — и уйдет навсегда. По калужским поверьям, сорок сестер-лихорадок живут в болоте. По М. Д. Чулкову, девять сестер-лихорадок содержатся на цепях в змеиных челюстях, когда их спускают, они без милости нападают на людей. Одним поцелуем могут причинить трясавицу и входят в одержимых ею. Лихорадки боятся совиных гнезд, собачьих повадок. Больные сибиряки, почувствовав наступление приступа, чернят себе лицо, а иногда и тело, надевают на себя чужую худую одежду, чтобы злой дух его не узнал или испугавшись, — отстал (с. 230 — 231).

Широко распространенный способ избавления от лихорадки — спрятаться от нее или передать другому вместе с какой-нибудь вещью. Терские казаки, выкупав больного, выливали воду от купания на следы того человека, которому желали передать болезнь, или просто во дворе, приговаривая, чтобы такая-то болезнь перешла на такого-то человека. Остатки пищи и питья больного отдавали собакам, чтобы болезнь вошла в них, уйдя с больного. На двор соседа перебрасывали часть платья, белья или какую-нибудь безделушку при

надлежащую страждущему, таким образом отдавая болезнь соседям. Некоторые после посещения больного, придя домой, сами принуждались на короткое время одержимыми лихорадкой, с целью отвратить от себя болезнь. Страдающие лихорадкой притворялись за несколько часов до наступления пароксизма уже охваченными им, чтобы избавиться от посещений своей хворобы (Сборник материалов-16, 12)

Чаще всего прибегали к изгнанию из тела злого духа с помощью разного рода средств, как чисто магических, так и практических — настоев трав, порошков, ванн и т. д. Некоторые полагали, что лихорадки уйдут только после применения семидесяти различных средств — по числу сестер-иродиад. Накрывали больного медвежьей шкурой, пришивали ему на шею в ладанке змеиную голову, кость жабы, стреляли неожиданно над постелью больного, чтобы испугать его болезнь, заваливали пять (собственно, не ему, а злому духу, обитающему в теле) воду, взятую из-под мельничного колеса (жилище водяного) и т. д. В Обонежском крае под постель больного клали змею, зашитую в голенище сапога, приглашали колдуна. Лихорадка являлась в виде женщины во всем белом, колдун грозил ей розгами, и она уходила (Куликовский 1890, 47). В Тамбовской губернии на больного надевали хомут, часто употреблявшийся в магической практике с разными целями, выводили на двор и обливали водой, изгоняя духа болезни.

Лихорадку сжигали следующим образом: брали освященную вербу и делали на ней столько нарезок, сколько было приступов, затем клали в жарко затопленную печь. Когда верба сгорит, нужно, глядя на оставшийся пепел, положить три земных поклона (Афанасьев-2, 15). Брали заговор

от лихорадки, в котором рассказывалось о каменном столбе посреди моря, на каменном столбе — мученик Сисиний и архангел Михаил видят, как из моря выходят двенадцать безобразных Иродовых дочерей, мученик заклинает их отступить от страждущего. Текст этого заговора зашивали в тряпочку и привязывали к шнуру нательного креста, носили так двенадцать дней, не посещая бани, но переодеваясь в чистое белье, на тринадцатый день на утренней заре затопляли печь, отвязывали бумажку с заговором и через левое плечо бросали в огонь. Оставшийся пепел насыпали на кусок хлеба и давали съесть его больному (Новгородская губ.). Больного окуривали дымом перед печью, поили наговоренной водой, смешанной с печной золой и углями, той же водой обмывали притолоки и косяки у дверей, чтобы лихоманка не вошла в дом. Заставляли больного вынести из дому кочергу и оставить ее на перекрестке (Афанасьев-2, 31).

В Саратовской губернии лихорадку задабривали: пекли двенадцать маленьких продолговатых белых хлебцев (по числу сестер-иродиадок), относили в лес и клали на пень с приговором: «На тебе, тетушка!» На обратном пути не оглядывались. Рубили топором печеное яйцо: одну часть закидывали через плечо назад, другую съедали. Петух и куры как «ангельские» птицы не угодны бесам-лихоманкам, поэтому рекомендовали больному три зори купаться под куриным насестом. Чтобы устрашить болезнь, на шею привешивали змеиный выползок, хвост, отрубленный от живой собаки, сушеную летучую мышь. «Кумили» лихорадку тетку с другим человеком. Двенадцать медных крестиков развешивали по кольям огородов, гумен при дорогах — кто первый возьмет такой крест

прихватит и лихорадку. Обманывали ее при перемежающихся приступах: в свободный от лихорадки день писали мелом над всеми дверями и окнами «Вчера приди». Просили осину взять лихорадку: шли в лес, подходили к первой попавшейся по пути осине, становились возле нее так, чтобы, обратившись к ней лицом, не видеть своей тени, снимали с себя пояс и привязывали к осиновому суку, клали осине три земных поклона, говоря. «Прости меня, Аридова дочь, прости меня и ты, осинка, что я тебя поцеволила». Пояс оставляют и идут домой, не оглядываясь. Используют приемы оборотничества: три зори по три раза перекувыркиваются. Зовут медведя в надежде, что зверь изгонит лихорадку. Больной ложится на землю и просит вожака провести по нему (по спине) медведя трижды. Лежа под медведем больной произносит: «Батюшка, брат мой старшой! Выгонь проклятую из головы, из ног, из рук, из могучей груди, из добра живота, из спины и ребер и из черной печени». Окуривалась три зори медвежьей шерстью. Замыкали лихорадку в яйцо: на сырого куриного яйца вынимали пленку, клали в нее и вешали на палочке на верху и [illegible]

Чтобы не пристала лихорадка, никогда так ее не называли, а только «она» его забила, «лихая», «проклятая», и непременно оговорятся: «Не здесь будь сказано!» Ощущая болезнь у себя внутри, стараются съесть, вдохнуть или выпить что-нибудь очень противное бесу. Например, снимают кожу с ежа, кладут ее в горшок с углями и, закутавшись, сидят над смрадом. Кладут в ведро с водой живую щуку и держат ее там, пока не издохнет, двенадцать дней не переменяя воды. Настой пьют перед обедом, утром и перед ужином по рюмке залпом. Проглатывают три вербные почки. У черной

курицы на пороге отрубают перья хвоста, жгут их и золу пьют в воде. Пьют херувимскую золу, т. е. золу из церковного кадила от ладана, которым кадили в обедню во время пения херувимской песни. Пускают в ведро или горшок живых раков и держат там, как и щуку, двенадцать дней, хотя бы они и подохли, потом ночью выбрасывают их на перекресток, а настой пьют три раза натощак перед едой (Зеленин-1916, 1244 — 1246).

Как и от других бесов, радикальным средством избавления от лихорадки являются молитвы и заговоры. На бумажке пишут молитву «Отче наш» наоборот, начиная с фразы «от лукавого». Записку сворачивают, привязывают к шейному кресту и носят на шее. Пишут на лоскутках или корке ржаного хлеба слово «Христос» или иероглифические знаки соответственно числу букв, входящих в слово «Христос». Бумажку с надписью сжигают, пепел высыпают в стакан с холодной водой и пьют, корку разрезают на девять частей, так, чтобы в каждую часть входила одна буква или знак, — принимают три раза в день перед едой по одной части. Бумажки и ржаные корки с надписью «Христос» даются неграмотным людям, со знаками — грамотным. Некоторые знахари посыпают корку небольшим количеством мышьяка (Сборник материалов-16, 49). В заговорах, помимо уже упомянутых мученика Сесиния и архангела Михаила, с лихорадками борются святой Авраам с «сыном Исаем». Шел святой Авраам со своим сыном Исаем, несли они жезлы и повстречались с Иродовыми дочками: «Иродовы дочки, куда вы идете?» — «Мы идем в мир христианский желтую кость ломить, буйную голову ломить, черную кровь пить». — «Сыну мой Исаю, возьми ты их с раба Божия (имярек), посеки и поруби и

пошли на очерета, на болота, где люди не ходят (Сборник материалов-29, 27)

Обманывая лихорадку, притворяются мертвым животным, для чего отыскивают остов павшей скотины, на котором уже нет мяса, и ложатся в ребра, оставаясь там до конца приступа (Зеленин-1915, 803). Обманывают демона болезни, уходя ночевать к соседу, причем так, чтобы об этом не знали ни домашние, ни соседи. Больному советовали также переехать в другой город, поменять место жительства — в этом средстве было столько же рационального смысла, сколько и веры в магическую силу обмана. Против лихорадки применяли «абракадабру» — волшебное слово, пришедшее в Европу из Персии, написанное особым образом на бумажке, которую нужно было носить в виде ладанки на привязке, шейном кресте. Писали абракадабру различно, но всегда в виде треугольников, расположенных в той или иной последовательности так, чтобы выходила определенных очертаний фигура с острыми углами (Материалы-191)

Все вышеназванные способы избавления от лихорадки сочетались с достаточно действенными лекарственными средствами — настоянными на водке травами, закалитовым листом, отварами малины, липового цвета, шалфея, растираниями хиной с уксусом и проч.

ЛОБА́СТА Албаста, лопаста, лобоста

Женщина-демон, злой дух, русалка. Название заимствовано из тюркских языков. У таджиков альбасти может вырвать у роильницы сердце и печень, задушить новорожденного. Касаясь человеческих членов, альбасти парализует их, отнимает руки и ноги. На фреске VII века в Баунте (Египет) изображен всадник-демоноборец, пронзающий молодую полуобнаженную женщину-демона Алабесдрию. У татар албасты — существо исполинских размеров, неопределенной формы. Издали кажется не более собаки, но по мере приближения к человеку увеличивается и вырастает до величины стога, обитает около мостов, на перекрестках дорог, улиц (Черепанова, 89 — 90)

В русской традиции лобаста ближе всего к русалкам в их северорусской интерпретации. Терские казаки представляли лобасту в виде нагой женщины большого роста, обрюзгшей до безобразия, с громадными, в аршин, отвислыми грудями иногда закинутыми за плечи на спину, с косами свисающими до земли. Она живет в больших болотах, озерах и омутах, часто захватывает проходящих мимо людей, затаскивает их в болото, щекочет порой до смерти сосками своих грудей (Сборник материалов-16, 63) По астраханским поверьям, лобаста — девка, показывается нагой расчесывающей длинные волосы, ее тело покрыто мехом, пугает, громко хохоча и хлопая в ладоши, может до смерти защекотать (Зеленин-1914, 65)

В низовьях Волги считали, что от лобасты «нет удержу», нельзя зачураться, сказав: «Чур меня!» Лобаста губит людей летом, на ее приближение указывает внезапно и быстро приближающаяся тучка, ветер переходит в шторм, наступает полумрак, стонет море, трещат сломанные и вырванные с корнем деревья. Не буря, с которой опытный рыбак может справиться, а лобаста топит его в море и давит на земле

Лобаста является женщиной ростом от земли до неба, некоторые видели ее в мужском образе. Тело ее — серая масса, голова огромная, косматая, клыки оскалены, руки длинные с крючковат

тыми пальцами. У нее нет их хвоста, ни рогов, как у прочей нечисти. Среди астраханских рыбаков ходило много рассказов о людях, чудом уцелевших после встречи с лобастой. Молодой парень в июле на легкой лодке отправился на один из островов Волжского устья, где решил срубить дерево. Только к ночи ему удалось повалить толстый ствол, дерево упало на землю, и над самым его ухом раздался жуткий хохот. Дроворуб заметался от страха по лесу. Поднялся ветер, от удара по голове и по спине он упал без чувств. К утру очнулся, разыскал лодку и уехал домой.

Другой крестьянин поехал на острова за утками. Набродившись в камышах, вышел на поляну. К ночи поднялся вихрь, кругом — рев и стон. Охотник увидел приближающуюся к нему лобасту, гигантское существо с трясущейся головой и протянутыми к нему руками. Охотник успел обнести вокруг себя черту, встал в центре, взял наперевес ружье. Но лобаста с легкостью перешла круг и готова была уже схватить человека ужасными когтями, как охотник выстрелил. «Ха-ха-ха!» — раздался над ним смех лобасты. Через несколько дней его товарищи нашли на опушке той поляны гору серой студенистой массы — все, что осталось от чудовища.

В лобасте также видели оборотня: подобно *лешему*, она могла оборкуться знакомым путника и завести его в глухие, непроходимые места (Саратовский справочный листок, 1878).

ЛОПА́СТЫЙ, *лопастик*.
То же, что *леший*, *черт*.

ЛОСКОТУ́ХА. *Лоскотка*, *лоскотница*, *лоскотовка* (см. *Русалка*).

Щекотунья-русалка. Лоскочут мужчин не все русалки, а только молодые. Одно из древнейших имен этого женского демона (Зеленин-Очерки, 118).

ЛУГОВИКИ́

Дети полевиков, живут в межевых ямах, бегают по межам и ловят птиц в пищу родителям — полевикам (см. *Полевой*). Душат спящих на межах людей. Их можно видеть в полдень или перед заходом солнца. В это время опасно спать в поле, так как луговики выходят из своих нор, наводят на спящих еще более крепкий сон и насылают разные лихорадки, тяжелые болезни (Колчин, 28).

ЛЯГУ́ШКИ

Бывшие люди, затопленные в смирном потопом, у них, как у людей, по пяти пальцев на руках и ногах, четыре долгих, один коротенький. Придет время, и они снова станут людьми, а мы ныне живущие, обратимся в лягушек. По другим поверьям, лягушки — проклятые Богом или человеком люди, *заклятые*. Бить их — грех (Завойко, 103). По нижегородским поверьям, лягушки произошли от проклятых матерями младенцев (Зеленин 19 5, 794). Кто убьет лягушку, тому на том свете подадут есть лягушачий пирог. В Вологодской губернии домовых лягушек считали обраденными людьми. Живут на скотных дворах и высасывают молоко у коров. Убивать их боятся, потому что они могут вцепиться в того, кто захочет

это сделать, и тогда лягушку ничем не отпоеш приходится от нее умирать. В Терской области говорили, что солнце состоит из кусочков лягушки. Оно привязано к небу волосинкой, которую Бог выдернул из головы Евы. Лучи — солнечный взор (Сборник материалов-16, 317).

Чары над змеями и лягушками составляют один из самых распространенных видов колдовства на Руси. Чтобы отомстить кому-нибудь, оскорбленный домохозяин обращался за помощью к колдуну, прося напустить змей и лягушек на дом своего врага. Чародей брал живых змей и лягушек, высушивал их в печи, растирал в мелкий порошок, завязывал порошок в холстину и клал в навоз. Спустя некоторое время из каждой пылинки образуется отомстно. Едва народившихся тварей разбрасывали по дворам, где они размножались до невозможности. Некоторые подсыпали такой порошок в питье своим врагам, и во внутренностях несчастных жертв появлялись гнезда жаб и змей. Страдальцы обкладывали грудь и живот ягодами свежей малины и земляники, полагая, что от этого гады выползут наружу (Сахаров, 87 — 88). Широко использовались лягушки в приворотной магии. Желающий кого-либо приворожить накодня пару совокупившихся лягушек укладывал их в бурак с дырочками и бросал в муравейник, а затем бежал прочь без оглядки, ибо лягушки-демоны издают ужасные крики, когда муравьи сквозь дырки начинают заползать в бурак, пожирая лягушек. Оглянувшийся в это мгновение становился добычей дьяволов. К муравейнику нужно было вернуться через три дня, тогда в бураке останутся одни лягушачьи косточки, между ними — вилочка и крючочек. Кто захочет чтобы

женщина его полюбила, незаметно потянет ее за платье крючочком, а когда она разонравится — отпихнет ее вилочкой, чтобы она тотчас забыла о прежней любви (Чулков, 256).

Образ громадной лягушки принимает дьявол во время обряда посвящения в колдуны. Человек, решивший стать колдуном, идет в баню, кладет под пяту крест и отрекается от Бога, обещая душу Сатане. После этого из-под полка выскочит лягушка: сначала маленькая, потом станет расти, расти и разрастется во всю баню. Тогда учитель-чародей велит посвящаемому влезть в разинутую пасть лягушки (Вологодская губ.; Садовников, № 116).

МА́ВКИ Иначе — русалки

Существа, часто упоминаемые в украинских мифологических рассказах. Название «мавка» производили от «навка» (уменьшенное от «навь» — мертвец) и от «мал», «малая», так как это духи небольшого роста. Мавки бодрствуют летом, приходят на землю, когда начинает колоситься хлеб и может служить им убежищем. Накануне Троицына дня русалки вместе с мавками бегают по нивам, хлопают в ладоши, восклицая: «Ух, ух, семоменный дух! Мене маты породила, некрещену схоронила!» Малорусским поверьям о мавках соответствуют русские представления об особой породе русалок, происшедших от умерших некрещеных младенцев, от девушек-самоубийц, не удостоенных погребения. Мертворожденных или

скончавшихся до крещения младенцев русалки похищали из могильных ям и уносили в воду, они крали их даже из-под порога избы, куда также хоронили младенцев. В течение семи лет в Троицын и Духов день души этих младенцев летали по воздуху, выпрашивая себе крещения. Думали, что их можно было спасти словами «Крещаю тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа!» и ежегодными панихидами в первый понедельник Петровки (с 29 июня). Если в семилетний срок они не будут искуплены молитвами, то навсегда останутся в обществе русалок. Та же судьба ждет младенцев, проклятых матерью еще в утробе или до таинства крещения. Они исчезают на дому, становясь русалками, но навечно сохраняя облик семилетней девочки с русыми кудрявыми волосами в белых, без пояса, сорочках. Девочками-русалочками становятся младенцы, утопленные матерями-девицами, чтобы скрыть свой грех. Они плещутся в волнах, танцуют в лугах, отчего трава становится гуще и зеленее. Есть поверье, что нельзя бросать в воду скорлупу от выеденного яйца, — крошечные русалки построят себе из нее корабль и будут на нем плавать (Афанасьев-3, 149, 228, 240).

Опасно строить дом на месте, где зарыто тело умершего некрещеным или мертворожденного младенца: душа его будет летать в воздухе, прося крещения, и беспокоить жильцов (Зеленин-1914, 295).

МА́РА

1. Привидение, призрак, дух, мучающий людей во время сна, кошмар. Женщина, одолеваемая чертями, бесноватая, хотела избавиться от них, заминая в лесу в деревьях. Но только дошла до

леса, как сразу уснула, и во сне ей показалось, что она выполнила свое намерение, это черти напустили на нее мару (Калужская губ.).

2. Мары, марухи — старые маленькие существа женского пола, по ночам сидят у печи, бормочут, шепчут, прядут пряжу, подпрыгивают, бросают камни в людей (ср. *какиморы*). Пряхи без молитвы не оставляли пряжицы, чтобы ночью мара не изорвала и не спутала кудель. По происхождению — духи младенцев, умерших некрещеными или проклятых родителями. В марах олицетворяли души усопших (ср.: мор — смерть, эпидемии, повальные болезни; мар — сон). Подобно домовым, мары заезживали лошадей бешеной скачкой, заплетали им гривы и хвосты в знак расположения (Афанасьев-2, 101 — 103). Мара — невидимое существо, живущее в доме помимо домового. «Маретник» — бранное слово, употребляемое вместо «еретик», «колдун» (Куликовский).

3. Мары — женщины, занимающиеся колдовством, ведьмы, как прирожденные, так и ученые. Доят коров так, что после этого из вымени течет кровь вместо молока. Выдаивание коров совершается даже на расстоянии. Стоит маре очертить круг на земле и с заговором вонзить в середину нож, как молоко само брызнет оттуда. Особенно активны в ночь на Ивана Купалу. Предохраняясь от них, хозяева кладут на окна крапиву, вешают убитую сороку на дверях хлевов, прилепляют сретенские восковые свечи. Мары на Ивана Купалу собирают травы: папоротник, белоголовник, плакун, дурман, подорожник, полынь. В руках обычных людей они не имеют той силы, что у ведьм. Мара приготовляет из них мази, натираясь которыми может превращаться в разных животных. Если после превращения ее ударить наотмашь

осиновым колом, она примет настоящий вид и откажется от своего ремесла. Мары умеют превращать в животных других людей (Воронежский литературный сборник, 381). В былинах и сказках, преданиях героини с именем Марина — обычно ведьмы, колдуньи («Добрыня и Маринка», «Марина-русалка», предания о Марине Мнишек).

4. Мара, Марена, Морена — в славянских весенних обрядовых праздниках девушка или кукла, деревце, вокруг которого устраивались разнообразные игры, символизировавшие наступление весны и предназначенные к умножению плодородия земли.

МАРЯ́НА

Повелительница юго-восточных ветров в устье Волги. Эти ветры опасны для судоходства северо-западного берега Каспийского моря. Моряна представлялась мореплавателям в образе суровой женщины огромного роста, с распущенной косой, в белой одежде. Она медленно идет по поверхности моря в направлении ветра и всюду производит разрушение (Саратовский справочный листок, 1878).

МЕДВЕ́ДЬ Грязной, зверь, косматый, косолапый, костоправ, куцый, лесник, лесной черт, леший, ломыга, Михайло Иваныч Топтыгин, мохнач, овсянка, он, раменский (от «рамень», «раменье» — густой смешанный лес), сам, сергацкий барин (в Сергаче обучали медведей), черная мелочь.

Зверь-оборотень. По легенде — рожден от женщины и лесного животного. Бог наказал одну блудницу и отправил ее в лес, там она нашла себе мужа — зверя «меда» (Владимирская губ.).

Медведь с возом прокажаются. Рожинский-I. № 177

Представление о наполовину человеческой природе медведя отразилось в многочисленных побывальщинах и сказках о сожительстве женщин с этим животным. В Сибирске рассказывали, медведь мужнюю жену в берлогу затащил и мальчика с нею прижил. Мальчик вырос, и захотелось ему вон из берлоги, к людям. А он до половины тела оброс шерстью. Медведь его не пускает, догнал и давай с сыном деревьями драться. Медвежий сын вывернул дуб и убил медведя, а с матерью убежал. Прибежали в свое село, стал мальчик с детьми играть, кого за руку схватит — рука долой, кого за голову — головы нет. Мир и говорит: «Тебе с нами жить нельзя, мы тебя выгоняем», да вспомнили, что у них на одной мельнице чертей много, если медвежий сын их выведет, тогда пусть живет. Он отправился на мельницу, пришла ночь, видит: черти все колеса облепили. Он и давай их ломом бить. Всех избил, до самого Сатаны дошел. Тот и говорит: «На тебе злата, только оставь в живых!» Медвежий сын золото взял и пошел домой, деньги матери отдал, и мир его принял (Садовников, № 34).

По мнению олонецких крестьян, медведь — человек, превращенный колдуном в зверя. Поэтому он сам на человека не нападает, лишь из мести за нанесенную ему обиду или за совершенный человеком грех. Собака лает на медведя так же, как на человека, и, согласно молве, было немало случаев, когда при сдирании шкуры с убитого медведя оказывалось, что под нею тело медведя опоясано мужицким кушаком, или находили на нем остатки белья, вышитой одежды, украшения. В заговорах медведь упоминается отдельно от других зверей: «Избави нас от всякого зверя и бурого медведя» (Куликовский). В Вологодской гу-

берник и убитой медведице бывало приглашали невесту или свах, превращенную на свадьбе в оборотня (Зеленин 19,4 259)

В сказках-притчах человек обращен в медведя за грех неудовлетворенности своей судьбой. Такой мужик пашет поле, устал и остановился. «Жизнь моя — самая плохая — думает. — Другие не работают, да хорошо живут». Мимо едет барыня, спрашивает: «Что, мужичок, горюешь?» Пожаловался мужик на горькую участь. «Хочешь быть барином?» — спрашивает барыня. «Хочу». — И стал мужик барином, а все недоволен. А барыня-то была — сама Судьба. Приходит она к мужику-барину: «Ну, чем теперь ты недоволен?» — «Да по барином быть начальником мне бы хотел быть царем». Рассердилась Судьба на мужика и превратила его в медведя, и всем медведям пошло (Сумцов 2, № 240)

Женщины медвежатину не употребляли в пищу, медвежатину, а мужчины едят охотно. Сам медведь любит лакомиться молодым овсом, отсюда и его прозвище — «овсорик». Возможно, эта страсть заставляла его посещать крестьянские поля и стала основой для возникновения сказочного сюжета о споре мужика с медведем («Вершки и корешки»), миф о краже овса (Афанасьев. Сказки 1, № 43)

Обычаи, связанные с медведем, основаны на вере в большую магическую силу медведя, сравнительно с другими демонами: домовыми, лихорадками, чертями. Чтобы усмирить лихого домового, крестьяне просили медвежьего поводыря обвести вокруг двора, чтобы водилось скотина, а конюшне вешали медвежью голову, в убеждении, что это защитит лошадей от проказ домового, а лихорадку лечили так: больного клали на медведя и заставляли медведя перенести через него три

чтобы зверь коснулся лапой его тела. В XVI веке медведь помогал угадывать пол будущего ребенка у беременной женщины: она давала ему хлеб, и если он рыкнет — будет девочка, промолчит — мальчик. Для успеха в промысле охотник убив медведя, обмывал ружье его кровью. Аптекарские рабки не упоминали в разговоре медведя, чтобы не вызвать бурю.

Медведем рядились на Святки. У такого медведя был вожак, ряженые заходили в избы и там, где их принимали, устраивали танцы. Видеть медведя во сне — к богатству, медведь перебежит в чему дорогу — к удаче (Афанасьев 3, 357 и 358)

Отдельные моменты солнечного года (или земного состояния) вызывают разнообразные истолкования поведению медведя в берлоге во время зимней спячки. Медведь на Спиридона-солнцеворота (12 декабря) ворочается и в берлоге на другой бок. На Благовещенье (25 марта) через год прилетает медведь встает.

МЕЖЕВОЙ Межевик, межевичок

Хозяин полей, их границ. Старик с бородой из колосьев. Чтобы задобрить его, приносили на межу кутью из зерен первого снопа. По другим поверьям, межевички — дети полевиков (см. Полевик), бегают по межам и ловят птиц в пищу, нечистым душат спящих на межах людей (Мансов 79)

МЕРТВЕЦЫ

Проводники сверхъестественной воли, как крестная, так и нечистой силы. Образ мертвеца, решающего живых, родился из двойственного представления о местообитании душ после

смерти: с одной стороны, она живет в другом мире, в небесной выси или, душа грешника в аду, с другой — она может посещать те места, где действительно жил покойник. Живой мертвец может даже потребовать от своих близких, чтобы они удалились из дома. Олончанин в таком случае заколачивал дверь дома, оставляя его умершему. Поверье о том, что покойник возвращается домой и живет там после смерти, в отдаленные времена было распространено в такой степени, что предки олончан по смерти хозяина оставляли ему прежнее жилище заблаговременно: не дожидаясь его прихода, они переходили на новое место. Название гроба «домовищем» во многом проистекало из желания обеспечить жильем мертвеца, порой в домовище устраивали окна или клали в гроб куски стекла. Еще в первой половине XIX века над могилой строили кирпичный теремок — голбец.

Появления покойника ждут в экстренных случаях. В причитаниях мертвецов-родителей зовут на свадьбы детей, в поминальных плачах спрашивают, когда их ждать. До сорокового дня после смерти покойник вообще живет рядом с семьей, посещая те места, где он бывал при жизни. Устраивая поминки в сороковой день, родственники «отпускают» душу, если «отпуска» не будет, мертвец будет беспокоить своими посещениями. В сороковой день покойник сутки проводит дома: к этому дню моют жилище, в большом углу стелют чистую постель, с утра готовят обед, к двенадцати часам собираются все родственники, приходит священник, отслужит литию. Рядом со священником с правой стороны — пустое место за столом, где под скатертью — тарелка, хлеб, рюмка с вином (Куликовский-1890, 50 — 56). В севернорусских плачах по умершему его душа возвращалась

из загробного мира, представляется голубем, уткой, галкой, зайцем, горностаем, бабочкой. В плачах выражена твердая уверенность в таком возвращении, и покойника после похорон ходят оплакивать по всем комнатам, задавая ему вопросы: ищут во дворе: не запрягает ли он лошадь, чтобы ехать в лес. Для заонежан понятия хозяина-покойника и домового тождественны (Барсов-1872, XI — XV). Причем домовой, показывающийся двойником кого-либо из домашних, предупреждает о скорой смерти того, чей облик он принял (см. *Домовой*). Отсюда поверье в появление двойни у домашнего скота как знака смерти кого-нибудь из семейных (корова телится двойней — жди похорон в доме). Душа мертвеца может дать знать о близкой смерти родственников, залетев в дом птицей, распустившись цветком не в пору, явившись во сне или въявь перед обреченным (видеть во сне белого петуха, кота — к покойнику; если голубь, ласточка залетит в окно — «за кем-нибудь»; кукушка окукует в затылок — к смерти). Дом без покойника — не дом. При переходе на новое место жительства вперед себя впускали петуха, могли заранее похоронить какую-нибудь птицу. Умрет тот, кто войдет первым: часто уставшие от жизни старики первыми переступали порог нового дома.

Конкретные, зримые, чувственные образы, связанные со смертью, выразились во множестве обрядов и предписаний, правил подготовки к последнему часу, контакта с умершим в первые три дня (когда он все видит и слышит) и после этого срока, когда общение с умершими ограничено определенными днями или периодами (например, в канун мясного заговенья перед масленицей, в Троицу, Ильин день на Русском Севере, в иных деревнях Сибири всю весну по праздникам ходили

плакать на кладбища). Появление мертвеца п[illegible] живыми вне узаконенных традицией сроков в [illegible] разе зверька, птицы или призраком — [illegible] приход «за кем-нибудь» покойник был [illegible] смерти, не признающей никаких сроков (ср. [illegible] ховные стихи о богатом и бедном Лазарях, о[illegible] Анике-воине и Смерти).

Судьба женщины связана с браком, семьей, рождением детей, поэтому, готовясь к смерти [illegible] храняли венчальное платье или «подвенечный л[illegible] скуток», что-нибудь из свадебной одежды. В за[illegible] гробном мире покойницу ожидала земная дол[illegible] жены-матери. Обыкновенно к смерти шили б[illegible] одежду (похоронишь в красном — сгорит в м[illegible] ле), те, кто любил в жизни пофорсить, готовили хорошее платье, чтобы на том свете не сме[illegible] лись [illegible] мол, там в хорошем проходила, а здесь — замарашкой. Умирающие иногда сами се[illegible] бе заранее готовили деньги, которые клали в гроб после их смерти — «подземельному хозяину» в уплату за место. Такими хозяевами были зм[illegible] (или духи, принимавшие их облик). Один ст[illegible] набил подушку деньгами, его с ней похоронили. Потом разрыли могилу, но денег не могли [illegible] змеи обвили всю подушку — так и отступили. В могилу клали водку, предметы, связанные [illegible] профессией, ремеслом умершего мужчины.

Обряды, связанные с последними минутами жизни человека, его переходом в иной мир, д[illegible] жны были, с одной стороны, обеспечить покойн[illegible] му достойное существование в загробном царстве, с другой — обезопасить живущих от новых п[illegible] гательств смерти с помощью обманов, переодева[illegible] ний, очищений. Значение многих обычаев, быт[illegible] ющих по сей день, было забыто уже в прошлом столетии. Например, истинный смысл траурной

Смерть на белом коне. Лубок. [illegible] № 3[illegible]

одежды как способа изменить внешность предупредить нежелательные посещения мертвецом [illegible] талости [illegible] покойников из одной семьи или вообще родственников хоронят рядом то вскоре мы будут умирать члены этой семьи Но несмотря на этот распространенный взгляд мать желает лежать рядом с сыном муж — с женой и т д Если дети из одной семьи умирали один вслед за другим это означало что последний умерший «утаскивал» за собой вновь рожденного чтобы этого не случилось в его могилу как и в могилу клали на [illegible] виновника множества подобных смертей — вбивали осиновый кол Чтобы не беспокоить покойника в доме в момент когда человек «чахнет» в [illegible] держали зеркала завешенными отраженный в них мертвец может остаться в доме

Представление о душе умершего как о птице или зверьке породило запрет на подушки и перины или шерстяные матрасы как на последнее ложе умирающего («за каждое перо мучиться [illegible] дней») агонизирующего человека стаскивали с ложа на солому чтобы смерть его была более легкой и быстрой Рядом с «чахнущим» человеком ставили воду в стакане или чашке чтобы вылетала из тела душа могла напиться умыться Пока умерший еще в доме в его изголовье клали камень затем обходили с ним вокруг гроба и ставили под образа в большой угол или выкидывали на улицу Погребение совершали до захода солнца При выносе покойника непременным атрибутом в Онежском крае являлся горшок с углями на которые сыпали ладан После нагнетания могилы его оставляли там перевернутым вверх дном отчего угли рассыпались по насыпи Мыло после обмывания покойника бросали в реку туда же

выливали воду Колдуны употребляли такую воду для порчи молодых вызывая импотенцию у мужчин знахари лечили ею от лихорадки вода от мертвеца оказывала одинаковое действие как на живых людей так и на злых духов болезней Особенное значение придавали иконам от мертвецов Иконы которая лежала у мертвого на груди до погребения хотели оставить в церкви на десять лет для поминок в страховой день а потом взять домой Она становилась как бы «ликом» покойника Если икона старая и на ней не видно изображения ее могли положить в гроб Думали что «нетленные» чудотворные иконы бывают из этих — с кем то похороненных Стружки от гроба сжигали и смотрели в какую сторону у покойника дым если к дому то умрет еще кто-нибудь

Посещений мертвецов боялись вдовы Поэтому они с похорон вдовы подходили к печи которая обязательно должна быть пустой, спрыскивали водой [illegible] «Песка матушка возьми с раба Божия [illegible] и крючинушку чтобы она не тосковала и не грезила о рабе Божием (имя)» К [illegible] женщине являлся дух умершего змеи (см) в образе покойного супруга [illegible] называли «страхом» чтобы не доводить до [illegible] нать была ночью выйти и вновь вошли и набросить [illegible] себя сзади руками и говорить «Не я тебя стаю бойся ты меня бойся» — так до трех раз Пугает мстит живым тот покойник который не [illegible] похоронами или [illegible] истраченных на поминках на кладбище или во время похоронной процессии людей могли быть [illegible] тех пор пока в обязательном порядке всем подавали милостыню, раздавали подарки и чтобы помянут добрым словом, странники, нищие, калеки считавшиеся посредниками между земным и

загробным мирами может быть [illegible] уйти умершего [illegible] же милостинка».

Большое значение придавали [illegible] покойника в течение трех дней (до погребения) специальным чтальщиком — благочестивым человеком — по [illegible] (Понгради 26, [illegible] 300). Этот обряд, как и служба по покойнику в церкви, [illegible] в мир живых [illegible]. В сказках о мертвецах герой, очертив себя кругом, чтением [illegible] спасает себя от участи быть съеденным мертвецом, положенным в церкви для «отчитывания», иногда он даже освобождает [illegible] от [illegible] чертей (Афанасьев. Сказки. № 364, 366, 367 и др.). Не [illegible] так как он станет причиной смерти многих людей. По народным мнениям «до [illegible] были активнее, когда [illegible] заклинать умерших, последние часто по ночам ходили к себе домой. [illegible] идет прямо на двор в той же одежде, в которой его схоронили, [illegible] поймает, сядет на нее [illegible] и гоняет по двору целую ночь. До самых петухов слышно: «Топ-топ! Хлест-хлест!» А поутру [illegible] в мыле [illegible].

Возвращаются в семью матери, умершие [illegible] родов, в течение шести недель они приходят кормить младенца грудью, матери, имеющие маленьких детей. Как только останутся они одни в полдень (в полдень — что в полночь, все равно) в рабочую пору, так и придет к ним покойница, [illegible] вскипятит, и ем деткам головы перемоет, выходит их, а если дежка стоит, то и хлебы замесит. Сколько раз [illegible] придут родственники с поля до-

мой, а хлебы уже замешены. Дети говорят: «Мамка наша приходила». Все расскажут, как она их мыла, ходила, рубашки на них меняла. Они ее не боялись, потому что [illegible] младенцы без греха. А старшие [illegible] опасались вреда от [illegible] и тесто, которое она замесит, выбрасывали. То было раньше, [illegible] всякий [illegible] умеет [illegible] заклясть, когда на него землю бросает (Семенова 2[illegible]).

Бродячими мертвецами становились не «заложные» [illegible] погребенные с нечистой силой колдуны и колдуньи, [illegible] и смертью самоубийцы, убитые, опойцы и [illegible] просто тесно связанные с живыми чувством [illegible] любви (к детям, мужу, жене и [illegible]). У одной девушки умер милый друг. Она [illegible] на вечеринки и все по нем [illegible] все [illegible] на кладбище, на могилку ходить поплакать. Стал мертвец к ней ночью [illegible], она сразу [illegible]. До того дело дошло, что собрала она платье, отдала [illegible] подруге и [illegible]: «Я сегодня замуж пойду». К ночи пришла девушка в прежний дом своего милого, а он лежит покойником в саване, свечка горит, образ [illegible] и [illegible]. Тут к ней самой смерть пришла. [illegible] нашли ее на могиле любовника мертвой, платье ее все по крестам разбросано (О[illegible] № 26[illegible]).

Живыми мертвецами могут стать самые богомольные люди, как и при жизни, они будут посещать церковь, только не днем, а ночью. При определенных условиях любой мертвец, будучи [illegible], становится [illegible] убийцей. У одной богомольной старушки умерла [illegible] подружка, а они к службе ходить были охотницы. Услыхала как-то старушка ночью колокольный

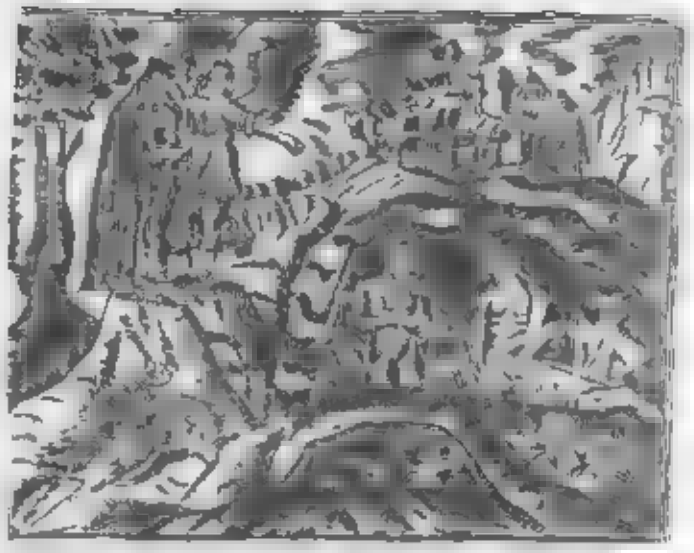
мон, заходит в церковь: полна церковь покойников, все в саванах. Ее знакомая кумушка сняла саван и говорит: «Ночь мы молимся, а не вы выйди от нас». Старушка ушла, но с той поры каждую ночь покойница стала ей являться. Старушка догадалась, к ночи стол скатертью покрыла, а под скатерть петушка положила, чтоб спел, когда мертвец придет. Пришла ночь, покойник стал пугать ее: «Я тебя съем, зачем ходишь к нам в непоказанные часы». Тут скатерть заговорила: «Меня трут, и моют, и полощут, и все терплю, а ты одного проступка не можешь перетерпеть». Петух спел, покойница и отступилась старуху пугать» (Ончуков, № 285).

В трупы мертвецов влезают дьяволы, жадные до человечьей крови. На Святках в одной деревни две девицы решили испугать подругу, тихонько оделись, отправились на кладбище и из общей могилы вынули двух мертвецов, завернули в рогожи и на своих косах приволокли на вечеринку да за печкой поставили, а сами как ни в чем не бывали разделись, вошли в горницу, будто выходили за ворота гадать. А на печке сидела девчоночка, видела все их проказы, испугалась мертвецов, в угол забилась, молчит. Мертвецы стали за печкой пошевеливаться: «Что ты, брат, разогреваешься, что ли?» — «Разогреваюсь, брат!» А гости на вечеринке веселятся, песни орут, пляшут — дым коромыслом. В полночь те девки, что мертвецов принесли, говорят гостям: «Спойте нашим молодцам песенку, да повеселее, плясовую!» Как заиграли песню — мертвецы сделались все огненные, словно горящие головни, языки высунули, изо рта пламя пышет, а сзади хвостами собачьими помахивают. Как им спели величальную, они из-за печки выскочили, да и гостям и давай плясать,

кривляться, тереться, кувыркаться, людей огнем жечь, за бороды, за косы рвать. У всех ноги подкосились, кто где стоял или сидел — ничком упал, а мертвецы пляшут, только головищы летят, столы и посуда прыгают, все вдребезги, в черепки. Плясали до петухов, как петух пропел, так они сквозь землю, в тартарары, в преисподнюю провалились, земля застонала, и образовалась тут яма бездонная — урвина. Поутру пришел народ смотрит, а гости лежат: кто без головы, кто без руки, кто без языка, кто без ноги, кто без бороды, без косы — все мертвы. Одна девчоночка, что на печке сидела, спаслась» (Садовников, № 72).

К наиболее распространенным рассказам о живых мертвецах относятся всевозможные истории о ночных похождениях умерших колдунов. Пока им не вобьют в спину осиновые колья, не подрежут пятки, набив их щетиной, покойники-колдуны постоянно будут выходить из кладбищенской могилы, драться с другими мертвецами, влезать в чужие дома и прятаться под печью, есть скот и людей (см. *Колдуны*). Разрыв могилу колдуна находят его тело нетленным, на щеках — румянец, губы — в крови. Земля не принимала тела страшных грешников, их иногда сбрасывали в рвы, сжигали, бросали в болота.

Так же поступали с телами заложных покойников: самоубийц, утопленников, удавленников, убитых. Они живут на земле мертвецами еще столько же лет, сколько прожили бы в случае естественной смерти. Заложные покойники бродят вблизи мест своей гибели или могилы, они находятся в полном распоряжении нечистой силы, которая с их помощью вредит людям. Заложным устраивали общие поминки в Семик. Вместо поминок ради них делали пожертвования на коло-



кол, чтобы колокол вызвонил прощение у Бога. Как в колокол ударят, тысячи христиан перекрестятся, а той душе, чем колокол, раз от разу все легче. Удавленников поминали два раза в год, сыпали на распутья зерна для птиц. В Пермской губернии для утонувших, сгоревших, скоропостижно умерших на поминках ставили кушанья под стол.

Нечистые духи слетаются к самоубийцам сразу же, как только они закотят привести в исполнение свой замысел. Неожиданно разыгравшаяся сильная буря — к «голове», к чьей-нибудь неестественной смерти, убийству. После смерти заложные живут вместе с чертями, под землей в омутах, болотах, оврагах — во всех нечистых местах. Черти употребляют заложных в качестве лошадей, ездят на них, пользуясь их способностью быстро бегать. Кузнецу раз случилось попадью подковать — ночью стучатся к нему в окошко богатые люди, просят: подкуй кобылу. Пошел он в кузню, подковал ее, только успел повернуться глядь — а тот человек уже на нее вскочил, и она уже не кобыла, а попадья, незадолго перед тем удавившаяся, а наездник — сам черт. На опившихся людях бесы возят воду, утопленники у них в кучерах, проклятые пашут землю.

Проклятые люди сразу по исполнении проклятья попадают к нечистым, исчезают или умирают неестественной смертью, после чего, не принятые землей, вынуждены оставаться у нечисти, которая использует их по своему усмотрению. Сын матери нагрубил, она его не простила. Вскоре он умер, но земля его не приняла. Разрыли могилу, покойник сел и сказал: «Я тридцатый год лежу здесь, ни мне нет покоя, ни матери моей. Бог смерти не дает за то, что меня не простила». В распоряжении дьяволов находятся не только де

ти, проклятые родителями, но и умершие до крещения, приспанные, задавленные матерями во сне (см. *Мовки*).

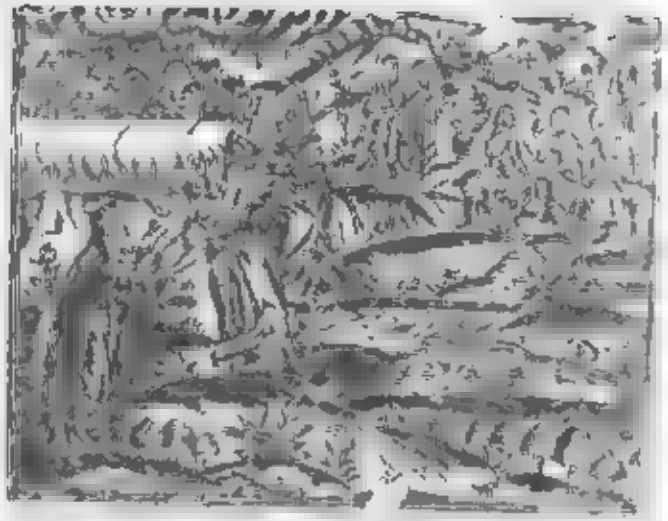
Поскольку самоубийцы постоянно возвращаются к месту своей смерти, их старались тут же и похоронить, причем место становилось от этого нечистым, бесы губили здесь других людей. Также поступали с убитыми от руки врага, разбойника, грабителя. Проезжавшие мимо путники бросали на такие могилы сучья, траву, так что за несколько лет вырастала целая груда сухих веток и соломы, которая сама по себе сгорала. Если путешественник, проезжавший мимо, ничего не бросил на будущий костер, мертвец нагонит его на огромном коне и потребует себе дани.

Утопленников хоронили близ рек (если тело нашлось). Самоубийца, в отличие от проклятого, не может вернуться из мира мертвых, он — жертва нечистой силе, «черту баран». У девушки невесты утонул жених. Она много плакала и пошла со своей тоской к колдунье. Та говорит: «Не горюй, я тебе помогу. Пойди в новолуние на то место, где утонул твой любимый, и разведи огонь. Сначала выйдет много водяных, а потом один — с ним и говори». Дала девушке корешок, с которым можно искать мертвецов. Девка пошла к реке, развела костер. В полночь вода зашумела, забулдила, вышли водяные, а после всех — один, просится у девки погреться. Она пустила. «Чего ты, девица, ищешь?» — спрашивает. «Ищу, — отвечает, — места, куда бы в услужение поступить». — «Пойди ко мне дом убирать». Девушка согласилась и пошла за ним, а он весь холодный, как лед, мертвецом пахнет. Привел он ее в хрустальный дворец, и стала она там жить. Когда водяные ушли, взяла девушка колдовской корешок

и стала разглядывать с ним везде, во всех комнатах, пока в одной из них не нашла своего милого. Взяла она его за руку и увела домой. Стали они венчаться. Вдруг в церковь хлынула вода, затопила жениха и унесла опять в реку (Владимирская губ.).

Мертвецы — обыкновенно злые, мстительные существа. Гораздо менее были распространены в русском фольклоре рассказы о благодарных покойниках, мертвецах, приносящих добро. В церкви стоял гроб с телом, когда вор забрался в храм и решил украсть ризу. Вдруг мертвец поднялся из гроба, взял вора за плечи и отвел от иконы. Прошло мало ли, много ли времени, он — опять к иконе. Мертвец опять встал, отвел его и снова в гроб лег. Так до трех раз. Под конец вор пошел к попу и во всем покаялся (Садовников, № 72). Мертвец одаривает бедняков на Пасху. В Христову ночь бедный мужик просил у соседей огня, но ему никто не дал. Он пошел в другое селение, зашел в дом: печка затоплена, никого нет, на столе покойник лежит. Бедняк помолился Богу и стал его будить — мол, дай огня. Мертвец встал, зачерпнул ковшом углей, подал мужику и сказал: «Придешь домой, на стол стряхни». Вытряхнул бедняк угли на стол, и сделался свет-огонь в избе от золота и серебра. Узнав, как разбогател мужик, богатые соседи тоже пошли у мертвеца огня просить. Он снова зачерпнул ковш углей и наказал высыпать посреди дома — так там вскоре пожар случился (Ончуков, № 113). Подобные рассказы существовали в параллель легендам о святых, чудесных странниках и странницах.

К сказкам о благодарных помощниках, приносящих герою удачу за какую-нибудь оказанную им услугу, примыкают рассказы о захоронении не-



[illegible]

погребенных трупов или об устроении подобающей тризны, после чего мертвецы могут окончательно перебраться в иной мир [illegible] скитания. Гнали ребята барки по реке Мсте, вошли в Волхов. Один отстал, видит — лежит на берегу покойник в хорошей одежде. Он снял с него платье и золотой крест, вместо которого надел свой. «Вот, — говорит, — мы и побратались!» С тех пор крестовый брат начал ему являться с укорами: «Грешно было тебе меня бросить. Вернись, захорони, я тебе с руки золотое кольцо дам». Пришлось исполнить просьбу побратима. На следующую ночь он явился в последний раз, поблагодарил за услугу и научил парня пойти к его матери в Новгород, попросить ее открыть тайник в подполье. Вместе с матерью покойного они достали казну, крестовый брат мертвеца богачом вернулся на родину (Перетц, 16).

Крестовыми братьями иногда становились убитый и убийца. По распространенному поверью мертвец — убитый не отстанет от убийцы до тех пор, пока последний искренне не раскается, не поцелует свою жертву, не оставит какой-нибудь вещи ему и сам не возьмет с него что-нибудь. В случае нечаянного убийства, которые на то случались во время драк, в Орловской губернии виноватый кланялся покойнику, открывал ему глаза, просил простить, затем закрывал их и менялся с мертвым крестами. Вследствие того же поверья пробовали с помощью мертвеца найти убийцу, если он не был известен. Во время похорон внимательно следили за трупом: не выдаст ли он движением руки, лица, глаз находящегося рядом с телом убийцу.

С другой стороны, представление о жизни мертвого тела соседствовало с верой в исключи

тельную крепость сна покойников. Отсюда — использование всевозможных предметов «от мертвецов» в знахарской лечебной практике для снятия болевых ощущений («Как у мертвеца не болит и не щемит, так и у N не болело бы и не щемило...») в колдовской магии (веревка, на которой висел удавленник, смазается перед подделывается питье, чтобы делать человека мертвецки сонным). Снечи «от покойников» даже руки прятали помогали ворам красть в чужих домах так, чтобы хозяева не проснулись. Отсюда выражение «навести мертвою рукою» — с целью погрузить спящих в еще более глубокий сон. Мертвецы казались и страшно сильными. Существами потустороннего мира для тех, чтобы предметы, взятые от них, отгоняли других духов порчи и лихорадки. Платки «от покойников» предохраняли от сглаза и всякой болезни, кости из могил клали под порог для предотвращения скотских падежей, корень от смерти. Принадлежность подземному миру делала мертвецов надежными стражами сокровищ и, даже всего добра. В знак что и зденные вещи плачут, тем выдает вера, их старались спрятать в могилах под гробом, даже под покойником, откуда даже их не будет слышно. При этом приговаривали: «Земля, земля, молчи никому не скажи и никто не дознается» (Орловская губ.).

Наконец последняя и едва ли не самая важная функция мертвецов заключалась в том, что они считались родоначальниками самых различных духов: лешие, домовые, русалки, упыри, вампиры, кикиморы, мавки — все это «бывалошные люди», давно погибшие и слившиеся с окружающей природой. См. также *Смерть, Вампир, Леший, Русалки*.

МЕТЕ́ЛЬ

Производят черти, чтобы сбить с дороги путников. В метель они справляют свадьбы или похороны, на которые слетаются со всех сторон и кружатся в снежных вихрях вместе с ведьмами и колдунами. В метель вылетают чародеи, чтобы пляшать над трупом сбившегося с пути и замерзшего человека. Метель поднимается над мертвым телом, ее вой — заплачки нечистой силы.

Во время метели черти выносят из воды трехгранную дугу, ставят ее в снег и прыгают через нее. Эта дуга сделана из черного дерева, растущего на дне моря. Разыгравшись, бесы катают вокруг дуги колесо — вплоть до конца метели. Наконец звонит в колокольчик, чертенята тотчас берут дугу и на головах несут ее назад в воду, это их престол, а колесо за дугой катит колесо сделанное из огненного дерева, также растущего в воде, но достать его трудно, потому что днем оно засыхает и только ночью цветет.

В метель бесы с мертвецами-колдунами заводят путников в темные леса. Но сила их — до первых петухов, после этого они возвращаются в болото и могильные ямы. Сбившийся с пути должен остановиться и просить Бога, чтобы он прояснил голову, читать молитвы «Да воскреснет Бог» и «Отче наш» (Колчин, 18). Чтобы не заблудиться в метель, надо переодеть обувь с правой ноги на левую и обратно; навощенную нитку с заяитанным на конце узлом положить поперек снега — куда покажет узел, там и спасительная дорога (Новгородская губ.). Хорошо запастись чародейским клубком, кинуть его перед собой сказав: «Клубочек мой, клубочек, не ударь в грязь лицом!» — он выведет на верный путь.

Молитва от нечистых духов, читается в бурю

ветер, метель: «Да воскреснет Господь Бог твой, да расточатся враги твои на море-океане, на острове Кургане, где сам Иисус Христос крестился, на небеса возносился, ангелы Божии ризами укрывали от темной ночи, от грозной тучи, от бури-ветра, от врага-супостата, от зла человека ненавистника и от напраслинных слов. Чур наше место! Чур наше место! Чур наше место!»

МЕЧТА́

Привидение, летающее и тоскующим по покойнику в образе умершего. См. *Змеи, Огненный змей, Летун*.

МОКУ́ША

Ночной дух, ходит по ночам прясть шерсть и стричь овец. Если у овец сильно вылезает шерсть, говорят: «Мокуша остригла». Ее не видят, но по ночам слышат урчанье веретена, когда она работает. Выходя из дома, щелкает веретеном о брусок, о полати. Если она недовольна хозяйкой, то остригает у нее немного волос. Ее имя восходит к языческому божеству Мокоше, упоминаемой в Киевской летописи и, возможно, почитаемой еще в московское время, так как в Номоканунце XVI века среди вопросов духовного отца к кающейся есть такой: «Не ходила ли еси к Мокоше?» (Барсов 1894, 185).

МОР

Моровое поветрие. Дух эпидемии, болезни скотского падежа (см. *Коровья Смерть*). Причиной массовых заболеваний считали нечистое существо, которое нужно изгнать или не пустить в пределы своей обжитой территории. Например, для излечения от сибирской язвы делали человеческое чучело и выбрасывали через окно, относя на кладбище (Новгородская губ.). Если поселение находилось среди леса, то моровых поветрий боялись меньше: лес (леший) праведен, холеру не пустит. Чтобы скотский падеж не пришел из соседней деревни, на дороге ставили ворота на палок, над любой триумфальной арки, обкладывали и дерево на верхней перекладине вешали икону Ильи Пророка или Георгия Победоносца. Сквозь такие ворота мор не пройдет (Вологодская губ.). Имитацией невидимой преграды на пути у морового поветрия была магическая черта, которой обводилось село во время опахивания. Вдовые бабы и девки (вековуши) в полночь собирались за селом, вооруженные топорами и мотыгами. Вдова-дочь впрягалась в соху, а вдова-мать пахала, остальные шли вслед за ними в рубахах, с распущенными волосами и секли землю на перекрестках, скакали вокруг сохи верхом на палках, помелах, кочергах, ударяя в заслоны и сковороды, с завыванием выкрикивали заклинательные песни (реже — исполняли молитвы). Во всех домах села должны быть погашены огни, никто не выходил из дома, так как, признавая болезнь за оборотня, любое встреченное живое существо казалось духом морового поветрия, за ним гнались, животное забивали насмерть, человека жестоко избивали. Если ничего живого не встретится, гонялись даже за птицами. Проводя борозду вокруг села, след заметали мотыгами: злой дух борозды не переступит. По окончании опахивания в землю живьем зарывали черную кошку, черного щенка или черного петуха. В Калужской губернии опахивание было постоянным обычаем. 29 июня в день святых Петра и Павла запрягали в соху вдову и с песнями опахивали село или деревню в предотвращение возможной

порчи. Иногда проведенная борозда рассматривалась как действо, предшествующее посадке живой изгороди — тына, который молодое поветрие не сможет преодолеть. Накануне опахивания женщины и девушки собирали семена зерновых [illegible] со всех домов села. Девица, идущая позади процессии, рассевала их по борозде, [illegible] сухою. У каждых полевых ворот опахивающие [illegible] навливались и спрашивали одна другую: «Что ты пашешь?» — «Я пашу борозду и хочу ставить тын высотою от земли и до неба» — отвечала вторая. «Так эту загороду запри ключами золотыми и положи их под алтарь, чтобы оных там никому не находить и никогда оными не отпирать» — после этих слов женщины и девушки бегут, ударяя палками по земле, будто прогоняя кого и повторяя: «В[illegible]!»

Павшую скотину зарывали в яму [illegible] в том месте, где она пала, вместе с живыми кошкой и собакой, в уверенности, что с ними зароют и дух болезни (Зеленин [illegible] 795 — 796. Зеленин [illegible] 25[illegible] [illegible] [illegible])

МОРО́З

Высокий худой старик с длинной седой бородой. От его дыхания воздух становится холодным. Куда ступит ногой, где тряхнет бородой — там наидется лютая стужа. Что деревянные строения в стужу трещат или деревья — так это мороз нарвет и похлопывает кнутом по стенам домов и деревьям. Замечали: там, где был сильный мороз летом грозы сильнее, урожаи лучше (Колчин [illegible]). Мороз всегда приходит с северной стороны. На концах земли — северном и южном — живут два древних старца. Они дуют по очереди, производя ветер на земле. Северный ветер готовит путь

старику-Морозу, замораживает реки, озера, болота. Когда дорога достаточно окрепнет, старик с севера идет по ней, постукивая дубинкой, пока не дойдет до владений Южного старика. Тот посылает своего слугу — теплый ветер — [illegible] гостя вон до границ владений Северного старика. Поединок севера с югом, мороза с теплом — [illegible]. С этим верованием связан обычай [illegible] справлять Новый год следующим образом: [illegible] двух человек [illegible] в старик[illegible] другого — в новую, хорошую. Это старый и новый год. Старое везут на древних на край деревни вверх против течения реки, молодого [illegible] течению. Остальные [illegible] год, [illegible] хвалит его, кто ругает, и встречают новый, кидая в воздух шапки, прося принести счастье и богатство (Новгородская губ.)

Накануне Рождества и на Велик день хозяева брали ложку кутьи или киселя, выходили на порог сеней или влезали на печь и, просунув голову в волоковое окно, говорили: «Мороз, Мороз [illegible] коли кисель есть! Мороз, Мороз, не бей наш овес, лен да конопли в землю вколоть!»

В сказочных сюжетах Мороз либо [illegible] людей на выносливость, замораживая бурлака в шубе, которому не под силу справиться с мужиком (бурлаком), согревающемуся работой, либо одаривает изгнанную из дома падчерицу, бедную девушку, наказывая избалованную бесстрашку.

МОРО́КА См. *Бес, Блазна, Колдуны*

Мнимое оборотничество мираж, видение, вызванное волей колдуна или колдуньи с помощью [illegible] силы. Морочить кого-либо — [illegible] на самом деле. [illegible]

ведьмы и чародеи, которым было назначено наказание плетьми, устраивали так, что плеть била по земле или по дереву, а всем казалось, что по голой спине.

Многочисленны сказки и побывальщины о мороке — чарах, которые наводит как на простых людей, так и на генералов и царей колдун-солдат, матрос или бурлак. Попросится ночевать и, для шутки убедит хозяина, что они — вовсе не люди, а медведи, обросли шерстью и должны бежать в лес, спасаться от охотников. Обмороченный крестьянин приходит в себя только после того, как упадет со ныш с полатей.

Морока, чары дают возможность есть и пить везде и все что угодно, расплачиваясь за настоящую еду кружками моркови или сором. Попав во дворец, колдун избегает расправы за плутни, мороча царя наводнениями, морскими путешествиями, заставляя его пасти скот, — все эти видения занимают весьма короткое время, но обмороченному кажется, что прошли годы (Афанасьев, Сказки-3, № 375 — 377).

Мороку, как и любой другой чародейский дар, получают от дьявола в обмен на душу, расплата приурочивается к смертному часу.

МОХОВИК

Дух мшистых болот, является людям в образе свиньи или барана. Питается растениями. Иногда заедает детей. Самый маленький из лесных духов, сравнительно с боровиком, лешим. Подчиняется лесному царю, делает то же, что все лесовые — заводит в глубь своих владений, чтобы там погубить человека. Средства спасения от моховиков те же, что и от *леших* (см.).

НАЛЁТ *Мечта, огненный змей, враг, черт*

Летает по ночам к людям, тоскующим по покойникам, чтобы извести их. Мечта или налёт могут быть видимы только для тех, кого они посещают, остальные замечают лишь сияние. Сделать налета видимым способны колдуны. Для этого колдун берется рукой за пятку и держит ее «со словом», с заговором. Летящая мечта, налет или дьявол тогда остановится, завертится, закружится, пока не растянется и не предстанет человеком. Бросит колдун пятку — налёт снова окажется невидимкой или рассыплется. Чтобы налёт не пугал спящего, его обкладывали крестиками из лифы, ставили такие крестики на окнах, дверях, в заслоне, в трубе. Некоторым колдунам удается до-

говориться с покойником, чтобы он перестал беспокоить живых. Например, при появлении налета колдун его увещевает: «Куда ты идешь? Мертвые к живым не ходят! Аминь! Мое место свято!» Другие спасаются тем, что кладут на ночь под голову списанную «Куприянову молитву» (Завойко, 99). Курят в доме ладаном, корнем плакуна.

НАМНО́Й

Ночной дух, приходит к человеку во время сна, давит спящего до синяков. Если эти синяки будут болеть — к худу, если они нечувствительны — все пройдет благополучно. Сходное поверье существует о *домовом* (см.) (Костоловский, 138).

НЕХОРО́ШИЙ Носак, *летун, огненный змей, вагонник*.

Летает по воздуху и через печные трубы проникает в дом. Похож на огненный веник. Выводится из петушиного яйца, которое петух сносит раз в три года. Если сразу не заметишь — петух растопчет. Кто это яйцо сохранит, тому нехороший будет носить деньги и масло, беря их там, где они оставлены не благословенно (Богатырев, 46 — 47).

НЕЧИ́СТАЯ СИ́ЛА

I

Так называли демонов разного рода, особенно часто пользовались этим обобщенным наименованием, когда боялись назвать точнее злого духа из опасения вреда с его стороны или когда не знали наверняка, с кем именно из сверхъестественных существ довелось встретиться. «Нечистиков» великое множество, и также бесчисленны их имена. Вот некоторые из них: агорянин (огарянин), анчутка, банник, бес, блазнитель, вельзевул, водяной, ворог, враг, вражья сила, гуменник, дворовой, домовой, дьявол, игрец, идол, кикимора, кромешный, левый, лембой, лесовик, леший, летучий, лихой, лукавый, мара, морока, недобрик, недобрый, недруг, неистовый, неключимая сила, некошный, неладный, нелегкая сила, нелегкий, немытый, не-наш, несветик, нехороший, нечестивый, огненный змей, окаянка, окаяшка, он, параболевик, пралик (пралич), родимец, русалка, сатана, супостат, супротивник, тот, хозяин, хохлик, черная сила, черт, шайтан, шехматик, шиликун, шиш, шишига, шишимора, шут, шутошка, яшка.

Во многих народных легендах происхождение нечистой силы относится ко временам сотворения мира. «По досюльному окиян-морю плавало два гоголя, один бел гоголь, а другой черен гоголь. И тыми двумя гоголями плавали сам Господь Вседержатель и Сатана. По Божию повелению, по Богородицыну благословению, Сатана выздынул со дна моря горсть земли. Из той горсти Господь-то сотворил ровные места и путистые поля, а Сатана наделал непроходимых пропастей, ущельев и высоких гор. И ударил Господь молотком в ка-

мень — и создал силы небесные, ударил Сатану в камень молотком — и создал свое воинство. И пошла между воинствами великая война. Поначалу одолевала было рать Сатаны, но под конец взяла верх сила небесная. И сверзил Михаил Архангел с небеси сатанино воинство, и попадало оно на землю в разные места, которые пали в леса — стали лесовиками, которые в воду — водяниками, которые в дом — домовиками, иные упали в бани и сделались баенниками, иные во дворах — дворовиками, а иные в ригах — ригачниками» (Рыбников-3, 181).

Увидеть нечистиков дано не всякому, тот, кому явится черт в своем истинном виде, может умереть или сойти с ума. Один барин заказал крепостному живописцу нарисовать беса. Стал художник молить Бога, чтобы помог ему изобразить злого духа, которого он никогда не видел и не мог представить. Вдруг слышит голос: «Раб, встань, пойди в баню, там увидишь черта и портрет с него нарисуешь». Встал художник и пошел в баню, взял бумагу, сел за стол, ждет. Тут в предбаннике стук, вой поднялся, он так и обмер, но кто-то крикнул ему: «Раб Божий, не убойся», и из-за двери выставилась рука по самое плечо толстая, мохнатая. Живописец дрожит, а рисует. Затем нога из-за двери показалась, он и ее срисовал. «Раб Божий, не умри!» — и вся дьявольская рожа выставилась. Так он все нарисовал, пошел вон из бани, а голос вслед: «Раб Божий, не смотри на картину, сверни ее и отнеси барину, а сам прочь уходи, не то плохо будет». Пришел художник, отдал заказ хозяину, сам поскорей за дверь. Настало время обеда — барина нет. Ждали, ждали, пошли за ним и видят: он мертв лежит, а перед ним картина (Смирнов, № 133).

Встретиться с нечистой силой легче всего на перекрестках и росстанях дорог. На перекрестках было принято креститься, нельзя было ругаться, чтобы не приключилась нежданная беда, с перекрестков не подбирали никакой вещи, так как вместе с предметом новому владельцу передавалась злая судьба или болезнь. На перекрестке бросали рубахи с больных, кто подберет, тот и возьмет вместе с нею злую лихорадку, колдуны, мучимые бесами, могли оставить здесь какую-нибудь вещь с заключенными в ней дьяволами. На перекрестках встречались с нечистой силой и по своей надобности, и в определенные периоды года, например на Святки, здесь призывали нечистых для гадания о будущем (предварительно очертив себя кругом и зачуравшись).

Мечтавшие разбогатеть приходили на перекрестки за неразменным или «фармазонским» рублем: нужно было взять с собой черного кота и не оглядываясь идти в полночь к перекрестку. Нечистые купят кота за большие деньги или за неразменный рубль, секрет которого заключается в том, что, если с него получить хотя бы копейку сдачи, он вновь превратится в целый рубль. Взяв его, нужно быстро возвращаться домой, не оглядываясь, что бы ни послышалось за спиной.

В дороге нечистый может пришатнуться к любому, кто о нем подумает. Один солдат отслужил двадцать пять лет и выслужил двадцать пять палочных ударов. Идет по дороге и думает: «Чтобы меня теперь нехороший позвал, так я и то бы пошел». Вдруг — нехороший навстречу: «Вставай на ногу!» Солдат встал и очутился в богатых хоромах черта, где по углам заперты проклятые родителями дети. Сбежал солдат из нечистого дома, вышел к морю, подобрал камешек, ударил камеш

ком о камешек — выскочил злой дух. Антошка на одной ножке (Антошка — от «антий», анти-христ), верно служил солдату, пока не сгинул куда-то. Женился солдат на дочери морского царя и получил в подарок трость, а в трости — некоторый Филипко, надежный защитник от врагов царей и генералов (Смирнов-1, № 36). В сказках отразилась вера в возможность получения помощи от нечистой силы, когда больше ее ждать не от кого.

Демоны обитают повсюду: в домах хозяйничают домовые и кикиморы, игоши и жихори, в лесах пугают лешие, русалки и водяные топят в воде, черти и болотяники затаскивают в непроходимые топи, в горах и по лесам бродят клады-оборотни, подземные змеи пожирают трупы и сторожат золото, в аду, под землей, в тартарары — царство Сатаны, князя тьмы, с огненными реками и кипящими котлами, где преданы вечной муке грешные души, полевики и полудницы замачивают в поля детей, в овинах гуменники сливают кожу с неосторожных ночлежников, в банях со свистом парятся банники и кидают в людей раскаленные камни, с колоколен при третьем ударе падают колокольные мертвецы, в воздухе метеорами летают огненные змеи, без труда проникая сквозь трубы в те дома, где тоскуют по мужьям безутешные вдовушки, вокруг сел и деревень сонями бродят лихорадки-кумохи, криксы и плаксы (детские бессонницы, переполохи), овечьи и коровьи смерти, не говоря уже о том, что у каждого человека на левом плече сидит дьявол-соблазнитель, подталкивающий к опрометчивым поступкам.

2

Власть нечистой силы несколько ограничивается временем: днем, когда на небе сияет солнце — Божье око, Божий меч, — злые духи меньше тревожат людей, чем ночью, при свете луны, в пятнах которой можно различить картину убийства Каином Авеля. Не любят нечистики больших праздников, таких, как Крещение, Рождество Христово, Светлое Воскресение Христово. Многие верования и обычаи, связанные с нечистой силой, были прикреплены к определенному периоду года. Существовал своеобразный календарь — *демонологический месяцеслов*, — согласно которому разного рода злые духи особенно активны в известные месяцы и дни года.

Черти, водяные и лешие куда-то прячутся на зиму: в Святки гадающим приходилось вызывать дьявольскую силу для того, чтобы узнать от бесов, что готовит грядущий год. При этом соблюдали многочисленные предосторожности, оберегали себя кругом, не выходя из него раньше, чем закончится гадание, всегда держали в уме необходимые молитвы (например «Да воскреснет Бог»), имели талисманы (например траву адам-ва голова, как называли тропическую мандрагору, и черный осот или шишкарник, плакун-траву, собранную с корнем в Иванову ночь, от которой плачут ведьмы и бесы).

По другим поверьям, нечистая сила, напротив, с ноября, когда зима встает на ноги, выходит из ада и своим появлением производит холода, вьюги и метели. В метель бесы устраивают похороны, на которые приглашают колдунов и ведьм, вой метели — их похоронные заплачки. По иным рассказам, в метельных вихрях можно увидеть бесовские

свадьбы или игры с трехгранной дугой из черного дерева. Дугу эту черти выносят со дна моря, ставят ее в снег и прыгают через нее, катают вокруг нее колесо, вплоть до конца метели. Когда устанет старший черт звонит в колокольчик, и чертенята тотчас уносят дугу на головах обратно в море, в их престол. За дугой колесо катит, оно сделано из огненного дерева, которое тоже растет на морском дне, но достать его трудно, днем оно засыхает, а ночью расцветает. Сила колдунов и бесов в метель — до крика первых петухов. Кто попадет ночью в метель и пожелает избавиться от наваждения раньше, снимает с себя верхнюю одежду, встряхивает ее, переобувает сапоги: левый — на правую ногу, а правый — на левую, перепязывает пояс узлом на левый бок (левая сторона — область, где обитает нечистый, дьявол, который боится сапога с правой стороны, где находится ангел-хранитель человека, и терпеть не может завязанных поясов). Можно выйти из метели, прибегнув не к крестной, а к чародейской силе, но для этого нужно запастись чародейским кольцом. Стоит вынуть его из кармана и сказать: «Кольцо мое, кольцо, не ударь в грязь лицом» — потом потереть его о правую полу одежды и бросить перед собой. Кольцо покатится на верную дорогу.

В разгар зимы наступают трескучие морозы, умножаются простудные болезни, падежи скота — во всем этом ощущались происки нечистой силы, вот почему накануне Крещения на окнах и дверях появлялись выжженные огнем или начертанные мелом кресты — нечистая сила не посмеет войти в дом сквозь дверные или оконные проемы, отмеченные этим святым знаком. Накануне Рождества и в Велик день в каждой семье стар-

Святочные гадания. Новые грешки. № 1

брал ложку киселя или кутьи, выходил на [illegible] змей или клал на печь [illegible] голову в волоковое окно, говорил «Мороз, Мороз, [illegible] есть! Мороз, Мороз, не [illegible] за конопли и замлю высоти». Иногда трубы [illegible] в срив [illegible] на [illegible] и ожидали немедленно прибавлял «Не идешь? Не иди ж ни на жито, ни на пшеницу, ни на всяку пашницу» (Афанасьев, 168, 3 N). Бабушки и старухи ходили [illegible] домы смывать знахоматок, которые в мороны [illegible] пристанища по теплым и бам. Тогда стелье без [illegible] смерные и голодные [illegible] пробы ались и дома и у протоки к [illegible] лали себе жертв [illegible] хозяин [illegible] бабушки [illegible] на двор запасшись не вирошала [illegible] семи [illegible] земляным [illegible] Ивановы день (24 июня) [illegible] Старшая в доме женщина встрешала баб [illegible] на [illegible] с хлебом солью. Не входя в избу [illegible] начинала обмывать своим свадебным [illegible] а затем вытирала чистым полотенцем. После [illegible] хозяева с [illegible] себя в безопасности [illegible] недугов — лихоманок.

В ночь с 25 на 26 декабря начинается [illegible] ведьм, которые в содружестве со всякой [illegible] с неба месяц и звезды [illegible] на Лысую гору, что близ Киева для [illegible] высоких. В зарождаются ведьмы не раньше 3 января и задавшись корни [illegible] у них [illegible] молоко. Во избежание такой беды крестьяне с [illegible] января привязывали свечки над воротами [illegible] (Сахаров, 326, 230).

Зимними ночами летает к вдовам и девицам [illegible] змей — нечистая сила, губила [illegible] любовью. Змей влетает в трубу и оборачива-

ется внутри дома прекрасным юношей. Ни отчитать, ни отговорить, ни отпоить жертву дьявола умея колдуны и знахари не берутся. [illegible] по верьям, 5 января, в крещенский вечер можно [illegible] от дома непрошеного гостя, нужно насыпать на загнетку в устье печи снегу собранного в крещенский вечер.

Трубы — обычный путь проникновения ведьм в дома. В день Афанасия Лемника (18 января) [illegible] и колдуны заговаривают трубы [illegible] заблазют клинья под князек [illegible] на [illegible] собранную из семи печей [illegible] наряжают заваленные погоревшие двора (ведьмы возвращаются с [illegible] с запада и облетают за [illegible] 28 января в Тульской [illegible] домовой бесится, все болезни и несчастья которые начинаются с этого дня происходит от [illegible] домового духа, поэтому в ночь на 28 января после ужина за загнетье печи оставляли для него [illegible] — горшок каши обложенный углями. В [illegible] домовой выходит из-под печи и ужинает [illegible] угощением, он весь год будет [illegible] и услужлив. Если обычное средство не помогало приглашали колдуна, который в полночь этого дня резал петуха, выпускал его кровь на веник голик и этим веником с нашептыванием разных заговоров выметал все углы и избу и во двор. Все это совершалось до пения первых петухов.

Февраль был месяцем свадеб и все усилия нечистой силы были сосредоточены на том, чтобы [illegible] молодым испортить жениха и невесту [illegible] недоками нечистой силы были на свадьбах злые люди, колдуны и колдуньи. Поэтому очень большая роль в свадебной церемонии принадлежа[illegible] [illegible] оборотням жениха и невестой [illegible] колдунам (иначе [illegible]

клётникам, ведунам, вражным, опасным (главным, вежливым) часто обязанности колдуна выполнял дружка, который хорошо знал разные приемы борьбы с колдовством и свадебные обереги. Колдунов приглашали на свадьбы в качестве почетных гостей, еще в дверях дома колдуна встречал сам хозяин со стаканчиком водки. Вторую чарку подносит колдун и начинает искать порчу, т. е. те предметы, через которые враждебный колдун решил испортить молодых, в этих предметах заключена неистовая сила, бесы, духи болезней. Сначала колдун берет из рук хозяйки хлеб и соль, разламывает хлеб на кусочки, круто посыпает солью и разбрасывает по сторонам. Плюнув три раза на восток, он входит в избу, осматривает все углы, дует в них и плюет, в один угол сыплет рожь, в другой — траву (наговоренную), в два остальные — золу. Рожь, золу — от порчи, траву — для здоровья молодых. Колдун пристально оглядывает пол — не насыпано ли где-нибудь зелья, порошка, заглядывает в печь — не кинуты ли на загнетку вместе с углями дурманящие травы, затем колдун выходит на двор и трижды обходит лошадей, предназначенных для поездки к венцу, заглядывает под хомут — не подложен ли репейник или колючки, в избе обсыпает молодых рожью и заставляет пройти через разостланный на полу мехом вверх черный полушубок, чем окончательно снимает порчу. Колдун провожает свадебный поезд до церкви и на каждом перекрестке под каждыми воротами шепчет заклинания. Дорога — самое опасное время свадебного обряда. Именно на пути в церковь или из дома невесты в дом жениха лихие люди оборачивали целые свадебные поезда волками, в пути происходили поединки колдунов, рассказывали, например, как

один неприглашенный колдун отомстил приглашенному на свадьбу сопернику тем, что с помощью нечистой силы наколдовал ему огромные рога. В дорогу для защиты от нечистой силы брали лук, чеснок, янтарь, ладан и крест, который нашивали на головной платок невесте, в чулки с наговором клали монету, в подол платья втыкали иголки без ушек, в обувь насыпали льняное семя. Все эти предметы составляли заботу свахи, колдун брал с собою в дорогу гороховый стручок о девяти горошинах (Максимов, 117 — 118).

С 5 февраля, в поверьях Нижегородской губернии, по селам пробегает Коровья Смерть. Она являлась людям в виде отвратительной старухи с граблями в руках. Коровьи Смерть обычно завозят мужики, возвращающиеся в селения с торгов из других сел и городов. Увидят на дороге старую женщину, подвезут немного, потом оглянутся — а на санях никого нет. Вскоре эта гостья переморит всех коров в той деревне, вблизи которой мужик подвез нечистого духа. В предотвращение этой напасти хозяева развешивали в хлевах лапти, обмоченные в деготь, тем отгоняя Коровью Смерть. В этот же день в виде птиц из ада вылетали нечистые духи и заглядывали в печные трубы. Они поселились в тех домах, где трубы не были закрыты от них — т. е. окурены чертополохом, даже замазаны глиной. В ночь с 5 на 6 февраля старались ночью не спать.

С конца февраля принимали меры предосторожности против кумохи-лихорадки, говорили: «Кто спит под вечер в феврале, тот наспит кумаху» (от слова «кума», крестная мать) или: «С Тарасия (25 февраля) не спят днем: кумоха нападет». Кумаха выходит из дремучего леса вместе с двенадцатью сестрами-лихоманками. Старшая из

них посылает сестер знобить, трясти, мучить жаром, желтухой, опухолями людей. Чтобы избавить от кумохи больного, его выносили на то место, где, по предположению, в него вселилась лихорадка. Больной сыпал вкруг себя ячневую крупу и, кланяясь на все стороны, говорил: «Прости, сторона, мать-сыра земля! Вот тебе крупиц на кашу, вот и тебе, кумаха!» Такое прощание с кумахой устраивали 25 февраля, в Тульской губернии считали, что в этот день домовой стережет кумаху и она не нападает на жильцов.

Боялись наступления дня Касьяна немилостивого — 29 февраля. Поскольку этот день случается только в високосный, тяжелый для людей и скота год, раз в четыре года, Касьяна считали опальным, перешедшим на сторону дьявола, свеглым ангелом. За что Бог и наказал его редким праздником. Соглашение Касьяна с нечистой силой было временным, вскоре он раскаялся и стал умолять Бога о прощении. Господь из осторожности приставил к Касьяну ангела-хранителя и приказал заковать Касьяна в цепи, три года бить в лоб тяжелым молотком, а на четвертый отпускать на землю. В Пензенской губернии Касьяна не считали святым, а его имя было позорным. Повсюду не любили Касьяна. «Касьян на что взглянет — все вянет» (т. е. скотина околеет, лен гибнет, к человеку придет беда). Касьяна считали одноглазым, косоглазым, от его «глаза» не отчитаешься ни попы, ни бабки знахарки не отшепчут. До восхода солнца в этот день жилищ не покидали. В Орловской и Рязанской губерниях старались даже проспать самое опасное время 29 февраля — до обеда. Согласно вологодской легенде, Касьяну подчинены духи ветров, которых он держит за двенадцатью замками на двенадцати цепях. В с

влаги и спустить этих демонов и наслать на людей и скот моровые поветрия.

В продолжение великого поста — семи недель, наступающих вслед за масленицей, которая в свою очередь, исчислялась от Пасхи (т. е. первого воскресенья, которое следовало за полнолунием первого весеннего равноденствия, наступавшего не ранее 19 марта) и предшествовала великому посту («Отошла коту Масленая, наступил Великий пост», «После Масленицы — Великий пост, а за Страстною — Пасха»), — говели настолько строго, что в избах стон стоял от ребячьего крика, поскольку грудных детей матери боялись кормить своим молоком — скоромное! — давая им постную пищу. Строгий пост, который нарушали лишь «господа» да «нехристи», считался залогом от разных пакостей нечистой силы. Оскоромившегося, увлекшегося мирскими песнями (а не чтением священных книг или духовными стихами), играми, уступившего соблазну выпить или покурить, считали легкой добычей дьявола, все что ни приключится худого в этом году, произошло именно из-за несоблюдения поста, особенно великого, перед Пасхой. Всего охотнее говели на первой, четвертой и последней, страстной, неделе. В субботу шестой, перед страстной, недели поста заламывали ветки верб, в вербное воскресенье во время утренней службы, молились с освященной вербой и, придя домой, глотали ее почки, чтобы предохранить себя от всяких болезней и хворей, детей легонько стегали вербой для здоровья, приговаривая: «Не я бью, верба бьет, верба хлест, бьет до слез»; освященную вербу берегли до первого выгона скота в поле (23 апреля) и выгоняли скот именно этой вербой, которую затем спускали в воду или втыкали под крышу дома, чтобы ско

тина непременно возвращалась домой, а не блуждала бы по лесу по прихоти лесного хозяина лешего. В Тамбовской губернии считали даже, что освященная верба помогает не только от духов разных болезней и обманов лешего, но и, брошенная против ветра, прогоняет бурю, а брошенная в пламя — тушит огонь, воткнутая в поле — сберегает посевы от происков злых колдуний, устраивающих заломы и прожины с целью отнять урожайность злаков.

Нет более удобного дня в году, чтобы встретиться с нечистой силой и узнать у нее необходимые тайны, чем четверг на последней, страстной неделе великого поста. Вологжане советовали для встречи с лешим ночью прийти в лес, снять с себя нагрудный крест, закопать его в землю и проговорить: «Владыко лесной, есть у меня до тебя просьба». После появления лешего изложить желание. Белозерцы советовали вызывать лешего по иному: сидя на старой березе, три раза громко крикнуть: «Царь лесной, всем зверям батько, явись сюда!» При появлении лешего — спросить то, что нужно, он откроет все тайны. В этот день у ведьм и колдунов бывают важные свидания с нечистой силой. Чтобы не стать их случайной или намеченной жертвой, дома и дворы очищали огнем на мураньной кучи или вереском, можжевельником. За всем этим отправлялись в лес до восхода солнца. В лес входили с молитвой «Царь лесной и царица лесная, дайте мне на доброе здоровье, на плод и род» (выходили из дому не умывшись, не помолившись и скрытно от посторонних взглядов). Вернувшись из лесу, принесенное разбрасывали по двору и хлевам, вереск еще до восхода солнца зажигали на сковороде или на железном листе посреди избы, на полу. Для здо-

ровья прыгали через этот огонь все домашние. Такой обряд спасал от дьявольщины в течение всего года.

Если вышеописанные обычаи восходят к дохристианской магической практике, то повсеместно распространенная традиция заготавливать в страстной четверг соль, также для защиты от нечистой силы и как лекарство от всевозможных болезней, восходит к христианскому мотиву, напоминая об Иуде, обмочившем руку в солонке на тайной вечере в знак своего будущего предательства. В каждом доме как бы очищали соль, осквернённую прикосновением нечестивца, ее пережигали в печи. Пережженную соль на черного цыпленка, соль перемешивали с квасной гущей, клали и старый лапоть и бросали в огонь. Затем толкли и просеивали. Этой солью солили первые, освященные после святой заутрени, пасхальные яйца. Прошлогоднюю четверговую соль, если таковая оставалась, разводили в воде, полученной из растопленного снега, и давали пить животным, чтобы они не могли быть испорчены колдунами.

В субботу на последней, седьмой неделе великого поста во многих селениях Тульской губернии заклинали мороз — злого духа, губившего посевы льна, конопли, овса. Зимой морозы бегали по полям, дуя в кулак, отчего и происходили вьюги и метели, оттаками морозы сдавливают жито снегом, отчего раздается треск. Заклиная мороз на Великдень хозяин должен был, взяв ложку овсяного киселя, влезть с ним на печь, просунуть голову в волоковое окно и проговорить:

> Мороз, мороз! Прими кисель есть!
> Мороз, мороз, не бей наш овес
> Тем ли [illegible] в землю вколоти

После заклятия хозяйка окачивала его водой в уверенности, что проклятие дорогим ее сердцу льну и конопле не дойдет тогда до ушей мороза.

Самым большим христианским праздником в году была Пасха. Но, помимо чисто православной обрядности, вокруг Пасхи сложилось множество примет, обычаев, верований языческих, как и вокруг любого крупного годового праздника, в их основе лежит глубокая убежденность в том, что в всю святую седьмицу мир празднует победу светлых сил над темными, злыми демонами. В пасхальную ночь все черти злятся, стремясь во что бы то ни стало успеть до пасхальной заутрени нанести какой-нибудь вред людям. Поэтому редко кто отваживался с заходом солнца выходить на двор или улицу, в каждой кошке, собаке, свинье и лошади скорчены черт, проникнувшийся жалостным. Как только ударит к заутреке первый колокол, бесы сыплются с колокольни, как груши с дерева, а лишь только отойдет заутреня, все они оказываются пойманными, связанными, запертыми: кто на колокольне, кто по дворе в углах, кто на чердаке. Услышать мучения нечистой силы может каждый, кто приложится ухом к церковной стене в пасхальное воскресенье: чертей замуровывают в церковные стены, откуда слышится их гул и возня. Если с пасхальной свечой подняться на чердак, то при ее свете можно даже увидеть приконанную по углам нечистую силу, которая в это время не сможет причинить любопытному никакого вреда. Для любителей поглумиться над чертями есть способ отомстить им за злые проказы над людьми. Стоит выйти с пасхальным яйцом на

перекресток дорог и покатить яйцо вдоль дороги, как черти вынуждены будут выскочить из укрытия и пританцевать трепака, хотя в этот день им вовсе не до плясок.

Не только нечистую силу, но и ведьм и колдунов легко распознать в Пасху. Например, если с заговенным творогом встать у церковных дверей и держаться за дверную скобу, пропуская входящих, то можно пересчитать всех ведьм по хвостам, которые будут отлично видны стоящему у дверей. Во время пасхальной заутрени достаточно обернуться и поглядеть на народ: все колдуны будут стоять спиной к алтарю. Ведьмы и колдуны истово молятся в Пасху, стремятся встать в первые ряды молящихся, торопится зажечь свечи, но они у них либо с трудом зажигаются, либо скоро гаснут.

В пасхальную ночь можно повидаться с мертвецами: либо в церкви, либо на кладбище. Когда богомольцы уйдут из церкви во время крестного хода, нужно спрятаться в храме со страстной свечой так, чтобы никто не заметил. Души умерших соберутся в церкви и будут христосоваться между собой, тогда можно увидеть усопших родственников, но разговаривать с ними нельзя. Тем, кто хочет покристосоваться с мертвецами на кладбище, нельзя ничего есть после причастия в великий четверг, на пятницу и субботу нужно дать обет молчания и оба эти дня провести в молитве. После пасхальной заутрени прийти на кладбище помолиться Богу, сотворить три земных поклона, лечь на землю и прокричать: «Христос воскресе, покойнички!». Мертвецы откликнутся: «Истинно воскресе». После этого можно подходить к

любой могиле с вопросом, мертвец даст правдивый ответ.

Большое значение придавали пасхальным куличам, освященным церковной молитвой куличам, освященным в церкви священником и прочим, любой еде, освященной во время хождения духовенства с «богоносцами» (мужчинами, вызвавшимися носить иконы) по домам крестьян на протяжении всей святой седьмицы, пасхальной недели. Кости от пасхального стола зарывали в землю на пашнях для предохранения от града, их также бросали в огонь во время грозы, очевидно чтобы выгнать из печи нечистого духа и тем предотвратить удары молнии — громовой стрелы Ильи Пророка, сражающегося с чертями. Во время пасхальных молебнов, домохозяева, приглашая в дом батюшку, просили его окропить ведра с зернами, предназначенными для посева, что также сохраняло их от порчи и обеспечивало хороший урожай. Всю освященную пищу прятали таким образом, чтоб она ни в коем случае не могла попасть на съедение мышам. Наевшись пасхальных крошек, обычные мыши (в образе которых видели дьяволов) становились летучими мышами, обретали крылья.

На Герасима-грачевника (4 марта) изгоняли из домов кикимор, напущенных злыми людьми или плотниками во время строительства дома, в это время эти домашние демоны становятся смирными и беспомощными, поэтому приглашенный в дом знахарь без труда может с ними справиться.

В день полного покоя и свободы от всякой работы, 25 марта, в день Благовещения Пресвятой Богородицы, ни одна птица, по поверию, гнезда не вьет, девица — косы не заплетет, а нечистая

сила в аду перестает мучить грешников, оставляет она в покое и земных жителей. В этот день запасались благовещенскими просфорами. Впоследствии их употребляли как со злыми, так и с добрыми целями. Заботливые хозяева, искрошив такие просфоры, смешивали их с семенами и клали в севалку на обеспечение хорошего урожая. Охотники с такой просфорой совершали кощунственный обряд, отдавая себя в руки нечистой силе. Стоя на иконе, повернутой ликом вниз, нужно было прострелить благовещенскую просфору, и тогда ружье будет бить без промаха.

30 марта бесится домовой: с утренней зари до полуночи, как пропоют первые петухи. Даже если в течение всего года домовой был тих и смирен, в этот день то ли у него спадает старая шкура, то ли он чумится, наподобие собак и коров, и оттого он прожжет по всему двору, лошадей забьет под ясли, у коров отобьет аппетит, собак перекусает, подкатывается хозяевам под ноги так, что они ежечасно обо что-то спотыкаются. Некоторые говорили, что в этот день домовому бывает расправа от нечистой силы за то, что он иногда добр к людям, другие, что в конце марта домовому приходит охота жениться на ведьме, обзавестись своей семьей. Как бы то ни было, в этот день лучше не поминать в раздражении нечистую силу, чтобы бешенство домового не продлилось до дня 30 марта.

3 апреля разливаются реки. Рыболовы на Оке замечали: если в этот день не пройдет лед, то лов будет плохим. В этот день водяной просыпается после зимней спячки, поэтому многие рыболовы в полночь угощали гостинцами дедушку водяного. Происходило это следующим образом. Не торгуясь

за три дня до угощения покупали у цыган [illegible] негодную лошадь. Три дня откармливали ее хлебом и [illegible] жмыхом, в последний [illegible] вымазывали лошадиную голову медом, в гри[illegible] в летали красные ленты, ноги спутывали веревками, на шею привязывали два старых жерновa, полночь отправлялись к реке и, если лед еще не прошел, связанную лошадь опускали в прорубь, если речка очистилась от льда, то садились в лодки и старались утопить лошадь посреди реки. Старший из рыболовов находился на берегу реки, прислушивался к воде и давал знак другим, когда можно утопить лошадь. Всю зиму водяной лежит в своей подводной усадьбе и спит крепким сном. С 1 апреля он просыпается и от раздражения и голода ломает лед, замучивает до смерти мелкую рыбу, распугивает крупную. После подарка — лошадки — он усмиряется, стережет рыбу и даже приманивает ее в свои владения, спасает рыболовов от бури и наводнений, не рвет сетей. С 1 [illegible] 3 апреля водяной ждет гостинца, и если рыболовы не успеют с подарком, то водяной [illegible] всю рыбу в водоеме, уходит на другое место. Желание водяного получить подарок угадывается по сильному колыханию воды и глухому стону. Когда водяного наделят гостинцем, старший рыболов, выливая в реку масло, говорит: «Вот тебе, дедушка, гостинцу на новоселье. Люби да жалуй нашу семью». Возвратившись с угощения водяного, рыболовы всю оставшуюся ночь проводили в [illegible] [illegible]

День святого великомученика и победоносца Егория, 23 апреля, был особенно почитаем крестьянами, поскольку этому святому приписывалась полная власть над всяким зверьем, его считали

покровителем полей и земных плодов, в его руках — ключи от неба, которое он отпирает весной, чтобы выпустить солнце. В этот день в теплых местах впервые выгоняли скот в поле или, в областях с суровым климатом, совершали обход скота, т. е. хозяева обходили всю домашнюю скотину, собранную на своем дворе, с образом святого Георгия. Отдав должное Егорию Вешнему, крестьяне обеспечивали покровительство этого святого, сберегателя стад. Если в стаде пропадало несколько коров или овец, то думали, что Егорий принес их в жертву волкам, чтобы они не тронули остальных животных. То же самое представление сложилось и о *лешем*: одна-две скотинки считались жертвой лесному хозяину, за это на него не роптали (в отличие, например, от волка-оборотня, который, ворвавшись в стадо, рвал и душил всякую скотину без цели — утолить голод). Подобно водяному, Егорий Вешний представлялся спящим всю зиму и просыпающимся весной. Чтобы он вовремя проснулся и разбудил землю, было принято будить «окликать» его: молодежь трижды обходила засеянные полосы, здесь разводили костер, делили и ели обрядовый круглый пирог, убранный цветами, и пели:

Юрий, вставай ра[illegible] [illegible]
Выпускай росу на [illegible] [illegible] на будние жит[illegible]
На карени[illegible] [illegible] на [illegible]

В то же время юрьевскую росу считали чрезвычайно вредной для животных. Колдуньи выходили ранним утром этого дня в поле собирать росу специально для того, чтобы после портить со

седский скот. Сбор росы осуществляли напитыванием холстины в утренней росе. Стоит только этой холстиной покрыть рогатый скот, и телёнок ослепнет, а корова потеряет молоко. Чтобы опасная роса не повредила животным, скот выгоняли вербой, сохраненной с вербной недели. В Тульской губернии засеянные поля в этот день окропляли святой водой, после чего мужчины и женщины катались по полям в надежде быть сильными и здоровыми в году. Вероятно, многие обряды и обычаи этого дня были перенесены на святого Егория с более древних традиций «окликать», будить демонов растительных и животных сил природы, как это несколько ранее, в начале апреля делали в отношении водяного. В кругу этих представлений находится предание, известное еще по родоту, о том, что в Лукоморье (на морском побережье) есть люди, которые умирают 25 ноября и перед смертью свозят свои товары в одно место, где покупатели зимой могут брать их за известную цену, без обмана. 23 апреля «спящие торговцы» пробуждаются и наказывают всякого, кто попытался обмануть их, не заплатив должную цену за товар.

28 апреля встречали южный, теплый ветер, выходя с обетными ладанками на перекрестки и дожидаясь ветра с юга, который поселялся в ладанку и приносил здоровье тому, кто носил ее на шее. По тульскому поверью, с 30 апреля из чужих стран приходят весенние лихорадки, болезни, которые были заперты на зиму в снежных горах. Как только солнце отогреет землю и снег растает, болезни — тощие и голодные — разбегались по беду свету. Купание в заранее припасенной воде

из талого мартовского снега спасало от их нападений.

В мае духу северного ветра, сиверику, уже не оказывали никакого внимания, напротив, поскольку самыми благоприятными для сева считались теплые дни, особое почтение оказывалось южным ветрам. Так, например, придя в поле, сеятели молились только на три стороны, кроме северной, и в каждую бросали по горсти жита. Даже те неприятности, которые сопутствовали южному ветру, сглаживались его ценными дарами. Так 13 мая праздновали Лукерью Комарницу, теплый ветер в этот день должен был принести комаров, вместе с ними надо было ожидать хорошего урожая овса и трав. Опасными днями в мае считались 25 число, когда выпадала «медяная роса» и сушила древесные листья, приносила детские болезни, и 30 мая — день, когда змеи поездами устремлялись на свои свадьбы и готовы были уничтожить каждого, встретившегося на пути. От змеиных укусов в этот день не спасет ни колдун, ни знахарь.

В июне праздновали «бесу» Купале, начиная с 23 июня, с дня святой мученицы Агриппины, прозванной Аграфеной Купальницей, плели венки из трав и цветов, возлагая их на головы и опоясываясь ими. С утра 23 июня ходили в баню и парились различными кореньями и растениями, чтобы восстановить свои силы и здоровье. Больных стариков приносили в баню и натирали здесь целебными травами. В ночь на рождество святого Иоанна Предтечи (24 июня) юноши и девушки, украшенные венками из трав и цветов, раскладывали костры и, взявшись за руки, ходили вокруг них, перепрыгивали через огонь и пели песни

«сквернаго Купала часто повторяюще и чрез огонь пресмачуще, самих себе тому бесу Купалу в жертву приносять» (Синопсис, XVII в.). В XIX — XX веках о Купале как демоне бесе уже не вспоминали, но по-прежнему 23 — 24 июня собирали травы с разными целями (целебные, для приворота, цветок папоротника — для отыскания кладов), купались в реках и источниках, перепрыгивали через костры, украшали вербу, дерево, мариму (берегиню) или куклу Купалу — их несли к реке, чтобы утопить там, тут же в воду бросали венки, которыми украшали себя к празднику. Вероятно, Купала был духом растительности, и ему праздновали третьим по счету после духа воды (в начале апреля, когда взламывался лед) и духа животного мира (в день святого Георгия, покровителя скота, вольного владычества). Большая часть всех обычаев, связанных с 23 — 24 июня (для Аграфены Купальницы и Ивана Купалы), так или иначе сводится к различным магическим с травами, деревьями, водами. По всему северу России в этот день заготавливали на целый год веники для бани из молодых березовых веток, иногда к ним ветки ольхи, черемухи, ивы, лесной смородины, калины. Веники из разных городов и деревень были ритуальными: одним из них парились в бане, другим обряжали недавно отелившихся коров, третьи забрасывали на крыши бань с целью узнать будущее — если веник упадет вершиной к погосту, то бросавший умрет. Как на Ивана Травника, так и в день Аграфены Купальницы мужчины и женщины, сняв с себя рубахи, всю ночь до утренней зари рыли коренья и искали клады. Купанье в день Ивана Купалы могло быть чисто магическим: это купанье иванова дня и

которой придавалась особая, целебная сила. Вологжанки утром 24 июня брали чистую скатерть и бурак и отправлялись на луг. Здесь скатерть таскали по мокрой траве, собирая таким образом росу, а затем отжимали ее в бурак. Полученной таким образом росой снимали болезни, особенно кожные. У колодцев и рек мыли квашонки (кадушки, в которых держали тесто для ржаного хлеба) и это только один раз в году, в день Ивана Купалы. В Пензенской губернии колодцы, росой собранной с трав, красили кровати и стены дома (у клобов). Постепенно магическое купание с росой превратилось в простое обливание водой всякого встречного: парни шли на реку, но поливали здесь ведра и кувшины ж, идя по деревне, особенно сверху с головы до ног окатывали девушек, те также бежали на реку за водой, и начиналась общая свалка, полная криков и смеха. Затем перепачканная, мокрая молодежь устремлялась на реку, где купались все вместе, прямо в одежде. В некоторых местах Ярославской губернии купание в Иванов день считалось опасным, поскольку в это время всякий — именинник и терпеть не может, когда его беспокоят в такой праздник, он топит всякого, кто окажется в его пруду.

В одном из ранних сборников читаем: «Месяца июня — в 24 й день Рождество честного и славного Пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна, отсюда начинается летом древний праздник Купалы, совместившись с днем Ивана Крестителя, и в русском православии получил новое значение: Иоанн крестил Христа в Иордане, т. е. Купанье — отсюда и название праздника. И мимо [illegible] водой сохранялось очищение огнем с

помощью перепрыгивания через зажженные костры и то, и другое делали для здоровья и предотвращения всех заговоров от нечистой силы. Разложенный на земле огонь был частичкой набравшего силу летнего солнца, Божьего ока, непримиримого врага всякой нечисти. Многие были убеждены, что в день Иоанна Предтечи солнце выезжает из своего чертога на трех конях серебрином, золотом и бриллиантовом навстречу месяцу.

В этот день пытались отнять у нечистых духов цветок папоротника, который сторожат сонмы чертей и преследуют всякого, кому удастся сорвать цветок. Сказители утверждали, что папоротник никогда не цветет и то, что кажется порой огненным цветом, на самом деле — лишь светящиеся строившиеся на стебле папоротника. Искатели клада, напротив, рассказывали многочисленные истории о том, как какой-нибудь счастливчик, сорвав цветущий папоротник, спускал с него огонек, который указывал дорогу к сокрытым в земле сокровищам. В это время нечистая сила, оборачиваясь животным или человеком, всячески смущает клаоискателя, подкатывается под ноги, так что человек падает и выпускает из рук волшебный цветок. Значение охраняемого злыми духами цветка папоротника не сводилось к получению клада: это своего рода философский камень, символ мудрости и богатства, ключ к великим тайнам, который можно отнять у нечистой силы Божьим словом. В древнем травнике о папоротнике сказано: «Есть та черная папороть, растет в лесах, в лугах ростом в аршин и выше стебель, а на стебле маленьки листочки, в съислода большие листы. И

цветет она накануне Иванова дня в полночь... Тот цвет очень надобен, если кто хочет богат и мудр быть. А брать тот цвет не просто, с надобностями: в Иванову ночь идти к тому месту, где растет трава папороть, и, очертясь кругом, говорить: «Талан Божий суд твой, да воскреснет Бог» (Калинский, 410 — 415).

Среди трав, которые собирали на Ивана Купалу, были как чародейные, так и предохраняющие от нечистой силы. Разрыв-трава разрушала любые оковы и замки, архилин-траву, что растет у больших рек, срывали через серебряную или золотую гривну и носили при себе, чтобы не бояться ни дьявола, ни еретика, ни злого человека; Петров крест — трава, похожая на простой горох без стручков, крест заметен в корне, на глубине двух аршин, — предохраняла от колдунов и нечистой силы, чертогон-траву, обладавшую теми же свойствами, втыкали в щели над воротами и калитками от колдунов, под крышами — для изгнания чертей.

Праздником русалок была седьмая от Пасхи неделя, называемая также семицкой, или русальной, неделей Святых Отец или «неделею всех святых». Название это очень древнее, в Киевской летописи под 1015 годом замечается, что Владимир-князь после жестокой болезни скончался 15 мая на русальную неделю. С активностью русалок связывалось представление об окончании весны, в четверг на семицкой неделе (русалкин день) [illegible] и жали русалки, что можно было [illegible] в самой весны, последними весенними игрищами [illegible] нуждая [illegible] обычаи [illegible] Русалки как бесовки и воскресшие [illegible] с одной стороны, он унаследовал черты из

ких-то языческих обрядов, совпадавших по времени с неделею Святых Отец, с другой — он был близок по смыслу и по названию с древнеримскими «розалиями» — праздником усопших, которым посвящались розы, пышно цветущие в мае в Италии. На Руси русалками считали духов, вошедших в утопленниц и детей, явившихся на свет мертвыми или умерших некрещеными. Это жители вод, нагими и прекрасными они выходят по ночам из подводного царства, купаются при луне, качаются на ветках деревьев, бегают по полям, заманивая прохожих, чтобы защекотать их до смерти. Бегая по ржи, русалки бьют в ладоши и распевают: «Бух, бух! Соломенный дух! Меня мати порсдила, некрещену положила».

Прощаясь с русалками в субботу на семицкой неделе, жители села Горохова Воронежской губернии устраивали на лугу убранный ветками и цветами шалаш, в середине которого ставили чучело; его наряжали сначала в женское платье, потом в мужское, ставили перед ним в шалаше кушанья, вино и другие лакомства. Вокруг шалаша водили хороводы, пели, плясали, устраивали состязания в борьбе. В заключение праздника чучело разрывали и бросали со смехом в озеро.

В Тульской губернии, по берегам реки Красивой Мечи с вечера на полянах бывали хороводы; когда наступала ночь, метлами выгоняли русалок с полей, кричали им вслед: «Догоняй, догоняй!» Русалки отбегали от селений в лес с плачем и воплем. После этого, на рассвете, все купались в реке. До проводов русалок купаться в реке считалось опасным: всякого неосторожного русалки могут защекотать и утащить под воду.

По берегам реки Оки устраивалось особое гулянье для усмирения дедушки водяного. Встревоженный проказами русалок, он начинал в ночи поднимать воду из берегов так высоко, что казалось, будто из реки возвышается водяная гора, но увидав зажженные костры и услышав звуки песен, смирялся, и река опять входила в свои берега.

Иногда русалок провожали накануне Петрова поста (с 29 июня). В черноземной Руси (например, в Елатомском уезде Тамбовской губ.) женатые и неженатые молодые крестьяне рядились в большие холщовые простыни и прятались во ржи, дожидая вечером, когда мимо будут проходить девушки и молодые женщины. Тотчас при их появлении раздавалось легкое хлопанье кнутов, и бабы, испуганно вскрикнув: «Русалки, русалочки!», — разбегались в разные стороны. Вдогонку за ними бежали ряженые, стараясь ударить наиболее медлительных кнутом. Женщины спрашивали у них: «Русалочки, как лен?» (т. е. как уродится), ряженые в ответ указывали на длину кнута, вызывая всеобщий восторг: «Ох, умильные русалочки, какой хороший!»

В Пензенской губернии один рядился козлом, другой свиньей, надев на руки и на ноги валенки, третий шагал на высоких ходулях, четвертый сооружал из дерюги нечто похожее на лошадиную голову и, прикрепив ее к длинной палке, укрывшись холщовой простыней, являл собой подобие коня, вставшего на дыбы. Иногда использовался и настоящий лошадиный череп, а коню придавался вожак, усмиряющий норовистую лошадь, брыкающую всех без разбора. Особое удовольствие получал тот ряженый в маске, который забирался в бабью толпу, чтобы всласть потолкаться, пощупать

Плясун и скоморох. Ровинский-1. № 102

[illegible] обниматься. При этом заливались гармоники, грыжали балалайки, пищала скрипка, раздавался [illegible] от ударов в печные заслонки и сковороды. Русальщики на славе с лошадью обходили дворы помещиков и состоятельных людей, где их угощали водкой, затем уходили в поле за деревню, где стреляли из ружей, а лошадиную голову бросали в яму до будущего года, так провожали русалку, прощаясь с весной.

Опасность, исходящая от водяного и русалок, ощущалась в «жары петровские», в знойную пору, которая бывает около дня апостолов Петра и Павла (29 июня). По многочисленным наблюдениям в это время солнце играет какими-то особенными [illegible], переливающимися радужными красками. Обычай караулить солнце был установлен с целью отогнать нечистых духов, русалок, от полей, когда увлекались играми, они вытаптывали посевы.

Около Петрова дня боялись купаться, так как водяной в это время требовал себе жертв. В былине о Добрыне и змее дракон настигает богатыря, купающегося в жары петровские. А вот более поздний рассказ. Однажды рыбинские купцы стояли на палубе своего судна, всем хотелось выкупаться, но никто не смел этого сделать из страха перед водяным хозяином. Вдруг видят, кто-то выскочит из воды, крикнет: «Есть рок, в человека нет!» — и с плеском уйдет в воду. Так трижды. На четвертый день одному приказчику стало невмоготу терпеть палящий зной, и он твердо решил выкупаться. Друзья отговаривали его, пока наконец не согласились на том, что обязуют не [illegible] от жары водой. Засерпили ведро воды и окатили парня с головы до ног — он тот же умер (Новгородская губ.). Не случайно апостол Петр считался покровителем рыбаков и спасите

лем от нечаянной смерти на водах. Рыболовы служили ему молебны, ежегодно 29 июня собирали «Петру-рыболову на мирскую свечку», которую ставили в храме перед его образом. Старики называли себе на шейный крест траву Петров-крест, чтобы не «изурочили», т. е. чтобы не появился злой дух и не погубил бы улова.

Лето — время, когда присутствие нечистой силы обнаруживается всюду: в лесах и полях сбивают с дороги и заводят в болота лешие и полевики, межевики и лугавички (духи полевиков) бегают по межам и ловят птиц родителям в пищу, если найдут спящего человека — задушат. Как и все нечистые духи, полевики — капризники и взяточники. В Духов день (следующий за Троицей понедельник) крестьяне земледельцы шли ночью за деревню, подальше от проезжей дороги, к какому нибудь рву и несли в дар полевику пару яиц и краденого у соседей старого безголосого петуха, притом так, чтобы никто не видел, иначе полевик рассердится и истребит весь хлеб.

Панический ужас наводит на нечистую силу Илья Пророк. День, посвященный его памяти (20 июля), считается опасным как для людей, так и для бесов. Могучий святой старец разъезжает на огненной колеснице в свои праздник по полне бесов и сыплет с высоты огненные (громовые) стрелы, поражая прячущихся повсюду бесов. Нечистая сила оборачивается животными и забегает в жилища, жуками и мошками скрывается в складках одежды, но святой не жалеет ни людей ни домов, молнией поражая вместе с нечистым любое живое существо, пылающая дома, деревни, сараи. Пожары, возникшие от удара молнии, нельзя было тушить водою. В данном случае можно было залить их молоком от черной коровы.

Чтобы спасти от стрел Ильи свое хозяйство, люди выбрасывали на улицу перед грозой домашних животных, собак и кошек, занавешивали окна, крепко запирали двери и зажигали перед образами четверговые свечи, молили пророка о пощаде. Большим грехом в этот день считалась работа, 20 июля проводили в абсолютной праздности.

Черти, как только на небе раздастся грохот колесницы пророка, бегут к межам, к воде и к прибам «ирубкам» (поганкам) — эти места якобы недоступны Илье. Поскольку нечистая сила вселяется в диких зверей и гадов, крестьяне в этот день не выпускали скотину в луга, чтобы она не была растерзана злыми духами-оборотнями или ужалена змеями. Только знахари 20 июля отваживались собирать змей и вытапливать из них сало на свечи. Змеиные свечи в руках колдунов творили непостижимые чудеса. Наиболее распространенными предохранительными средствами от нечистой силы, которыми запасались в Ильин день, были громовые стрелы, похожие внешне на минерал, известный под названием «чертов палец». От удара молнии в песок он сплавлялся в сучковатые сосульки, на них указывали как на остатки смертоносного оружия Ильи Пророка. Стрелы эти окачивались водой, которой поили тяжелобольных, особенно — страдавших от колотья. От вражьих наветов, напусков и чар умывались ильинским дождем. К Илье Пророку обращались в заговорах на охрану против ружейных ран, на исцеление от сибирской язвы, уроков и призоров, напущенных колдунами: «На том окияне-море стоит Божий остров, на том острове лежит бел-горюч камень алатр, а на камени — святый пророк Илья с небесными ангелами. Молюся тебе, святый пророче Божий Илья! Пошли тридцать ангелов в златоко-

ваном платье с луки и стрелы, да отбивают и отстреливают от раба (имярек) уроки и призоры и притки, шипоты и ломоты и ветроносное язво» (Афанасьев-I, 471)

В конце июля, 30-го числа, по старинному поверью, ведьмы опиваются молоком и обмирают. Обмирание ведьм сопровождается землетрясением, вороньим граем и воем зверей. Оживить обмершую ведьму можно, если прижечь ей пятки горящей с ломом.

2 августа поят лошадей через серебро, чтобы они не боялись дурного глаза и всегда были в милости у домового. Для этого бросают серебряную монету в колодец и дают пить оттуда животному, кладут мелкую серебряную монету в шапку и поят лошадь; монету прячут затем в конюшне под яслями. Такая монета часто переходила от отца к сыну.

3 августа запрашивали о зиме *вихри*. Южный ветер в этот день обещал снежную зиму, но, не доверяя простой примете, отчаянные люди, запасшись ножом и петухом, выходили на перекрестки сторожить вихри. Как только появлялся вихревой столб, в него втыкали нож и, держа за голову петуха, спрашивали, какой будет зима, угадывая ответ в завывании ветра.

Чтобы нечистая сила не поселилась на жнивах и не выживала с пажитей скот, 5 августа заклинали жнивы. С зарей выходили в поле, взяв с собой конопляное масло. Обратясь на восток, говорили: «Мать-сыра земля! Уйми ты всякую гадину нечистую от приворота, оборота и лихого дела» — и отливали на землю масло. Обратясь на запад, проговаривали: «Мать-сыра земля! Поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие, в смолу горючую» — и отливали масло наземь. Повернув-

шись лицом к югу, произносили: «Мать-сыра земля! Утоли ты все ветры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучие со метелью» — и вновь лили масло. Встав лицом к северу, говорили: «Мать-сыра земля! Уйми ты ветры полуночные со тучами, содержи морозы со метелями» — и бросали на землю склянку с маслом.

11 августа на Ермаковом болоте в Рязанской губернии близ селений, расположенных на берегах рек Вожи и Быстрицы, ежегодно бывало видение, которое напоминало о великой битве с татарами и о гибели русского богатыря, убитого Батыем. В этот день на болоте слышны песни и свист: из болота выбегает белая лошадь, обегает могилки на кладбище, прислушивается, наклонив голову к земле, бьет копытом и жалобно плачет над покойниками. Ночью над могилками появляются огни и перебегают на болото, горят они ярко, так что видно каждую могилку, даже болотное дно. Многие пытались поймать белого коня, узнать, кто свистит и плачет на болоте, но никому не давался конь в руки, а от свиста и песен глохли любопытные смельчаки. История этого видения такова. На этом месте русские князья сражались с татарами, и те начали уже одолевать князей, как, откуда ни возьмись, на помощь русским воинам выехал на белом коне неведомый богатырь со своими сотнями, стал бить и колоть врагов направо и налево и уничтожил почти все татарское войско. Тут подоспел окаянный Батый: он убил богатыря, а белого коня загнал в болото. С тех пор белый конь ищет своего хозяина, а его сотня поет и свищет, вдруг откликнется удалой богатырь.

22 августа в Тульской губернии было принято ночью осматривать снопы и караулить их от ле-

шего, который в этот день любит потешаться над крестьянами: раскидывает снопы, развязывает их, переносит с одного гумна на другое. Если хозяин будет караулить свое гумно, леший не приблизится к снопам. Собираясь в ночное, надевали тулуп навыворот, обвязывали голову полотенцем и брали с собой кочергу. Придя на гумно, кочергой обводили круг и садились в центре: за такую магическую загородь нечистая сила не могла проникнуть.

В Древней Руси сентябрь («рюни» или, как его называли в народе, «ревун» — от рева осенних ветров и зверей) был, как и у римлян, седьмым месяцем, решением Московского собора в XIV, а затем в XVI веке было установлено начинать церковный и гражданский год с сентября, лишь с 1700 года он стал считаться девятым от начала года. Некоторые обычаи и поверья 1 сентября (день преподобного Симеона Столпника или Семена Летопроводца) сохранили значение перелома жизненного, хозяйственного цикла, присущие ему как дню, с которого начинался новый год. Это было время самое благоприятное для переезда в новый дом. Переход в новое жилище старались подгадать именно к празднику Семена Летопроводца. Естественно, что особый почет и уважение при переезде в новый дом оказывали дедушке домовому, которого старались перезвать на новоселье. Старая женщина в доме, сторонив молодежь в новый дом, оставалась в старом и последний раз топила печь, затем выгребала жар из печи, ждала полдня и клала в горшок уголья. Затем покрывала горшок скатертью, раскворяла двери и обратилась к заднему углу, говорила: «Милости просим, дедушка, к нам на новое жилье». После этого уходила из старого жилища

на новый двор. Хозяин с хозяйкой уже ждали дедушку домового у растворенных ворот, держа в руках хлеб-соль. Подойдя к воротам, стучалась в верею: «Рады ли хозяева гостям?» Молодые хозяева отвечали с поклонами: «Милости просим, дедушка, к нам на новое место». Пожилая женщина, свекровь, шла в новые покои, впереди хозяин нес хлеб-соль, за ней — хозяйка. Войдя в дом, свекровь ставила горшок в устье печи, брала с него скатерть и трясла ее по всем углам, как будто выпуская домового, потом высыпала угли в печурку. С радостью садились всей семьей за стол и ели хлеб-соль. Горшок ночью разбивали и зарывали под передним углом дома. Но перезвать домового — только полдела. Нужно было устроить так, чтобы злые люди не напустили в новый дом лихого, вредного домового, чтобы «напущенный» домовой не вступил в борьбу со «своим» за жилье и не обессилил бы его. От лихого домового в конюшне вешали медвежью голову, но иногда приходилось обращаться за помощью к колдунам, у которых были свои способы изгнания злых домашних духов.

В день Семена Летопроводца хоронили мух и комаров, блох и клопов с тараканами. С наступлением осени многие насекомые гибли от холода, а потому это время считалось наиболее пригодным, чтобы распроститься не только с мухами, но и с домашними паразитами, весь год причинявшими бесконечное страдание людям. Похороны мух и тараканов были проводами лета и тепла, возможно, этот обычай восходил к почитанию Белбога, который представлялся в окровавленном виде, весь покрытый мухами и другими насекомыми и относился к добрым божествам. Похороны устраивали девушки, они вырезали из репы, брюк

вы и моркочи маленькие гробики сажали туда горстью пойманных насекомых и с шутливыми плачами и причитаниями выносили их из избы. При этом кто-нибудь в доме приговаривал, размахивая полотенцем или штанами: «Муха по мухе летите мух хоронить!», «Мухи вы, мухи, комаровы подруги, пора умирать! Муха муху ешь, а последняя сама себя съешь!»

14 сентября, день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (в летописях — «ставров день»), толковали как движение тепла с холодом, лета с зимою («кафтан с шубой сдвинулся») и, соответственно, как всеобщее движение в животном мире перед зимним покоем. По народным воззрениям, на праздник Воздвижения змеи и гады уходят в какие-то неведомые теплые страны, но если птицы небесные улетали на зиму в блаженные земли, называвшиеся ирьем или вырьем, по воздуху, то гады проникают в глубь земли, укрываясь от холода. Они сползаются в одно место, к своей матери, где и живут до первого весеннего грома. Из боязни, как бы гады, сползаясь под землю к своей матери, не попали по ошибке в людские жилища, крестьяне на все «Сдвиженье» тщательно запирали ворота, двери и калитки. Впрочем, говорят, что начиная с Воздвиженья змеи не кусаются, боясь наказания, так как каждая гадина, ужалившая человека, не сможет попасть в свое подземное царство и будет вынуждена ползать до снега, пока ее не убьют морозы.

Наряду со змеями, в день Воздвиженья лешие сгоняют в одно место подвластное им зверье, в лесах оборотни морочат и даже губят неосторожных путников, поэтому в лес 14 сентября ходить не принято.

«5 сентября называли «гусепролет», «гусари», «репорезы». Все лето гуси живут под надзором водяного дедушки, чтобы его задобрить, в этот день водяному приносили в жертву гуся, птице отрывали голову, в туловище бросали в воду. За этот подарок водяной будет верно стеречь гусей, не давая их никому в обиду. Оставшуюся голову относят на птичий двор домовому, который считает птиц по головам и не заметит убыли в своем хозяйстве. Гусиные промышленники с этого дня начинали скупать гусей по дворам. Друзья-охотники дарили друг друга лучшими гусями. В селах устраивались гусиные бои, которым предшествовали пышные приемы гостей. Над головами красавцев-бойцов, увитых красными лентами, все гости из круговой чаши пили мед и вино.

С сентября, обычно с 24-го числа, дня святой мученицы Феклы, именуемой в народе «Зареницей», топили овины — задымленные и почерневшие бревенчатые строения на деревенских задворках, предназначенные для сушки хлеба в снопах. Хозяевами овинов были злые духи — *овинники*: черные, лохматые, с горящими как угли глазами, похожие на огромных, с собаку, котов. Овинник жил в нижней части овина, под садилом для снопов, в яминe. Он заставлял хозяев чтить свои именины, которые праздновали крестьяне в день Воздвиженья или Покрова (1 октября) тем, что не сушили в это время хлеба. У тех, кто все же решался беспокоить овинника в заветные дни, могло сгореть все гумно с хлебными запасами. В именинные дни овиннику приносили пироги и петуха, на пороге петуху отрубали голову и его кровью кропили по всем углам. Начиная занятия в овинах, хорошенько угощали молотильщиков и почти весь день проводили в песнях и играх, в с

полуночи зажигали огонь и принимались за работу. Праздник в честь овинника — едва ли не один из древнейших на Руси. Церковный устав святого Владимира в числе разных языческих суеверий упоминает моление под овином. Очевидно, этот обряд включал жертвоприношение курами, в Орловской губернии для овинника резали кур вплоть до XIX века — 4 сентября, в некоторых других местах — 1 ноября (Афанасьев-3, 771).

С 4 октября по лесу перестают бродить лешие. Перед тем как провалиться под землю, они с досады ломают деревья, вырывают пласты земли, всех зверей разгоняют по норам. В это время ветер воет в лесу так, что птицы боятся сесть на деревья. Не ходят в лес и люди, правда, не все. Вот что рассказывают о мужике, решившем посмотреть, как леший осенью проваливается под землю. Жил некогда в одной деревне удалой молодец, везде первый, хоронят кого — он гроб на гору затащит, просватают кого — он в том доме от рукобитья до свадьбы поселится, своего дома не имел, а везде жил как у себя во дворе и в деньгах счету не знал. Одно только хотелось ему увидеть, куда леший прячется на зиму. Пошел он в лес, навстречу ему лесной хозяин. Мужик не сробел, шапку долой и бьет ему челом. Леший ничего не ответил, только рассмеялся. Начал удалой пытать у лешего: «Есть ли у тебя, Иваныч, хата да жена-баба?» Повел леший мужика к своему жилью по горам, по долам, по крутым берегам. Пришли прямо к озеру. «Что ж это за изба? — спросил мужик. — У нас, брат, изба в четырех углах, с крышей да полом. Есть в избе печь, где ребятам лежать, есть полати, где с женой спать, есть лавки, где гостей сажать. А у твоей хаты — ни дна, ни покрышки». Не успел

он договорить, как леший — бух! о землю, земля расступилась, и он туда упал. Но с тех пор сметливый, расторопный и излишне любопытный мужик стал полным идиотом. И зачем ему было смотреть, как леший сквозь землю проваливается? Все равно весной снова выскочит из-под земли как ни в чем не бывало: такая у них порода.

2 октября, в день святых мучеников Киприана и Иустины, в народе было принято молиться об избавлении от злого чарования. Эти святые спасали от наваждения и влияния нечистой силы, вера в особенную помощь святых угодников основывалась на сказании об их жизни. В Четьи Минеи повествуется, что до обращения в христианство Киприан был языческим жрецом, волхвом и чародеем, он задумал совратить с пути истинного святую мученицу Иустину, но она смогла не только уберечься от чар Киприана, но и его самого обратить в христианство.

Особенные молитвы, предохранявшие от злых чар и всевозможных болезней, были составлены также в честь святой великомученицы Параскевы, именуемой обыкновенно *Пятницей*, «Параскевой Льняницей». Ей праздновали 28 октября. Страждущие от наваждений нечистой силы ставили в этот день перед иконой Параскевы Пятницы свечи, надеясь получить от нее избавление от своего недуга. Чтобы не исколоть иглами тело святой Пятницы и не запорошить ей глаза, женщины в этот день не занимались привычными работами: по пятницам не пряли, не стирали, не шили, не выгребали из печей золу. В течение года соблюдали в двенадцать временных пятниц (в первую неделю Великого поста, перед Благовещением, на Вербной неделе, перед Вознесением, перед Троицыным днем, перед Рождеством Иоанна Предтечи

перед Ильей Пророком, перед Успением перед Архангелом Михаилом, перед Кузьмой Демьяном перед Рождеством Христовым и перед Богоявлением) Многие были убеждены, что все пятьдесят две пятницы в году очень важны, в эти дни нельзя работать и есть скоромное. Древнерусские суеверия относительно пятницы Стоглав называл бесовскими прельщениями действительно Пятницу поклонялись скорее как языческому демону, чем христианской святой, ее образ в народных представлениях напоминал немецкую богиню Фрею или чешскую Живу, а памятники — столбы с изображениями святой Параскевы устанавливаемые на распутьях и перекрестках дорог, — скорее всего появились взамен дохристианских деревянных идолов, расположенных при дорогах

Святые бессребреники Косма и Дамиан (Кузьма и Демьян) были известны в народе как исцелители душ и телесных недугов, врачевавшие безвозмездно, им молились о прозрении разума к учению грамоте, как чародеи-жузнецы они куют не только цепи или плуги для возделывания земли, но и свадьбы, супружеские союзы и, наконец сковывают зимней стужей саму землю («Кузьма закует, а Михайло раскует»; угодникам Косме и Дамиану праздновали 1 ноября, а 8-го — Михайлов день, когда обычно бывает оттепель). Женщины 1 ноября справляли Куры именины посылали кур в подарки родным и знакомым Ощущение тесной связи этого первого ноябрьского дня со всей хозяйственной жизнью дома, стремление заручиться поддержкой домового на всю грядущую зиму породили обычай изгнания со двора чужого лихого домового-дворового и оказания поддержки своему домашнему духу-покровителю. В Ярославской губернии брали помело, садились на лошадь

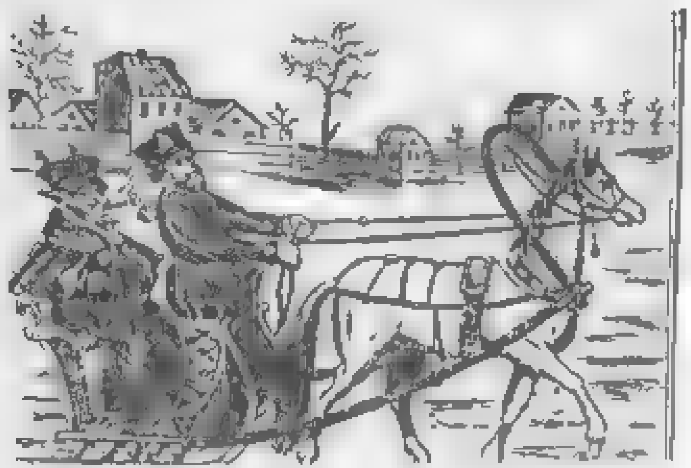
которую не любит домовой, и ездили на ней по двору, размахивая помелом и крича домовому «Батюшка дворовой! Не разори двор и не погуби животину!» некоторые предварительно зажигали помело в деготь с намерением «отметить на лысине дворового зазубрину»

В середине ноября на пегой кобыле приезжала зима, прогоняя с земли всех нечистых духов. С Введения (Вход во храм Пресвятыя Богородицы 21 ноября) зима окончательно вступила в свои права: «Введение пришло, зиму привело», в Москве начинали зимние торги, первый торг, с санями, бывал на Лубянке, а с 24 ноября (дня святой великомученицы Екатерины) в городах начинались зимние гулянья на санях, в домах, где были осенние свадьбы, родственники устраивали санные поезда новобрачных, отличавшиеся особой роскошью, сани молодых расписывали сусальным золотом, красками, боярские сани украшали волчьи и медвежьи меха Злые духи прилетали на землю 26 декабря, к Святкам, с этого дня начинались зимние бесовские потехи, гадания и ряженье, нечистые вместе с ведьмами летали на шабаши, по пути скрадывая с неба месяц и звезды

Народный демонологический месяцеслов составлен по материалам И П. Сахарова И П Казанского, С. В. Максимова

3

Помимо обрядов и поверий, относящихся к нечистой силе и приуроченных к определенным числам и годовым праздникам, весьма распространенным было убеждение в существовании злых дней в течение которых демоны имели особую власть над людьми Дела начатые в эти дни редко бы



Вот как извозчик-лихач черта катал да почти капут ему задал, всего обобрал и шкуру на шубу содрал

Раз черт вздумал прокатиться, с извозчиком подружиться. Франтом живо нарядился [illegible] Лихач [illegible] взял и [illegible] стал. Деньгами гремит [illegible] Вот уж полночь [illegible] лихача [illegible] На [illegible] прикатил да черт [illegible] с себя [illegible] В одной шкуре своей остался и на [illegible] думает «Вот струхнет [illegible]» А лихач [illegible] не [illegible] черта [illegible] «Мне тебя черта и надо, я тебя искал [illegible] клада»

Черт [illegible] у черта [illegible] Вот как [illegible] обобрал и [illegible] с черта драть стал [illegible] «[illegible]» [illegible] [illegible]

вали успешными, любовные неудачи, семейные ссоры, появление признаков неудовольствия — все эти неприятности объяснялись неосторожным поведением в злые дни. Черти этих дней не совпадали в разных местностях. По мнению некоторых, легкие дни — понедельник и вторник, а среда — тот день, в который случился Благовещение (25 марта) — тяжелые. В Псковской губернии строго соблюдались следующие дни, в течение которых крестьяне не работали и старались не выходить из дому: 2 и 23 января, 2 и 20 февраля, 4, 7 и 21 марта, 3 и 20 апреля, 2 и 26 мая, 9 и 24 июня, 3 и 20 июля, 4 и 6 августа, 4 и 26 сентября, 6 и 21 октября, 3 и 25 ноября, 4 и 20 декабря. В эти дни зарождаются все злые люди и колдуны (Максимов 268). Список о черноканьжии насчитывает 33 дня в году, в эти дни колдуны совершают свои чары: 1, 2, 4, 6, 11, 15, 19, 20 января, 11, 17, 28 февраля; 1, 4, 14, 24 марта, 3, 17, 18 апреля, 7, 8 мая, 17 июня, 1, 20 июля, 20, 21 августа; 10, 18 сентября, 6 октября, 6, 8 ноября, 6, 11, 18 декабря. Тяжелыми днями считаются понедельник и пятница, они непригодны для каких-либо начинаний. Колдунам принадлежат также дни равноденствий. Первая и последняя четверть луны, напротив, считаются временем удобным для любых предприятий, а полнолуние и новолуние не способствуют успехам в делах (Даль 1880, 37—38).

В заключение приводим заговоры и молитвы на отогнание нечистой силы. Заговор наговаривается на воск, который после этого нужно прикрепить к нательному кресту.

«Знамекуйся раб Божий (имярек) крестом животворящим, одесную и ошую, спереди и сзади. Крест на мне, рабе Божием (имярек), крест пере-

до мною, крест за мною, крест — диявола в все враги побеждая, да бежат бесовские всякая прелести от меня, раба Божия (имярек), видевшу яко молнию крестную силу, ужаленную. Близ меня Христос и вся сила небесная: Михаил, Гавриил, Уриил и Рафаил, архангелы и ангелы, начала, власти, престолы, Господни силы и нерушимо страшные серафимы и святии ангелы-хранители, преданные мне на соблюдение души и телу моему от святого крещения. А далече от меня со своею темнообразною силою стоит, и со всем человеки сатана сбысть, третьюстами и шестидесятью ангелы стали Божии. Молитв ради Пречистыя Твоея Матери, Господи Иисусе Христе, Сыне Божие, и милости мя грешного раба Твоего (имярек), и сегда и ныне, и присно, и во веки веков, аминь».

Заговор от бесов «Плакун, плакун! Плакал ты много и много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чистому полю, не разносись твой вой по синему морю, будь ты страшен бесам и ведьмам, старым ведьмам киевским. А не дадут тебе покорища, утопи их в слезах, да убегут от твоего позорища, замкни в ямы преисподния. Будь мое слово при тебе крепко и твердо во веки веков, аминь». (Плакун — трава, от которой плачут ведьмы и бесы, ее корень собирают в ночь на [illegible] и хранят от всякого [illegible] вместе с разными травами, [illegible] и перьями, даже иголками, крестиками и др.)

Молитва [illegible] «От Духа Святого, причастника Христова, Спасова рука, Богородицыи замок, ангел мой, сохранитель мой! Сохрани мою душу, скрепи сердце мое, враг сатана, [illegible] прочь от меня. Есть у меня три листа написано: все Марк да Лука, да Никита велико мученик, за грехи душу мучит, за меня Бога мо

лит». (Молитва произносится ежедневно на сон грядущий, является предохранительным и заклинательным средством от всякого недуга и скорби.)

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду из западу в восток. Поднимается царь грозная туча, и под грозною тучею мечется царь гром, царица молния. Как от царя грома и от царицы бежат врати и дьяволы лесные, водяные и дворовые и всякая нечистая тварь в свои поместья — под пень и под колоду, во озера и во омуты, и так бы бежали и от живущих во оных хоромах, от меня, раба Божия (имярек), бежали всякие враги и дьяволы лесные, водяные и дворовые под пень и под колоду, во озера и во омуты безотпятно, безотворотно век по веку, отныне и до века аминь».

«Христос родился и распялся, и воскресе, и в третий день воскресения и живот даровал всему миру, и мне, рабу Божию (имярек), крест. Крестом человек родился, Бог прославился, сатана связан бысть с сильными своими бес. Отныне и до века и до второго пришествия Христова, аминь».

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. И ставит около меня, раба Божия (имярек), сам истинный Господь Бог Саваоф, Спас наш Иисус Христос, Царь Небесный со своею Пресвятою Матерью Богородицею, Девою Мариею, и со всею небесною силою, со ангелами, со архангелами, с херувимы и серафимы, со апостолами и пророками, и со святителями, и врачами с бессребрениками, с мучениками и мученицами, со страстотерпцами и страстотерпицами, с преподобными и с праведными, и со всеми святыми, тын железный, врата медные, верем булатные, замок пресветлого рая, ключ Небесного царствия от земли до неба, от неба и до престола и по земли, от

востока до запада, от запада и до севера, от севера и до лета (юга), со всех четырех сторон, и заграждает сам истинный Господь Бог Саваоф, Спас наш Иисус Христос, Сын Божий, Царь Небесный, меня, раба Божия (имярек), от всякого от злого, от лихого человека и супостата, от угреватого, от возгривого, от сопливого, от шелудивого, от киловатого, от сутулатого, от старца и от старицы, от бельша и от белицы, от черца и от черницы, от схимника и от схимницы, от женки долговолоски и от девки-частоволоски, от черноволосых, от беловолосых, от русоволосых, от седоволосых, от пестрых, от рябых, от волосоватых, от слепых, от хромых, от волшебников, от волшебниц, от колдунов, от колдуниц, от ведунов, от ведуниц, от кудесников, от кудесниц, от порчельников, от порченниц, от лихоглазых, от лихозубых, от лихокровых, от лихощербых, от богоотступников, от богоотступниц, от богоотметников, от еретиков, от еретиц, от вещунов, от вещуниц и от всяких от злых, от лихих, от притчей, от скорбей и от болезней, от шипоты и от ломоты, от двенадцати проклятых Иродовых дщерей, от злыя, от лихия от лихорадки, от Листопухи, от Комухи, от Лопухи, от Каркуши, от Пухоты, от Хрипоты, от Ломихи, от Знобихи, от Гнетенницы, от Огневицы, от Трясавицы; от всякия вражия неприязненныя силы и ото всякого мечтания, сатанина угодия, затворяют святые верховные апостолы, Петр и Павел, тын железный вратами медными и бывотными вереями, запирают замком пресветлого рая ключом небесного, и так как не бывать в пресветлом раю, в Небесном царствии проклятому дьяволу и волшебнику и волшебнице, колдуну и колдунице, ведуну и ведунице, кудеснику и кудеснице, порченнику и порченнице, лихоглазому лихозубому лихокровому лихощерстному богоот

ступнику, богоотметнику, еретику и еретице, вещуну и вещице, и злому человеку, лихому супостату, помышлителю нашему, во век по веку, отныне и до веку, и так бы не бывать на мне, рабе Божием (имярек), тем злым лихим притчам, скорбям и болезням, хрипотам, ломотам и двенадцати проклятым Иродовым дщерям, злой лихорадке Листопухе, Лопухе, Комухе, Коршухе, Коркуше, Пухоте, Хрипоте, Ломихе, Знобихе, Гнетенице, Огневице, Трясавице и всякой вражьей неприязненной силе, и всякому мечтанию, сатанинину угодию, во век по веку, отныне и до веку. И поставляет Господь Бог Саваоф, Спас наш Иисус Христос, Сын Божий, Царь Небесный, у того железного тына, у медных врат, святого великого святителя и теплого заступника, и скорого помощника, Николая Мирликийского чудотворца, и святый великий святитель Христос, теплый заступник и скорый помощник, Николай Мирликийский чудотворец стоит у того железного тына и у медных врат, натягивает свой медный лук, накладывает булатные стрелы и стреляет, отстреливает от меня, раба Божия (имярек), всякие злые и лихие притчи, скорби и болезни: щипоту, ломоту и двенадцать Иродовых дщерей, злую, лихую лихорадку Листопуху, Лопуху, Коршуху, Комуху, Коркушу, Пухоту, Хрипоту, Ломиху, Знобиху, Гнетеницу, Огневицу, Трясавицу и всякую вражью неприязненную силу, и всякое мечтание, сатанинино угодие, стреляет и отстреливает от того от железного тына, от медных врат и отсылает вспять, откуда пришли, от проклятого сатаны, из преисподней бездны, из ада, и назад вспять возвратитесь в преисподнюю, в бездну, во ад, к деду своему, к проклятому сатане». (Заговор проговаривается трижды. Извлечен из старинной рукописи. См.: Забылин, 321 и след.)

Заговор на изгнание черных муриев. «За морем синим, за морем Хвалынским, посреди океан моря лежит остров Буян, на том острове Буяне стоит дуб, под тем дубом живут гедьмерицею семь старцев не скованных, не связанных. Приходил к ним старец, приводил к ним тьму тем черных муриев. Возьмите вы, старцы, по три железных рожна, колите, рубите черных муриев на семьдесят семь частей.

За морем синим, за морем Хвалынским, посреди океан моря лежит остров Буян, на том острове Буяне стоит дом, а в том доме стоят кади железные, а в тех кадях лежат тенета шелковые. Вы, старцы, не скованные, не связанные, соберите черных муриев в кади железные, в тенета шелковые от раба (имярек).

За морем синим, за морем Хвалынским, посреди океан моря лежит остров Буян, на том острове Буяне сидит птица Гагана с железным носом, с медными когтями. Ты, птица Гагана, сядь у дома, где стоят кади железные, а в кадях лежат черные мурии в шелковых тенетах, сиди дружно и крепко, никого не подпускай, всех отгоняй, всех кусай. Заговариваю я сим заговором раба Божия (имярек) от черных муриев по сей день, по сей час, по его век. А будь мой заговор долог и крепок. Кто его нарушит, того черные мурии съедят. Слово мое крепко» (Сахаров, 523).

ОБДЕРИХА Одерышек

Банный дух (см. *Банник*), отличающийся необыкновенной жестокостью. За малейшее нарушение банного ритуала наказывает. Большим прегрешением считается мытье в бане в одиночку, особенно в третий пар, который уготовлен обдерихе. На третью смену специально для обдерихи оставляют в кадушке немного горячей воды, а на полке кусочек мыла. С вошедшего в ее смену человека обдериха снимает кожу, вешает на печку-каменку, а тело забивает под пол, в щели. Всякое ночное посещение бани, особенно с похвальбой, что чертей бояться не стоит, карается обдерихой. Собрались ребята на Новый год, нашелся один, стал хвастаться, что [illegible] в баню, и с каменки каменек возьмет. Только [illegible] в баню — его

кто-то за ноги и схватил, говорит: «Возьмешь замуж — отпущу, нет — обдеру напрочь». Парень пообещал взять. Надел на обдериху крест и превратил в обычную женщину. Наказывает обдериха и тех, кто не оставит ей мыла помыться или воды в кадушке. В следующее посещение бани она плеснет на провинившегося кипятком или задушит угаром (Карнаухова, 83 — 84).

Обдериха известна на Русском Севере, в селениях по рекам Печоре и Пинеге. Если кто выйдет из бани с разодранной спиной — значит, обдериха драла. Обдериха может подменить ребенка, оставленного матерью в бане, после чего он становится обменом, детенышем нечистой силы. Видели обдериху под полком в бане, в полуночье она могла показаться кошкой с широкими горящими глазами. Значительно реже рассказывается о том, что обдериха помогла кому-нибудь в бане, спасла от угара (Черепанова, 27).

ОБМЕ́Н Омен, оммен, омменыш, обмененок, обмененыш

Детеныш нечистой силы, обмененный ею на человеческое дитя. Подменивают детей черти, банники, лешие в тех случаях, когда мать в злую минуту выбранит ребенка нехорошим словом или когда приспит, т. е. задавит младенца во сне. В последнем случае вместо живого дитяти черт подкладывает матери под бок колоду, чурку. Если застать черта в тот момент, когда он похищает ребенка, и перекрестить его, он бросит дитя. Унесенный ребенок водворяется в аду. Избавить младенца от ада может только мать, она должна три дня и три ночи простоять в церкви в кругу, прося Бога о помиловании души ребенка (см. *Черт*).

В случае, если дьявол вместо ребенка подбросит матери своего чертенка, окружающие начинают замечать, что он растет непропорционально, не может ходить, говорить, отличается страшной прожорливостью. Чертям проще всего обменять некрещеного младенца, поэтому после родов мать не оставляли одну и старались как можно скорее окрестить дитя. Из обменов вырастают не только уроды, но колдуны, чародеи. У одной женщины был подменен ребенок, когда — она не заметила, но с тех пор в доме стало твориться неладное. Что ни оставит после обеда или ужина — все исчезнет. Стали следить. Однажды старик хозяин лежал на печи, напротив в люльке — мальчик. Вдруг старик видит, как мальчик поднялся в люльке, вылез из нее и начал шарить по комнате, съедая все, что ни попадется. Старик обмер от страха. Тут кто-то застучал в сенях, мальчик — тотчас в люльку и, глянув на старика, погрозил пальцем. Старик после рассказал домашним обо всем, что видел. Решили обратиться к колдуну. Колдун объяснил матери, что, выросши, такой ребенок много зла принесет людям, он научил ее отнести мальчика на Терек и, обратясь задом к воде, бросить в воду головой вниз, произнеся при этом: «Иди, откуда пришел». Мать все так и сделала, но мальчик не утонул, а поплыл и, смеясь, крикнул: «А, догадалась, а то было бы тебе!» (Терские ведомости, 1891). В предотвращение неожиданного появления в доме чертей, держали собак и кошек черной масти, белых и красных петухов. «Красный и белый петух — все равно что свеча у Бога», дьяволы их боятся (Калужская губ.).

ОБОРОТЕНЬ Обертун, обертяка

1. *Нечистая сила.* Любой демон может принять тот облик, который захочет: животного, человека, вещи. 2. Человек, превращенный в животное колдуном (см. *Колдуны и колдуньи, Ведьмы, Волкодлаки*). 3. Сам чародей.

В новолуние колдуны принимали образ животного, чтобы делать зло людям. Оборотни-колдуны скинувшись в Святки волком или свиньей, в полночь кусали прохожих, отчего те превращались в животных сроком на семь лет. Если укушенный захочет вернуть человеческий облик ранее семи лет, он должен также в новолуние или в Святки укусить кого-нибудь, женщина — женщину, мужчина — мужчину, поменявшись таким образом с ним своей долей. По истечении срока колдовства невольные оборотни вновь становятся людьми и возвращаются домой бледными, исхудавшими, в том же самом платье, которое на них было семь лет назад. Колдуны, чтобы перекинуться в зверя, перепрыгивают через двенадцать стоящих лезвиями вверх ножей, с известными заклинаниями (Калужская губ.). Порыскав волком, колдун возвращается обратно и перепрыгивает через ножи уже с другой стороны. Если за это время кто-нибудь вынет их, он так и останется на всю жизнь волком. В Саратовской губернии колдун кувыркался, воткнув в свой рот два ножа. Оборачивались свиньей, коровой, собакой, козлом, кошкой, сорокой. В Калужской губернии волка-оборотня узнавали по задним ногам: они имеют колени вперед, как у человека. Людям невольные оборотни не вредят, в отличие от чародеев. При въезде в село Шигонь Пензенской губернии в восточной стороне находится высохший ручей Юрь, через него — мост. Из-под моста по ночам выходят гусь и

саниья происхождение которых никому не [illegible] [illegible] нападают на прохожих особенно на пьяных [illegible] [illegible] [illegible] (Максимов [illegible] — 108)

Оборотни-колдуны [illegible] не [illegible] [illegible] легко переносят раны и побои, которые быстро заживают. [illegible] [illegible] ведьма собака через два-три дня вновь явится к тому, [illegible] она решила искусать (Завойко [illegible]). [illegible] [illegible] можно определить [illegible] [illegible]. В одной новгородской деревне [illegible] часто [illegible] коров, но [illegible] [illegible] от них [illegible] [illegible] попросился к ним на ночлег. Устроили его в хлеву. Ночью он видит [illegible] ударил ее топором по [illegible] она и убежала. Утром [illegible] всех односельчан [illegible] [illegible] [illegible] избу — а у нее нога и верхняя губа [illegible] [illegible] — две [illegible] [illegible] сама она коров не держала (Владимирская губ.)

У [illegible] дети также будут обладать этим даром. В калужском селе Н[illegible] рассказывали [illegible] о том, как [illegible] ведьма [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] как мать, и обо[illegible]ачиваться [illegible]. [illegible] [illegible] к мужу — [illegible] [illegible] [illegible] не [illegible] стал бить ее, она и пожаловалась матери. [illegible]

платить, она не пускает со двора, так и [illegible] пока тот не уплатит мельнику сполна. Однажды [illegible] [illegible] у мельника [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] наглядоваться на нее не мог: бывало, принесет [illegible] [illegible] [illegible] дальше — больше, на счетах стала считать, даст кто-нибудь четвертак или целковый, сдачу пригонит, а сама свернется на стуле как ни в чем не бывало. Дошел слух об этой собаке до старухи-колдуньи. Явилась она в лавку. «Пойдем-ка друг мой, со мной, — говорит. — Полно тебе, голубчик, [illegible]». Привела его домой, [illegible] водой и положила на постель. Три дня и три ночи спала собака, а на четвертые сутки стала человеком. «Ступай теперь домой, — сказала ведьма, — отомсти жене ее хлеб-соль, дай ей утереться твоей ширинкой! Попроси у нее напиться, а опивки [illegible] ей в глаза». Так он и сделал. Обратилась жена в кобылу и пошла по белу свету (Смирнов-1, № 180).

Оборотнями бывают *клады* (см.). Оборотней водяных узнают по особой манере плавать [illegible] навстречу воде. Многие птицы и звери произошли от обращенных в них некогда людей. Лягушки — от проклятой женщины, стиравшей белье в [illegible]ницу и наказанной св. *Пятницей* (см.). Кукушки — от проклятой матерью за то, что потеряла ключи, дочки (Балов, 117).

Люди, помимо своей воли пережившие кошмар оборотничества, не любят вспоминать об этом. Вот история такого оборотня, [illegible] [illegible]ком по желанию дяди-колдуна, привыкшего [illegible] [illegible] и обо[illegible] поезжан в разных животных.

«Я [illegible] проснулся, вижу себя волком [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] своей деревни ходил. Хочу утащить овцу, а сила

Медведь и баба. Картинка из лубочной книги XIX в.

моей не хватает, потому — не волк я, и зубы у меня прежние. Так и питался тем, что оставят волки, но и от них я сторонился, заходил под ветер, чтоб не услышали человечьего запаха. Прошло три года, и опротивела мне жизнь. Знал я, что дядя мне это сделал, хотел отомстить, да боялся, как бы не убили меня в деревне. В воскресный день сел я близ дороги. Люди в церковь идут, гонят меня, кричат, а я все жду дядю. Вот идет он — я прямо на него, хотел схватить за горло зубами и заесть, а он положил мне руку на голову и говорит: «Что ты, Ванюша!» Гляжу — а я и впрямь человек, только одежонка на мне за три года вся истлела, изорвана волчьими зубами. Собрались люди и повели меня к старосте, а там к батюшке, к попу, а там в волость. В волости-то меня уже умершим считали».

На свадьбах колдуны и ведьмы обращали людей следующим образом: угостят чародейским зельем, а затем, во время свадебного поезда, устроят так, что сани опрокинутся на ровном месте, а после этого тот, кто пил колдовское зелье, убежит волком (Калужская губ.).

ОВИННИК *Подовинник. Гуменник.*

Дух — хозяин овина, деревянного строения, предназначенного для сушки хлеба, с очень древним типом печи, заглубленной в землю. Из старинных книжных памятников известно, что славяне молились под овином огню. В XIX столетии [illegible] именины овинника на Воздвиженье (14 сентября) и Покров (1 октября). На овинные именины пекли пирог, приносили в овин петуха. Петуху на пороге отрубали голову и его кровью кропили по всем углам, пирог оставляли в подлазе овина. Одни считали овинника добрым духом

«Он чужому не выдаст, только помолиться ему сказав «Овинный батюшка, побереги от всякого зла, от всякого супостата раба Божия (имярек)»» и можно ночевать в овине. Овинник спасает от разной нечистой силы, в том числе от бродячих мертвецов. Сошлась молодежь в один дом на посиделки, а там как раз накануне старуха умерла. Стали одного парня дразнить, мол, явится тебе покойница. А он все смеялся. Вышел из дому — старуха и пристала к нему. Он от нее бежать, она за ним. Взмолился парень овиннику, так и батюшка, выбежал, дрался со старухой до самых петухов, а парня сберег (Харузин, 327).

В Вологодской губернии овинник похож на человека с длинными всклокоченными волосами вымчатого цвета (Зеленин-1914, 263), в Калужской он мог принимать не только человеческий облик, но и вид животного: белой или черной собаки. Повсеместно об овиннике рассказывали как о страстном борце, любящем помериться силами с местными богатырями. Однажды сила Валуя [illegible] овинник на всю жизнь согнул в дугу, когда тот топил овин. В ответ Валуй схватил овинника в охапку и бросил в огонь. Овинник отомстил тем, что сжег в овине сына Валуя, такого же богатыря, как его отец. Обгоревший труп дитяти зарыли забитым под стену, видно, дрался с [illegible] [illegible]. К полуночи в овине [illegible] бочится. Один хозяин садил снопы к ночи [illegible] на [illegible] прибежала к нему знакомая маленькая белая собачка. Он кликнул ее: «Лебедушка, [illegible] на задние лапы да как заговорит» (Калужская [illegible]).

В большинстве рассказов овинник — страшилище, [illegible] пугать людей и глумиться над ними. Он сдирает кожу с баб, [illegible]

[illegible] лет в чистой [illegible] [illegible] в [illegible]. Молодежь [illegible] молотьбы — 24 сентября, тогда и первый раз топился печь в овине у тех, кто затопит ее раньше, [illegible] лумиться в [illegible]. Один [illegible] отправился ночевать в затопленный к вечера овин, взял с собой священные книги. Едва успел расположиться на ночлег, как кто-то невидимый сильно застучал в стену чем-то тяжелым. Едва прекратился стук, [illegible] снял с себя нательный крест и закрестил все углы. Тут, к его ужасу, с потолка, с того места, которое приходится как раз над печкой, [illegible] падать в огонь лягушки. Глум прекратился так же неожиданно, как и начался. После того как [illegible] сгорит с последнего снопа [illegible] он, обратившись лицом к овину, благодарил овинника: «Спасибо, батюшка овинник! [illegible] [illegible] огонь [illegible] и [illegible]» (Смоленская губ.). По окончании молотьбы в Москве и [illegible] хозяин [illegible] пирогами и приговаривал: «дай Бог овину [illegible] в мире стоять!» (Зеленин-1915, 7, 4). В Ливонии [illegible] [illegible], которой завершали молотьбу, в ее честь пекли пироги. Иногда хлеб [illegible] оставлял в овине 9 или 13 (нечетное число) снопов — «жителей». Клянились овину без креста со словами: «Благодарю тебя, овин, что сохранил нам хлеб!» (Потанин, 190).

Овин играл важную роль в обрядах и праздниках, прямо не относящихся к хлебу и молотьбе. В Стародубье [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] через огонь [illegible] «жюк» [illegible] в [illegible] [illegible] разъезжались по домам (Сборник

материалов-16. 12.) В Олонецкой губернии в [illegible] день [illegible] ходили к [illegible] один входил в [illegible] мел по стенам [illegible] Изнутри спрашивали «[illegible] там [illegible]» Снаружи отвечали «[illegible]» ([illegible] 917) Овин был [illegible] к нему обращались как к Богу. Матери [illegible] младенцев [illegible] на заре к овину и умывали росой со словами «[illegible] Владыка! Возьми с младенца крик и воль [illegible] в изголовье (Зеленин 1915, 785) У [illegible] предков, [illegible] [illegible] Многие [illegible] на сохранение [illegible] девушкам [illegible] вечер накануне [illegible] так же как банник [illegible] в банях. В [illegible] между первыми и вторыми [illegible] в овин [illegible] и [illegible] тем [illegible] овинник не [illegible] не дотронется [illegible] [illegible] [illegible] может [illegible] драться с [illegible]

У овинника [illegible] других [illegible] может им [illegible] к стенке [illegible] лезет к нему [illegible] потом [illegible] медведем и пошел к [illegible] на задних лапах. Крестьянин упал [illegible]

[illegible] Через месяц [illegible] к нему. Прошел год. Отправился тот [illegible] на базар. Идет городом, навстречу мужик. «Пойдем, — говорит, — я тебя угощу». «За что, — думает мужик, — он меня угощать будет?» — но пошел в шинок. За бутылкой вина встречный стал просить прощения: «Моя вина, что ты прошлый год испугался овинника. Я ехал мимо овина и видел, как ты пошел его сушить. Подозвал к себе овинника и велел тебя попугать. За это и угощаю, чтоб ты простил меня!» (Владимирская губ.)

ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ О[illegible] бес, огненная корчага, *летун*, *змей*, *пара*

Дьявол, летающий как к женщинам, так и к мужчинам. Чаще посещает вдов и девиц, тоскующих по умершим мужьям и женихам, являясь в образе покойного. От посещений огненного дьявола женщины сохнут, худеют и умирают. Для других людей он невидим, кажется падающей звездой (Чулков, 202). В Смоленской губернии [illegible] вали, как некогда удалось в одном селе убить огненного змея. Хотели засыпать его землей [illegible] сколько возов земли ни привозили на [illegible] — все было мало. Привезли на [illegible] горсть [illegible] — земля разрослась и [illegible] (Ушаков, 175)

Огненный змей может летать к смерти [illegible] из домашних. Двое возвращались домой, видят: низко от земли летит в деревню огненный сноп, змей — голова толстая, к хвосту все тоньше и прямо к дому Ивана А[illegible]. На другой день Иван [illegible] [illegible] В другом доме, куда летал змей, скончалась девица двадцати лет (Вологодская губ.)

Огненным змеем может обращаться [illegible] колдун с целью любовных свиданий с женщинами

Один такой колдун жил с мужней женой, пока муж был в отъезде. Она забеременела и от стыда и страха удавилась. Когда односельчане, ожидая приезда станового, караулили ее тело, колдун огненным змеем прилетал к покойнице, расцвечивался искрами, так что овцы по двору замечутся, коровы замычат, а он [illegible], поплачет и улетит (Колонн. 51 — 52).

Огненных змеев призывали в заговорах, чтобы присушить девицу. Мылись в бане, наговаривали на воду, которая оставалась от мытья: «Идут из меня девять духов, девять огненных, хотят сине море зажигать, не зажигайте сине море, а зажгите сердце у такой-то». Этой водой поят того, кого привораживают (Владимирская губ.).

Огненными змеями летают черти к колдунам и тем, кто их призывает, носят деньги избранникам. О людях, неожиданно разбогатевших, говорят: «Им [illegible] деньги носит».

Чтобы избавить человека от змея и сухоты, которая [illegible] следствием визитов нечистого, втыкают в порог и во все [illegible] дома траву мордвинник, читают следующее заклятие:

[illegible]

Бонеса 1874 — 78

Во Владимирской губернии считали, что женщину, измученную змеем, от вожделения могут [illegible] до крови бобы. Кропили [illegible] всюду в доме, особенно — на чердаке

[illegible]

ОСПА ИВАНОВНА Воспа Ивановна [illegible] *Кумола [illegible]*

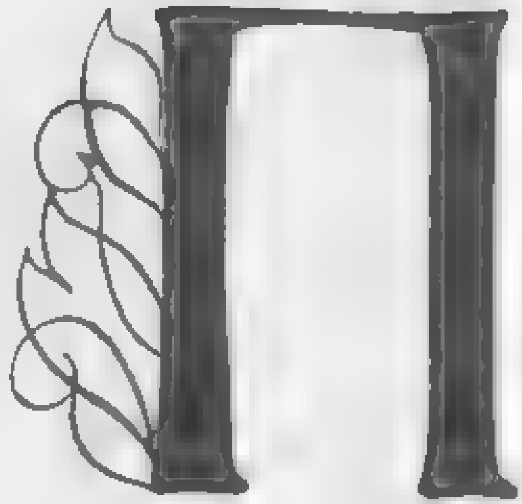
[illegible] болезни оспы в виде духа женского рода. Отношение к Оспе было крайне уважительным. Как только эпидемия начинала распространяться, в деревне пекли блины, пироги и шли в дом больного, здесь кланялись ему в [illegible] и просили Оспу-матушку [illegible] ребенка. Представляли, что Оспа [illegible] внутри тела больного [illegible] как с духом [illegible] к болезни в нем [illegible] «Воспа Воспоя [illegible] к нам [illegible] Оспе [illegible] парили в [illegible]

В отличие [illegible]

В [illegible] здоровым детям больных из соседних домов [illegible]

ря: «Оспа Ивановна, пожалуйте к нам на пир!» Иногда мать шла сама с ребенком к оспенному больному за покупкой Оспицы. Покупка заключалась в том, что здоровый ребенок целовался с больным, ел с ним один [illegible] пил из одной чашки. Лечили заболевшего жаром, баней дважды в день, [illegible] сильно [illegible] чтобы не обжечь себе руки, а ребенка из такой бани выносили всегда без чувств. В тяжелых случаях банк заменяли обжигание [illegible] блинами, которые бросали прямо [illegible] на едва прикрытое тело больного.

В случае выздоровления или смерти больного [illegible] Оспа Осповна, спешит [illegible] в другой [illegible] Чтобы этого не случилось, старались выжить из избы болезнь или прогнать ее «на лес». Все эти приемы [illegible] — *царевны Ва[illegible]евны* ([illegible] 214 — 216)



ПЕРЕЖИНЧИК, ПЕРЕЖИНИЦА См. *Ко[illegible]ны и колоньи*

Чародеи, [illegible] пережином [illegible] от этого колдовскую силу и [illegible] на своем поле в ущерб [illegible]. [illegible] сразу узнает зерно пережинчика по особой форме: у колдуна зерно [illegible] обкусано или [illegible]. Пережин совершают обычно накануне 24 и 26 июня над озимой рожью: за полночь пережинчик пережинает три поля соседних деревень. Для этого он становится у крайнего овина деревни и идет, подсекая рожь наискось, начиная с крайнего овина, выходя на край другой деревни. В эти дни крестьяне стерегут поля от пережинщиков [illegible] [illegible] глазами (Костоловский, 129 и сл.). Во

Владимирской губернии крестьяне старались узнать пережинщу до этого срока. За неделю-две до жатвы шли в поле, засеянное рожью, где каждый домохозяин нажинал по небольшому снопу ржи. Снопы несли в деревню, сваливали на околице и поджигали. Если в деревне есть *кликуши* (см.), то, увидев зарево, они выкликали имя ведьмы-пережиницы. Считали также, что от сожжения первых снопов у пережиницы выгорит весь хлеб. Ведьму можно было узнать следующим образом: за несколько дней до жатвы нажинали сноп полыни и сжигали его в бане, обгоревший сноп вешали на воротах, отчего у пережиницы хлеб в поле должен был стать полынью.

ПЕРЕПОЛОХ См. также: *Лихорадки, Лумока, Огпа Ивановна*

Дух детского страха, испуга. От переполоха на ребенка надевают рубашку задом наперед. Переполох от собаки не опасен, она сама его вылизает; переполох от молчаливого и злого гусака, погнавшегося за ребенком, гораздо опаснее, к тому же и укус [illegible] на детях сухой заживает крайне медленно. [illegible] с сорочкой [illegible] [illegible] ребенка по ночам и не дающих ему [illegible]. [illegible] ребенка [illegible] ее ([illegible]).

ПОДОВИННИК *Овинник, Гуменник*

Дух — хозяин гумна, приятель *банника* (см.). [illegible] в бане как [illegible] постояльца от гуменника. Один крестьянин [illegible]

дороге и попросился заночевать в бане. Лег на полок и только задремал, как и баня вся [illegible] овинник сказал: «Он хозяин. На беседу звал, а сам ночлежников пускаешь, я вот его задушу». Тут поднимается хозяин, выходит в баню и говорит: «Я его пустил, так я и зашибаю». Начали они бороться, долго боролись, одолеть друг друга не могут. Вдруг банник ударил человека крестом и хлебом его: прохожий [illegible] и [illegible] сразу пропал.

В подовин ходит черт в виде черной собаки. Один крестьянин сидел с женой в [illegible] [illegible] снулся и видит: огонь весело горит, а перед ним лежит большая черная собака. Мужик закричал: «[illegible] а [illegible] в голове дыбом встали. Собака на него зыкнула, жена [illegible] и некоторое время [illegible] и [illegible] в жопе. Окно-то было крошечное, а собака страшно большая (Новгородская губ.).

По-добри домовому, подвинник предсказывает будущее спящим. Один крестьянин сушил овин и заснул. Слышит: возле него хрюкнул [illegible] «к худу». Через год у хозяина медведь [illegible] было. Иногда подвинник спасает человека от злых духов, если он об этом попросит (Богатырев, 39).

ПОДПОЛЯ́ННИК

Дух, живущий в подвале, подполье, сходен дворовым (домовым). Живет в [illegible] семьями. Жизнь подполянников внешне не отличается от жизни крестьянской семьи. [illegible] злее дворового, он затаскивает к себе прохожих, [illegible] детей. У одного подполянника [illegible] масть дочка [illegible] замуж выйти, хотела уже сына женить, а

пришла к матери просить сыта и пригласила ее посмотреть, как она живет. «Спустись, — говорит, — на три ступеньки вниз в подполье (где жестянице недужек в хлеву) и гляди, посмотри своих чад». Тут мать и увидела всех подполянников, как люди (Харузин, 326).

ПОЛЕВО́Й *Полевик, вольной*

Дух — хранитель и хозяин хлебных полей, по одним поверьям — черен телом, как земля, глаза разного цвета, вместо волос — длинная зеленая трава, на каждую деревню бывает по четыре полевика, по другим — является вместе с ветром, [illegible] дует, весь в белом, прикостывает. Жители [illegible] полевик показывается маленьким [illegible], который может неожиданно выскочить [illegible] света. Полевик сравнен [illegible] или [illegible] с разными духами. Новгородская крестьянка рассказывала, как одежды полевик [illegible] [illegible] сжижи кутис [illegible] «сторожихонька помрала». Крестьянка дома рассказала мужу о случившемся в поле. Тут и [illegible] что-то за [illegible] «как сторожихонька» [illegible] показалась черная [illegible] маленькая человечек, двери избы сами отворились, и существо с ним выбежало из избы.

[illegible] полевика те же, что и у леших: [illegible] заводит в болото, особенно любит [illegible] под пьяными пахарями [illegible] у межевых ям (см. Межевой). В Орловской губернии крестьяне ночью в Троицын день несут в уединенному от жилья и дороги [illegible] и крадут у добрых соседей старого петуха в дар полевику, причем так, чтобы никто этого не увидел, иначе полевик рассердится и истребит хлеб (Максимов, 78 — 80).

Видеть полевиков можно в полдень и пер[illegible] заходом со[illegible] [illegible] из [illegible] [illegible] еще более [illegible] [illegible] разные [illegible] на меже [illegible] может [illegible] крестьянин [illegible] как [illegible] конский топот [illegible] — на него мчится верхом здоровенный малый на сером коне. Едва мужик успел увернуться, как всадник проскакал мимо, крикнув на ходу: «Счастлив, что успел уйти, а то навеки бы тут остался» (Колчин, 28 — 29). Ночью мелькающие в поле в потемках огоньки — игра друг с другом полевиков. Порой слышно, как они [illegible] не разобрать [illegible] и пение полевиков — к несчастью. Одна женщина в полночь сидела у окна избы без огня. [illegible] через [illegible] деревня [illegible] (Балов, 68).

[illegible] пугают [illegible] и сами так что [illegible] не может их тянуть, а сам [illegible] цепенеет и не в силах пошевелиться.

ПОЛУ́ДНИЦА

[illegible] в засеянных хлебом полях и являющаяся [illegible] в полдень в виде высокой красивой девушки, одетой во все белое. [illegible] во время жатвы она ходит по полям и [illegible] кто в самый полдень работает, берет за голову и начинает вертеть, пока у того не заболит [illegible] заманивает в рожь малых детей и заставляет их [illegible] (Балов, [illegible]) [illegible] на межах [illegible] села. Образ [illegible] близок русалке, в [illegible]

[illegible] Во время [illegible] как [illegible] длинными зелеными [illegible] [illegible] [illegible] себя крестом [illegible] полям русалки начинают бегать после троицких проводов [illegible] и вполне смешиваются с полудницами. Так же как последние, они заманивают маленьких детей лакомствами, которых [illegible]

Добрые полудницы закрывают в полдень громадной сковородой [illegible] чей солнца, злые — [illegible] и цвет трав (Зеленин 1914, 263).

ПРИВИДЕНИЯ (См. также *Заложные мертвецы. Мара. Смерть. Тень*)

[illegible] Вера в привидения [illegible] душа человека, умершего [illegible] колдуна или ведьмы. Души мертвецов, ждущих поминовения, являются родственникам и знакомым, чтобы те вспомнили о покойнике и отслужили молебен, пришли на могилку.

Привидениями [illegible] души мертвецов, которым слишком сильно [illegible] оставленные ими в этом мире женихи или невесты, матери [illegible] Такие привидения могут свести в могилу, заманив на кладбище, или содрать кожу с живого [illegible] являлись в дом ночью. Жили два брата с женами. Ушли как-то в лес и не вернулись [illegible] на стол мечет. Старшей [illegible]

ки ложка под стол упала. Она стала поднимать, полезла под стол, глядит — а у мужиков на ногах когти железные, догадалась она, что это мертвецы, говорит младшей: «Скорей работу какую-нибудь делай!» А та в говорит: «Вот еще! Ночь на дворе, я мужа долго не видала, лучше с ним спать пойду!» И ушла. Муж старшую тоже звал спать, а она не идет, в избе все прибирает, молится Богу молится и все ждет, когда петухи пропоют. Он ее уже бить начал, вдруг петухи запели. Он вмиг упал, почернел и исчез. Она народ позвала, положили на чердак, когда младшая девочка ушла, а с нее уже кожа содрана, на соломе расстелена, и никого нет.

Повсеместно распространены были рассказы о женихе-мертвеце: привидении, сватающемся к девушке. Например, на Пинеге рассказывали: девушку не пускали замуж за милого, она решила уйти замужней. Ночью по уговору за ней приехал жених, она подала ему в окно приданое, вышла сама, и они поехали. Приехали на кладбище, перед ними раскрылась могила. Девушка, понял, что жених — мертвец, думала только о том, как бы вернуться к людям. Оглянулись на ту, от могилы, уже для них и ей нужно сходить, а [illegible] она убежала с кладбища. Мертвец бросился в погоню, но девушка успела вскочить в крапивник, на [illegible], где знакомая старушка спрятала ее за пазухой. Пропел петух, исчез мертвец, и девица была спасена.

Покойники являются привидениям, чтобы отомстить за нанесенную им при жизни обиду. Два кума поссорились из-за коровы, вспыхнула вражда, началось с мелочей, дальше — больше, наконец кум Петр подпалил гумно своему врагу. В ответ кум Иван спалил Петрову избу, в горящем доме погиб сын Петра. Увидев, что сына не спасти, Петр крикнул: «Не замолить тебе будет этого и не отчитать! Не будет тебе, Иван, ни сна ни отдыху» — и сам бросился в огонь. С [illegible] дня призрак Петра каждую ночь стоит у Ивана под окном, стучит и воет: «Отдай моего ребенка». Потом в избу стал входить выть, на лавку сядет и сидит, душить начал. Иван почернел, ночи как огня боится. Иван не мог отчитать, так и удушил его покойник.

Живущие в ином мире привидения знают тайны будущего и прошедшего и могут предсказывать события. Появление призрака мертвеца [illegible] с домом предвещает смерть кого-нибудь из домашних. Старая [illegible] рассказывала об умершей матери: «Прошел год после ее похорон, слышу — за стеной кто-то ходит. «Кто тут?» говорю, а он не отвечает. Вдруг дверь отворилась, вошла маменька, бродит по избе и воет: «Миша, Мишенька, пойдем со мной». А Мишей младшего брата звали, я опомнилась, крикнула, она и [illegible]. В тот же день занемог Мишенька, да через три дня Богу душу и отдал, мать за ним [illegible] с собой взяла».

Редко, но встречаются бывальщины об обращении привидений в живых людей [illegible] о возвращении покойников. В деревне Немнюга рассказывали о мертвой жене, которая ходила к мужу под окна и просила: «Муж ты мой венчанный, [illegible] меня [illegible] мои [illegible] лися!» Муж прогнал ее, она стала ходить к отцу, матери, к сестре, никто не [illegible] ее, кроме прежнего возлюбленного. Три дня он провел с мертвой, а на четвертый повенчался в церкви. Надел на нее [illegible] свадебных [illegible] ее к жизни и сказал: «Кто от нее отказался, тому

она не жена, а кто в дом пустил, с тем и жить будет» (Карнаухова, 87 — 95).

Привидениями являются клады, мавки, русалки, качающиеся на деревьях с ранней весны до глубокой осени, с заходом солнца играющие на кладбищах, отчего прохожим заметны блуждающие между могил огоньки. Некрещеные младенцы, умершие вскоре после рождения, до семи лет кружат ночами возле места своего погребения, а по истечении семилетнего срока в полночь громко плачут и просят себе имени. Счастлив будет тот, кто, услышав этот вопль, назовет имя, соответствующее полу умершего ребенка (Шейн, 78).

Особый род привидений — призраки-двойники, так домовой может явиться перед хозяином в его платье, что обычно истолковывается как дурной знак. Если двойника застаешь в своей комнате, если он движется впереди человека — это предвещает близкую смерть, если двойник идет следом — только предостережение. В XIX — начале XX столетия среди высшего и среднего сословия встречались люди, привыкшие к тому, что они часто видят своих двойников и даже могут с ними общаться. Людей, способных к созерцанию разных видений, называли духовидцами. В присутствии других людей привидение может показаться только одному человеку, остальные его не замечают.

Появлению призрака иногда предшествует треск, издаваемый деревянной утварью, мебелью, стенами, предполагается как бы проникновение привидения сквозь трещину. Неожиданные необъяснимые звуки, послышавшиеся в доме, поле, в сарае, овине, в лесу могли быть сочтены приметами передвижения привидений.

Страх перед призраками мертвецами [illegible]

[illegible] XIX в.

приемы ограждения от них. На окнах, дверях, на потолке выжигали кресты свечой, принесенной с чтения страстей в великий четверг. Пол посыпали золой, на подоконник клали кусочек железа. Для того чтобы узнать, не мертвец ли подозрительный гость, ставили в красный угол ребенка, который мог заметить оловянные глаза и медные зубы нечистой силы. Пение петуха, даже в неурочный час, разгоняет наваждения. Чтобы петух прокричал, можно уколоть его иголкой. На Пинеге был распространен заговор против мертвецов, на крик петуха: «[illegible] от лихорадки, от мертвого, от нечистого. Запой, Божья птица, красный петух, голосистый звон, прогони от меня рабы Божией (имярек) мертвецов мертвяка обратно в гроб, в сыру землю» (Карнаухова 89).

ПРОКЛЯТЫЕ

Люди, при жизни [illegible] чаще всего дети — матери за непочтение к ней. Вскоре после проклятия, иногда невольного, сгоряча, в злую минуту, они пропадали и жили у нечистой силы в недоступных болотах. Под видом ямщиков [illegible] на дорогу и подсаживали путников. Хозяин их всегда [illegible] [illegible] [illegible] кладбищам и заложным покойникам, проклятая земля не принимает, и они бродят по свету тенями, [illegible] и причиняя вред людям. Материалы [illegible] 240. В Астраханской губернии верили, что проклятые [illegible] наемными [illegible] в воду и замучивают до смерти шестиной (ср. Русалки). Сама смерть считалась проклятой до [illegible] Адама: он не взял ее на хлеб, хотел умереть голодом, [illegible] до [illegible] и вечно [illegible] не может насытиться живыми людьми.

Проклятые дети попадают либо к той нечистой

силе, в сфере патронажа которой было произнесено проклятие, либо к тем духам, имя которых упоминалось в проклятии (унеси тебя леший, [illegible] хорь, черт и т. д.).

ПЯТНИЦА

В культуре ряда [illegible] народов в существовало почитание некоторых дней недели, выражавшееся в соблюдении особых обрядов и в предписании определенных форм поведения, например в среду, пятницу, субботу или воскресенье («неделю»). На древе на Руси особым уважением пользовалась [illegible], которую представляли женским духом, она являлась людям в виде красивой женщины с [illegible] [illegible] чаще молодой, чем пожилого возраста. Пост и молитвы в двенадцать [illegible] пятниц спасали от множества разных бед. Соблюдение первой пятницы в первую неделю великого поста сохраняло от напрасного убийства, так как в этот день Каин убил Авеля, второй — [illegible] перед Благовещением) — от [illegible] на вербной неделе перед Пасхой — от напрасного [illegible], так как в эту пятницу [illegible] перед Вознесением — от [illegible] пятой пятницы — перед Троицей — [illegible] — перед [illegible] и пожаров [illegible] Спаса Преображения Русалки [illegible] — [illegible] — [illegible] — [illegible] — [illegible] Пятницы [illegible] Сама Пятница [illegible]

сковья мучилася У царя у Макса она неверн[illegible] Умирала за веру Христову») — «от напрасного мучения сохранен будет»; одиннадцатой — перед Рождеством Христовым, — кто станет поститься эту пятницу, тот помилован будет от Бога и душа его по смерти вознесется в Царствие Небесное; двенадцатой — богоявленской, крещенской (в ту великую пятницу окрестился сам Иисус Христос в святом Иордане) — тот по смерти избавлен будет от вечных мук и наследует Царствие Божие (Бессонов-6, 120 — 123).

Кроме этих двенадцати пятниц почитались еще девять обетных: Обжорная (на третьей неделе великого поста), Страстная, Спасовая, Временная, Разгульная, Молебная, Кающаяся, Праздничная и Девятая. Обетные пятницы устанавливали, чтобы не было засухи, неурожая, падежа скота, эпидемий, других бедствий. От XVI века сохранились заповедные записи — договоры крестьян одной общины в пятницу не толочь, не молотить, не жечь камения в течение определенного срока (например, трех лет). Нарушивший заповеди платил штраф в пользу общины. Собираясь в условленном месте, празднующие обетную пятницу выносили образ Параскевы-мученицы, обвешанный платками и лентами.

В честь Параскевы Пятницы отмечали девять торговых пятниц, обыкновенно следовавших одна за другой в течение девяти недель после Пасхи. В древности на перекрестках дорог ставили столбы с изображением Параскевы, которые так и назывались Пятницами. Это же имя часто носили придорожные небольшие часовни. Сама же великомученица Параскева называлась Пятницей, Пятиной, Петной, ее день — 28 октября. Мастера рисовали ее на иконах высокой худощавой жен-

щиной, с лучезарным венком на голове. Иконы Параскевы Пятницы можно было найти в каждом доме, перед ними молились о благополучии и счастии домашних. По древнерусскому верованию, святая Параскева была покровительницей полей и скота, поэтому в день ее памяти в церковь к божественной службе приносили для освящения плоды, впоследствии они хранились в домах как священные предметы до следующего года. Иконы Параскевы, находившиеся в церквах, убирали лентами, монистами, душистыми травами и в таком виде носили их в крестных ходах и других церемониях.

В октябре был также день памяти преподобной Параскевы Терновской, от болгарского города Тернова (Тырнова), куда были перенесены ее мощи в 1193 году. Обе эти Параскевы праздновались в те дни, когда женщины приступали к традиционным осенне-зимним работам, прядению, трепанию льна. Поэтому Параскев называли также «льняницами-трепальницами». Отрепанную перину льна жертвовали в церковь, привешивали к образу Пятницы. Параскеве Пятнице молились о сохранении от падежа скота, от дьявольских кошек, от [illegible] головных, зубных и прочих болезней. Молитвы в честь Параскевы носили на шее как предохранительное средство от разных недугов, если болела голова, их привязывали к голове. Стражающие от [illegible] силы ставили перед образом Параскевы свечи, в надежде получить избавление от бесов (Калинский, 308 — 314).

Октябрь — пора свадеб, начинавшихся обыкновенно с Покрова, 1 октября. «Батюшке Покрову» и «матушке Параскеве Пятнице» незамужние девицы молились о женихах («покрой землю снежком, а мою голову платком», т. е. головным

убором замужней женщины, обязанной покрывать волосы). Как покровительница браков, Параскева могла творить злые и добрые дела. Обманутая девушка обращалась к Пятнице с просьбой о смерти соперницы, также ставя ей свечку, правда, зажженную иначе, чем обычно, концом вниз

Я пойду, млада, на новый базар,
[illegible]
[illegible] Пятнице
«Ты [illegible] свеча
Ты [illegible] меня»
[illegible]
[illegible]

поется в народной песне (Киреевский, НС-2, № 253).

Все это безусловно не имело никакого отношения к житию святой Параскевы за исключением, пожалуй, одного момента: родители святой [illegible] долго были бездетны и, по обету, проводили пятничные дни в посте и молитве, [illegible] даровать им потомство и однажды в пятницу у них родилась дочь, которую назвали Параскевой (по-гречески это то же, что по-русски [illegible]).

Народные верования и обычаи, связанные с пятничными днями, рассматривались церковью как служение дьяволу, а не Богу. В [illegible] говорится, что по погостам, и селам, и волостям ложные пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы, наги и босы, и волосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются, а сказывают, что им является святая Пятница и святая [illegible] и велят им заповедати крестьянам каноны [illegible]. Они же заповедают крестьянам в среду и пятницу ручного дела не делати и женам не [illegible] и платья не мыти, и каменья не разжигати [illegible] заповедают богомерзкие дела творити [illegible] прясть, не ткать, не стирать — все эти запреты

связаны со страхом засорить глаза святой Параскеве, исколоть ее веретенами и иглами. За неуважение к ней Параскева наказывает той болезнью, от которой пострадала сама мученица, двумя [illegible] болезнью глаз.

Одна женщина пряла в пятницу до обеда, и вдруг сон напал на нее. Когда она уснула, дверь отворилась и вошла матушка Пятница в белом шушуне. Набрала горсть кострики с пола и бросила в глаза спящей. Женщина проснулась от жгучей глазной боли. Поняв, что это — казнь от Пятницы, она стала усиленно молиться святой Параскеве, обещая поставить ей свечу и заказать другу и недругу никогда не обижать матушку Параскеву. Ночью явилась Пятница, выдула из глаз виновной кострику и излечила ее (Афанасьев-Легенды, № 13).

Пятницу почитали едва ли не так же, как Богородицу. Во многих местностях поверья, связанные с Пятницей, относят к Пречистой Деве: женщины не прядут по пятницам, чтобы не запорошить глаза Богородице, которая тогда ходит по избам, с этой же целью накануне пятниц подметают полы в избах. Сближался образ Пятницы и с образом матери-сырой земли. В начале жатвы в [illegible] пожилая женщина, [illegible] ная среди односельчан как легкая на руку, выходила ночью в поле, нажинала первый сноп, [illegible] вязала его и до трех раз то клала на землю, то поднимала со словами: «Пятница Параскева матушка! Помоги рабам Божиим (таким-то) без скорби и болезни окончить жатву; будь им заступница от колдуна и колдуницы, еретика и еретицы». Затем со снопом в руках она старалась дойти до двора незамеченной (Афанасьев-I, 240).

Пятница — вечная странница, рассказывают, что она ходит по земле и водит с собой в тона

рницах Смерть. Строгая и требовательная к замужним женщинам, она бывает ласковой и доброй по отношению к девушкам и молодым холостым мужчинам, которым подыскивает невест. Шел дорожный прохожий, устал, сел отдохнуть и стал закусывать, чем Бог послал. К нему подсела молодая красивая женщина и попросила разделить с нею трапезу. Парень тотчас поделился. «А за это тебе награда, — сказала женщина, — иди в село и бери там замуж самую богатую девушку и живи с нею в добре и холе ровно сто лет». Прошел условленный срок. Вновь явилась красавица. «Пора тебе умирать!» — «Не хочется, прикинь еще сотенку». Прибавила. Эти годы истекли. Снова пришла Пятница со своей спутницей — Смертью. Еще сотню лет попросил у нее старец. Лишь через триста лет согласился он умереть, так как жить на вольном свету ему самому надоело. Повела его Пятница на тот свет, идут и видят привольное место, так бы и остался, но Пятница повела его дальше. Снова старцу понравилось красивое место, но и там Пятница не остановилась. Дошли до двери, и толкнула она в нее старца, оказался он в кромешном аду. Захлопнула Пятница дверь за старцем и сказала: «Жил бы он в пресветлом раю, если б умер на первой сотне лет, а теперь столько нагрешил, что самое место ему — у чертей в когтях».

Местные предания возводят к чудесам Параскевы Пятницы замечательной формы камни (например, следовики или просшие в деревьях), родники с целебной водой. В селе Ильеши Ямбургского уезда Новгородской губернии показывали березу с булыжным камнем, засевшим глубоко в коре. Камень запустил леший, когда преследовал Пятницу своими ухаживаниями. Спасаясь от лешего, Пятница вскочила на березу и исчезла, а

разъяренный леший забросал камнями ее дерево, при этом один камень попал в ствол березы (Максимов С. В. На Ветлуге. — Нижн. 1885. Т. VI. № 22. С. 197 — 205).

Вера в существование Пятницы, странствующей по белу свету и наказывающей прях, была настолько сильна, что иногда порождала комические ситуации. Корреспондент Русского географического общества писал в середине XIX века о неожиданном следствии распространенного поверья. В одном селе Самарской губернии женщины богатого дома стали прясть при огне в пятницу и, чтобы не дремать, пели песни. Неожиданно в избу вошло существо, похожее на женщину с распущенными волосами, одетое в рубище, покрытое разноцветными, очевидно кровавыми, пятнами. Помолившись Богу, странница произнесла: «Не скажу вам, други мои, Бог помочь, потому что вы не почитаете пятницы, в этот день прядете и песни поете! Такими неблагопристойными делами вы оскорбили Бога, а меня всю изранили, так что я с головы до ног вся в язвах. Бог послал меня передать вам, что ваши мужья живыми домой не возвратятся, все померзнут в дороге. Я — Пятница Прасковея». Пряхи побросали гребни, стали плакать и молиться. В это время сообщники мнимой Пятницы обокрали хозяев. Уходя, Пятница обещала упросить Бога о помиловании неосторожных женщин. Разноцветное тряпье Пятницы нашли после на воротах и заборе (Зеленин-1916 [194]). Не случайно поэтому предусмотрительные рукодельницы соблюдали не только именные, временные и обетные пятницы, но все пятьдесят две пятницы в году.

РЖА́НИЦА См. *Полудница*

РИГА́ЧНИК Рижный. См. *Гуменник, Овинник, Подовинник*

Дух — покровитель риги, гумна, овина — хозяйственной постройки, предназначенной для сушки и молотьбы хлеба. Рижный требовал уважения, иначе сжигал и овин, и хлебные запасы. Одному хозяину рижный сжигал гумно дважды, тогда он решил запугать этого духа. Пригласил медвежатника с медведем, спрятал их за печкой. В полночь пришел рижный хозяин и принес много рыбы, начал ее печь на углях. Печет и сбрасывает, а медведь из-за печки подбирает лапой и ест. Рижный хватился — ни одной рыбы, прошелся за печь, тут медведь и сгреб его, начал тискать,

пока ригачник не убежал. Вскоре рижный хозяин встретил одну женщину и попросил передать крестьянину, владельцу той риги, что больше жечь ее не будет и хочет одарить его деньгами, зарытыми под углом риги, их там полный котел (Перетц, 11).

В Тульской губернии верили, что ригачник помогает человеку, спасая его от козней ведьм и колдунов, предсказывая судьбу. Красивый парень понравился молодой ведьме, ей хотелось выйти за него, а он взял другую. Решила ведьма сжить его со света. Дело было к осени, пошел молодой хозяин спать в ригу, слышит голос: «Человек, к тебе беда идет, лезь на колосник». Парень послушался, только влез — вбежала в ригу свинья, искала, искала парня, не нашла, заголосила по-человечьи и [illegible] от ведьмы-оборотня за дверью, а на третий день велел взять тележную ось и ударить ею свинью, наотмашь один раз — в тот же миг она сделалась девкой, с неделю поболела и умерла (Колчин, 39 — 40).

Ригачник лечил больных ломотой в пояснице. На Кенозере, в Олонии, больной терся об угол риги, приговаривая: «Овин, овин, возьми утин, неси один!»

РУСА́ЛКА Берегиня, воденица, водяна, водяная, чертовка, лобота, лоскотница, лоскотовка, мавка, омутница, хитка, чертовка, шутовка.

Демоническое существо женского пола, одно из наиболее сложных и противоречивых как по происхождению, так и по общим характеристикам. Слово «русалка» напоминает о названии античного праздника русалий, розалий, воскресенья роз

[illegible] в первые века христианства в роман[illegible] [illegible] ком прикрочении, по Начальной летописи и ран[illegible] ним поучениям, известны русалии и на Руси. Об[illegible] ряды и игры русальной недели, следующей за Троицыным днем до заговенья, восходят к взаимо[illegible] вязанным между собой культам мертвых [illegible] тельности [illegible] Зрелищем воплощением русалии [illegible] переплетенных [illegible] круга весьма разнообразных представлений периода максимального напряжения сил природы, явились образы русалок — [illegible] ных и [illegible] стремившихся к соединению с миром живых людей.

Образ русалки запечатлен в народном изобразительном искусстве. Великолепные браслеты из аристократических кладов XII — XIII веков, найденные в [illegible] Руси и предназначенные для празднования русалий, варьируют изображения русальских плясок (или пляшущих русалок) и питья из рогов, птиц и животных, растительной символики (Рыбаков, 714). В XIX веке русалки или берегини, фарвонок (последнее название объясняется апокрифической легендой о превращении в водяных и русалок преследователей Моисея) любили изображать резчики по дереву в домовой резьбе, в украшении домашней утвари.

Подробны и конкретны рассказы о русалках в XVIII — начале XIX века — так утверждали собиратели и любители русской старины, составившие первые очерки русских народных верований. В Вожгах [illegible] близ Рязани, в борах Мурмских, в [illegible] Переславль-Залесского, в Заёках [illegible] Туры — везде были русалки. В Черном и Туровском лесах около Саложка и Ряжска [illegible] видались целыми стаями. [illegible] видел их [illegible]

уединенном берегу реки, тот — возле озера, другой — когда они вечером качались на гибких древесных ветвях. В Черном лесу они имели у себя к услугам чертей, в Туровском они скакали на турах, и никакой князь не смел посягнуть на тех туров. Очевидцы утверждали, что русалки — все красавицы, любят расчесывать длинные русые или белокурые волосы самым белым, самым чистым гребнем из рыбьей кости, а по временам закидывают их назад и распускают по спине и плечам. Беда тому любопытному, который бы вздумал нескромно заглядеться на их красоту: русалки защекочут до смерти и утащат в омут, где поставят караулить свои хрустальные дворцы (Макаров I, 9 — 11).

В конце XIX века о русалках знали не везде на Русском Севере, в Поморье рассказов о них почти не было. Но повсеместно сохранялось почитание русальной недели и русалкина заговенья (на Петровки). В Прологе XV века русалиями названы игры, во время которых бесы в человеческом обличье бьют в бубны, сопят в сопели, надевают на лица маски. В Стоглаве XVI века русалиями называются ночные оргии мужчин и женщин, заканчивающиеся дождением к реке и купанием (Снегирев, 14 — 15). В XIX столетии «на русалку» в городах бывали народные гулянья, в провинции — помимо гуляний — обряды проводов русалок, в приволжских местах русалку изображали в виде соломенного чучела, взнузданного лошадиного черепа, укрепленного на шесте. Здесь также хоронили кукушку (траву кукушкины слезки), заменяющую русалку. На русальной, десятой после Пасхи, неделе, ни одна девушка не пойдет в лес без подруг из боязни злых русалок, которые

не любит женщин и по-своему благоволит к мужчинам, приглашая их к игре, не безопасной для простого смертного. Русальничанье мужчин в эту неделю заключалось в гульбе на все лады и обильных возлиянях до самого заговенья.

Севернорусские русалки рисуются злыми мстительными лешачихами, безобразными старыми женщинами с отвислыми грудями, этот образ встречается в рассказах, записанных в южнорусских и центральных губерниях, но здесь все же преобладает представление о русалке — водяной красавице, озорной, гибкой, смешливой. С Троицына дня они выходят из воды, где живут постоянно, и вплоть до осени гуляют по полям и рощам, качаются на ветках развесистых ив или берез, ночью водят хороводы, поют, играют, аукаются друг с другом. Там, где они бегали и резвились, хлеб родится обильнее. Играя в воде, они путают рыбачьи сети, портят у мельников плотины и жернова, на поля насылают проливные дожди и бури. У заснувших без молитвы женщин русалки похищают нитки полотна, разостланные на траве для отбеливания, развешивают на деревьях. Отправляясь в лес, запасались предохранительным средством от русалок — ладаном и полынью. Русалка встретится и спросит: «Что у тебя в руках: полынь или петрушка?» Скажешь «петрушка», русалка обрадуется: «Ах ты, моя душка!» — и защекочет до смерти, скажешь «полынь» — обиженно бросит «Прячься под тын!» — и пробежит мимо.

По происхождению русалки — дети, умершие некрещеными, или девушки-самоубийцы, утопленницы. Первые четыре года с момента гибели они могут еще вернуться к живым людям, если найдется знающий человек, вовремя подающий русалке крест. Через четыре года обращение становится невозможным. Помимо летнего периода русалки выходят из воды на Светлое Христово Воскресение, когда вокруг церкви обносят плащаницу. Тогда двери храма стараются прикрыть как можно плотнее, чтобы не набежали русалки. В этом поверье сказалось представление, что с пробуждением природы оттаивают или оживают и души умерших, начиная бродить по земле, поселяясь в деревьях, где, по убеждению древних славян, жили мертвецы (Максимов, 100 — 104).

На множестве примеров Д. К. Зеленин в книге «Очерки русской мифологии» (Пг., 1916) доказал, что в народном мнении русалки — не просто души умерших, но души погибших неестественной смертью, убитых или самоубийц. К русалкам относили также исчезнувших куда-либо людей, проклятых матерями или украденных у них нечистой силой детей. В старинных синодиках говорится, что грешники не достойны погребения, тела их нужно бросать в ров или болото не закапывая. Считалось, что земля не принимает тела заложного покойника, а вода может служить ему могилой. Так появляются в воде чертовки-шутовки — русалки.

Далеко не везде русалка — существо исключительно водяное. В орловских лесных местах русалки — лесные духи, проклятые матерями девушки, с исчезновением лесов пропадают и русалки. В Терских станицах полагали, что в русалку обращается младенец женского пола, умерший до крещения, всю жизнь после этого русалки проводят в степях, а в русальный день собираются возле болот, нападают на проходящих мимо людей и

щекочут до смерти, являются красивыми девушками с длинными волосами, ходят по степи нагими и питаются разными травами (Сборник материалов 16, 320)

По тульским поверьям, русалки водятся в лесах, во ржи (что сближает их с полудницами) и в воде. В лесах они сидят под деревьями с корзинками в руках, полными ягод, орехов, бубликов и калачей, заманивают этими лакомствами маленьких детей и щекочут до смерти. Красивы лицом и станом, с распущенными зелеными волосами, нагие. В лесу от русалок избавляются, как и от прочей нежити, очертив себя кругом (закрещенным). Можно напугать русалок, подъехав к ним на кочерге, — решив, что это ведьма, русалки в ужасе разбегутся; отмахнуться от них вальком для стирки белья, сказать, сколько зубьев в бороне, — они отступятся (Колчин, 25)

В Калужской губернии говорили, что русалками становятся не только утопленницы, но и их дочери. Многие девушки бросались в воду из-за неудачной любви, будучи уже беременными. Под водой у них рождались дети. Помня об обмане русалки радовались, когда в воде тонул крещеный человек. Они даже нарочно старались завлечь мужчин в глубину озер и омутов. Русалки могут принять любой облик, птицы, сороки или человека, и, если им нужно было приманить мужчину, они принимали вид крестьянской девушки, садились на дорогу, где должен был пройти путник. Как бы никого не замечая, девушка начинала раздеваться, делала себе изголовье и ложилась спать в одной рубашке, обычно — в светлую лунную ночь. Парень или вдовец, соблазненный безлюдностью места, подходил поближе полюбоваться

спящей красавицей, ложился рядом. Русалка разрешала себя обнять и поцеловать, но при дальнейших покушениях вырывалась, оставив в руках разгоряченного малого свою рубашку. Потеряв голову, парень бежал за нею к озеру, у самого берега русалка позволяла себя обнять, обвивала его шею руками, а когда он обезумеет от страсти, кидалась с ним в воду. Под водой русалки заставляли утопленников чесать лен, играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, под звуки которого танцуют и плещутся в воде. Не любят русалки проточных вод и селятся большей частью в омутах. Среди русалок есть старшие, они тиранят младших и смеются над молодыми русалками, не сумевшими затащить в воду их одного человека. Случалось и так, что русалка пожалеет парня, не захочет топить его, тогда она сможет пользоваться только двумя ночными часами для свиданий с ним, а все остальное время — реанимировать его к живым. Когда наступит зима и озеро замерзнет, тоске русалки нет пределов. Порой на озере раздается сильный треск и замирающий подо льдом стон — это бьется об лед русалка, горюя о милом. В неделю после Троицы русалкам дана воля замучивать до смерти щекоткой, а чтобы люди знали, отчего умер этот человек, на голову ему надевают венок из осоки и кувшинок, руки связывают березовой веткой. Труп его не гниет пока до него не дотронется рука человека, каждую ночь русалки водят вокруг него хороводы. Отличить хоровод русалок от плясок обычных девушек можно, внимательно прислушавшись к их песням: в русалочье пение вплетается стрекотание сорок.

Русалка так хороша, так нежно поет, что, увидев и услышав ее чарующий голос, человек, затосковав, не может оторвать от нее глаз, все бы гладил ее длинные волосы, в которых она вся может спрятаться. Такой человек отобьется от дома, перестанет есть, будет ходить около рек и озер и искать ее, да с тоски либо крест снимет и в воду кинется, либо удавится на дереве, где она сидела (Калужская губ.)

В Орловском крае троицкое угощение в лесу, кумление и завиваяне березок стремились закончить до заката солнца, чтобы не быть схваченными русалками — молодыми босоногими девушками, с белым как снег телом, прикрытым длинными распущенными светло-рыжими волосами, легкими как пух, — они быстро перебегали от дерева к дереву, перескакивали с ветки на ветку и, качаясь в ветвях, нежным голосом звали друг друг «Кума, кума, приходи!» Если застанут в лесу молодую женщину — нападут на нее, сорвут одежду и ветками выгонят из лесу; мужчину — окружат с хохотом, сорвут одежду, схватят сзади под мышки и щекочут до тех пор, пока он не потеряет сознание от смеха. Тогда, осыпая его поцелуями, берут на руки и невидимками приносят в дом, положив на постель, женатого — жене под бок. Стариков и старух русалки не любят и прячутся от них, поэтому пожилые люди видят только раскачивающиеся ветки деревьев да издали слышат их голоса.

Один смельчак задумал повидать русалок, избежав при этом щекотки. Знахарь порекомендовал ему к ночи выйти из дома голым, надев два креста: один на грудь, другой на спину, русалки от того нападают сзади, что на спине креста нет. «А если ты будешь гол, — объяснил колдун ему

не нужно будет раздевать тебя, и они не станут тебя касаться». Ночью парень прибежал в лес, смотрит — множество русалок: поют, пляшут, раскачиваются на ветвях. Вдруг все стихло — русалки почуяли человеческий дух и бросились к парню, каждой хотелось обнять и поцеловать его, но кресты отпугивали их. Парень приободрился и стал играть с ними, но сколько он ни старался поймать хоть одну — не мог.

Всю ночь он пел и плясал с русалками, к утру они заманили его в густую высокую траву и стали кататься в ней. Вдруг крест, висевший на спине, спал с шеи, тотчас русалки схватили его под мышки и начали щекотать, пока парень не упал замертво. Будто сквозь сон видел он, как русалки положили его на ветки, молча вынесли из леса, миновали ниву, двор, внесли в избу и, надев на него рубашку, положили на постель.

После семицкой недели русалок в лесу нет. Одни говорят, что они поднимаются наверх и живут в облаках, другие — что они скрываются под землей и спят там все остальное время года, третьи — что они переселяются в реки, последнему верят не все, так как известно, что водяной хозяин не пускает утопленников на волю даже в Троицу (Зеленин-Очерки, 128 — 130).

Во владимирских поверьях русалки бывают двух родов: речные или озерные и домашние. Первые — утопленницы или проклятые родителями дочери, вторые — только проклятые. Проклятые живут также в болотах и покидают их три раза в сутки: в полдень, в сумерки и в полночь. Полуденное время считается самым дурным, в полдень в лесу наступает мертвая тишина, солнце в листве играет и нечистая сила бродит. Рассказы о русалках — проклятых девушках — бывают со

счастливым концом. Вот совершенно достоверная история, которую поведала одна племянница о собственной тетке, бывшей русалке

«Мой двоюродный дядя Максим ходил смолоду на Волгу — матросом на барке Вот однажды утром пошел он умываться, вдруг видит: около мостков стоит девка, красива-на-красива. «Эх-ма, — бает дядька, — за этой кралей и прихлестнуть не мешало бы Если бы она меня полюбила я и жениться не прочь» — а он в ту пору был холостой Сказал так, да и забоялся чего-то, ужас напал на него. Стоит и думает, куда деться? Тут девка ему и говорит: «Что ты, добрый молодец боишься меня? Коли сказал, что я люба тебе да хочешь меня замуж взять, так и от тебя не отстану, бери меня с собой!» Дядя стал моли ворчить — ничего не помогает, согласился взять ее к себе

Прожил он с ней на барке две недели и совсем затосковал. Товарищи заметили, что он по ночам с кем-то разговаривает «С кем, — бают, — ты по ночам беседуешь? На тебе и лица-то нет!» Он им рассказал, в чем дело. Товарищи посоветовали ехать домой, так он и сделал. Приезжает домой, а она с ним Отвел он ее в клеть и стал ходить к ней спать по ночам. Когда приходилось дяде Максиму отлучаться из дому, русалка все плакала взаперти Родные Максима заметили плачет кто-то в клети, заглянули — нет никого спросили у Максима, что за диво? Пришлось ему рассказать, что с барки увязалась за ним девка и никакими судьбами отделаться от нее не может «Пообещался на ней жениться, да боюсь спросить нашего благословения». Старики ему в ответ «Вот что, Максимушко, коли ты обещал взять ее за себя — бери. А когда ляжешь с ней спать, надень на нее, на сонную, крест»

Дядя Максим все сделал так, как научила его мать. Утром родители приходят, видят, что в клети он не один, а с ним какая-то девка нагая Дали ей сарафан, выспросили: «Чья ты будешь, девушка?» Она им отвечает «Я дальняя Самарской губернии Меня мать прокляла, я пошла и утопилась с горя. Совсем не утонула, в стала жить в воде Три года была русалкой Спасибо нашему сыну Максиму, что он меня выручил, всю жизнь за него Бога молить буду». Вскоре дядя Максим женился на ней, и больно уж жили хорошо. Лет сорок назад померла тетка Клавдия, а через три года после нее и дядя Максим»

Но не всегда крест, наброшенный на русалку вернет ей человечью судьбу. Домашняя русалка вроде кикиморы, навсегда останется нежитью. Остались домовничать мать с дочерью, хозяин в Мурманск, за хлебом, уехал. Вечером долго сидели за пряжей, гребни с мочками так и остались на лавках. Огонь потушили, матушка легла на печь, дочь — на пол. Только разоспались, матушка будит: «Вставай, Катька, слышишь, как русалка придет?» А русалка и впрямь придет, лишь гребень говорит да веретено постукивает. «Сними с себя крест, — учит матушка, — да набрось на нее». Бросила дочка крест туда, где пряла русалка и все стихло Зажгли огонь, глядят — а на донце лежит веник, на венике — дочерин крест (Владимирская губ.)

В отличие от лесных и домашних, речные и озерные русалки, омутницы, никогда не отходят далеко от воды, потому что боятся обсохнуть. Если при русалке есть гребень, то она может затопить любое сухое место сколько бы она ни расчесывала свои мокрые волосы, с них все время будет струиться вода, если на русалке волосы обсохнут, она умрет. Изредка на мокром песке мож

но заметить русалочьи следы, но обычно русалки перерывают песок, стараясь изгладить их. Дн[illegible] они почти не выходят их воды, зато ночью [illegible]казят, как могут, иногда от скуки перенимают [illegible] ночевавшее на озере стадо гусей и завертывают им крылья на спине, так что птицы не могут их расправить. Говорят, что у водяных русалок [illegible] рыбий хвост или что на ногах у них между пальцами есть перепонки, как у гусей (Даль, 58).

Хороши ли, уродливы ли русалки, стары и [illegible] молоды, в любом случае от них старались из[illegible]виться, устроив проводы, где — почетные [illegible]нет. На Рязанщине всю троицкую неделю русалок изображали девушки, гулявшие по деревне с [illegible]пущенными волосами, в одних рубашках. Во вт[illegible]ник русальской недели молодые бабы и девицы рядились в мужские костюмы или оставались в рубашках, изготавливали плети и уходили в поле, где пели плясовые песни, устраивали хороводы [illegible] на обратном пути нападали на мужчин, стегая [illegible] плетьми. В ночь на заговенье Петрова поста ж[illegible]тели изгоняли их, вооружившись палками, ко[illegible]ми, кнутами. С криком «Гони русалок» они вы[illegible]проваживали их из пределов своей деревни и во[illegible]вращались домой с убеждением, что и настоящ[illegible] русалки не будут больше никого беспокоить. [illegible] многих местах в воскресенье перед Петровым [illegible]стом или в воскресенье после троицы сжига[illegible] жен[illegible]кое чучело русалки, устраивая костер за [illegible]лом в сумерки, прыгали через огонь с целью очи[illegible]щения от того зла, которое причиняли злые ду[illegible]

САМОУБИЙЦА

Человек, наложивший на себя руки, угоден черту, про такого говорили «черту баран», «дьяволу каша», т. е. жертва сатане. После смерти самоубийцы, подобно колдунам и колдуньям, становились живыми мертвецами и, подобно всем за[illegible]ложным покойникам (см. *Заложные*), приносили людям вред, будучи причиной засух, неурожаев, болезней и голода. Чтобы избежать этих бедствий, самоубийц не погребали на общем кладбище, а выбрасывали в болота, омуты, оставляли тела их не погребенными, хоронили близ места смерти (например, удавленников — близ деревьев, на которых они удавились). К самоубийцам относили также опойц — людей, погибших от неумеренного потребления спиртных напитков. Могилы само

Черт верхом на грешнике. Из серии «Цветная» о смертных грехах. Ровинский 3, № 78.

убийц считали опасными местами — здесь блазнило, ветки, трава, сучья, сорванные или подобранные тут, приносили болезни и несчастья. Если бедствие, например засуха или эпидемия, угрожало всем жителям села или деревни, а причину несчастья видели в козни живого мертвеца — самоубийцы, — его могилу раскапывали и труп подвергали уничтожению (сожжению) или новому обряду отправления на тот свет (бросали в воду, вбивали в спину кол, чтобы не вставал из могилы). Представления о бытии самоубийц после смерти носили двойственный характер: с одной стороны, их души становились вечными странниками на земле, лишенные традиционных погребальных почестей, они не могли попасть на тот свет, с другой — они оказывались слугами демонов, обитателями ада, приходящими на землю вместе со своими хозяевами-чертями. По витским поверьям, во главе самоубийц стоит Иуда Христопродавец, сидящий на коленях у Сатаны. Когда Христос был в аду, чтобы вывести оттуда души праведных, он звал и Иуду, но Иуда пожелал остаться на коленях у дьявола. Самоубийцы у Сатаны несут солдатскую службу или превращаются в коней и возят на себе бесов. Сатана сидит на почетном месте, а черт — на козлах. Самоубийц подковывают, как лошадей.

Выдала попадья дочку замуж, дала большое приданое и стала о нем тосковать: «Зачем да зачем я за дочерью столько отвалила!» До тех пор тосковала, покуда на своих дверях не повесилась. Вскоре после того кузнец той деревни слышит ночью: стучат в окошко. Смотрит — подъехали якуда на конях. «Подкуй кобылу, кузнец!» Он бы и не стал ночью вставать, да видит — люди богатые, одеты хорошо — и пошел в кузню. Подко-

вал кобылу, только успел повернуться, глядь — уж человек на нее вскочил, а она уже не кобыла, а попадья, а возничий — сам нечистый. Как хлестнет ее с размаху по боку, и ускакал вместе с другими. А другие — все такие же: все сидят либо на удавленниках, либо на пьяницах. Недели через две после того случая кузнец умер (Семенова, 233).

В сказке Самарского края попадья-самоубийца оказалась во власти лешего: пришлось раз бурлаку возвращаться пешим домой в путь не близкий. «Хоть бы леший какой меня до дому достаял!» — подумал он. Враз подлетает тройка лихих коней с кучером, бурлак сел, и они понеслись быстрее ветра, кучер сидит да покрикивает: «Ну-ка, попадья, распатроньки!» Триста верст пролетели в одну мгнуту, домчал леший бурлака домой, а оказалось, у них в деревне незадолго до того попадья повесилась, он на ней и ездил (Садовников, № 77).

По другим рассказам, самоубийцы призраками бродят по ночам близ родных мест, стонут и плачут, не причиняя людям особого зла. В Ямбургском уезде бывшей Петроградской губернии повесилась девушка Прасковья, чтобы избежать преследований барина. Ее схоронили в лесу за деревней, где обыкновенно хоронили некрещеных и самоубийц. Вбить в мертвое тело осиновый кол не удосужились, и с тех пор каждую весну из-за ореховой горы слышны ее жалобные голошения: со стонами бродит по лесу «заклавляцая» Пашка, ее часто видели возле ключа у дороги — вся в белом, с опущенной головой (Зеленин-1916, 1063).

По самоубийцам и скоропостижно умершим делают тайные большие пожертвования на литье

колокола: колокол вызвонит милость у Бога несчастному, и он обретет покой (Зеленин-1915, 784).

САТАНА́, *Сатанаша*. Бес, вельзевул, враг, демон, дьявол, злой дух, змей, игрец, князь ада, князь тьмы, неключимая сила, некошный, ненавистник рода человеческого, нечистый, повелитель бесов, соблазнитель, царь ада, царь тьмы, черная сила, черт, шайтан.

Падший ангел, главный противник Бога, воплощение злого дьявольского начала, повелитель всех бесов, чертей (см. *Дьявол, Черт, Бес*). Библейский термин «сатана» родствен обозначению дьявола джинна мусульманской мифологии — «шайтану». В средневековой живописи, как и на ранних лубочных картинках, Сатану изображали в образе мужчины с рогами на голове, с хвостом, крыльями за спиной, с копытами (когтистыми лапами) вместо ног; в образе змея с лицом человека. В Ветхом завете Сатана — не столько название определенного духа, сколько указание на всякое зло, это существо, которому отведена роль наушника, клеветника и провокатора, стоящего во главе всех враждебных человеку демонов. Окончательное отторжение Сатаны от горнего мира и его низвержение связаны с пришествием Христа: когда его ученики впервые собрались на проповедь, Христос видит «Сатану, падшего с неба подобно молнии». По-видимому, с тех пор Сатана стал князем тьмы, повелителем подземного адского царства. Ему предстоит выйти оттуда и воцариться на Земле во времена антихриста, после победы светлых сил он будет вновь и окончательно ввергнут в бездну.

В русских народных дуалистических легендах о сотворении мира Сатане отведена важная роль

Гр[illegible]ник перед тр[illegible]ом Сатаны. «Е[illegible] весть о нек[illegible]ом немилостивом человеке, любителе века сего». Ровинский 3, № 26.

он не только противник, но и помощник Бога, создатель некоторых участков Земли, творец птиц, животных и деревьев, которые в народе слыли нечистыми (осины, козы, Сатана наделяет шерстью собаку, отчего ее мех всегда плохо пахнет, и т. д.). Правда, Сатане в деле творения отведена роль трикстера или комического двойника Бога. Стремясь во всем ему подражать, дьявол созидает мир, обратный той идеально-правильной модели, которую задумал воплотить в жизнь Бог.

В давнее время, когда не было ни земли, ни неба, а была одна вода, спустился Саваоф вниз и спросил: «Кто здесь есть?» Сатана откликнулся: «Я». Спросил Саваоф Сатану, не видел ли он где-нибудь земли. «Есть, — ответил тот, — на дне морском». Сходил за землей, обернувшись гоголем, но, пока поднимался, вода вымыла землю у него изо рта. Вновь нырнул Сатана на дно и вновь вернулся ни с чем. «Немощен ты, брат, — сказал Саваоф, — ныряй в третий раз, увидишь на дне, на камне, икону девы с младенцем, благословись у младеня и возьми земли». Сделав все так, как велел Саваоф, Сатана принес земли. Рассеял ее Бог в восточную сторону — и стала чудная прекрасная земля. «Все ли ты мне отдал?» — спросил Саваоф. «Все», — ответил Сатана, а сам держит частицу за щекой. Вдруг земля во рту стала расти, прибывать, щеку раздуло, видит Сатана — не обмануть ему Саваофа, выплюнул землю в северную сторону — и появилась земля холодная, каменистая и неплодородная.

Задумал Саваоф создать себе полки воинов, дал в руки Сатане молот и велел бить им в каменную гору правой рукой, а сам пошел на восток рай насаждать. Стал Богов товарищ бить молотом по камню — из-под молота светлые воины

выскакивают, на восток Богу кланяются. Устала правая рука Сатаны, начал он бить левой: выскочил черный бес и поклонился молотобойцу. Смекнул Сатана, в чем дело, и поменял руку — до тех пор бил, что чуть-чуть со светлыми полками не сравнялся.

К тому времени Саваоф рай насадил, пришел к Сатане, видит — дело плохо, заминил молот, перестали выскакивать нечистые, одни искры сыплются — так и теперь бывает при ударе молотом по камню. Рассердился Саваоф, захотел наказать Сатану, а у того чертей — сила несметная. Построил Саваоф небо над морем и землею, а Сатана себе другое небо, еще выше, устроил. Так возвели они семь небес, седьмое Саваоф заминил и велел Михаилу Архангелу столкнуть Сатану на землю вместе со всеми его небесами и невидимой силой. Не мог справиться с Сатаной святой Михаил до тех пор, пока, по совету Саваофа, не спустился на землю к Черному морю, где на берегу была икона девы с младенцем, благословился Архангел у младеня и столкнул Сатану с неба. Падала та бесовская сила на землю словно мелкий дождь в течение шести недель, часть ее осталась на воздухе, часть пала на землю, часть провалилась под землю (Барсов, 87 — 88).

По другим рассказам, до сотворения мира была тьма и вода, над водой летали два духа: светлый и темный. Светлый сказал: «Пусть будет свет», а темному оставил ночь. От слова Белого духа произошли небо, земля, воздух, вода, светила, животные и растения. Белый дух — Господь Бог, все он творил с помощью темного духа, а затем один высек своим мечом из камня подобных себе светлых духов, а напоследок Архангела Михаила. Когда светлый дух спал, темный выкрал его

меч и насек великое множество злых духов. Почувствовав за собой силу, темный отказался от Белого духа, тогда Бог проклял его и назвал темное воинство дьяволами, а их предводителя — Сатаной, он велел Архангелу Михаилу отогнать врагов от своего престола, но злая сила опалила Архангелу крылья, после чего Бог вручил святому Михаилу заклятый меч и научил проклятию: «Именем Господа Бога вы, черти, будьте прокляты!» Полетел Архангел Михаил о шести крыльях и избавил небо от дьяволов, упав вниз, они превратились в разного рода нечистую силу — леших, водяных, огненных змеев (Колчин, 53 — 55).

Сатана принимает активное участие и в сотворении человека. Согласно тамбовской легенде первый человек был создан в результате соперничества Бога с Сатаной, и с тех пор мысли и душа человека — арена бесконечного состязания добрых и злых дел. Было два царства: тьмы (на земле) и света (на небе). Первым правил сильный и богатый царь Сатанаил, вторым — Бог. Бог был добрым и любил Сатанаила, а земной царь был злым, коварным, завидовал Богу и ненавидел его. Раз заспорили они между собой — кто из них сильнее, кто кого сможет побороть. Сел Бог на свой сияющий трон и велел сдвинуть себя с места. Как ни старался Сатанаил, у него ничего не получалось — глаза слепит, руки жжет. «Где тебе меня побороть!» — сказал Бог и сбросил Сатанаила на землю. Больше прежнего озлобился царь земли на Бога и решил перехитрить его: «Давай посмотрим, кто из нас ловчее обманет другого». Бог согласился, но сказал: «Двое нас с тобой во всем белом свете, сотвори третьего!» Сатана спустился на землю, достал глины и вылепил фигуру

по образу и подобию Божию, но, как он ни ухит
рялся, оживить ее не мог. Стоило Богу ее ко
нуться, как фигура стала живым человеком. «Ну
ка еще!» — подзадоривал Сатана. Бог взял кусо
чек глины, дунул на него, и появилось второе
существо, во всем подобное первому, только еще
краше. Взял их Бог за руки и отвел в райские
сады. Вновь затаил злобу Сатана и стал ждать
случая, чтобы отомстить Богу. Лишь только стем
нело и Господь возлег в своих небесных чертогах,
Сатанаил прокрался к райским садам, решив по
хитить первых людей, но решетка, подобно боже
ственному трону, опаляла тело и слепила глаза.
Увидев, что райской ограды ему не преодолеть,
Сатанаил стал звать к себе первых людей. Не по
дозревая ничего дурного, они перелезли через ог
раду и очутились во власти Сатаны, который по
садил их между могучими крыльями и унес в свое
царство на землю.

Утром Господь проснулся и обнаружил пропа
жу. Взял свой чудесный жезл, махнул им и ок
ружил себя многими миллионами небесного воин
ства. Дал им Бог огненные мечи и повел воинов
на землю. В ответ Сатана сотворил демонов: сви
стнул, и стало их больше, чем песку в море. За
шумела черная сила и понеслась на Господа.
Семьдесят семь дней шла война, небо колебалось,
земля стонала, наконец, Бог победил Сатанаила,
свергнул его в тартарары со своей демонской си
лой. Пошел Бог искать свое творение — первых
людей, и увидел их на высоком острове среди
бурного океана, в развалинах Сатанаилова дворца.
Здесь плакали они, моля о прощении и возврате
на небо. Господь простил их, но оставил на земле
вручив ремеслам и земледелию, внушив им поня
тие о добре и зле. Затем, собрав все свое небес

ное воинство, поднялся на небо. С той поры на
чалась непримиримая борьба добра со злом. Во
знамение своей победы над Сатанаилом Бог повес
сил над землей огненный меч, рассеивающий на
земле бесов. Этот меч — солнце, днем молчит
рать Сатанаилова, сидит в кромешной тьме, но
настанет ночь, и вылезает сила бесовская, соблаз
няя человека, склоняя его к дурным делам. Так
и пошло: Бог благословляет людское племя, шлет
на землю чистые души, а черт оскверняет их в
грехованном теле, подчиняя небесный дух земным
страстям.

Долго терпел Господь, наконец, разгневавшись
на людей, решил извести их потопом, разверзлись
облака, полил дождь и затопил всех, кроме пра
ведников. Для нового племени Бог сотворил до
брых услужливых животных, насадил целебных
трав и растений. Только тут Сатанаил стал пакос
тить Богу: рассеет Господь доброе семя, а Сата-
наил ночью — плевелы, ядовитые цветы и травы,
хищных зверей и гадов. После потопа Бог превра
тил землю в плодородную равнину — а Сатанаил
изрыл ее пропастями и оврагами, понаделал гор,
разбросал камни.

Как-то явился Сатана к Богу и стал просить
у него нового человека на испытание, заспорил,
что совратит праведников. Бог согласился, приста
вил к каждому человеку по ангелу-хранителю, за
поведал любовь к себе, и навсегда отлетел от зем
ли. Сатанаил же приставил к человеку своего де
мона-соблазнителя и ушел в подземное царство.
Снова разгорелась борьба двух сил над человеком,
но теперь уж ни Бог, ни Сатана на землю не
сходят. Последний раз сойдутся они во время све
топреставления, чтобы разделить между собой пра
ведников и грешников: кого окажется больше, тот

и выиграет в давнем споре. Люди же всё чаще становится добычей дьявола, ангелы отлетают на небо, а как отлетят все — тут и конец миру. Выйдет Сатанаил из кромешного царства и воссядет на земле, на прежнем своем троне, но всего три дня допустит Бог его господство: опять снимет свой огненный меч и поразит всю бесовскую силу (Звонков, 64 — 67).

Народные легенды представляют Сатану таким же вечным духом, как и Бога, оба они существуют в ту пору, когда ничего, кроме мирового океана, не было. Сначала они создают землю, затем подобных себе духов — темное и светлое воинство, а затем, в вариантах, то вместе, то порознь творят мир и человека. Бог сказал: «Сделайся небо!» — и явилось небо, «Сделайся солнце!» — и в ту же минуту оно осветило землю; «Явись луна! звезды! растения! животные!» — и все явилось по слову Божию. Затем нарисовал Господь на песке человека и оставил собаку его караулить, а сам пошел на небо за душой для него. Пришел Сатана и сотворил страшный мороз, и в ту пору у собаки еще не было шерсти, и она начала дрожать и скулить от холода. «Допусти меня, пес, до человека, — сказал Сатана, — я тебе шубу дам, не будешь зябнуть!» Собака согласилась, и дьявол дал ей кожу с шерстью, а сам подошел к нарисованному на песке человеку, засыпал его землею, наплевал, нахаркал на него, сказав: «Теперь ты будешь вспоминать меня чаще, чем Бога!» Вот почему люди так часто поминают черта. Затем соблазнитель устроил себе небо пониже Божьего и укрепил там свой престол. Бог благословил Михаила Архангела на борьбу с дьяволом, дал ему крест, евангелие, копье и шпагу, и Сатана был свергнут вместе со своими слугами. Господь же

вдунул душу в первого человека — Адама, а сотворенную из его левого ребра — жену Еву, ввел их в рай и разрешил есть плоды всех деревьев, только с одной яблони, что росла у райских врат, не трогать яблок. Сатана соблазнил Еву вкусить от яблони, а жена дала кусочек Адаму, но тот не смог проглотить его, кусок так и застрял в горле, оттого у мужчин на горле заметна косточка — адамово яблоко, а у женщин ее нет (Новгородская губ.).

Монотеистическая точка зрения на происхождение мира выражена в легендах, согласно которым творцом является только Бог, он создает и Сатану специально для «черной» работы, после того как Бог устроил воду и землю, последняя оказалась затопленной. Бог плюнул в воду, и от его плевка появился Сатана. Бог приказал ему сгинуть, но Сатана возразил, что он — такое же Божье создание, часть его слюны и имеет право на существование. Бог создал из земли человека, а Сатана, воспользовавшись его отсутствием, понаделал пальцем в его теле семьдесят семь углублений, входов, открытых ко всякой болезни. Бог вернувшись, вдунул в человека душу, а увидав углубления, создал семьдесят семь целебных трав, каждая — против той или иной болезни (Вологодская губ.).

Еще одна версия происхождения Сатаны — появление злого духа из ангела, изгнанного Богом из своего царства. Сначала Господь сотворил невидимый мир, ангелов, которые во всем ему беспрекословно подчинялись, но с течением времени некоторые из них возгордились и потребовали для себя особого суда. Отпавших ангелов Бог изгнал, но не лишил их чудодейственной силы, вложенной в них при творении. Отверженные заспорили

между собой из-за власти, одному из ангелов — Сатане — удалось встать во главе осужденных Богом духов. Бог приказал отверженным творить из хаоса мир, выделив воду, сушу, воздух. Под руководством Сатаны черти из хаоса выделили песок, построили на него себе помосты и расположились там на жительство. Господь рассеял песок в пространстве, и в тех местах, куда падали песчинки, образовывалась земная твердь. Вода с земной тверди скатывалась прямо на мосты злых духов — так появились моря и океаны, топи, озера и болота. Полетев за Богом, Сатана ртом подбирал несущиеся по воздуху песчинки, по временам выплевывая их, так образовались горы. Бог разметил место для рая и здесь одним своим словом создал всевозможные растения, испестрил цветами зеленые луга. Сатане удалось посадить в раю только одно дерево — яблоню, древо познания добра и зла; цветы Сатане не понравились, и он рассеял между ними плевелы, ползучие травы и кустарники обвивали стволы плодовых деревьев, пили из них соки, мешая росту; даже ядовитые травы посадил в раю Сатана, а также осину, на которой позже удавился Иуда. Из рая растительная жизнь распространилась по всей земле. Животных Господь лепил из глины, сначала голубя, последним — человека. В то время как Бог творил четвероногих, дьявол — пресмыкающихся, тварей без ног и без крыльев или со множеством н[illegible] (пауков, скорпионов). Единственной четверо[illegible] тварью, сотворенной Сатаной, был козел. Увидав других зверей, козел побежал к ним, но Сатана из боязни, что Бог узнает, чем он занимается, схватил козла за хвост. Зверь рванулся, и хвост остался в руках у Сатаны. С тех пор у козлов такие короткие хвостики. Животных Бог лепил из

желтой глины, а человека — из красной. Приложив свои уста к губам человека, он вдохнул в него жизнь, назвал Адамом и ввел в рай, приказав дать всему свои названия.

Сатана между тем спустился в болото к своим чертям и стал уговаривать их отнять власть у Бога. Бесы поделились на партии: одни отказались поддержать Сатану, другие ему подчинились. Первую партию возглавила Смерть, которая говорила, что им не пересилить Бога. Часть бесов не примкнула ни к какой партии, ожидая, чем кончится борьба между Сатаной и Смертью, чтобы примкнуть к победившим. В стане воздержавшихся были свои предводители: Кривда, Грех и другие. Сатана со своим воинством взлетел выше Бога, но был повержен оружием, которое производило грозу. Небесные стрелы — молнии сбили чертей с небес, они провалились в болота и пропасти, сам Сатана упал близ рая — земля не захотела держать на себе великого грешника и дала ужасную трещину, куда был увлечен Сатана. Так, неподалеку от места, где потом выстроили Иерусалим, появился ход в преисподнюю, и по сей день здесь слышен подземный гул, наводящий трепет на путешественников. Духи, не примкнувшие к Сатане, были осуждены Богом на вечные скитания в земном мире. Смерть, Грех и Кривда бродят меж людьми, сея зло и страдания, признавая высшую власть за Богом, они боятся приверженцев Сатаны и сторожат вход в преисподнюю, чтобы бесы не выходили оттуда.

Казачье сказание приписывает роль искусителя Евы и Адама не Сатане, а его племяннику Леониду, который, правда, советовался с Сатаной, как ему соблазнить первых людей. Сатана подсказал ему, что нужно найти реку в пределах рая и по

водам этой реки пробраться к жилищу первых людей. По воде Леонид вплыл в рай, нашел посаженное Сатаной древо познания добра и зла, вспрыгнул на него, а затем вошел в змею, лежащую под яблоней и обвился вкруг ствола. Человеческим голосом злой дух убедил Еву вкусить от запретного плода. Едва она попробовала кусочек, как разразилась гроза, и Адам понял, что они с женой нарушили данную Богом заповедь. Молния поразила племянника Сатаны, но и Адам с Евой оказались изгнанными из рая. Видя в подстрекателе — Сатане — главного виновника несчастья, Бог велел приковать Сатану цепями к столбу посреди адского царства.

Между тем Адам и Ева, поселившись неподалеку от рая, стали жить семьей, у них родились дети. Вскоре первая дочь умерла, и родители не знали, что делать с нею. Тогда бес под видом старца научил Адама: пусть он напишет на черепе кровью из своего мизинца, что все люди после смерти поступят во власть Сатаны и поселятся в подземном мире, и, таким образом, все заботы о мертвых Сатана возьмет на себя. Адам написал то, что продиктовал злой дух, и власть Сатаны над умершими длилась до тех пор, пока Иисус Христос не вывел их из ада после своего воскресения, уничтожив тем самым договор Сатаны с Адамом (Сборник материалов 36: 130 — 140).

По вологодскому поверью, темное воинство растет с умножением человеческого рода, так как Сатана с дьяволами совращает души умерших младенцев, которые после смерти превращаются в ангелов, переманивая их на свою сторону. Такой взгляд близок к распространенному мнению, что нечистая сила — души проклятых Богом людей. Так, по воронежской легенде, Бог при Вавилонском столпотворении наказал народ, дерзнувший проникнуть в тайну его величия, смешением языков. Зачинщиков, лишив образа и подобия человеческого, он на вечные времена отправил сторожить воды, горы и леса. Кто в момент проклятия находился дома — стал домовым, в горах — горным, в лесу — лешим.

Версия происхождения нечистой силы, являющейся хозяевами земных угодий, от «бывалошных» давно живших людей, от проклятых (см. *Проклятые*) отделяет духов природы и домашних строений от жителей ада — чертей и бесов. Только последние подчиняются непосредственно Сатане, который посылает их на землю для исполнения разных злых дел. Вернувшись, бес докладывает Сатане о сделанном, и в случае неудачи Сатана — гигант по сравнению с бесами — бьет их, обрывает хвосты и калечит, оттого есть много чертей с увечьями, хромых, слепых, безухих и бесхвостых (Георгиевский, 53). Сатана никогда не учит чертей, у него заведено так, что подчиненный сам до всего доходит. Ни один черт не смеет просить совета у Сатаны, и часто, боясь показаться на глаза грозному начальству, созывает других чертей на совет в заранее условленное место, которое у людей слывет нечистым.

Сам Сатана посещает сборища ведьм, шабаши, которые устраиваются в разных местах, у заклятых сосен, на Лысых горах и т. д. Например, в Калужской губернии на границе Мещовского и Мосальского уездов около деревни Дворки стояла громадная сосна, дупло внутри ее сгнило и набито всякими тряпками, ветошью, волосами и костями, — сюда слетаются ведьмы для встречи с Сатаной. Не только спилить эту сосну, но и проходить мимо нее, особенно ночью, опасно. Сучья

у сосны выпрямлены и замечательно вытерты, будто на них кто-то часто сидит. Верхушка сломана, так что представляет как бы удобное место, трон, седалище Сатаны, заправилы шабаша.

К Сатане могут попасть проклятые люди, особенно, если проклятие звучало так: «Дьявол тебя возьми!», «Пошел к черту!». Прокляла мать сына, отдали его в пастухи и в один летний день нашли мертвым голова в воде. Через пятнадцать лет в ту деревню, где жила мать мальчика, явился человек и рассказал, что его проклятого, унесли в лес «словно бы и не люди», сняли с него платье, надели на осиновый чурбан и положили на берегу озера, а его самого потащили к Сатане. Сатана выдал ему одежду, в которой он видел всех, а его никто не замечал. Вместе с чертями он подталкивал людей к убийствам и самоубийствам — за пятнадцать лет ни одного уголовного дела без них не обошлось (Новгородская губ.). Действительно, в большинстве случаев на вопрос: «Почему ты это сделал?» — преступник отвечал: «Грех попутал, сам не свой был. Силен Сатана, ничего не поделаешь, дьявол толкнул».

Сатана использует разные средства, чтобы погубить людей. Еще во времена потопа он пробрался в ковчег под видом мыши и стал прогрызать дыру в нем, но по одним рассказам тигр, по другим — кошка проглотила дьявола в образе мыши, а некоторые утверждают, что это уж заткнул дыру в ковчеге своей головой, отчего у него всегда можно заметить корону на голове, знак особого отличия перед Богом. Сатана изобрел на погибель людям водку и вино и научил людей, как их готовить. Табак — также его изобретение. Когда люди курят табак, то уподобляются Сатане: он сидит на престоле, а вокруг него — дым и смрад.

Сатана — первый винокур. Картинка из лубочной книги XIX в.

как и вокруг курящего. Еще грешнее нюхать табак, потому что берут табак тремя пальцами и тем оскверняют святую Троицу (Калужская губ.). К Сатане обращались за помощью когда хотели на злые дела или хотели приворожить кого-нибудь: «Ой вы, Сатана с дьяволами, со малыми, со великими, вылетите на океан-моря, возьмите огненну тоску мою, пойдите по белу свету зажгите у рабы (имярек) по мне душу!»

Образ Сатаны сливался с представлениями об аде. В лубке, на картинах старых мастеров он представлен держащим в пасти по нескольку грешников, которые жарятся в его утробе. Ад (адея, геенна, тартар, бездна, тьма кромешная, печь огненная) находится в середине земли, входом в него служат огнедышащие горы (болота, топи, провалы). В говорах «адом» называли также зев, горло, глотку, пасть. «Что ад разинул?» («Что кричишь?»). «Ад бездонный» — бранное выражение, близкое по смыслу к словам: «ненасытный», «обжора» («Ах он ад бездонный, все слопал!», Костромская губ.). Помимо никогда не угасающего огня и не умирающих червей — орудий пыток грешников — ад наполнен насекомыми, кровососущими. Когда Адам и Ева согрешили, Господь повелел Сатане наказать их, проткнуть ад тонким колом, чтобы выпустить из него немного мошек и комаров. Но Сатана проткнул ад большим, толстым колом, и оттуда вылетело великое множество насекомых, которые и по сей день несказанно мучают жителей земли (Вятская губ.).

СВЯ́ТКЕ, *свётке*

Черт, бес, являющийся к людям на Святки: зимние беседы и игры с Николина дня (6 декабря) или с Рождества (25 декабря) до водоосвящения

и Крещенье (6 января). В изданном в Киеве Номоканоне говорится об обычае на Святки ходить ряженым в связи с верой, будто в продолжение восьми дней после Рождества Христова дьяволы скитаются по земле, зная о скором изгнании, они в злобе и тоске рыщут по улицам, мучая, терзая и увлекая с собою встречных. Ряженые или святочники умышленно представляют таких дьяволов, надевая на себя маски — личины и маскараные костюмы (см. *Адеса, Бесы*). В Новгороде ряженые приходили в те дома, где в знак приглашения хозяева ставили на окна зажженные свечи, и веселили всех шутками, драматическими представлениями, песнями и плясками. Ряженых называли окрутниками, кудесниками, щеголями, кудесами и бесами. Последние два названия указывали на то, что ряженых считали способными к колдовству, магии, вызыванию бесов.

Собственно черт — святке — по олонецким поверьям появляется на второй день после Рождества и исчезает в крещенский сочельник до вечерней службы. Всевозможные таинственные, кошмарные происшествия, гадания на перекрестках и в овинах, чуланах и банях не обходились без участия святке. Один человек решил погадать о будущем у себя на чердаке, сел возле трубы, слушает, а из трубы — голос: «Что ты слушаешь! Лучше бы посмотрел у себя на огороде!» Отправились на огород, а там лежит полузамерзший пьяный прохожий, едва в чувство привели. Вздумали однажды семь девиц намочить в проруби по лучинке, чтобы положив их под головы, увидеть ночью суженых. Перед сном на головы надели глиняные горшки. Ночью пришел святке к гадальщицам: рванет за голову — и бросит, так у всех головы поотрывал, да только ошибся — рвал и

разбивал горшки, а не головы. Другая девица намочила в проруби сапог и положила на ночь под подушку. Ночью пришел святке, натянул ей сапог на лицо до самой шеи, так что образовалась бесформенная масса (Георгиевский, 61).

Святке часто является на зимние посиделки во время молодежных игр, пугает, а иногда и губит играющих. Разбаловались ребята на поседках и стали думать, что бы почуднее сотворить. Один и предложил — показать, как люди давятся. Все рады, новая забава нашлась. Привязали к матице мертвую петлю, сунул в нее парень голову, вдруг откуда ни возьмись, в дверях становой как гаркнет: «Кто тут давиться задумал?» Все по углам разбежались, кто к дверям бросился, глядь — а за дверью-то никого, только метель крутит и ветер воет, снег переметывает. Подошли к парню, а он и вправду задавился. Враг становым прикинулся и на людей мороку навел (Перетц, 12).

На святки черти обрачиваются маскированными, смешиваются с толпой ряженых, а ночью разрывают ребят и девок на части. Однажды на Рождество забрались девушки в пустой дом гадать. Парни про это узнали и решили загодя там спрятаться и попугать их. Вошли девушки в избу, а из подпола — бес, загадывает им загадку: «Что это за три косы и три дуги?» Девки испугались, а парни им подсказывают: «Три косы это: коса у девки, коса, которой косят, да коса у петуха; три дуги это — дуга запрягательная, дуга — радуга да дуга — бровь у красной девушки». Черт видит — отгадали, бегите, говорит, скорее, не то худо будет. Они бежать, только у одной девушки сарафан спал. Посмотрели на другой день, а сарафан весь по клочьям разбросан по избе (Смирнов-1, № 128).

Гадки в бешеном

Святочное гадание. Иллюстрация →

Святке может превращаться в человека, принимать вид животного. Чтобы уберечься от него, во время гаданий очерчивают себя кругом, так как святочный бес не может перешагнуть черты, начерченной на снегу или полу железным предметом. Когда ходят «слушать» на перекрестках дорог, в поле, обводят себя кругом несколько сажен в диаметре. Один бедный мужичок был в поле, слушал один. Только сделал круг, видит — подъехал к кругу на возу человек, придвинулся к самой черте и загорелся. Крутится воз, а человека на возу не видно. Испугался слушальщик, в себя от страха прийти не может, а когда приободрился, видит — от воза большой огонь, но от него ни холодно, ни жарко. Вздумал мужичок [illegible], что же такое горит на возу, [illegible] рукой что-то мягкое и рванул с воза, рвет и в круг бросает. После оказались в кругу целые кучи шелка, и тот мужичок стал богатым.

Если черта, за которую не смеет перейти дьявол, окажется нарушенной, святке убьет гадающих. Как-то три человека (а слушать ходят всегда нечетным числом) слушали в овине, подостлали коровью шкуру, чтобы теплее сидеть было, да оплошали — конец хвоста попал за черту. Пришел святке, схватил шкуру за хвост и давай [illegible] по овину. Утром всех троих нашли мертвыми (Георгиевский, 61).

Всякий рядившийся или гадавший на Святках считается нечистым и должен очиститься от греха святой водой в Крещенье. Святую воду берут из Иордани — проруби, которую вырубают во льду в виде четырехугольной чаши. Около нее стоит священник, когда начнется ектенья об освящении воды, знающий человек пешней пробивает лед и вода фонтаном течет по углублению, наполняя вы-

рубленную яму — чашу. Священник погружает в нее крест, воду пили и умывались ею (Владимирская губ.). Некоторые в день Крещения Господня после молебна на реке купались в ней с целью: больные — излечиться, наряжавшиеся в маски — вновь креститься после принятия образа черта.

СВЯ́ТОЧНИЦА *Шутовка, русалка*

Появляется только на Святках. Святочницы немы и уродливы, с ног до головы покрыты волосами. Пляшут и поют, но без слов, их песни напоминают завывание ветра. Обитают в неосвященных избах, на улицах. Свои жертвы замучивают до смерти, отрывая от тела куски мяса. Собрались пять девушек пойти в баню повеселиться, слышат там кто-то будто поет и танцует. «Верно, кто-нибудь раньше нас пришел сюда!» — решили они и вошли без опаски. Смотрят, а там — две святочницы: одна дверь захлопнула, а другая стала [illegible] девушки из бани, святочницы за ними, рвут то одну, то другую. Вспомнила одна девушка, что эти чудища любят бусы, сдернула с себя несколько ниток, разорвала и рассыпала по снегу, остальные сделали то же самое. Святочницы обрадовались, бросились подбирать бусы, и девушки успели добежать до дворов, вскочить в хату и захлопнуть дверь (Калужская губ.).

СЕРЕДА́

Дух — персонификация дня недели, среды (ср. *Пятница*). Пост в среду, как и в пятницу, отказ от рукоделья, особенно прядения, чтобы не запорошить глаза мертвым, усопшим родителям, способствовал излечению от болезней, исполнению задуманных желаний. Дух среды представлял

Баба [illegible] Ровенский [illegible]

ся в образе, близком к *Пятнице, кикиморе* «домашней» *русалке*. Это немолодая женщина, в головном уборе замужней женщины (кичке), покрытом сверх кички белым полотенцем, она является в дом к прядкам, работающим в среду до глубокой полночи, выполняет по дому разную работу, но ее помощь оказывается уловкой, хитростью. Середа может задушить рукодельницу, вытканными холстами. В Орловской губернии была записана резкая сказка об этом духе.

Молодая баба пряла поздно вечером во вторник под среду, устала и решила лечь спать. Перед ним не перекрестясь сказала: «Ну, матушка Середа, помоги мне, чтобы завтра встать пораньше да допрясть». Так и заснула. Поутру, до свету слышит: кто-то ходит в избе. Открыла глаза: лучина в светце горит, по избе ходит женщина, прибирает, дрова в печку кладет, подошла к ней, будит: «Вставай!» — «Да ты кто такая?» — спрашивает хозяйка. «Я та, кого ты звала, Середа. Холсты я тебе допряла и выткала, теперь белить будем, в печку ставить. Печь затоплена, чугуны готовы, сходи на речку, воды принеси», — и сердито на нее глянула, глаза так и сверкают. Взяла баба ведро, пошла за водой, по дороге думает: «Не было бы мне какой беды, схожу я лучше к соседям». Ночь темная, на селе еще все спят, насилу достучалась в окно к соседке. Отворила старуха: «Что ты, дитятко, так рано поднялась, чего тебе?» Так и так, отвечает, мол, пришла Середа, велела воды принести, холсты золить. «Нехорошо это, — говорит старуха, — она тебя на этих холстах удавит либо сварит. Ты ведра возьми, вернись домой и крикни под дверью: «На море серединские дети погорели.» Она выбежит, а ты прежде нее [illegible] в избу и дверь запри да закрести. Как [illegible]

[illegible] грозить, не впускай, мелом крести и твори молитву». Все так и вышло [illegible] а баба [illegible], заперла и закрестила [illegible] прибежала назад [illegible] «[illegible] и тебе холсты напряла, белить буду» [illegible] пока петухи не пропели. С первым криком петуха она завизжала и пропала, а [illegible] у бабы (Худяков, № 112).

Об уважении к среде видно из пословиц: «[illegible] Бог ни даст, а в среду не [illegible]» [illegible] середи [illegible] «Гость [illegible] а день середний [illegible]» [illegible]. В среду на [illegible] крестьяне [illegible] неделе [illegible] [illegible] из них запекали деревянный [illegible] уголь и третий — [illegible] и другие предметы. По этим предметам гадали: кому что попадет, то и сбудется. Кто в кресте находил [illegible] [illegible] перед [illegible] [illegible] Среда [illegible] для [illegible] давали [illegible] «Середа [illegible] [illegible] Со средой — [illegible] [illegible] о середине [illegible] [illegible] В [illegible] [illegible] для здоровья [illegible] В то же время далеко не [illegible] [illegible] среда не каждая [illegible] «Середа да пятница [illegible] в доме не [illegible]» «В среду [illegible] так в четверг [illegible]» [illegible] носится, словно середа на пятницу».

СИЛА́Ч ОДНОРУ́КИЙ [illegible] одноглазый получеловек, ослетай.

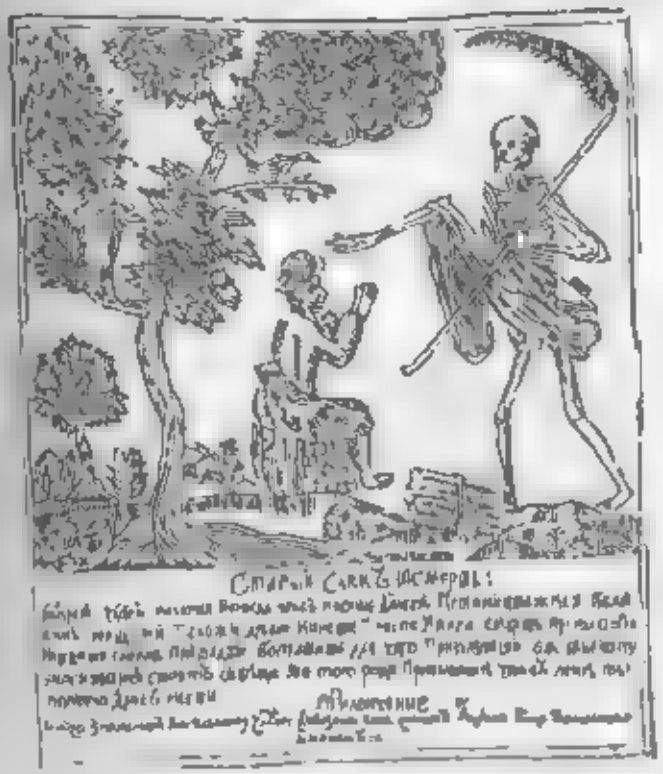
Великан с одним глазом во лбу, с одним ухом на затылке, одной рукой в груди и с одной ногой. Единственной своей рукой может бросать огромные камни на расстояние двухсот саженей и более. Людоед, живущий где-то в дальних краях (Вятская губ.). Стеньку Разина, разбойника, земля не приняла, он заключен в горе и обречен на вечные мучения: каждую ночь к нему прилетает змей и сосет за сердце. Вместе с Разиным в [illegible] пещере заключены получеловеки — люди об одном глазе, одной руке и ноге, которые, чтобы двинуться с места, складываются вдвое и тогда бегают очень быстро. [illegible] выделывая себе подобных из железа. Дым и смрад, исходящие из их кузницы, разносит по ветру повальные болезни (Афанасьев 2, 454). Представление об [illegible] и одноглазых великанах в русские предания, вероятно, проникло из книжных Александрий — повестей об Александре Македонском, [illegible] на краю света баснословных людей, свирепых, как дикие звери, людоедах, имя которым — Гоги и Магоги. Диких людей Александр загнал в горы и пропасти, и выйдут они оттуда только перед концом света. В античной мифологии и литературе одноруким силачам соответствуют образы одноглазых киклопов [illegible] [illegible] Урана и [illegible] великанов — детей Посейдона, помощников Гефеста, обитавших в недрах Этны, в горах, в пещерах. В русских сказках [illegible] [illegible] одноглазого великана [illegible] на демону злой судьбы Лиху одноглазому (см. *Лихо*, *Дивьи люди*).

СМЕРТЬ

По происхождению Смерть — из падших ангелов, отрекшихся от Бога и изгнанных им от своего престола. Но Смерть отказалась подчиниться Сатане и пойти войной против Бога, поэтому она была наказана не так строго, как остальные ангелы, ставшие бесами и низринутые в подземное царство (см. *Сатана*). В народных легендах и сказках Смерть живет то у дверей ада, то у райских врат, ходит и к Богу — за указаниями, кого умертвить, так и к дьяволу — с докладами. Смерть описывается страннидей, она напрашивается в попутчики и прохожим, сопровождает *Пятницу* (см.).

Смерть — воительница, в ее руках острое режущее оружие: пилы, косы. Настигнув человека, она вначале подсекает ему ноги, затем руки и голову, таковы ощущения умирающего, для остальных поединок жизни со Смертью невидим. Жизнь также представлялась образно, в виде души, только не наделенной бессмертием. Жизнь помещается в животе, до грудобрюшной преграды, отсюда — в народной этимологии, название брюха «животом» — т. е. жизнью. Как и душа, жизнь [illegible] на своего хозяина, на [illegible] телесную [illegible], но она невидима для людей. После уничтожения жизни Смертью душа не может оставаться в мертвом теле и разлетает из него.

Душа, отделенная от тела, — крошечный человечек, маленькая копия умершего. Такое представление о душе, возможно, восходит к иконописи, так, на иконе Успения Божьей Матери ее душа нарисована в виде маленького человечка. Хотя душа и бестелесна, ей приписывается способность физических ощущений: сосет под ложечкой, душу жмет. Душа размещена выше жизни, голова



Старик и смерть. Ровинский [illegible]

[illegible] находится в [illegible] тулоище — в [illegible] которую называли [illegible]. Когда Смерть [illegible] жизнь в человеке [illegible] движениям [illegible] умирающего. Он как бы задыхается, «камает». В теле человека душа в [illegible] равно что в остроге. Смерть выпускает ее на свободу [illegible] она трепещется, радуется (Новгород[illegible]).

[illegible] то — душа праведника, расставание с телом [illegible] в [illegible] как [illegible]:

[illegible]

Эти [illegible] муки — кипящая смола, палящий огонь [illegible] черви ([illegible] губерния [illegible]).

Смерть и [illegible] как [illegible] умирающего [illegible] покидает [illegible] чтобы [illegible] предстала перед судом Божиим [illegible] купалась.

Смерть [illegible] В [illegible] сказках [illegible]

персонажи являются ликами Смерти — [illegible]

В [illegible] сказках [illegible] смерть — [illegible] показывается [illegible] В [illegible] девица, молодая женщина, ворон [illegible] Смерть [illegible] сеням да красной девицей [illegible] да перехожею», «черным [illegible] залетела», но никто не видит ее [illegible] нее как для дорогой гостьи расставили бы [illegible] столы и, может быть, она ушла бы [illegible] больным.

Причину смерти видели не в заболеваниях [illegible] а в том, что кто-то [illegible] забежала впереди талана и украла счастье. [illegible] горе как дух-предшественник Смерти [illegible] добрый молодец пытается убежать от Горя [illegible] — черным [illegible] серым волком — Горе нагоняет [illegible] молодец и преставился, «положили во матушку [illegible] землю».

[illegible]

Вдова плачет по мужу

[illegible]

Она [illegible] смерть и мило[illegible] сутяга. О[illegible] тельная душа [illegible]лась голубем [illegible] бабочки и зайцем. Взгляд на загробное [illegible]ствование души [illegible] двойственным. [illegible] не только Жительницей другого мира [illegible] и могла с ней можно [illegible] на кладбище (см. *Мертвецы*).

П[illegible] верьям Смерть [illegible] Адама, им проклятая. Отец вознамерился уморить [illegible] дом, и она истлела до скелета. Сатана уда[illegible] заклинания с Адамом до [illegible] ему все мертвые [illegible] подземному царству доныне. Произошло это так: Адам и Ева стали жить семьей [illegible] умерла во младенчестве. Не зная что с [illegible] чинить и что им делать дальше, решили [illegible] страшному герою Сатане и обернувшись [illegible] посетил их и сказал что [illegible] как быть, если Адам напишет на [illegible] «все люди после смерти будут во власти Сатаны и поселятся в царстве тьмы». Адам [illegible] власть дьявола продолжалась над мертвыми до [illegible] Господь Иисус Христос не взял их [illegible] после своего воскресения и тем [illegible] (Сборник материалов 36, 140).

О Смерти как служанке Сатаны говорится [illegible] древнерусских литературных памятниках. [illegible] жили Адам [illegible] девятьсот тридцать и прида[illegible]

смерть сатанина». Облик Смерти [illegible] в житии Василия Нового, в рассказе святой Феодоры, явившейся к Василию во сне и поведавшей о своей смерти. В последние минуты жизни к Феодоре [illegible] мириады эфиопов с [illegible] глазами, они ревели как звери, лаяли как псы, разворачивая списки ее злых дел. Затем пришли два ангела, сообщившие демонам, что от этой души они не получат даже малой толики, так как с ней милосердие Божие. Рыкая как лев, пришла Смерть: тела у нее не было, одни человеческие кости, с собой она несла мечи, стрелы, копья, косы, серпы, железные рога, пилы, секиры, тесла и другие орудия пыток. Смерть разъяла по одному все члены тела Феодоры, дала отпить из чаши горечи, и, содрогнувшись, душа вылетела из тела. Бесы и ангелы в споре за душу Феодоры смотрели, какая чаша весов — с добрыми или злыми делами — перевесит, но спор их решило покаяние святого Василия, который подал ангелам мешочек со своими молитвами и добрыми делами за душу Феодоры, тогда бесы с плачем ушли.

[illegible] началось нисхождение душ на небо по мытарствам. Мытари, известные из Евангелия, были сборщиками податей. На всех ступенях лестницы, ведущей в небо, сидят бесы — мытари, носящие имена грехов и пороков, которые ими истязуются. Мытари чревоугодия держали в руках сковороды с яствами и чаши с напитками. Всех мытарств — двадцать: празднословия, лжи, осуждения и клеветы, чревоугодия, лености, татьбы, сребролюбия и скупости, лихвы и неправды, зависти, гордости, гнева и ярости, злобы, убийства, чарования, блуда, прелюбодеяния, содомских грехов, ересей, немилосердия и жестокосердия. На каждом мытарстве бесы встре

чают душу и показывают свитки, исписанные ее злыми делами. В ответ ангелы перечисляли добрые дела Феодоры, пополняя порой их недостаток из мешочка святого Василия.

В житии Антония Галичанина Смерть также приходит в окружении демонов, кричащих свиньями, грозящих оружием — клещами, бритвами, пилами, трезубцами, устрашающих человека до тех пор, пока некая Божья сила не придет и не разгонит демонов.

Согласно Евангелию, после смерти грешники идут в вечный огонь, уготованный дьяволу и его слугам. В древнерусской иконографии бесы в адмучают грешников соответственно их грехам, разнообразие адских пыток запечатлено лубком. Путь в рай прегражден огненной рекой, через нее переброшен мост, а на нем искус. На том искусе грешники бывают удержаны и сброшены бесами в огненную реку (Рязановский, 115 — 120).

В «Повести о бодрости человеческой» или о «Прении Живота со Смертию», часто встречающейся в списках XVII века, Смерть является в образе воина, а противостояние ей Живота — жизни представлено воинским поединком. Из рукописей повесть перешла в устные сказания и лубок, легла в основу духовных стихов об Анике-воине.

Аника был богатым витязем, прожил «три-то девяносто лет, а все пасся да берегся Чуда чудного — Смерти чудные, Смерти страшные», любил похваляться своими подвигами, многие из которых заключались в разорении пустынь и монастырей. Задумав опустошить Иерусалим, он отправился в дорогу, но встретил «Чудо чудное, диво дивное: ноги-то у Чуда-то звериные, голова-то у Чуда человеческа, а тулово у Чуда лошадиное»

Аника-воин и Смерть. Ровинский 3. № 751-а

«кланяется у Чуда до пояса». Испугавшись Чуда Аника вежливо осведомился, не королевич ли он не могучий ли богатырь? В ответ Чудо — Смерть характеризует себя как неподкупного, немилостивого духа, сотворенного Богом

[illegible]

Аника угрожает Смерти — она напоминает ему, что покорила многих славных богатырей. Аника льстит ей, обещая списать ее лик на иконы, и молиться ей как Богу, но Смерть отвечает «Нельзя мне во церкви стоять, нельзя мне молебны исправлять»; Аника обещает ей богатство, но Смерть отказывается от казны: на земле было много царей, которые отдали бы ей на откуп свои царства, и была бы у нее казна золотая от восхода солнца до заката. Аника просит только об отсрочке, чтобы съездить проститься с отцом и матерью на что Смерть отвечает, что нельзя выехать из дому на ратное дело, не простившись с родителями. У Смерти нет жалости, поскольку она одинока «Нет у меня, Смерти, ни отца и ни матери нет и малых детов, нету и молодой жены, нет ни сродников, ни приятелей». Она подчиняется только Богу, который отпустил ее на землю истреблять рабов Божиих, не принимая во внимание никакие обстоятельства — «где тужат-плачут [illegible] мне Смерти, и праздник»

И в духовных стихах, и в народных легендах

отразилось двойственное восприятие смерти как ужасного чудовища, Чуда, и как ангела или ангелов, посланных Богом за человеческой душой. Процесс умирания может быть изображен как результат деятельности обеих этих сил. Аника занес над гордой, неподкупной Смертью свою палицу но в ответ Смерть вынула невидимые пилы и «подпилила у Аники в руцах и в мозях становные жилы. У Аники в стременах резные ноге подогнулись, у Аники белые руцы опустились, У Аники бело́ лицо помрачилось, У Аники очи ясные помутились, Аники буйна голова долой с плеч покатилась. И иной пьяный Аника на коне зашатался, Упал же храбрый человек Аника-воин на сыру землю». Но затем «Сослал Господь по Аникину душу Двух ангелов, двух архангелов. И выхули Аникину душу сквозь ребер-костей, И не че́стно, не хва́льно и не ра́душно, Посадили Аникину душу на копие, И вознесли Аникину душу нельми высоко, И возринули Аникину душу во тьму глубоко, В муку вечную, в палящий огонь» (Киреевский-4, 115 — 136)

Из духовного стиха о богатом и бедном Лазарях узнаем о крылатой смерти и крылатых ангелах, принимающих [illegible] праведников душу через сахарные уста и у грешников — сквозь левое ребро. Чистую душу как новорожденного младенца кладут на пелены и относят в рай, душу грешную поднимают высоко к небу на остром копье и оттуда сбрасывают в ад (Бессонов-1, 48 — 49). Двоякое воззрение на Смерть как на существо светлое, божественное и как на злого духа, демона сложилось вследствие смешения разных христианских представлений о смерти с ветхозаветными сказаниями Второй книги Царств о страшном ангеле смерти

Евангельская притча о богаче и бедном Лазаре
[illegible] ок. 23 № 258-12.

Согласно народной легенде, праведники готовы к смертному часу, они заранее делают наставления домочадцам, благословляют их, после чего приходит Смерть в окружении ангелов, они вынимают душу праведную и с пением «Иже херувимы» на золотом блюде относят в рай. Не так умирают грешники: Смерть застает их внезапно, не дав сроку ни на покаяние, ни на благопристойные сборы, это смерть от удара: «Хозяева воротились с молотьбы в избу и принялись всяк за свое дело, начали пустое болтать да песни петь, и невидимо к ним пришла Смерть с молотком в руках и ударила одного брата в голову: «Ой, голова болит, ой, смерть моя!» — закричал он и тут же умер».

Смерть безжалостна к мольбам умирающих или их близких, тогда как ангелы Смерти могут ослушаться Бога и не выполнить его приказания вынуть душу из человека, чья смерть кажется жестокой несправедливостью. Родила женщина двойню, и послал Бог ангела вынуть из нее душу. Жалко ему стало младенцев, полетел он обратно к Богу: «У той матери, Господи, есть два малых младенца, чем же они станут питаться?» Бог жезлом разбил надвое камень и спросил у ангела, что он видит в трещине. «Вижу двух червячков», — ответил тот. «Кто питает этих червячков, тот пропитал бы и младенцев!» Бог отнял крылья у ангела и отправил его на землю на три года (Афанасьев-Легенды. № 25 — 26).

Некоторым сказочным героям удается перехитрить Смерть и даже поставить ее себе на службу. У одного крестьянина часто умирали дети. Распространенным обычаем в таком случае было звать в крестные кумовья первого встречного. Родился у крестьянина сын, и он пошел искать встречную

куму. Увидел женщину: «Матушка, сделай милость — или в крестные». — «Да ведь я Смерть». — «Тем лучше». Окрестили, она и говорит: «Ждите меня через пятнадцать лет». Мальчик вырос, явилась Смерть, спрашивает: «Хочешь, я сделаю тебя счастливым? Берись лечить больных — возьми водички и дай пить, а сам смотри: если я буду стоять в головах — больной выздоровеет, такого можно лечить, если в ногах встану — умрет». Пошла слава о великом лекаре, составил он большой капитал, и позвали его лечить царского сына. Видит лекарь, Смерть у него в ногах стоит. Он велел больного положить на другую кровать, так, чтобы, где ноги были, оказалась голова. Выздоровел царевич. Но с той поры рассердилась Смерть на крестника. В другой раз он также воскресил любимую девушку — тут уж крестная его не пощадила, и лекарь умер (Смирнов-2, № 300).

Особенно ловок до проделок над Смертью герой многих волшебных и бытовых сказок — солдат. В раю ему плохо: нет ни вина, ни табаку, в аду чертям от него житья нет; то в карты их обыграет, то монастырь строить возьмется, поэтому он, как и Смерть, оказывается ни в аду, ни в раю, а где-то у врат, ведущих в Божье царство, в роли часового. Мимо пробегает Смерть. «Куда идешь?» — спрашивает часовой. «К Господу за повелением, кого морить мне прикажет». — «Погоди, я сам спрошу». Бог приказал передать Смерти, чтоб морила три года стариков, а у солдата еще мать с отцом живы были, он их пожалел и сказал Смерти: «Ступай по лесам в три года точи самые старые дубы». Затем также он меняет молодой люд на молодые дубки и детей — на самые малые деревья. По истечении девяти лет Смерть

совсем отощала, ведь любая человеческая смерть поддерживала ее силы, и, подравшись с солдатом, подняла такой шум, что сам Господь вышел на крыльцо поинтересоваться, что происходит. Когда все выяснилось, Господь приказал солдату девять лет носить Смерть на плечах. Солдат идет и табачок нюхает. Смерть просит: дай попробовать. «Полезай в рожок да и нюхай, сколько душе угодно», — ответил солдат. Только она туда влезла, он ее запер, закрыл рожок и заткнул за голенище сапога и снова встал на часах у райских врат (Афанасьев-Легенды, № 16). Способность к оборотничеству героем этой сказки использована против самой Смерти.

Множество примет и обычаев было направлено на то, чтобы предугадать приход Смерти, обезопасить себя от живых мертвецов (см. *Мертвецы Заложные*), предотвратить гибель людей от моровых поветрий (см. *Мор*). Смерть предвещали следующие события и явления: видеть во сне белого петуха — к покойнику, голубь, ласточка, воробей залетит в окно — «за кем-нибудь», кукушка окукует в затылок — к смерти, также и если цветок расцветет, который давно не цвел; если хлеб упадет с лопаты, когда его сажают в печь, если огонь в загнетке не держится, тухнет; если услышишь далеков пение, когда никто не поет, если увидишь своего двойника, особенно в белом, если увидишь во сне, что причащаешься или собираешь белые цветы; если вдруг начнут быстро расти ногти и волосы, если споткнешься при проводах покойника или случайно оступишься и упадешь в могилу — все это к смерти.

Внимательно следили за поведением домашних птиц и животных, за появлением в доме диких тварей (змей, птиц), стараясь по их повадкам рас

познать приближение смерти. Сова, кричащая на крыше избы, предвещала покойника. Собака, воющая под окном понурив голову или роющая яму у порога, курица, кричащая петухом, — предвещали смерть. Крысы и мыши съедят что-нибудь из обуви или одежды, вообще слышать мышиный писк и свист — к смерти. Мыши могут предупредить кого-нибудь из домочадцев о скорой смерти в семье. Одна мещанка рассказывала, как крыса повадилась спать у нее за пазухой. Проснувшись как-то раз ночью, она ощутила ее у себя на груди, тотчас вскочила и прогнала, но на следующую ночь все повторилось снова, и так до тех пор, пока не умер отец той женщины. Пропажа домашней кошки или кота — к смерти хозяина или хозяйки. Сама смерть может явиться белой кошкой. Некоторые приметы указывали на смерть или выздоровление больного. Придя за ключевой водой, следили: если вода чистая, прозрачная — на живое, забурлят ключи, завыскакивают с песком и грязью — на мертвое; гадали по дыму от свечи или из трубы дома: поднимается прямо вверх — жив будет, стелется по земле (из трубы), движется вон к двери (от свечи) — умрет.

Старались на ночь не смотреться в зеркало, чтобы не накликать на себя Смерть. Нельзя было долго оставлять непокрытой постель, чтобы не впустить в нее болезнь и Смерть. Под старость не строили нового дома, не шили обновы, в особенности — белья, иначе вскоре умрешь. Не строились на огородах («гряды-то вроде как могилы»).

Под Новый год узнавали, кто в приходе умрет в течение года. Для этого около полуночи в одиночестве нужно было сесть на церковной паперти. В самую полночь, как сторож ударит в колокол, друг за дружкой пойдут в церковь люди: надо по-

стараться узнать их и внимательно слушать, что поют каждому, кто войдет в церковь, — кому свадебный стих, тот женится, кому «со святыми упокой» — тот непременно умрет. В процессии призраков можно увидеть и себя самого. Вообще видеть призрак живого человека — знак, что его душа хочет расстаться с телом. Добиться смерти живого человека можно было, отслужив по нему несколько заупокойных обедни и панихид. Долгожителей, которых, кажется, смерть не берет, называли двужильными людьми, по поверьям, они после своей кончины увлекают на тот свет еще двух человек из своей семьи.

Многие приметы указывали, суждено ли ребенку вырасти и стать взрослым, или умереть во младенчестве. Дитя не переживет ранних годов, если во время крещения его волосики, закатанные в воск и брошенные в купель крестным отцом, пойдут ко дну. Ребенок излишне тяжелый в том возрасте, когда он еще не ходит, жить не будет: его земля к себе тянет, оттого он и тяжел. Слишком кроткий и не по летам разумный ребенок не принадлежит белому свету. Бог любит таких детей и скоро призывает к себе. Ребенок, играющий в похороны, может навлечь смерть на себя и своих близких.

Чрезвычайно опасным временем считали те дни и часы, когда в доме находился покойник, а также время вслед за похоронами, до сорокового дня, т. е. до того срока, по истечении которого душа умершего более или менее окончательно уходила в иной мир. Это был период самого тесного соприкосновения со Смертью, требовавшей к себе уважительного и внимательного отношения. Женщины «на смерть» шили специальную одежду, а чаще берегли что-нибудь от подвенечного наря

да, их хоронили в том, что осталось от свадьбы. В руки умирающему давали свечу — впоследствии блуждающие огоньки, светящиеся по ночам, почитали знаками передвижения душ усопших. Снимая с покойника рубаху, не расстегивали, а разрывали ее ворот, после обмывания тело вытирали этой же рубахой, которая затем в течение шести недель висела дома, а после ее кому-нибудь отдавали или бросали в реку. Все три дня до похорон покойника не оставляли одного в доме, постоянно читали над ним «отпускную» книгу, верили, что мертвый все слышит, и стремились почтить его память.

Гроб никогда не делали новым, чтобы «не сжечь» покойника. Подушку под головой покойника в гробу набивали стружками от гроба. Стружки от гроба жгли и смотрели, в какую сторону тянет дым: если к дому, вскоре умрет кто-нибудь еще. Шесть недель одежду, в которой умер человек, его постель и подушку проветривали, но «не шевелили», затем использовали, как считали нужным. Пока гроб еще стоял в доме, следили за лицом и телом покойника: если не закрывается один глаз — он высматривает следующего. Второго покойника в доме нужно ждать также в том случае, если гроб велик не по росту. Все зеркала в доме занавешивали, чтобы мертвец не отражался в них и не завлек смерть на близких.

Как только покойника вынесут из избы, на Севере и в Сибири у русских было принято класть в передний угол камень, на окно — чашку с водой. Душа прилетит, попьет воды и отдохнет на камне. Вода и камень оставались в доме до сорокового дня. Чтобы покойник не вернулся в дом, его выносили из дверей ногами вперед, иногда даже не через дверной, а через оконный проем.

Считали, что плохо умереть в пятницу, трудно

будет на том свете умершему в этот день. Зато самое лучшее — умереть в воскресенье, во время обедни, когда в жертву за человека приносятся тело и кровь Христовы. Такой смерти удостоиваются только праведники, предназначенные к райской жизни. Некоторые считали, что на убитом молнией лежит Божья благодать. Молния поражает черта, когда тот прячется от Ильи Пророка; обратившись мухой или зверьком, бес укрывается за спиной благочестивого человека, настигая беса молния убивает не только дьявола, но и праведника, который, как невинная жертва, попадает прямо в рай. Впрочем, существовало и другое мнение: гром — это удары по черту, а молния — это сам черт, оборачивающийся на земле каким-нибудь животным. К кому во время грозы подбежит — того и убьет. Говорили также, что убитые молнией — проклятые люди. Мать скажет ребенку: «Гром тебя разбей», и ее проклятие исполнится.

Легкая смерть суждена праведным людям, человек, который долго и трудно отходит, — великий грешник (см. *Колдуны и колдуньи*). Чем худее и истощеннее умирающий, тем легче ему будет на том свете, так как легок его земной груз. Хорошо также женщинам, умершим в родах, — они попадут в рай за свои муки.

Особые поверья были связаны со смертью родильниц и кормящих матерей. Такие покойницы часто приходили домой, чтобы покормить ребенка грудью, не дать ему умереть с голоду. В северной балладе о князе Романе, убившем жену, поется: как недельная девочка после ужасного злодеяния встала в колыбели, вышла из дому и отправилась на поиски матери, расспрашивая о ней у встречных; люди ничего не смели ответить младенцу, только пробегавшие мимо волки рассказали

Ромая жену убил да в чисто поле скоронил,
В чисто поле скоронил да под межу повалил
Грои-то день матёнка за вдольми идет,
И идя она идет да молоком реку белит
Молоком реку белит во слезах тути не видит

(Григорьев I, № 143)

По истечении шести недель покойницы — кормящие матери — перестают кормить детей. Подросшие дочери часто ходили плакать на материнские могилы: судьба сиротки и падчерицы была не из легких.

Обычай запрещал матерям слишком много плакать по умершим детям, особенно младенцам, которые должны попасть в рай. Если малолетний ребенок в чем-нибудь и грешен, за его проступок ответит мать, никто лучше матери не замолит у престола Всевышнего за свое чадо. Ангельской детской душе светло и хорошо в раю, а каждая материнская слеза жжет ее сонно огнем. В некоторых местах существовало поверье, будто в ночь на Васку покойники собираются в деревне. Одна мать, сильно тосковавшая по мертвой дочке, решила взглянуть на нее и осталась в деревне в ночь с субботы на воскресенье. Глядит — а дочка еле идет с ведрами, полными материнских слез.

Родных поминали четыре раза в год, в большие праздники. В центральной России например в субботу перед масленицей («мясоедные родители») на Фомин и неделе («в нижней вторник») в субботу под Троицу и в «Дмитровские родители» (26 октября). В день поминовения на могилы приносили блины, драчену, баранину, варили кур, сыпали на могилы пшено и пшеницу. Если к утру птицы поклюют зерна, значит поминовение действует на душу покойника, если зерно осталось нетронутым — покойник был великим грешником, птицы небесные от него отказываются. На

Пасху и на Радоницу шли на кладбище христосоваться с покойниками, говорили «Христос воскресе» и целовали крест на могилке, трижды проходят по могиле «Кыо» и раскрошат его для птиц.

В могилах покойники, если это не упыри и не мертвые ведьмы, лежат тихо, не шевелясь, до тех пор, пока кто не бросит на них горсточку земли на похоронах, они все слышат и видят, после этого обряда мертвые могут дать о себе знать в поминальные дни. В будни встают из могил по ночам, чтобы сходить к реке на водопой. Напьются водички и возвращаются с первым криком петуха, ложатся в свои могилы.

Если в субботу отслужить заупокойную обедню по покойнику, то его душа освобождается из темного места, где она заключена на целые сутки и сушит по белу свету. Праведная душа незримо присутствует рядом с близкими, бережет их от греха, грешная летает по тем местам, где грешила, терпит казнь и этим постепенно искупает свои прегрешения. Умершие никогда в церковь не ходят, но молиться за себя они не могут, только за живых людей, когда те поминают их в обедню. По молитвам мертвых живым прощаются многие грехи. «Мы за них молимся, они за нас — ни им без нас, ни нам без них нельзя быть» — говорили в народе (Шангина 267 — 344; Семенова 228 — 234).

СМЕРТЬ КОРОВЬЯ

Дух эпидемии, падежа скота. Коровья Смерть являлась в виде коровьего скелета, лошадиного скелета. Обладая способностью к перевоплощению, могла прикинуться человеком или любым животным. Главным средством избегнуть ее было опахивание села или деревни ритуальной процессией с соответствующими обрядами и заклинаниями (см. *Коровья Смерть*).

ТЕНЬ *Следь, стень*

Дух — подобие человека, его двойник, его отражение в зеркале, *привидение, безымень*. Тела мертвых разлагаются в земле, но их души легкими бесплотными призраками являются живым людям. Эти духи могут обладать необыкновенной силой, нести смерть. В летописи мертвецы (навье) избивающие толочан, изображены как невидимое воинство.

Увидеть тени усопших может тот, кто после трехдневного поста накануне родительской, поминальной, субботы придет на кладбище. В эту ночь вместе с тенями мертвецов являются призраки живых людей, кому суждено умереть в этом году.

Святочные гадания с зеркалом основаны на представлении о тени как человеческом образе

существующем независимо от своего хозяина. В пустом помещении, в бане перед собой ставили зеркало и две свечи, ожидая появление тени суженого в зеркале. После смерти кого-нибудь из членов семьи в комнатах занавешивали все зеркала, чтобы тень мертвеца не осталась в доме. По мнению раскольников зеркало — дьявольское изобретение (см. *Черт*).

Особое значение в колдовстве и гаданиях придавали также собственно тени, которую отбрасывает человек, стоящий на свету. Если в сочельник, когда начнут кушать кутью, чьей-либо тени не будет заметно, тот из домочадцев вскоре умрет, так как утратившей тень считался бесплотным, бестелесным. Прибить к земле осиновым колом тень колдуна, ведьмы или оборотня — значит обессилить их, заставить просить пощады (Афанасьев-3, 212).

Матери запрещали детям смотреть на тень или играть с нею, глядеться в зеркало, чтобы ребенок не стал беспокойным или чтобы с ним не случилось какого-нибудь несчастья. Выражение «Он своей тени боится» характеризовало не столько боязливого, сколько суеверного человека.

Поверье «кто свою стень увидит — скоро умрет» отразилось в названии «стенью» недуга, главным внешним признаком которого является сильное похудание «до тени». Это разные формы туберкулеза, истощение организма, детская сухотка, обычная старость. Стень считалась почти неизлечимой, дитя, ею страдающее, — не земным жильцом. Поэтому приемы ее лечения большей частью включали магические средства (наряду с некоторыми рациональными). Знахари готовили особый отвар — ячневую вытяжку, которую рекомендовали пить с парным молоком. Больного сухоткой ребенка возили на бойню и вкладывали в требуху (желудок) только что убитой коровы, повторяя де

чение несколько раз и пытаясь добиться «второго рождения» возрождения дитяти. Жители Ейской губернии на заходе солнца собирали в степи колючки с красными цветами (бодяками) на восходе протаскивали эти колючки через горящую солому немного их обжигая. Затем кипятили в котле, пока вода не станет красной как кровь. На дно корыта для купания ребенка клали крест-накрест два ножа, выливали настой, ножи вынимали и протирали полотенцем, ребенка купали в отваре и вытирали тем же самым полотенцем (Сборник материалов-16, 177)

Во многих русских селениях дитя носили в лес к какому-нибудь раздвоенному дереву — «пронимальнице» и оставляли в его развилке на некоторое время (до трех суток). Затем сорочку вешали на дерево, обходили его кругом три девять раз с ребенком на руках и возвращались домой где купали в воде, собранной из девяти рек или колодцев, обсыпали золой из семи печей и укладывали спать на печь. Если после всей процедуры дитя заснет — выздоровеет, будет кричать и плакать — умрет. Часты были случаи, когда ребенок погибал уже в лесу (Сахаров, 103)

Стень, постень — название для *домового* (см.) и вообще всякой домашней нежити, особенно той что любит давить спящих по ночам

УДЕ́ЛЬНИЦА *Дрыгодольная удельница*

Дух — похититель доли, счастья, судьбы доброй и дающий другой удел в жизни болезнь смерть, уродство. Гений злого рока, черный, волосатый растрепанный. Они преждевременно вынимают младенца из материнской утробы и уродуют его, мучают родильницу. Если беременная женщина спит навзничь, нараспашку, без пояса, а на столе оставлен нож, удельницы вынимают им младенца. Оттого рождаются уроды или живот окажется пустым, хотя бы налицо были все признаки беременности

Подобно ведьмам, удельницы летают сороками и при встречах рассказывают друг другу о своих злых делах. Удельницы нападают на человека, и тогда с ним случается удар или родимец они

бьют и ломают его тело. Для излечения одержимого его садят на три соломенных креста, он спит на них шесть недель, призывают в заговорах заклятиях Илью Пророка, чтобы он пришел «на черном облаке и на огненной колеснице, и натянул бы лук свой, и спустил бы калену стрелу, и убил бы врага, и очистил бы раба от жильне-трясущих ударов»

Удельницы имеют доступ к человеку в злые минуты дня, в полдень и на закате солнца. У удельниц есть излюбленные места, так по дороге из Космозера через гору в Фойму-губу есть р. чей Букин порог — сюда приходили удельницы и показывались на росстанях, черные, с длинными распущенными волосами. На росстанях поставили кресты, после чего они исчезли (Барсов, 88 — 89)

УЖ

1. Существо, родственное *василиску, огненному змею (летуну)* (см.); 2. Божий избранник с короной на голове; 3. Домовая нежить. В Пошехонье (Ярославской губ.) верили, что есть ужи, которые вылупляются из петушиного яйца. Один раз в жизни петух обязательно снесет яйцо, заметив его, хозяин должен носить петушиное яйцо под мышкой несколько недель. В срочное время из яйца вылупится уж, который будет носить деньги хозяину (Балов, 98). Ужа пошехонцы считали разновидностью летуна — огненного змея, дьявола. Уж посещает женщин, вступая с ними в половые связи. Своим сожительницам уж носит деньги в дом. Про человека, который старается сделать побольше приобретений в дом, здесь говорили: «Он как уж, все в дом тащит». Человека, у которого быстро растет достаток, спрашивали в шутку: «Не уж ли тебе деньги таскает?»

По вологодским поверьям, уж огненным снопом движется по земле, летает по воздуху. Искрами рассыпается над трубой дома, где живет его любовница, но пожаров от него не бывает. Летает к красивым женщинам, к вдовам и замужним. В одном деревне жил богатый мужик, получивший все свое достояние от ужа. Женился на красавице писаной, только глаза у нее были странные: черные, а в зрачках словно искорки бегают. Как взглянет, так мороз по коже пойдет. Полюбилась она нечистому, стал к ней летать огненным снопом, ужом, и от этого змея вся семья разбогателa: сделались они первыми богачами в околотке. Уж носил им всякое добро; только баба эта вся искудала, а глаза еще больше обвострились. Задумался мужик, понял, что неладно что-то в его семье. Стал молебны по церквам петь, да и на дому пел не один водосвятный молебен, чтобы ужа отогнать от дома. И отогнал: прилетел еще раз-другой огненный бес, повился над домом, а в трубу влететь не смог — все святой водой окроплено.

Уж противопоставлен другим змеям: в XVII веке считали, что уж отгоняет прочь ядовитых змей. Поэтому в сенокосную пору, когда косцы располагались на отдых посреди поля в лесу, искали такие мест, где водятся ужи, и тут спали спокойно. Если кто нечаянно наступит на ужа и успеет сказать «Ах, ненарокомъ», то уж не укусит. Считая ужа ядовитым, думали, что спасение от его укуса состоит в том, чтобы успеть окунуться в воду прежде ужа (Чулков, 302). Уж, укусивший человека, полезет к воде обмываться, если укушенный искупается первым, то выздоровеет, а уж умрет, и наоборот.

Убить ужа считалось большим грехом. Согласно народной легенде, когда Ной построил ковчег, его жена не захотела с ним плыть. Дьявол задумал использовать семейную ссору, чтобы попасть

вместе с женой Ноя в ковчег, он научил ее бранным словам, жена Ноя выругала мужа, и тотчас появился мышонок, который прогрыз дыру в ковчеге. Заметив это, уж заткнул дыру головой, за что Бог дал ему венец (Завойко, 130). Желтоватые пятна на голове ужа напоминают о Божьем даре. Шкурку с головы ужа носили с собой для предохранения от змеиных укусов. Ужовая выполнена (сброшенная шкурка) использовалась также как средство против лихорадки: ее навязывали или пришивали к шейному кресту. В Тамбовской губернии верили, что во время грозы Бог убивает всякую нечистую силу, за исключением той, что успеет обратиться в пчелу или ужа — Божьих избранников (Звонков, 72).

Довольно распространенным было убеждение, что уж не вдовит. По астраханским поверьям, ужи безвредны потому, что их заговорил колдун Стенька Разин. В степных местах говорили, что вред от ужа иной: он любит забираться в желудок человека, спящего летом на открытом воздухе, по ночам уж подобно ведьме ходит высасывать коровье молоко. Если варишку обнаружат в хлеве, то некоторые оставляют его в покое, другие убивают, отрывают нижнюю часть его рта, затем, провернув буравом дыру в косяке двери, ведущей в хлев, вкладывают в отверстие оторванную часть ужа и плотно забивают деревянным колышком, что должно защитить скотину от покушений нечистого (Сборник материалов 29, 23 — 24).

Почти повсеместно вселение в дом ужа рассматривали как доброе предзнаменование. Хозяевам не рекомендовали разорять ужиное гнездо или уничтожать яйца: уж обязательно отомстит за это. У одного крестьянина в погребе жил уж. Зла не делал, но мужику вовсе не нравилось такое соседство. Раз взял он ужовые яйца и положил

их в другое место, а сам стал караулить, что дальше будет. Приполз уж в гнездо — яиц нет. Выполз из погреба и вернулся, но не к гнезду, а к кувшину с молоком, обвился вокруг горлышка и бросил в него желтый цветок. Мужик положил яйца на прежнее место. Заметил это уж, бросился к кувшину, хотел его опрокинуть, но не смог. Хозяин решил отдать молоко собаке — та в ту же минуту издохла (Киреевский-1983, № 233).

Знахари использовали ужовый жир в лечении некоторых болезней. Чтобы жир вытопился, подвешивают ужа без желтизны на хвосте (желтизна — признак, что уж причинил какое-нибудь зло человеку) на солнцепеке, капающий жир собирают в пузырек и дают пить, например, страдающим от частых запоев (Сборник материалов-16, 83).

УПЫРЬ Ерестун, еретик, *еретник, хлоптун* (см.).

Мертвец, по ночам выходящий из могилы, чтобы есть живых людей или сосать их кровь. В древнерусских памятниках это слово встречается как имя собственное (Упир Лихый, XI в.). В Начальном летописном своде о язычниках-славянах сказано, что они «клали требу», т. е. приносили жертвы, «оупирем и берегиням» (Токарев, 41). По-видимому, упырями называли духов — носителей смерти, моровых поветрий. Саму *смерть* (см.) вплоть до начала XX века в рассказах, стихах и лубочных картинках изображали мертвецом, скелетом и вместе с тем воином, вооруженным всадником. Ангелы смерти вытаскивают душу грешника, нанося ему рану, сквозь ребра. В летописи имеется свидетельство о нашествии мертвецов на Полоцкое княжество (XI в.). Ночью на улицах Полоцка раздался топот: кто в тот час выходил из дому, был невидимо уязвлен навиями (мертвецами) — бесами и вскоре умирал от этой язвы. С появлением мертвецов в Полоцке по всей Руси нача

лись невзгоды: засуха, массовые эпидемии, нашествие половцев. В жалобах этого летописного рассказа не без основания видят вампиров (Рыбаков, 462).

В XIX веке великорусы редко пользовались словом «упырь», «вампир» для обозначения мертвецов, но среди рассказов о мертвецах, которые как [illegible] были, встречались повсюду. Более широкое распространение поверья об упырях имели в Южной России, на Украине и в Белоруссии.

По происхождению упыри — *заложные* (см.) покойники, [illegible] от [illegible] случая, убитые, заеденные упырями и [illegible] мертвые колдуны, рожденные [illegible] нечистой силы и с рождения наделенные признаками бесовской породы (хвостом, шерстью, зубами и т. п.). При возникновении слухов о том, что такой мертвец встает из могилы и заедает людей, его [illegible] из земли, при этом обычно оказывалось, что труп не сгнил, лицо налито кровью, одежда разорвана, а руки и ноги изгрызены. Жадный до человеческого мяса упырь грызет в могиле собственные конечности, а заодно и одежду. Вампира перевертывали вниз лицом, вбивали в спину осиновый кол, подрезали и ломали ему ноги, надрезали пятки, засыпая туда [illegible], отрезали голову и клали ее в ноги, вбивали в голову гвоздь или зубья от бороны — все это делалось для того, чтобы обездвижить упыря, не дать ему больше выходить из могилы. Для полного уничтожения труп его могли сжечь на костре.

Упыри — оборотни и невидимки, могут принять любой облик, но наиболее традиционным для них образом является труп с горящими глазами и огромными, часто железными, зубами. Преображение мертвеца в упыря, по вятской сказке, происходит следующим образом: одному солдату по слу-

жебной надобности довелось ночью проезжать мимо леса. У обочины дороги стояло дерево, на котором совсем недавно повесился человек: удавленник еще хрипел, болтаясь в петле. Солдат его пожалел и рассек веревку. Тотчас повешенный встал на ноги, лошадь под солдатом шарахнулась в сторону, глянул он на висельника, а у того — глаза как раскаленные угли, зубы длинные как у собаки, сам нагой, страшный. Погнал солдат лошадь — мертвец нагоняет. Вдруг видит ярко освещенный дом: заскочил в комнаты — хозяев нет дома, и постель словно бы ему приготовлена. Мертвец остался снаружи, солдат лег спать и проснулся только к обеду. Смотрит — лежит он на кладбище среди могил. Видно покойники спасли его от упыря.

Таким образом, далеко не все мертвые опасны живым людям. Так же как добрые домовые, банники и овинники, они могут защитить человека от нечистой силы. В поверьях собаки-первыши (перворожденные) и «двуглазые», т. е. с пятнышками на лбу, которые кажутся вторыми глазами, дерутся с мертвецами, пока те с наступлением утра не вернутся в могилы. В самарской сказке старый колдун-упырь наказал сыновьям нанять постороннего человека, чтобы за плату его похоронил. За тройку лошадей с упряжью согласился похоронить старика один солдат, не зная, что «мертвец был не простец — колдун и еретник, горький пьяница». Положив гроб на телегу, съездил к кузнице, набил на гроб железные обручи и повез покойника к лесу. В полночь лошади встали, колеса к земле приросли, обручи с гроба слезли. Солдат вскочил на березу — [illegible] из гроба, стал дерево подрывать, упала береза — солдат на лошадь верхом вскочил, [illegible] тройка. Мертвец в пристяжную вцепился, стал ее с хвоста до гривы, за вторую принялся [illegible]. Солдат увидел яда и огонек. Бросился бежать

по дороге, добежал до келейки, а там в гробу второй мертвец лежит: поднимается, зубами скрежещет, слюнями брызжет: «Эх, солдатик, теперь ты мне попался! Мяса наемся и крови твоей напьюсь!» Вдруг огромный кобель выскочил из-под порога избы, взял упыря за шиворот и стал драться как с собакой. Петухи пропели — мертвец в гроб лег, собака на прежнее место села. Выскочил солдат из келейки, отправился домой и заказал своим детям и внучатам не наниматься мертвых людей хоронить (Садовников, № 72).

Запирать от упырей двери и окна на замки и засовы бесполезно, так как вампир может проникнуть в дом сквозь стену или любую щель в ней. От кровожадных мертвецов искали спасения в магических средствах и заговорах. Крест, кусок железа на подоконнике, двенадцать кусков железа, брошенные в огонь печи (тогда упырь почувствует жжение и придет просить пощады), а также сильная брань уменьшают демоническую силу вампиров. Распространенным оберегом было выжигание крестов на входах в жилище свечой, принесенной из церкви в четверг на страстной неделе. Если четверговой свечой выжечь крест на воротах, их можно даже не запирать: упырь не войдет.

В Тамбовской губернии рассказывали: «Ехал ночью мужик мимо кладбища, нагнал его незнакомец в хорошем полушубке и красной рубахе, попросил подвезти. Приехали в село, подходят к одному дому, другому — хоть ворота к настежь, незнакомец говорит: «Заперто!», потому что на них кресты были выжжены. Подошли к крайнему дому — и ворота на запоре, и замок в полпуда висит, а креста нет: вот ворота сами и растворились. Вошли в избу, там двое: старик и молодой парень. Незнакомец взял ведро, поставил позади парня, ударил его по спине, и полилась из раны

алая кровь. Нацедил полное ведро и выпил, затем то же самое сделал со стариком. Напился вампир человечьей крови и обернулся к мужику: «Пойдем-ка теперь ко мне!» Вмиг очутились они на кладбище, но тут петухи пропели, и упырь сгинул. Наутро молодого парня и старика нашли мертвыми (Афанасьев, Сказки-3, № 577).

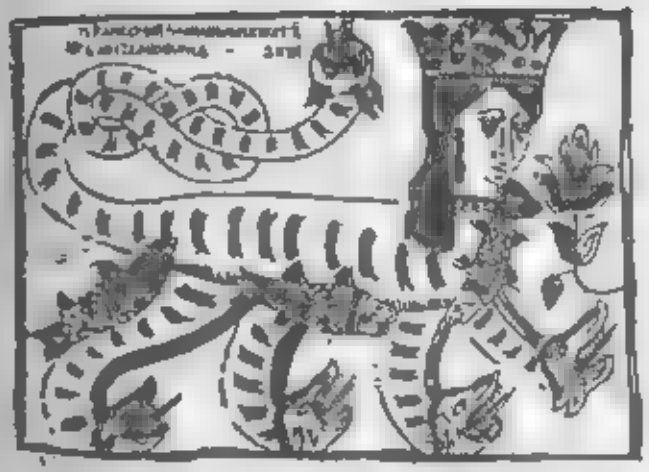
Упырями могут быть как мужчины, так и женщины-колдуньи. После смерти они мучают тех, кого невзлюбят, до тех пор, пока не сведут в могилу. Ночами возвращаются в свой бывший дом, перебивают ложки, чашки, особенно достается нелюбимым невесткам: еретница за косу вытащит ее из дому на улицу и треплет. Отроют колдунью-еретницу, румянец во всю щеку так и играет, станут кол в спину вбивать — кровь брызнет, но даже и после этого обряда тех, кого начала заедать колдунья, не удается отчитать, зачахнут и году не проживут (Киреевский 1983, № 232).

В сказках и побывальщинах упыри как выходцы из темного царства смерти изображены слепыми, чутьем, по запаху или звуку, преследующими свою жертву. Подобно зверю, упырь догоняет убегающего человека по следу. Многие черты роднят его с Ягой-бабой, также людоедкой, чувствительной к человечьему духу («Фу-фу! Русским духом пахнет!»). Близки упыри и чертям: упырь, собственно, и есть дьявол, влезший в оболочку мертвого колдуна, плоть которого сразу же после смерти поедается чертями, служившими ему при жизни. Поскольку «баба хитрее черта», то, в согласии с этой русской пословицей, сказки изображают спасение женщины от упыря благодаря ее находчивости и смекалке. Толковая пряха ночь напролет, до первых петухов, рассказывает упырю, как из льна делают сорочки, и вампир, не успев высосать из нее кровь, пропадает (Афанасьев-3, 139).

ФАРАО́НЫ Фаляроны, фараонки, фараончики

Морские люди, полулюди-полурыбы. Источник образа — апокрифическая легенда, сложившаяся на основе библейского сюжета о переходе Моисея через Красное (Чермное) море. Согласно «Сказанию о переходе Чермного моря» (XVII в.), море расступилось перед Моисеем, и он перевел посуху свой народ, но над его преследователями, египтянами, воды сомкнулись, египтяне утонули и превратились в рыб с человеческими головами, с оперением вместо ушей. Их кони также обратились в рыб с толстой кожей и конской шерстью.

На Северо-Западе среди русских существовало поверье, что фараоны — люди-рыбы, как мужского, так и женского пола, встречаются преимуще



Медуза. Ровинский 2. № 2[illegible]

стоянно в морях и океанах, реже — в реках. У них рождаются дети, и матери кормят их грудью. Племя фараонов многочисленно, они расплодились повсюду. Встречаются в других описания фараонов, рыженькие, темненькие, как [illegible] из воды на берег. В Неве будто бычки выпрыгивают, скажут: «Фараон!» — и ныркут и [illegible].

В Северном Ледовитом [illegible] белыми медведями окружают подводные суда, в море окружают судно, высунутся из воды и кричат: «Русь, Русь».

На реке Свирь рыбаки сели отдыхать. О[illegible] их них, молодой красивый парень, решил вы[illegible]паться [illegible] его [illegible] чтобы [illegible] как из реки вышла женщина и [illegible] «Фараон, фараон», ушла в воду. Отказавшись [illegible] наши парень попросил только обмыть его [illegible]. Мужики окатили его, и он сразу умер ([illegible]нова, 95 — 96). Такую же роковую роль в бы[illegible]льщинах может выполнять игра [illegible] (см.

В поверьях Харьковской губернии [illegible] фараоново войско — это целый народ, где были мужчины, обратившиеся в водяных, женщины — в русалок. Верхняя часть тела у них человеческая (до пояса), а нижняя — рыбья. [illegible] останавливают корабли в море или на реке и страшными криками будят [illegible]. Продолжают их дети носить под праздник Рождества Христова «вечерю» своим крестным [illegible] матерям. [illegible] на первый вопрос [illegible] ответ, а на второй — отрицательный, [illegible] в противном случае [illegible] корабль (Селенин-Очерки, 124). То есть радуются [illegible] к ему настроению конца мира и падению [illegible] и [illegible] что люди еще [illegible]по-Божески и день Страшного суда еще далек.

Во Владимирской губернии «фараонами» «фараонами» в шутку дразнили жителей Вязниковского уезда. Вязниковцы называли лягушек фараонами и рассказывали об их происхождении следующую легенду. Фараонское войско, потопленное израильским Богом в пучинах Черного моря, обратилось в лягушек по собственной просьбе египтян: им не захотелось жить вечно на морском дне, и они умолили Бога придать им такой вид, чтобы они могли выходить на сушу. Так появились лягушки.

По другой версии, в Черном море и поныне живет фараоново войско, у женщин-фараонок — рыбий хвост, мужики все с боровами. Такими изображали фараонок русские резчики по дереву, вырезая русалок и берегинь на досках для украшения дома и деревянной утвари (Зивойко, 102 — 103).

Среди астраханских рыбаков многие верили в существование фараончиков — морских дев, родственных сиренам греческой мифологии, завлекающих волшебным пением путешественников, топивших их корабли. Астраханцы в гибели рыбаков часто винили белотелых дев с русыми кудрями — [illegible] фараончиков. Выныряет красавица из воды, покажет золотые волосы и белую грудь, улыбнется и исчезнет, а рыбак гребет вслед за ней все дальше от берега, забыв, что его утлый челн не приспособлен для дальних плаваний, и гибнет в открытом море (Саратовский справочный листок, 1878).

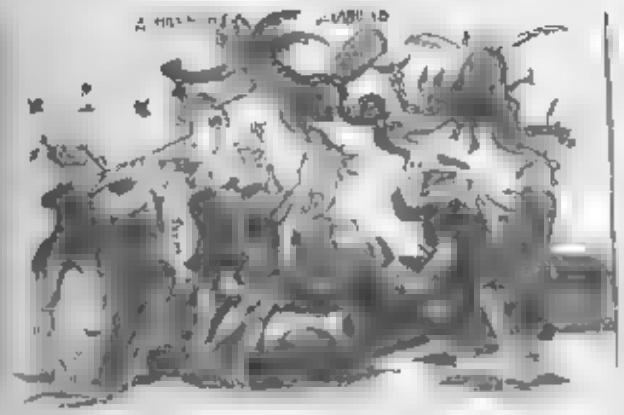
ФАРМАЗО́Н Арвизон, франкмасон, колдун, чернокнижник.

В начале XVIII века в Россию из Западной Европы проникло общество франкмасонов, привлек

шее многих передовых людей того времени п
светительскими идеями нравственными устан
ками, обещаниями раскрыть тайны мироздан
Наряду с гуманными идеалами русским франки
сонством была усвоена и мистическая об
тайного общества, в план действий лож входи
поиски философского камня и жизненного эли
сира, тайная медицина с волхвованием и чарод
ством, магнетизм, спиритизм, кабала, магия с вы
зыванием духов и т. д. Пренебрегая внешним
проявлениями религиозности, масоны призна
«внутреннюю» религию высшую духовность
это создавало в широких массах мнение о ма
как о безбожниках, чародеях, чернокнижник
даже бесах. О вступивших в это общество
рили как о продавших душу черту. Поскольк
многие члены лож принадлежали к высшей знати
и обладали огромными состояниями, происхожде
ние почестей и богатства франкмасонов объясня
чудом фармазонских денег, неразменного рубля

По рассказам XVIII века фармазоны — дьяво
лы. Если кто, записавшись в масоны, после р
кается и захочет обратиться на путь истинный
бывает от них застрелен, дабы не открыл тайны
Когда человека принимают в масонское братст
он дает расписку кровью, а потом с него снимах
портрет, если он им изменит или, раскаявши
захочет выйти из общества, то стреляют в его п
трет, и, где бы тот человек ни был, он будет уб
в то самое место, которое прошибла пуля на п
трете (Чулков, 305).

В тамбовских поверьях Фармазон и Лю
стай — самые приближенные к Сатане черти
Любостай летает к женщинам огненным змеем,
после пяти-шести месяцев любовной связи же
щина чахнет и переходит во власть Сатаны. Фар



Денежный дьявол. Ковинский 2. № 243

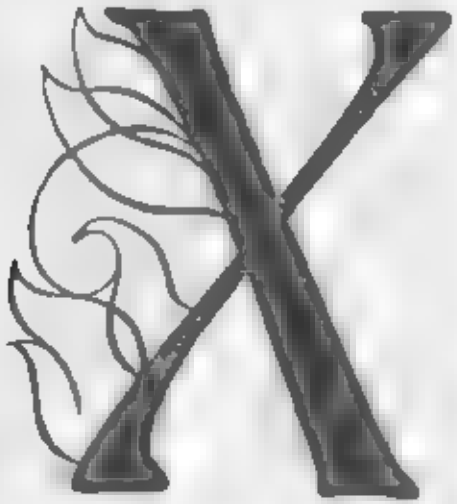
мазон готов на услуги каждому, кто хочет достиг невозможного: красоты, славы, богатства, почета, любви. Нуждающийся в Фармазоне выходит в поле на раздорожье, разрезает мизинец правой руки и кровью из раны подписывает бумагу, [illegible] которой душа его после смерти поступает в собственность дьявола. После этого выкупить душу крайне тяжело. Фармазон из ружья стреляет в портрет человека, от него отказавшегося (портрет пишется при заключении договора). Портрет и расписка могут быть уничтожены, но на лице человека навсегда останется шрам, действие чар под ним рушится, и все дары Фармазона исчезают (Бондаренко, 1, 8).

Неразменный рубль называли «фармазонским» (см. *Клады*), получить его можно было следующим образом: берут черного кота, обматывают нитками и идут с ним в глухой переулок. Прохожие будут предлагать за кота разные суммы денег, но взять надо только первый предложенный рубль. Купить на него можно что угодно, но только так, чтобы оставалась хоть копейка сдачи. Положили ее в карман или в кошелек, и она превратится в рубль (Сборник материалов-29, 36).

В Симбирске была записана история о том, как один парень отправился доставать фармазонские деньги. Ходил он за ними три года и пришел к избушке. На печи старик лежит, он ему объяснил, зачем явился. «Хорошо, — говорит старик, — поди возьми на три рубля водки и копеечку сдачи принеси». Парень все так и сделал, глядит — а все три рубля опять в кармане. «Теперь, — сказал старик, — пойдем в нашу церковь помолимся». Привел его в темную без окон избу, посреди избы чан стоит, вокруг свечи горят, вдоль стен фармазоны молятся. Вдруг из стены

вылезает седой, мохнатый: «Чего вам надо? Коли денег, так нате, берите!» — и насыпал целую кучу фармазонских денег. Стали фармазоны склонять пришельца в свою веру. «Дай, — говорят, — мы тебе кровь пустим из мизинца и этой кровью твой портрет напишем. Где бы ты ни был, мы тебя найдем, а если в этот портрет выстрелим — ты умрешь в ту же минуту». Парень не дался, вспомнил, что у него стариковы три рубля в кармане, и убежал. Зашел в кабак, купил на рубль водки, думал: снова прирастут; ан — нет, дорогой сунулся в карман, а там не прибавилось: два рубля вместо трех (Садовников, № 78). Без договора фармазонского рубля не получишь.

Фармазон — видимо, под влиянием информации о «мастерах» и «учителях» лож — в сказках замещает колдуна-учителя (в сюжете «Хитрая наука»). Фармазон-учитель по волшебной книге учит детей оборотничеству. Прошедший курс наук ученик сможет вернуться к родителям только в том случае, если перехитрит самого фармазона (Русское Устье, № 42).



ХИ́ТКА Русалка (см.)

О... «хитить» похищать. Так называют ее потому, что она топит людей в воде, забирая в свое царство (Зеленин-Очерки, 1, 6).

ХЛЕ́ВНЫЙ

Дух хлева. Отличается добротой, помогает, ходить за порядком в хлеве. Одно из названий домового (см.) — конюшника, саранника, т. е. покровителя домашней скотины. В Ярославской губернии в случае болезни скота знахарь отводил на дворе место домовому, здесь клали [illegible] хлеб-соль, над которым знахарь [illegible] называя домового «родимым кормильцем батюшкой», пирог брал себе. В чистый четверг и на Светлое Воскресенье в хлеве или коровнике

можно было увидеть домового, притаившегося в углу. Общеизвестна любовь домового к лошадям. В Воронежской губернии только что купленную лошадь приводили во двор и пускали без узды, где лошадь остановится, там домовой хочет ее поместить. Иногда ради этого приходилось переносить конюшню на новое место. В других губерниях, вводя купленную скотину в стойло, низко кланяются, обращаясь к каждому из четырех углов хлева, и просят: «Дедушко-атаманушко! Полюби моего чернеюшка (пестреюшка, смотря по шерсти), пой-корми сыто, гладь гладко, сам не шути и жены не спущай, и детей унимай». Если кому-нибудь удается разбогатеть от торговли скотом, то все уверены, что в этом ему помог домовой (Афанасьев-2, 72 — 73).

ХЛОПТУ́Н Еретик, *еретник*, клохтун, *упырь*, шептун.

Дух мертвого *колдуна*, *дьявол*, использующий внешнюю оболочку, кожу трупа умершего колдуна для того, чтобы по ночам сосать кровь и заедать живых людей. Хлоптуны поджидают момента, когда в чьей-либо семье появится покойник, как только душа его расстанется с телом, хлоптун входит в покойника. Тогда в семействе одно несчастье следует за другим. Хлоптуны могут принять чужой облик и проникнуть в свою (т. е. в ту, где умер колдун, чей облик он принял) или чужую семью, тогда не только из этого дома, но и из деревни станут пропадать люди — хлоптун их поедает (Рыбников-3, 64). Убить его можно ударом плетки от нелегченого коня, тележной оси, но только наотмашь и с первого раза, так как второй удар оживит хлоптуна.

Обычный мертвец может стать хлоптуном во

время похорон другого покойника. У одной жен шины муж уехал в Петербург на заработки, н ре она узнала, что он умер, стала о нем плакат «Хоть бы мертвый приехал, посмотреть бы на н го». Он и вернулся. «Нет, — говорит жи», хотя жене все думалось, что он мертвы

Довелось им обоим быть на похоронах. Ста снимать с покойника покрывало, а муж той жен шины стоит у порога и усмехается, видя, как м ти лезут в рот мертвецу. Жена с кила же теперь будет? А он в ответ: «Хлоп ун родит Пять лет никого беспокоить не будет, а на ле т станет есть скот и людей, и извести его можн только уздой с некладеного коня — этой узд отведя руку назад, бить, он и умрет». Стала жен следить за мужем. Прошло пять лет, видит — он на дороге коров ест. Ударили его уздой наотмаш он упал, только и успел жене сказать: «Сгу ты меня» (Ончуков. № 87)

В Кемском районе Карелии бытовало пов о фантастическом петухе — хлоптуне: жил он н Колгострове, в пещере. Крылья большие, р длинные; этот остров горел, но петух из горы вывел. Близкий образ встречается в быва Пудожского края о Петуньем острове, к был перевезен огромным петухом от устья р Илексы в деревне Кул-Наволок в качестве пр ного за дочерью водяного (Черепанова. 16)

ХОЛЕ́РА

Дух болезни холеры (см. также: *Лихорад* Холеру представляли старухой со злобным, и женным страданиями лицом. Где она остановит перекочевать, в том доме не останется в живы ни одного человека. Иные думали, что холер три сестры, являются они из-за моря, все в белы

сарафанах, просят на дорогах подвезти их в какой нибудь город или село. Однажды мужик, направ лялся на базар в город, подвез двух сестер-холер Они сидели на возу, держа на коленях узелки с костями, одна из них направилась в Ку ск, а дру гая в Харьков, где переморили множество людей (Афанасьев-3, 114).

Во время холеры 1895 года крестьяне Б зерского уезда Новгородской губернии рассказывали «Проходили нашим местом две холеры. Одна ста рая, черная, и другая такая же, только одна была поменьше, другая побольше. И поставили в одном отводу (воротах) урядника с десятниками этих хо лер не пускать. Когда они пришли, урядник боль ш е зарубил, а маленькая прос ила. Вот и умирать у нас от подлой стали».

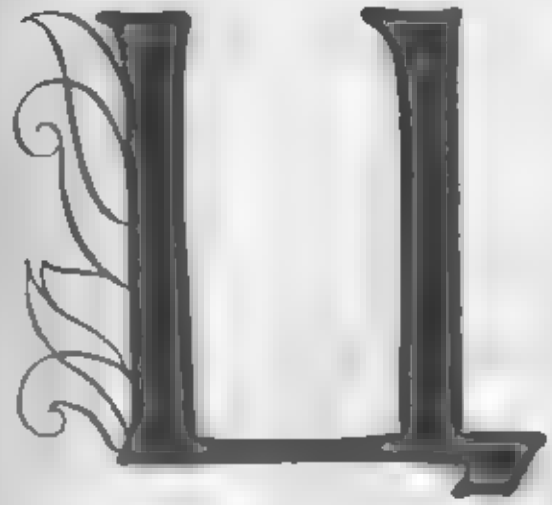
Защитить от холеры может дедушка лесной козлик. В селе Покровском в Новгородчине пр шел слух, что в соседних деревнях ходит холера Но жители не особенно испугались этой болезни объясняя свое спокойствие тем, что у них ст рика лесная, и дедушка лесовой не пу ит холер ди ствительно, эпидемия села не коснулась, лишь о пустил. В то же время в соседних селах холе а свела в могилу множество людей.

Умерших от холеры вытаскивали в заколочен ных гробах через окна, которые тотчас же заме нивали — крестили рукой с повторением слова «аминь». Холера провожает покойника до могилы, но, выйдя вместе с ним в окно, вернуться не см жет. Ночью рядом с могилой умершего зарывали живую кошку в жертву страшной болезни, чтобы холера смилостивилась над остальными членами семьи.

Совершались и более жестокие жертвоприно шения. Радикальным средством от этой болезни

вплоть до начала XIX века считали зарытие в могилу живого человека. Бывали примеры самопожертвования: бросали жребий и того, на кого попадал, живым зарывали в землю вместе с петухом, собакой и черной кошкой. Известен случай, когда односельчане для прекращения холеры сталкивали в заранее приготовленную могилу старика и живьем засыпали ее землей, в Туруханском крае крестьянин для прекращения повальной болезни закопал в землю девочку, свою родственницу (Белогриц-Котляревский, 107).

Холера могла отождествляться с умершим ее человеком: похороны его становятся погребением самой болезни. В Нижегородской губернии во время холеры пронесли на руках ночью вокруг села девушку-покойницу и стоймя похоронили ее (Зеленин-1915, 834).



ЦАРЕ́ВНА ВАСИ́ЛЬЕВНА (олонецкое)

Дух болезни оспы. О способах обращения с Царевной и приемах ее лечения см. *Оспа Ивановна*.

ЦАРИ́ и *царицы*

Водяные, дворовые, домовые, змеиные, лесные, морские, поддонные, подземные и др. В фольклоре земные и водные пространства, животный мир, недра земли, даже стихии и природные явления предстают царствами, управляемыми царями. Обращения к царям разных сфер присущи заговорам, когда, соблюдая этикет, нужно было адресовать свое требование или просьбу, заклятие самому главному и могущественному духу. Так в заговорах против гибели от оружия обращались к

железному царю «Есть озеро железное, есть царь железный. И тот царь имеет власть и защищает от всякого железа меня» (Черепанова, 22).

Царям могут подчиняться более мелкие духи. Так в Олонецкой губернии верили, что лесные царь с царицей управляют лесовиками, боровиками, моховиками, которые разнятся размерами и образом деятельности. В свою очередь каждый лесовой — царь в своих владениях над зверьем и птицами.

Вся вода в мире сообщается подземными протоками, так что, например, колдуны-разбойники могли, нырнув в бездонную яму — пучину, оказаться в море. Над водами океана правит морской царь, в разных морях также имеются свои морские, поддонные, цари. В былине о Садко морской царь показывается герою из Ильмень-озера и дарит ему за прекрасную игру на гуслях три рыбы с золотыми перьями, на которые можно скупить все товары в Новгороде. Морской царь требует жертв: в былине это сам Садко, но и в жизни рыбаки приносили дань водяному хлебом, табаком, частью первого улова и т. д. (см. *Водяной*). Впадающие в озера или моря реки считались дочерьми морского царя. Вместе с женой и детьми он живет на дне моря в хрустальном дворце, в слугах у него — другие водяные, утопленники и русалки, ему подчиняются все морские твари.

Подземное царство чертей, ад, управляется князем тьмы — *Сатаной* (см.). В рассказах горняков подземный царь не имеет отношения к аду, он — хранитель горных богатств.

Царем зимы называли *Мороз* (см.). Царем и царицей именовали огонь и воду: «Спи, царь, огонь, говорит царица-водица». Грозы происходят по воле небесного царя: «Царь кликнет, царь мигнет

Картины из Библии и Апокалипсиса. Лист 34
Ровинский 3. № 810

нет, кого-то позовет» (в загадке о громе и мол
нии). Согласно загадке о царях — олицетворе
ях четырех стихий — они не могут жить друг
без друга. «Живут четыре царя, который умрет из
них, то все за ним в могилу пойдут» (Даль-4
571)

В [illegible] царя стихии [illegible] в [illegible]
образы. Еруслан Лазаревич едет за теплые моря к
царю Огненному Щиту и Пламенному Копью, ко
пускающему огонь и сжигающему своих врагов
Богатырским мечом Еруслан рассек царю грудь и
[illegible] затем помазал его глаза [illegible]
богатырей и своего отца, отчего они сразу прозре
ли. На лубочной картинке к этой сказке в руках
у царя [illegible] синими солнечными лучами и
копье, на острие которого горит пламя (Афанась
[illegible] 216)

Наиболее многозначен образ царя-змея (см.
Змеи) он может оказаться хозяином земных недр
(Великий Полоз в уральских сказах), заменить со
бою морского царя (в легендах об Ильмень-озере)
особые [illegible] в верованиях занимал [illegible]
«корону» на голове и [illegible] см.) Ильменского
Перуна видели змеем, а о Юрьевском («орешко
ском») сказе рассказывали жил в этом месте
зверь-змиянка, каждую ночь ходил спать в Иль
мень-озеро с волховской коровницей Перешел
змиянка жить в самый Новгород, а на ту пору сказ
зал Владимир-князь: «Всей земле русской — кре
ститься». Черту с Богом не жить. Тогда [illegible]
схватил змиянку Перуна да и сбросил в Волхов, а
черт вверх по реке поплыл к Ильмень-озеру к
своему старому жилью. Но Владимир приказал на
том месте церковь построить, чтобы зверю-змиянке
ходу не было (Якушкин, 92)

Змеиные цари и царицы, как и вообще змеи

знают секреты врачевания, обладают чудесными
целебными средствами, хранят живую и мертвую
воду. В сказке о кривой царевне Васильчак-пьяни
ца отправляется в змеиное царство за волшебной
м[illegible] к [illegible] что лежит под камнем [illegible] змеиной
столицы, которую кольцом опоясывает гигантский
змей. Стоит помазать ею глаза, как слепой про
зрел.

Особое значение придавали змеиному салу,
глазам, шкурке и змеиному камню, [illegible] в
голове у змеиной царицы или, являясь источ
ником жизни, [illegible] бережно хранится змея
ми. По русским поверьям, змеиной царицей при
знавали белую змею: тот, кто натопит из нее сала
и помажет им глаза, получит дар видеть скрытые
под землей клады. В праздник Воздвиженья свя
того креста (14 сентября), перед наступлением хо
лодов, змеи, во главе со своей царицей, собира
ются в кучи в ямах и пещерах и остаются там
на зимовье вместе со своей царицей. Среди них
лежит светлый камень алатырь: змеи лижут его
и с этого бывают сильны и сыты. Мудрость царя
змея заключается в знании тайн прошедшего и
будущего, в умении разрешить любые задачи
(сказка о Марке Богатом) (Афанасьев-2, 541 и
сл.)

Вкушение плоти царя (птиц — орла, зверей
или трав) сообщает человеку необыкновенную си
лу. Среди магических рецептов старинных лечеб
ников имеются такие, которые рекомендуют отъ
[illegible] того или иного животного, птицы или
растительного царя и соответ[illegible] образом
[illegible] его [illegible] тела. Например, [illegible]
[illegible] дня о вечерне взяв[illegible] орла стать на ка
мень на перекрестке дорог, заколоть его острой
тростью, разделить тело на части, затем иссушить

на солнце. Правое око носить под пазухой — спасешь себя от гнева царя или князя, левое око смешать с кровью коровы и селезня, [illegible] завязать в синий плат и носить на рыбную ловлю правильное перо с правого крыла подкладывать под ногу родильнице при трудных родах и т. д. В травах царь-трава — Сумтарим о шести [illegible] ях первый синь, другой червлен, третий желт, четвертый багров, брать ее нужно вечером [illegible] Иванов день сквозь золотую гривну или серебряную, под корнями той травы — человек, и трава та выросла у него из ребер. Возьми [illegible] человека, разрежь грудь и вынь сердце. Если кому дать [illegible] того человека, то изгаснет по тебе. [illegible] жены не любит, возьми голову того человека и поставь против мужа — станет любить больше прежнего. Если у которой жены детей нет — [illegible] чень того человека сварить в молоке и [illegible] три утра натощак, и будет сначала отрок, потом девица (Буслаев-2, 33 и сл.)

ЧЕРАНДА́К Чердак, чердак, чертак (новгородское).

Водяной дьявол. Каждую зиму, прежде чем загнутся льдом реки Шексна, Ковжа и Белозеро, он со страшным гулом обходит их берега, оставляя после себя большую щель во льду. Смотря по расположению духа этого беса, гул на воде бывает более или менее сильным. Только после того как черандак обойдет свои владения и успокоится на зиму, рыбаки-белозеры, уверенные в крепости льда, выходят на зимний лов рыбы. В имени этого беса слились диалектное «чарандать», «черандать» (плевать, течь понемногу, журчать), «чурандило» (ливень) и общерусское «черт».

ЧЕРНОКНИЖНИКИ, *черномажницы*

Колдуны и колдуньи, имевшие у себя [illegible] книги; *фармазоны* [illegible] под черными книгами подразумевались старинные рукописи, книги с заговорами и чарами, целительными словами и молитвами, а также волшебные магические книги, предназначенные для колдовства, бесов.

Все важнейшие обстоятельства жизни — рождение, брак, смерть — сопровождались чародейством. По свидетельству Стоглава, волхвы и чародеи от бесовских наущений творят пособие тем, кто идет на битву в поле и проливает там кровь, кто идет в суд, надеясь чарами обеспечить успех своему делу. Заговорами и ложными молитвами промышляли прокляты (члены духовного звания), женщины, занимавшиеся изготовлением просвирок. В 1378 году был сожжен поп, у которого нашли мешок со «смертным зельем», составленным по черной книге — древнерусскому лечебнику. В подобной среде могли составляться и распространяться новые заговоры (Буслаев 2, 50 — 51).

В чернокнижии русское перемешано с чужеземным, церковное — с языческим. Народное суеверие поддерживалось еретическими сборниками. В XVII веке к «ложным», в том числе и магическим, черным книгам относили Плартолой [illegible] Астрониц), Астромия, Змеемерие, Чаровник или Вранебник («в этих книгах все двенадцать [illegible] рометных [illegible], зверных и птичьих, а именно: тело свое хранить мертво, летать орлом [illegible] ребом, и вороном, и дятлом, рыщет лютым зверем и вепрем диким, летает змеем, рыщет рысью и медведем»), Громник, Молния, Месяц кружится, Кудесник, Метаник, Мысленик, Сосудь, Волхвенник, волхующий птицами и зверьми, Путник, «в котором писано о встречах и часах злых и до

[illegible]». Знаменитые о двенадцати звездах, по которым [illegible] о дне рождения и о [illegible]. В список книг, очевидно, вошли и названия предметов [illegible]. Сюда же относятся упоминаемые в [illegible] Адиаметры врата и Рафли в [illegible] Альманахи, Шестокрыл, Стрелки [illegible], Ключи, Ключи волшебные (Буслаев 1, 64).

В XX веке к чернокнижникам также относились грамоты, которые имели у себя [illegible] в правой [illegible] занимались знахарством и колдовством. [illegible] отличались [illegible] потерявшихся вследствие каких-[illegible] стечения с помощью [illegible] и чертами. Чернокнижник [illegible] над больным книгу до тех пор, пока тот не придет в себя, [illegible] не прочтет.

Не только в содержании черной книги, но и в ней самой, как в предмете суеверия, магическая сила истина. Например, тульские знахари и знахарки, отвечая на вопросы посетителей «Сдадут ли в солдаты?», «Как живут мужья, уцелеют на заработках?», «Долго ли до замужества?», занимались цветом папоротника или старинной книгой. Книга эта носит название «Старинная библия» или книга Петра Могилы, или «Черная магия». Некогда ее велел уничтожить московский царь, он заложил ее в каменный столб, заклял и теперь ее никто не может взять. Но кое у кого случайно осталась «Старинная библия», ее оружие берегут и передают по завещанию из рода в род, по ней можно узнавать будущее, колдовать и насылать порчу на людей (Колчин, 53).

Некоторые утверждали, что черные книги — волшебные — содержат в себе дьявольские наваждения. Они названы волшебными знаками, часто есть полями и кружками, чародеи-колдуны при

зывают по ней дьяволов. Если черная книга попадется не колдуну, то лишь только простой человек откроет ее, к нему приступят множество дьяволов и начнут просить работы. Если не [illegible]жешь постоянно занимать работой чертей, они утащат в ад. Только чернокнижники знают, какое дело не в состоянии выполнить нечистая сила: приказывая бесам вить из песка веревки, из воды или солнечных лучей — канаты, чтобы вытащить ими китов из моря.

Чернокнижники — рабы своего дара, они не [illegible] пока не передадут черной [illegible] кому-нибудь из [illegible] Если чернокнижнику не удастся никому отказать свою книгу, он после смерти по ночам в саване возвращается в свой дом и требует ее отдать (Чулков [illegible]).

В былине «О Ваньке Удовкине сыне и царе Волшане Волшанском» черная («волшанская») книга отвечает на любые вопросы, рассказывает все тайны и утрачивает свои колдовские свойства под действием более сильных чар — заговоров, произнесенных над пером и огнивом Могуль-птицы.

После смерти чернокнижник, как и всякий колдун, может превратиться в *хлопчуна* [illegible] (см.), упыря-вампира, поедающего людей. У одной женщины муж был чернокнижник. Как ум[illegible] [illegible] — [illegible] в щепки [illegible] [illegible] говорит. Утром баба за полдо[illegible]фа наняла пьянчужку, чтобы чернокнижника похоронил, гроб сковали железными обручами, повезли на погост. Обручи лопнули, чернокнижник из гроба встал, бросился на мужика, тот — на дерево, чернокнижник дерево подгрыз, оно упало [illegible] мужик к риге и [illegible]

«Аввиин сбереги!» Ругачник схватил камень [illegible] с мертвецом чернокнижником [illegible] на [illegible] мужиков за людьми и дерется [illegible] Пришли вертелью смотрят чернокнижник в [illegible] лежит. Отвезли на погост [illegible] чтобы не вставал. Олегов № 86)

За чернокнижие вплоть до XVII века наказывали сожжением (вместе с волхвами книгами) ссылкой в дальние места и заточением в монастыри. В грамоте [illegible] царем Федором Алексеевичем на учреждение в Москве Славяно-греко-латинской академии сказано: чтобы учителей магии не иметь в стенах академии «[illegible] такие учители где обрядутся и они со учениками яко чародеи без всякого милосердия [illegible] изгнаны». Учителям академии предписывалось наблюдение, чтобы никто не держал у себя запрещенных гадательных и других запрещенных законью книг, у кого таковые найдутся, тот должен быть сожжен вместе с ними. Среди этих книг между прочим была и астрономия и астрология: предсказание солнечных и лунных затмений [illegible] халось колдовством. Брюс составитель календаря начала XVII века, включавший в него астрологические предсказания, слыл в народе колдуном и чернокнижником. Преследование церковью [illegible] ных и отреченных книг в глазах народа [illegible] им особую значимость, а сожжение чернокнижников вполне соответствовало давней традиции сожжения волхвов, ведьм, жеков за неурожаи, мровые поветрия и другие бедствия. Но народный гнев на чародеев обрушивался только в дни тяжелых общественных несчастий, в обыкновенное время колдуны и чернокнижники пользовались если не любовью, то почетом и уважением (Афанасьев-3, 610 — 613)

ЧЕРТ Анутка бесстатый, беспятый, еретик, [illegible] корчный, кагма, ан, красавец, хвостатый, [illegible] (сонное) лукавый, лукавика, лысый, не [illegible] нечистый, нечистый, нехороший, нечи[illegible] отяра, [illegible], подлешник, рогатый, [illegible] синец, черная сила, черный шут, шаитан, шехматик, [illegible] [illegible] См. также *Бес, Дьявол, Сатана*

Слово «черт» редко встречается в древнерусских памятниках, исключением является «Великое зерцало» — памятник, пришедший на Русь из Польши. Название *черт* (польское «*czart*») для обозначения разного рода нечистой силы распространилось в России с XVII века. В западнославянской мифологии черт — болотный дух, проделывающий (Сказановский, 44 — 45)

«Чертями» часто называли всякую нечисть: черт подпольный, домовой, водяной, черт — [illegible], бес [illegible], полудница и т. д. Наряду с этим общим представлением о черте бесе существовал и более конкретный образ черта — подземного адского жителя, покидающего ад с единственной целью — нанести как можно больше вреда людям. Чертей так много, что «солнца бы не проглядел» из-за них, но их нам видеть не велено: человеку черт является только в каком-нибудь образе (человека, зверя, гада, птицы — кроме петуха, поскольку на петухе «ангельский чин») (Зеленин 1917, 35)

Под землею черти мучают грешников разными пытками, в основном, с помощью огня. Из ада Сатана посылает чертей на землю с разными заданиями. Местоположение ада под землею — неопределенное: в тартарары, в преисподней, т. е. в самом низу земли, в бездне, в пропасти. Здесь черти также отдыхают, играя в кости грешниками как в дудки, пляшут, играют в карты на души

грешников или соблазненных пьют водку и курят табак (Калужская губ.).

Происхождение чертей, как и всякой нечистой силы, относится ко временам войны светлого воинства Бога Саваофа с восставшими против него ангелами — темной силой, пожелавшей устроить на небе свое царство. Архангел Михаил метал в непокорных свои молниеносные стрелы и, теснимые к краю неба, злые ангелы падали вниз. Одни из них со [illegible] предводителем Сатаною провалились под землю, в ад, и стали называться черными бесами, дьяволами; другие упали на землю и населили дома, леса, реки, озера и болота (домовые, лешие, водяные). В аду появились старшие и младшие черти. Первые командуют над [illegible]ми. Младшие черти не вполне забыли о своей ангельской природе и не всегда подчиняются старшим. Одному чертенку дали приказ сделать [illegible] какую-то пакость, а он не исполнил. В ужасе перед ожидающим его наказанием, он стал молить Бога: «Господи, коли ты меня от железных прутьев избавишь, никогда пакостничать не буду». [illegible] не оставил, [illegible] чертенка в церкви [illegible] Черти его и не смогли найти, а чертенок после этого стал [illegible] [illegible] В сказках такие черти-ослушники [illegible] даже не требуя за услуги обычной платы [illegible] Черт Гришка женил бедного молодца на [illegible]клятой девушке из хорошего богатого дома, вытащил ее из омута, куда часто попадают дети, [illegible]клятые родителями в пылу гнева, лихо [illegible] свадьбу сыграл и отвел молодых в зажиточную [illegible] женину семью (Садовников, 35).

С умножением рода человеческого растет и чертово воинство, так как злые духи умудряются сокращать тех ангелов, которые появляются [illegible]

[illegible] умерших крещеных младенцев, перемазывая их на свою сторону.

На земле черти и чертовки (жены чертей) населяют болота, омуты, провалы, образовавшиеся на месте ушедших под землю кладбищ или [illegible] О таких урочищах [illegible] по слухам, они [illegible] прямыми ходами в подземное царство сатаны, в иной нечистый мир. Развалины древних городов слывут за чертовы логова [illegible] [illegible] надали похожие на руины древних замков и крепостей иногда называли «чертовыми городищами». На берегу реки Камы показывали Чертово городище — развалины древнего города Болгарского царства. По преданию, в этом городе у язычников был великолепный храм, который славился оракулом, так что со всех сторон сюда стекались люди, желавшие узнать будущее. В храме обитал огромный змей, в жертву ему жрецы [illegible] [illegible] О другом [illegible] Чертовом городище на берегу реки [illegible] рассказывали, что жители из него были изгнаны многоместным змеем (Чулков, 67, 315). Курганы иногда называли «чертовыми городищами» в пяти верстах [illegible] [illegible] нечистая сила за одну ночь наметала высокую насыпь, чтобы с ее вершины указать путь к [illegible] [illegible] Внутри кургана есть клады, но никто не может ими воспользоваться (Максимов [illegible]) [illegible] могут быть связаны также язычникам [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Мутной [illegible] [illegible] возлияния

язычники сочли его богом, но говорили, что его задавили черти. Почитатели погребли чародея на берегу реки Волхов, справили роскошную тризну, а над могилой по тогдашнему обычаю насыпали бугор, который потом провалился. Яма в этом месте долго еще напоминала о кудеснике (Чулков, 69 — 70).

Ходом в преисподнюю бывают и горы. «Пойду на Мянь-гору» — говорят жители Заонежья, если хотят кого-нибудь послать к черту. О мянь-горских чертях ходила слава, что они отовсюду воруют людей, утаскивая их в свое логово через Мянь-гору, находящуюся на берегу Онежского озера (Куликовский).

Выстроенные чертями дома, в которых никто не живет, могут оказаться входом в адское царство. В Брянских лесах Орловской губернии показывали «Чертов дом», каменное двухэтажное здание, простоявшее лет двести, хотя никто его не подновлял. Черт построил его для девицы, она, однажды неосторожно сказала: «Хоть бы черт меня посватал». Дьявол принес ей золото, бриллианты, наряды один краше другого, к назначенному сроку выстроил дом-дворец и собрал приданое. По совету священника невеста, отправившись к жениху, черту, захватила с собой петуха. На крыльце ее ждал разряженный радостный дьявол, девица взошла на крыльцо, и в это время петух высвободил из-под ее руки голову и пропел: «Ку-ку-ре-ку!» Загремел гром, раздался страшный треск, земля разверзлась, и сатана провалился в преисподнюю. С тех пор никто не живет в лесном доме (Синозерский, 536 — 537).

Населяют черти озера без дна — т. е. такие, где нырильщикам дна обнаружить не удавалось. Из такого озера можно выудить чертенка вместо рыбы: маленького и черненького, как головешка.

Архангельские рыболовы как-то вызовили чертенка неводом из бездонного озера, притащили домой, посадили на шесток близ печи, дали ему есть. Он и залопотал по-своему: «Не велела мамка, не велел татка, — не ходи, Фока, на сарай. Нет, Фока пошел на сарай». Взяли чертенка и опять в воду бросили, нырнул — только Фоку и видели (Богатырев, 44 — 46).

В своих жилищах на земле и на дне озер черти живут, так же как люди, семьями. Один солдат остался ночевать в пустой лесной избушке. Ночью за печкой-каменкой вдруг послышался плач ребенка, солдат наотмашку кинул за спину хлеба. Через некоторое время в избушку вошел черт и хотел было растерзать непрошеного гостя, но чертиха его предупредила. «Тише, тише! Он у меня паренька хлебом накормил. Он от солдатства бегает, так ты замени его». Черт согласился, но на службе ему не поглянулось: что ни сделаешь — за все бьют.

Черти любят собираться на перекрестках играть в бабки, биться на кулачках. Пожилые люди непременно крестились на перекрестках, и не дай Бог кому сругнуться — беда может случиться. На росстанях избегали брать что-либо: вместе с вещью можно приобрести болезнь или несчастье. На перекрестках искали встреч с нечистой силой по своей надобности, для этого брали черного кота и в полночь не оглядываясь шли к росстани. Здесь черти купят кота за большие деньги, но если оглянуться — разорвут в клочки. Нечистая сила «манит» на перекрестках: собьет шапку, загоготочет и издаст в шапку неприличный звук, или подкинется давнишним знакомым, предложит выпить, и если мужик, прежде чем выпить, перекрестится — очутится где-нибудь в Москве под мостом с обгорелой чуркой в руках или в болоте с шишкой вместо рюмки (Колчин, 58).

Черти любят забираться на колокольни, оттого при первых двух ударах колокола крестьяне не крестились, а с третьим ударом нечистый с колокольни падает, и можно осенить себя крестным знамением. В жаркие дни черти забираются под густые нависшие лапы елей, где темно и прохладно; по ночам устраивают на чердаках страшную беготню и драку, а если кто поднимется с ними — обращаются в кошек и разбегаются (Вологодская губ.). Изобилуют чертями кузни, мельницы и бани. В банях живут невидимые, «воздушные» черти, которые парятся здесь без огня, в темноте, слышно только, как веники свистят. Человека, вошедшего в баню без креста, черти могут растерзать, снять кожу и положить на печь-каменку, поэтому по одному в баню не ходят париться (Заонежье, 1917, 3[illegible]).

Черти обычно живут у колдунов и колдуний, которым они верно служат. У одной колдуньи под полом жил черт и подсказывал оттуда, что нужно отвечать людям, пришедшим погадать о будущем, о пропаже, об исходе какого-нибудь дела, причем ответы черт давал такие, от которых возникали новые тяжбы, драки и ссоры. Жили в семье две невестки, жили дружно, обе женщины хорошие, покладистые. Вот черт и задумал над ними подшутить, чтобы они перессорились. Старшая невестка попросила у младшей янтарное ожерелье для своей дочки-невесты, младшая была взята из богатого дома, и у нее все было. Бес попутал младшую, пожалела — не дала. Через день или два глядь — пропало ожерелье, а оно стоило дорого. Все перерыли — нет нигде, и пошли у них ссоры. Младшая говорит на старшую: «Это ты, такая-сякая, украла!», а старшая плачет, божится, что знать не знаю, ведать не ведаю.

Глядел-глядел старик-свекор: дело плохо, не будет в семье мира. Взял с собой внучка от старшей невестки, мальчика лет семи-восьми, и поехал к колдунье. Приехали. Вот колдунья и высылает мужика вон из избы, чтобы погадать, а мальчика не заметила (стало быть, Господь так хотел). Мальчик залез под лавку, чтобы подглядеть, как колдунья будет ворожить. Подходит колдунья к печке и говорит: «Седой, а седой!» — «Что?» — отвечает голос из-под печки. «Что мне говорить мужику?» — спрашивает колдунья. «Говори, что невестка украла. Они станут ее тиранить, она и удавится», — ответил седой. «А где же ожерелье?» — спросила ведьма. «А ожерелье корова выпила в помоях», — ответил седой. Мальчик все это слышал. Позвала мужика колдунья и говорит ему: «Ожерелье украла старшая невестка, больше некому».

Возвращается мужичок с мальчиком домой, дорогой внучек и говорит: «Дедушка, дедушка! Уж и перепужался же я!» — «Чего?» — «Да как же! Колдунья протянула голову к печке и кличет: «Седой, седой!» Немного погодя вылез из-под печи страшный, седой, с рогами, и стали они говорить. Седой-то и научил ее: «Скажи, что невестка украла, ее станут бить, она и удавится, а ожерелье корова в помоях проглотила». Перекрестился старик, приехал домой, зарезал корову, и в желудке у нее нашли ожерелье (Калужская губ.).

Выбирая для жилья пустые места и строения, черти поселяются в ригах — сараях, где сушат и молотят хлеб. Одна девушка горевала, что у нее нет красивых нарядов. К ней пришел черт и велел ночью явиться в ригу, где он даст ей дорогое платье. Девица получила в риге [illegible] все, что хотела, а напоследок попросила серьги. Чертенята

принесли, черт хотел было уже заключить с ней договор, как пропел петух. В следующую ночь черт потребовал наряды вернуть, но она не отдала. На третий день девушка побрызгала их святой водой, и черт не пришел за платьем. Соседка той девушки, узнав о происхождении роскошных нарядов, тоже пошла в ригу, но черти тотчас сняли с нее кожу, в тело разорвали на мелкие кусочки.

По мнению некоторых, специально «чертовых» мест нет, потому что они — всюду. «Где подумаешь, тут и живут».

Питаются черти той едой, которая оставлена на ночь ведьмы без благословения, моются водой, которая не закрыта от нечистой силы крышкой с крестом (хотя бы двумя щепочками, положенными крестообразно на сосуд с водой). Рассказывают также о том, что черти держат стада коров, дающих очень много молока. Около селения Мегры (Олонецкая губ.) есть небольшое озеро, в середине островок, на том островке летом видели четырех коров, только что хотят к ним подойти — как послышится свист, и коровы бросаются в воду. Однажды какой-то крестьянин заснул на этом острове. Проснулся и видит: пасутся на траве четыре большие бурые коровы. Мужик перекрестился и пошел к ним. И вот озеро заволновалось, хотя ветру и не было, послышался свист, и две коровы исчезли в воде, а двух мужик успел перехватить и пригнал домой. Приплод от них долго жил в Мегре. Две коровы давали хозяину по два ведра молока в день, и мужик разбогател. Потом надумал он этих коров зарезать, и, когда зарезал, мясо и шкуры коров пропали. Мужик подал прошение в суд, обвиняя в краже кое-кого из односельчан. Ночью кто-то постучался, мужик вышел за ворота и увидел маленького человека в соломенной шляпе и коротком камзоле старинного покроя — это был черт. Он сказал, что напрасно мужик тягается с соседями из-за кож: их взял он, черт, грешный хозяин бурых коров (Ончукова № 231).

У чертей с чертовками бывают свадьбы, обыкновенно летом. Людям чертовы свадьбы кажутся пылевыми столбами, поднятыми вихрем. Но стоит бросить в такой столб нож или любой другой острый предмет, как он падает на землю испачканным кровью нечистых. Такой столб опасен для людей и всевозможными недугами, чтобы предохранить себя от него, а середину столба бросают ветки помело, которое впоследствии окажется сгнившим и изломанным, никуда не годным. Свои свадьбы черти справляют в самые не добавочные дни, например в ночь под Воскресенье. Крестьянин Муромского уезда шел в субботу вечером из бани, все было тихо. Внезапно послышался звон бубенчиков, крики, хохот, свадебные песни, и как в тумане показался свадебный поезд. «Господи, трек-то какой под праздник!» — произнесла женщина, и видение мгновенно исчезло.

Между собою черти живут развратно и плодятся в изобилии. Чертовок трудно отличить от ведьм, и те и другие в союзе с чертями, а от их браков родится всякая нечисть: ведьмы, ведьмаки, чертенята, жабы и змеи. Черти соединяются также с некоторыми женщинами, принимая для этого вид известного им мужчины. Дети от такого союза бывают самые дурные: воры, уроды, покрытые шерстью, пьяницы, мыши, совы, душегубы и безбожники. Черт может летать к женщине в виде *огненного змея* (см.), может соединяться с теми, кто ходил в церковь во время менструации, с теми, кто сладким долго тоскует по умершему мужу.

Муж-покойник, навещающий по ночам [illegible] томит и сушит ее до тех пор, пока она не умрет от тоски или не наложит на себя руки. Если [illegible] ва пожелает избавиться от визитов [illegible] обращается за советом к колдунье, которая может порекомендовать самые разные способы из нашей черта-мужа. Например, такой: в полночь [illegible] приходом черта-супруга, сесть на лавку с конопляным семенем в переднике, расчесывать волосы и есть конопляные семечки. Войдет «муж» и [illegible] сит, что это за удивительное занятие, тогда надо ответить, что [illegible] Черт [illegible] нет, уйдет и больше не вернется. [illegible] черти являются не только к тоскующим женщинам, но и к скотине. Если корова тоскует [illegible] зяйке или быку, овца — по барану, то от [illegible] черта сохнет и издыхает (Завойко-1914, 1).

К колдуньям, ведьмам черт ходит не [illegible] прикинувшись покойным любимым мужем, а [illegible] крыто: прилетит в полночь огненным змеем, [illegible] рами рассыплется над трубой и примет в [illegible] вид, какой захочет. Наслаждаясь любовью, черт внушает ведьме, какой новый грех она может [illegible] вершить, какое зло причинить людям.

Некоторые женщины сами ходят к черту [illegible] любви к нему. Пропадут на два-три дня и вернутся исхудавшие, еле живые, со множеством денег и подарков. Беременность от плотской связи с [illegible] чистым длится порой годами и может пройти бесследно. Дети рождаются у подруг черта в [illegible] ких муках, крошечные черные чертенята с рожками на лбу и хвостиками. Как только повитуха [illegible] пуповину, — чертенок исчезает [illegible] куда черт похитит свое дитя (Вологодская губ., [illegible] 83). [illegible] мнение читали, что [illegible] с чертом и рождение бесенят [illegible]

[illegible] № [illegible]

ром признавались женщины — есть местный способ мук, придуманный нечистой силой для женщин. В «Повести о бесноватой жене Соломонии», записанной со слов самой страдалицы (XVI в.), рассказывается, как бесы вошли в ее утробу, и, чтобы не чертенят пришлось родить ей от демонов, но никто не видел ни темноцветных хвостатых и рогатых, ни дьяволов любезников, зато удивлялись картине страшных мучений, которые подвергали черти Соломонию, оставаясь невидимыми для всех, кроме нее самой. В отличие от большинства старинных рассказов, где черт помогает вдове, тоскующей по мужу, женщину или любовницу-ведьму, Соломония не была сама причиной порчи, которое нередко над нею демоны. Поп крестил ее «вполовину», так как был пьян в время обряда крещения младенца. Соломония, расплатиться за это ей пришлось в первую брачную ночь, когда нечистая сила устроила так, что истинный муж отлучился ненадолго, а вместо него огненным вихрем охватил Соломонию черт.

Черти не только являются людям, но и берут их к себе на более или менее продолжительный срок. Соломонию черти утаскивали в воды, где их было жилище наподобие человеческого, и держали ее там, склоняя к вере в Сатану и отречению от бога. Черти могут взять из люльки ребенка, а вернуть родителям — двадцатилетним. Если у человека, находившегося долгое время вне всякой цивилизации и не носившего никакой одежды, становится похожей на еловую кору, говорят, он не умеет. Черти подкидывают украденных в младенчестве на перекрестках или [illegible] оставляют на дороге, здесь их и находят путники. Нечистая сила забирает к себе также тех, кто зачитывается священными книгами, например, пыл

карью. Внешне это может выглядеть как умопомешательство, расстройство ума.

Встретить человека, который бы видел черта целиком, например таким, каким его рисуют на картинках религиозного содержания, трудно. Лик черта ужасен настолько, что любой, кто взглянет на него, обмирает от страха. Чаще черт показывается по частям. Некоторые утверждают, что видели его ноги в шерсти с копытами, другие — руки с когтями, третьи — крылья и голову, подобные воронье, четвертые — пламя от него в виде огненных клубов, шара. Если черт захочет явиться кому-либо, то принимает образ знакомого приятеля, жены, странника и т. д. Будучи постоянно рядом с человеком, черт в любую минуту может вмешаться в его жизнь, это человеческий двойник, проделки которого гораздо разнообразнее шуток домового или лешего. К трезвому, здраво мыслящему человеку черти являются редко, а к пытливому, озабоченному, сомневающемуся, к мечтателю-многоуму черт живо пристраивается и легко сбивает с пути истинного.

В обмен на душу черт способен предоставить любые удовольствия, деньги, славу, богатство, любовь и изысканные кушанья. Но, пользуясь этими благами, нельзя никому раскрывать тайну их происхождения, ибо тогда все обратится в прах, деньги — в древесные листья, еда — в кал («Зимойко», 106 — 107).

Жил на свете бедный мужик, такой бедный, что чуть с голоду не умирал. Взаймы ему никто не давал, вот он и подумал: «У кого же теперь занять денег? У черта, что ли?» Тотчас перед ним явился черт и предложил взаймы, спросил: «А когда отдашь?» Подумал немного мужик и говорит: «Отдам тогда, когда лист с деревьев осыпет

ся» «Значит осенью» — решил черт. Надрезал мужик себе палец, обмакнул в кровь перо и написал расписку, что вернет кошелек с золотом, когда лист с деревьев осыплется. С этих денег мужик разбогател, домой понастроил, лавки открыл и живет себе припеваючи. Настала осень, у него уже давно осыпалась с деревьев, и черт вернулся за долгом, в случае неуплаты денег он брал душу должника. «Рано пришел, не наступил срок платежа» — сказал мужик. «Как не наступил?» — удивился черт. — Ведь лист уже осыпался» — «Ну нет, брат, шалишь, еще не со всех деревьев осыпался лист» — сказал мужик и повел черта в лес, подвел к сосне, черт задрал голову кверху, смотрел-смотрел и говорит: «Твоя правда». С тех поры черт чуть ли не каждый день бегал в лес смотреть на сосну и, наконец, рукой махнул: «Нет, видно, с этого проклятого дерева никогда лист не осыпается!» Так и оставил мужика в покое (Сборник материалов 32, 82 — 81).

Любое неправедно нажитое богатство — от дьявола, и черт рано или поздно явится за ним, оставив богача голяком, или возьмет его душу. В селе Мегры Лодейнопольского уезда рассказывали:

Один человек был очень богат, однажды осенью кто-то постучался у него под окном. Богач открыл окно, но никого не увидел, хотел было запереть, а чья-то лохматая рука держит ставень. Богач схватил нож и хотел отрезать руку, да увидел под окном рожу, глаза оловянные, [illegible] нарытые оспой, волосы рыжие. «Отдай за мной» — сказал черт. Пришли к реке, черт и говорит: «Ты [illegible] бочку с золотом, отдашь ко мне. Я ведь помогал наживать тебе золото. А [illegible] в [illegible]» [illegible] отдал бочку с золотом, [illegible] к реке и на золотых [illegible]

спустил в воду. Богач пришел домой и запил с горя, да по пьяному делу и проговорился одному приятелю обо всем, что с ним случилось. На другой день нашли бывшего богача на берегу реки мертвого, обмотанного цепями, с пустой бочкой на шее. Тут же на берегу его похоронили. С тех пор в полночь на могиле богача часто слышен спор и золоте между богачом и чертом. Многие пытались в этом месте достать из воды бочку с золотом, но безуспешно. Один рыбак вытащил было бочку, но черт утащил его вместе с лодкой на дно реки. Многие видели здесь черта, сидит на прибрежном камне и расчесывает медным гребнем волосы, а гребень — в сажень величины (Ончуков, № 2[illegible]).

Страшна бывает смерть скупого, и душой, и телом которого завладевает черт. «Жил был скуп и скряга, старик, имел двух сыновей и множество денег, послышал смерть, заперся один в избе и сел на сундук, начал глотать золотые деньги и есть ассигнации и так покончил свою жизнь. Пришли сыновья, положили мертвого под святые иконы и позвали дьячка читать псалтырь. Вдруг в самую полночь является в образе человека нечистый, поднял мертвого старика на плечо и сказал: «Держи, дьячок, полу». И начал трусить старика: «Деньги твои, а мешок мой». Пане, его и [illegible] дым стал» (Афанасьев, Сказки 3, № 3[illegible]).

Особые отношения у черта с кузнецом: кузнечное дело требует навыка работы с огнем, а в этой области черти считают себя непревзойденными мастерами. Есть много рассказов о споре кузнеца с чертом, в котором победителем чаще оказывается нечистый, чем человек, и по одной [illegible] [illegible] обманом [illegible] кузнеца ковать не железо, а людей, старых на молодых

кузнецу это не под силу — в отличие от черта он не искушен в проделках с людскими телами и душами.

В одной вятской сказке говорится о дерзком кузнеце, каждый день дразнившем черта. В кузнице у него висел Божий облик — икона, и эта тина с дьявольской образиной. Кузнец Богу поклонится, а штаны снимет — жопой черту повернется. Пришел к нему черт в человечьем обличье, нанимается работником. Так вылизал — все удивлялись, день и ночь шел в кузницу, нараденьги не успевали получать. Когда срок договора с работником чертом стал истекать, бес подговорил еще двух бесов, чтобы пришли в кузницу старыми старикашками. Древними старыми явились бесы к кузнецу. Работник и говорит: «Ох вы, дедушки! Стары же больно. Желаете ли перековаться из стариков на молодцев?» Те согласились, и давай черт их перерабатывать: разделись старики, а работник хозяину кричит: «Не робей! Как я их клещи заберу, в горно закачу, ты кали как можно боле, меси их!» Выдернули старика из горна, бросили на наковальню и такого молодца выходили, что он на одной ноге из кузницы выскочил. Получили с обоих старцев пятьсот рублей, черт-работник их тут же хозяину в копилку спустил: — мол, поминай меня! — а сам расчет попросил. «Прощай, — говорит, — дядюшка, в свиданьи с тобой мне еще будет». Остался хозяин один. Пришли к нему как-то два православных старичка: бить серпы. «Ох, дедушки, — сказал кузнец, — и стары же вы! Желаете ли, чтобы я вас на молодцев перековал?» — «Кабы милость была, мы бы денег не пожалели», — ответили старики. Собралось в кузнице много народу. Приказал кузнец старикам раздеться. Сунул в горно старика

жег, жег, всего изжег, на наковальню выдернул — всего нечучкал, а ничего нет. «Ах, ошибся, — говорит, — в закалке». Тут народ закричал: «Это какая мода — народ жечь? Это слыхано ли!» Приезжает становой, забирает кузнеца; заковали его в кандалы, погнали по этапу. Попадает навстречу черт: «А что, дядюшка, ты куда это направляешься?» Кузнец узнал бывшего своего работника: «Ой, молчи, детинушка! Я без тебя старика ковал, да не вылилось у меня ничего». — «Так ты думал, что у тебя выльется против меня?! Это тебе за то наказание, что Богу-то молись, да и дьявола-то не гнева!» Только тогда догадался кузнец, что в работниках у него жил черт (Зелении Вятские сказки, № 38). В самарской сказке к кузнецу пришли не православные старцы, а оборотни-черти в виде стариков, и, когда кузнец не смог их перековать на молодцев, набежало несколько дьяволов, схватили его и утащили в воду (Садовников, № 81).

Узнав о чьем-либо тайном желании, черти принимают образ, подходящий к случаю, и ловят человека в свои сети. Выбраться из чертова логова сможет тот, кто ничего не ел и не пил в их застолье. Одному молодому парню очень хотелось погулять, а отец с матерью его не пускали, сапог не давали. Вышел он в лаптях за ворота и плачет. Подходит к нему другой парень и предлагает сапоги: «Пойдем вместе!» Пришли в богатую деревню, вошли в дом, а там сидит девица на цепи, но парню цепь не видна, ему кажется, что она просто так сидит за столом, угощается. Сел он рядом, а девица тихонько шепчет: «Не пей и не ешь тут ничего, вот я пила-ела, меня и приковали». А в это время отец с матерью хватились сына, стали молебны служить за его возвращение

Чертям тошно стало, начали они парня домой собирать, на дорогу еще денег дают. Девица [illegible] шепчет: «Не бери денег, они черепками б[illegible] ри увен». Вы[illegible]ли его черти и нашли [illegible] парня девки яг[illegible] дницы [illegible] Испугались [illegible] чала он весь черным был, долго лежал без п[illegible] ти. Отец [illegible] мастера читали читали над ним [illegible] отчитали.

Обилие денег у чертей связано с их [illegible] нностью сторожить клады (см.) [illegible] Возле одной тульской деревни в горе открылся клад. Крестьяне всем миром собрались [illegible] подошли к месту, где был клад, но стоило при[illegible] ближаться к нему в [illegible] как непрерывная [illegible] отбрасывала кладоискателей назад. У самого [illegible] сидел человек с огненным мечом в руках, [illegible] черный, с лохматой головой и рогами [illegible] говорил ни [illegible] на и не обращал никакого внимания на собравшихся. Один смельчак из толпы решил силой прорваться ко входу, но тут же [illegible] от меча караулившего клад черта. [illegible] и м клад принадлежит, и вам [illegible] ходить [illegible] дь». Говорили, что клад этот был зарыт с заклятием на [illegible] лет и дожидался отметмы [illegible] (Калужская губ., 58).

[illegible] на клад черта сторожем может [illegible] кто прячет клад с каким-нибудь заклятием, напр[illegible] мер: «[illegible] оставался мой клад никому, кроме человека, который зарежет сто петухов». Или: «кроме Ивана, у которого есть семь [illegible] братьев — Иванов». Черти, охраняющие клады, оборачиваются разными существами, стараясь помешать кладоискателям. Бывает, что клад уже в руках, а тут подойдет черт в образе черного [illegible] ты да и ткнет рогом под бок, человек [illegible] ся — «Черт тебя подери!» — так клад и загремит под землю, а корова исчезнет.

Клады ищут с цветком папоротника, который [illegible] цветет в ночь на 24 июня, под Ивана Ку[illegible]. Сорвав такой цветок, надо не обращая внимания на нечистых, страшащих со всех сторон [illegible] ками и криками, и готовым свистать огонек с [illegible] света и идти за ним, огонек приведет к кладу. [illegible] рассказа о [illegible] ских кладах [illegible] ять м о по [illegible] ворка великое множество, обычно все это истории с [illegible] ким концом.

Жил бедный парень, а полюбил дочь богача, тот же отдает за нищего. Пошел молодец к кол[illegible] [illegible] спросить средство, как добыть клад. Ведьма рассказала о чудесном цветке, пре[illegible] дупредив, что кто бы ни встретился [illegible] не [illegible] ни с кем не разговаривая и не [illegible] с цветком в руке нашел парень [illegible] [illegible] и направился домой, а навстречу [illegible] — его любушка, дочка богача. Руки, губы к нему протягивает — мол, целуй меня! Бросил парень клад, забыл все на свете, кинулся обнимать [illegible]. Тут все кругом закипело, [illegible] — [illegible] и [illegible] что [illegible] [illegible] держит котел с деньгами. Это черт [illegible] [illegible] лесился (Калужская губ.).

[illegible] — жерна [illegible] [illegible] Барань, «чер у кочерга», «чер у стечка» душа его [illegible] [illegible] одна женщина, и стало ей мерещиться [illegible] — [illegible] [illegible] и [illegible] как она кружи[illegible] [illegible] из воды (Калужская губ.).

В минуту [illegible] черта и [illegible] с бе[illegible]

его может только ангел-хранитель. Одна девушка поссорилась с матерью и решила ее наказать. Та связала веревку, встала на табуретку и только хотела петлю надеть, как почудился ей старичок с белой бородой. «Не балуйся, нельзя!» — сказал он и исчез. Едва успела девушка бросить веревку, как неведомая сила выбила табуретку из-под ног. Она упала, чуть не умерла от страха и услышала брань удалившегося черта (Зиновьев, 106).

Самоубийц хоронили отдельно от остальных покойников. Поминать их или оплакивать считалось грехом. Единственный путь умилостивить бога за грех самоубийцы — принести тайные жертвы или устроить тайный помин. Варили столько приготовляли столько же булавок и все это оставляли на паперти часовни (Пермские ведомости, 189). На том свете черти ездят на самоубийцах, обратив их в лошадей или баранов, или мешают ими как кочергами угли в костре (Попов, 82). У одного кузнеца удавилась крестная. Прошло порядочно времени, вот как-то ночью подъезжает к кузнице барин на паре коней, просит подковать их, обещая заплатить большие деньги. Кузнец пошел ковать коня барина — а там человечья нога. Кобыла голову на оглобли положила, кузнец узнал кузнец свою крестную мать, понял, что черти на ней ездят. Хотел ковать — а руки сами опускаются. Тут они как свистнули, закричали, петухи пропели — их как и не было (Зиновьев, 110). Во главе самоубийц стоит Иуда Христопродавец, он все время на коленях у Сатаны. Рассказывают, что когда Христос был в аду, чтобы вывести оттуда душ праведных, он звал Иуду, тот сам пожелал остаться в преисподней.

Черти всегда ходят около женщин в родильном отделении и могут подменить ребенка своим и ма-

терниской утробе, могут выкрасть младенца во время родов, и тогда он родится черным и мертвым. В банях, где обычно проходили роды, черти поджидают случая, когда туда поведут роженицу. Поэтому ее никогда не покидали в бане одну, хоть малого ребенка, но оставят (новорожденный не в счет, он бесчинный). Входя с роженицей в баню, бабушка-повитуха отсекала ножом от печки каменки четыре камешка, опускала их в горячую воду, затем охлаждала, брала руками по одному камню и бросала в каждый угол бани, перекрестясь, со словами: «Этот камешек в уголок, к черту в лоб!» Так четыре раза (Завойко, 109). У одной женщины умирали дети во время родов. Подошел срок родить девятого ребенка, и вот когда она уже мучилась схватками, мимо ее дома шел сосед и увидел, как по загумнам катится клубок пороху и кричит: «По девятого качусь, по девятого качусь». Сосед зашел в избу к роженице и услышал в трубе шелест. Он захлопнул трубу, и мать родила живого младенца, только из трубы кирпич выпал.

Во избежание подмены ребенка бесенком советовали сразу после рождения младенца надеть на него крест, чтобы он стал не доступен нечистой силе. В случае обмена некоторые советовали расколоть корыто: суждено умереть обменышу — скорее умрет (Богатырев, 47). Обменок обычно отличается каким-нибудь уродством, он страшно много ест, зол и кричлив. У одной женщины был грудной младенец, она его напоила молоком, поставила мужу обед в чугунке и ушла ухаживать за скотом по двору. Муж приходит — а в чугунке одни кости, мясо исчезло. Так повторялось несколько раз, пока старухи не посоветовали проследить под окном, кто съедает все мясо, приготов-

ленное к обеду. Только встала к окну, видит, за-
колыхалась зыбка, и из нее вылезает дядька, [illegible]
вилку, нож, обгрыз кость — и опять в зыбку. Со-
бралось шесть мужиков, вошли в дом, вытащили
обменка из зыбки и давай бить его плутами, тут
он заверещал и по-кошачьи, и по-козлиному.
Вдруг дверь открылась, в дом ворвалась женщина
и схватила чертенка. «Вы моего ребенка недокар-
мливали, недопаивали да еще и бить вздумали.
Вот твой, забирай, а это — мой». И исчезла, ос-
тавив матери ее дитя (Зиновьев, 111).

К чертям попадали дети, задавленные ночью
во время сна уставшими или пьяными матерями.
Такие [illegible] детоубийцы могли вызволить
своих младенцев из ада: нужно было три ночи
подряд простоять в церкви у гроба с телом ребен-
ка, очертив себя кругом священной линией. В
первую ночь мимо матери будут ходить бесы и
показывать ей младенца живым, во вторую ночь
будут его давить, мучить и щипать, обещая ей,
что, как только она выйдет из круга, они вернут
младенца; в третью ночь черти будут мучить дитя
несказанно, увещевая мать, чтобы вышла из кру-
га, а когда не [illegible] — измучают до смерти. Но
с первым криком петуха нечистая сила сгинет, ос-
тавив матери мертвого ребенка, теперь, после же-
стокого испытания, она может совершить над ним
обряд погребения (Чулков, 197). В Симбирской го-
бернии в прежние годы епитимью за заспанного
ребенка накладывали на обоих супругов: жена
должна была вместе с мужем простоять в церкви
у гроба с телом ребенка три ночи. Поп мелом
круг обводил, запирал церковь, а утром на [illegible]
выпускал. Вот раз поставили мужа с женой в цер-
ковь. Поп ушел. Нечистые их крючками закиды-
вали, но не достали, а на следующую ночь при-

думали: сделали на дворе белый день. Муж с же-
ной обрадовались, что рассвело, слышат, дверь от-
пирается, поп кличет их: «Что же вы не идете?
Выходите!» Они вышли из круга, опять стала
[illegible] и растащили их нечистые (Сальников,
№ 76).

Черти утаскивают младенцев, положенных в
зыбку без креста и молитвы. Одного такого ребен-
ка мать нашла утром утонувшим в кадушке и, так
же как из-за заспанного дитяти, должна была за-
молить свой грех, отстоять в церкви у гроба три
ночи. В первую ночь ей виделось, как падают цер-
ковные стены, разламывается пол — только круг
и цел, — а вокруг нечистые перебрасывают друг
другу ребенка, черного, как обгоревшая головня.
Во вторую ночь пришла Мать Пресвятая Богоро-
дица, показала ребенка, а он уж наполовину бе-
лый, наполовину черный и говорит матери: «Мать
моя! Спородила ты меня себе на горе, а мне на
мученье!» В третью ночь пришла Пресвятая Бого-
родица, а младенец у нее на белой пелене, весь
белый, и говорит: «Мать ты моя породительница!
Породила ты меня, погубительница, погубила ты
меня, да и воскресила» (Владимирская губ.).

В сердцах посылая плачущего, кричащего ре-
бенка к черту, мать отдает его во власть нечистой
силе. На одного четырехлетнего мальчика мать
прикрикнула: «Чтоб ты под землю провалился!»
Он и исчез. Долго молились отец с матерью, что-
бы Бог помог им отыскать сына. Однажды в са-
мый полдень во время обеда родители мальчика
услышали под ногами глухой и неясный стон.
Отец схватил топор и выломал половицу, под ко-
торой нашел мальчика, лежавшего вниз лицом. На
удивленные вопросы ребенок ответил, что в тем-
ную яму его бросил черный дядька, а про то, как

он попал под пол в избу, — не знает (Калужская губ.). Особенно опасно обругать ребенка в злую минуту, в неурочный час, в полдень, в полночь. В одной владимирской деревне мать в полночь обругала свою маленькую кричащую дочку. «Нечистые бы тебя защемили!» Ребенок перестал плакать, а наутро девочку нашли в щели под лавкой и выросла после из хорошенькой девочки горбатая дурочка.

Если на шею ребенка надет крест, то это может спасти его от смерти, но не от мучений и издевательств чертей над проклятым. Мать в раздражении сказала взрослой дочери: «Унеси тебя нечистый!» Девушка тут же исчезла, а через некоторое время ее нашли на сеновале с крестом во рту, она рассказала, как какие-то черные люди долго носили ее по деревням и заставляли разжигать огонь там, где были пожары (Вологодская губ.). Некоторых проклятых детей нечистая сила делает колдунами.

Колдуны заключают с чертями соглашения и становятся хозяевами двух-трех десятков слуг-чертенят, а после смерти колдуна душа его поступает в распоряжение дьявола. Чертям — слугам колдуна — нужно постоянно давать какую-то работу, иначе они замучают своего хозяина бесконечными доведут до самоубийства. После смерти колдуна черти поедают его мясо, а самого чародея перед кончиной ужасно терзают до тех пор, пока он не передаст своего колдовского дара, а вместе с ним и слуг-чертей кому-нибудь другому. Передача чаще всего детям простым прикосновением руки или даже через посредство какого-нибудь предмета. Дочь дотронулась до руки умирающей матери-колдуньи, та тут же умерла, а девушку с следующей ночи стали мучить черти, просить у нее работы

(только злых дел, добрые дела чертям не под силу). В первую ночь дочь колдуньи с помощью чертей извела младших невесток, во вторую — трех коров. На третий день пошла к ворожее: не могла смотреть на горе людей, причиненное ею невольно. Избавление от чертей наступает в тот момент когда они окажутся не в состоянии выполнить порученное им дело. Ворожея посоветовала девушке наказать чертям носить воду зааминенным решетом. Тут и ушла от нее нечисть, напоследок черти с размаху бросили решето в стену, так что весь дом затрясся, а решето разбилось вдребезги.

Большие беды начинаются с мелких ссор: черти всеми способами пытаются внести раздор в семьи, особенно дружные. Жили два брата, один богатый, другой бедный. Построили сообща два больших судна, продали удачно и получили хорошие деньги. Идут довольные и рассуждают: «Наша ли это заслуга, что мы судна с прибылью продали, или Бог помог?» Навстречу им попались богатые люди, решили братья спросить у них — сами ли они бойки на прибыль или помогла им небесная сила. «Конечно, сами бойки», — ответили проезжающие. Побрели братья дальше. Навстречу — старик, и у него спросили о своем деле, а дело у них уже шло на спор: бедный утверждал, что прибыль они получили от Бога, а богатый — что это их личная заслуга. Старик ответил, что они сами бойки, а Бог ни при чем. Делать нечего, пришлось бедному отдать свою долю бога ему брату — он выиграл спор. Не пошел домой бедный, не с чем было идти, вернулся к реке, где строили лодки, решил переночевать на берегу. Слышит — под лодками сидят два беса и разговаривают. Первый: «Я сегодня двух молодчиков обманул. Продали они лодки за хорошие деньги

и поссорили — сами ли они бойки или им [illegible] а решить спор попросили встречных [illegible]ников, я же в разных видах им являлся и ре[illegible] стор в пользу богатого, а бедная семья осталась ни с чем». Второй: «А я вот что сделал — [illegible]чился богач домой и стал деньгами хвастать [illegible] я бумажник у него выхватил и спрятал под [illegible] с мукой». Бедный брат все это выслушал и пришел к брату. А там ссорятся, спорят, не знают, куда деньги девались, всех обыскивают. Бедный брат спросил ключи от амбара, вошел отодвинул [illegible] с мукой и достал деньги. Богатый с ним поделился, в придачу дал лошадь и корову, и стали обе семьи жить да Бога молить» (Смирнов, № 8[illegible]).

Древнерусские церковные поучения осуждали пляску и рекомендовали священникам отходить от стола во время праздников, как только начинались танцы. По пословице «Плясать — беса тешить». В «Легенде о бесовских искушениях» монах [illegible] внимательно отгоняему полтырь явился плешивый бес, в легенде «О танцующей девице» [illegible] сама видит во сне, как будут мучить ее черти за пристрастие к песням и танцам: в ушах вместо песен демон влагает горящую [illegible] (СРЛ, 202, 209). В [illegible] народных сказках [illegible] большинстве черти — страстные любители [illegible] плясовой музыки, [illegible] постоянно пользуются услугами музыкантов, приглашая их к себе на праздники, где они пляшут до упаду. При этом самому музыканту кажется, что он [illegible] обычную вечеринку или свадьбу, а мастер его [illegible] где-нибудь на болоте, сидят на [illegible] и на скрипке играет. «Не мешайте, — говорит [illegible] бата только [illegible]». А вокруг нет никого [illegible] черти [illegible] и [illegible] пружат полузамерзшего [illegible]

ми (Зиновьев, 114 — 115). Только очень внимательный музыкант разгадает, кого он тешит, но при этом нельзя раскрыть тайну своей догадки.

В одной деревне мужичок играл хорошо на гармонии, за то черти постоянно брали его на вечеринки. А кому именно он играет — не знал. Раз, когда гармонист кончил играть, выстроились плясуны в ряд, будто отдыхают, а сами [illegible] к тазу с водой и пальцами глаза мажут. «Такой же и я помажу!» — решил гармонист. Только помазал — показывается ему на вечеринке [illegible]ская доска, а она уже года три как упавшая. Многих давно умерших увидел музыкант и чертей стал видеть. После приглашали его на разные свадьбы, гулянья — и везде он рядом с людьми чертей видел. Мужички подопьют, заспорят, а черти их под бока толкают — мол, «поддай ему». Как-то позвали музыканта на свадьбу. Приводят молодую, тут чертей набежало — полная изба. Музыкант не стерпел и говорит: «Довольно [illegible] трех вас, приятелей». Черти удивились и спрашивают: «Как же ты видишь нас?» — «Да вот, был у вас на вечеринке, вы мазали глаза, и я помазал левый глаз, с тех пор и вижу вас, нечистых». Черт подбежал и вырвал глаз у гармониста: «Больше не увидишь!» (Сказки Ф. П. Господарева, № 61).

Вино, пиво, водку — все хмельные напитки — придумали черти специально для умножения среди людей ссор и драк. Опившегося вином как и самоубийцу считали жертвой черту — «черту барана» — и не хоронили на кладбище. Распространенным было поверье, что особо похороненный на кладбище вместе с другими покойниками, летом выпьет все дожди, наступит страшная засуха и погибнет урожай. Умершего от водки часто выбрасывали туда, где много воды, топили

в омуте, реке, озере, бросали в болото — чертов логово.

Согласно легенде о происхождении винокурения Сатана дал бесу, научивавшему людей курить вино, «власть царскую и повелие» [...] [137]. В народных рассказах история происхождения водки, пива, вина изложена очень подробно с некоторыми различиями в деталях. Вятчане рассказывали, что было время, когда люди не умели грешить. Сатана сидел в аду и думал, как бы научить людей разным грехам. Позвал к себе трех чертей и велел им идти на землю. Одному черту велел научить людей браниться «мертом и дьяволом», другому — матерной бранью, а третьему — разными худыми словами. Первые два приказание выполнили, а третий ничего не мог сделать. Сатана похвалил двух чертей, а третьего взял за хвост и так ударил о стену, аж черт... черта остались одни черенки. Но... Сатаны... выел, и он велел собрать и склеить черта, и... послал к людям учить разным грехам. Вот черт, как из крайней избы увел крестьянина на землю пахать. Заскочил в пустой дом и украл краюху хлеба, думает: «Мужик вернется, будет ругаться — вот и грех», а сам под лавку спрятался. Но мужик лишь и горевал: «Кто же это похитил мою храюхе?» Тогда черт нанялся к нему в работники. Угадывал погоду, какая будет летом, и подсказывал крестьянину, где лучше сеять хлеб. Крестьянин разбогател, но не заплатил черту. «Хлеб дал мне Бог». Тогда черт научил мужика из зерна варить пиво. Сделали солод, поставили сусло, насыпали хмелю. Когда сусло забродило, получилось пиво. Пьют пиво черт с мужиком, и на сердце у них весело. «Грусто — говорит черт — Давай сделаем почище и посветлее». Построили завод, провели трубы, наготовили для

припасли муку, стали гнать водку. Всех соседей угостили и начали дурить: кто поет, кто пляшет, кто дерется. Дальше — больше, стали грызть друг друга как дикие звери. Пришел черт к Сатане и доложил о том, что сделал. Сатана наградил его, дал ему на откуп души всех пьяниц и опившихся от вина. Опойцы на том свете становятся кучерами Сатаны и должны сосать его груди.

Ненависть к православным настолько велика у чертей, что во время битвы они всегда на стороне врага-иноверца. Например, когда турки брали Царьград, черти помогали стрелять — залезет чертенок в пушку и толкнет ядро: огонь чертей не жжет, они привыкли к адскому пламени.

Любой меткий стрелок считался человеком, дружным с чертом. Если охотник пожелает, чтобы его ружье било без промаха, он должен выстрелить в причастие, солнце и в землю (Новгородская губ.). Подлинно смертоносным оружие окажется после того, как его обладатель отречется от всего святого и животворного.

Время чертей — полдень и полночь. В [illegible] ночь черти бьются на кулачки (Афанасьев I, [illegible]). В жаркие летние полдни черти топят купающихся и сгубить их невозможно, даже если тело утопшего будет обнаружено под водой, черт не отдаст добычи — черный, лохматый, сядет на утопленника и гнетет к земле (Калужская губ.). В году черти особенно сильны и активны в период Святок (25 декабря — 6 января). Ни одно гадание не обходится без чертей. Гадающие, стремясь узнать судьбу, могут обезопасить себя от бесов так же, как и те, что должны отчитать покойника в церкви, а именно — с помощью магического священного круга, очерченного вкруг себя с молитвой, заговором.

В новогоднюю ночь гадающие идут к колоколь[illegible], [illegible] пустым домам, амбарам или перекресткам. Парни и девушки становятся рядом и окружают себя чертой [illegible] оставшейся [illegible] Рождества, а затем зовут: «Черти к нам, чертенята к нам! Вокруг круга ходите, к нам не заходите» [illegible] и слушают [illegible] кому что [illegible] то и суждено в году (Богатырев, [illegible]). [illegible] Святки [illegible] хоть [illegible] в черной шкуре» [illegible] медведем [illegible] надев маскарадный костюм. Ряженых называли «кудесами», «бесами». 6 января в день Крещения Господня черти [illegible] в время [illegible] (водосвятия) они выбираются из рек [illegible] в жилищах людей. [illegible] накануне этого дня делать [illegible] углем крестики при всех [illegible] — на косяках дверей, над [illegible], на воротах и калитках (Завойко, 108). Но зимой на земле чертей меньше, чем летом, в это время [illegible] Летом [illegible] чертей на земле так много, что Илье Пророку приходится [illegible] и метать в [illegible] Впрочем, не везде [illegible] губернии, например, [illegible] есть сам черт, который [illegible] от Божьего [illegible] во время грозы [illegible]

громом заодно с чертом заяцем [illegible]. [illegible] не считали, что мгновенная смерть от молнии — Божья кара за грехи свои, родительские или детские, что смерть детей в грозу есть [illegible] родительского проклятия («Громом тебя разрази!», [illegible]); другие, напротив, полагали, что убитый [illegible] человек очищался от своих грехов, так как становился невольной жертвой укрывшегося на нем дьявола (Афанасьев, 266).

По поверью, во время грозы черти любят прятаться в черных [illegible] животных, а [illegible] как только начиналась гроза, [illegible] из дома [illegible] всех черных кошек и собак, чтобы избежать небесного пламени. [illegible] черти [illegible] деревьями, залезают в дупла, в порожнюю посуду в домах (отсюда обычай перевертывать перед грозой посуду вверх дном, затворять окна и двери во избежание проникновения в жилище нечистых духов). Пожар от молнии нужно было тушить не водой, но молоком, иные полагали, что от черной коровы.

Самое надежное убежище черта во время грозы — под межой, в воде или [illegible] гриба [illegible] чертова гриба ([illegible], 82). Обнаруженные после грозы в земле «громовые стрелы» (белемниты, сплавы, образующиеся от [illegible] песка после удара молнии) считали оружием, оставшимся после битвы Ильи Пророка с демонами, и [illegible]вали их для лечения разных болезней и порчи. Орловские лекарки-знахарки клали «стрелки» в кружку с холодной водой и читали над ней молитвы-заговоры, затем брали в рот заговоренной воды, брызгали ею на больного, давали пить, вынимали «стрелки» из кружки и делали крестообразные уколы на теле больного (Юшин, 166).

Помимо молнии, черта убивает серебряная или золотая пуля, а также пуговица с солдатской

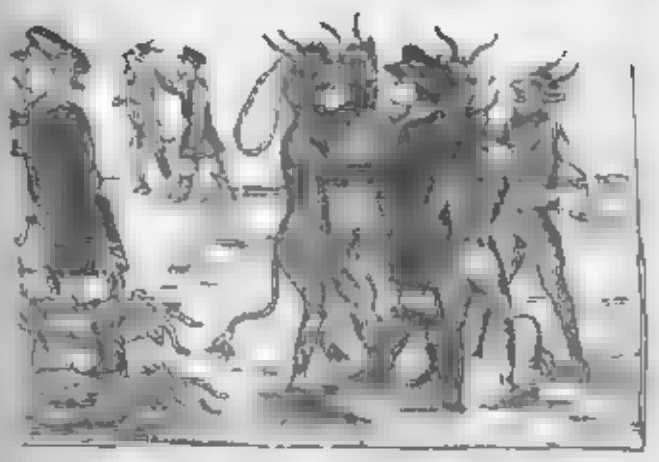
одежды, используемая в качестве пули. Вера в си
лу солдатской пуговицы основана на убеждении
что солдат всегда одержит верх над нечистью
армейская служба по-нашему [illegible] всяких адских мучений.

Стоял солдат на часах, и захотелось ему на родине побывать. «Хоть бы, — говорит — чер меня туда снес!» А он тут как тут. «Ты меня звал? Изволь, давай в обмен душу!» «А как же я службу брошу, как с часов сойду?» — спроси солдат. «Да я за тебя постою», — [illegible] черт. Решился так, что солдат год на родине проживет а черт все это время прослужит на службе. Сол дат все с себя скинул и не успел опомниться, как дома очутился. А черт на часах стоит. Подходи генерал и видит, что все у него по форме, одно нет: ремни на груди не крест-накрест, а всё на одном плече. «Это что?!» Черт и так, и сяк — не может надеть. Тут его в зубы, а после — порку. И пороли черта каждый день. Так — всем хороший солдат, а ремни всё на одном плече. Изошел год, приходит солдат сменять черта. Тот и про душу забыл. «Ну вас, — говорит — с вашей служ бой-то солдатской! Как это вы терпите?» — и убежал (Садовников, № 80).

Один из очень распространенных сказочных сюжетов — о солдате, снимающем заклятие с дома, занятого чертями, пустой хоромины, которую хозяева вынуждены были бросить по причине [illegible] лости на там нечистой силы. Шел солдат из рекрутов. Сильно утомился и начал подумывать — не заночевать ли в лесу, к несчастью, и дождь по [illegible]. Видит на тракте большой двухэтажный дом трубы есть, печь затопить можно, а стекла все перебиты, видно, что никто не живет. Солдат нашел себе удобную комнату, печь затопил, чайник [illegible] грел и лег спиной к огню — попреть [illegible]

Р[illegible] в [illegible] к [illegible] т[illegible]ток за [illegible] нул — а там много чертей набежало, и в [illegible] комнату заскочить хотя[illegible]. Солдат тут же на кухн над окон и дверей углем кресты пометил и себе на лбу крест нарисовал. Запустил чертей в свою комнату, дверь за ними закрыл и на ней тоже крест поставил. Черти [illegible] показали [illegible] ни запертыми и [illegible] комнате с солдатом. На [illegible] за ней кресты нарисованы [illegible] в шеренгу, будто не [illegible] ке дают. Солдат их всех на бересте перепрыгал сделал им перекличку и давай муштровать: «Руки по швам! Друг на дружку не глядеть! Скажу [illegible] — [illegible]». До того домучил [illegible] тенята стали просить милости: «Отпусти нас на волю, мы тебе мешок золота дадим, только отпу[illegible]».

Рассвело. А хозяин этого дома барин каждый [illegible] ходил сторожа осматривать дом. Видит вечер — из трубы дым идет, на [illegible] солдат с [illegible]. «Как тебя черти не заездили?» — «А так и не задирали, что не [illegible] были. Сидят в углу глядят друг на дружку». Приехал барин. «А что солдат, они тебя не съедят?» Тут [illegible] барин на чертенят: страшны и рогаты, маленьки и пузаты. Наибольший чертенок вышел во фраке и просит: «Отпусти нас, служивый! Вот тебе золота мешок!» Сообщает про это барин. «Я хоть не мешок, а [illegible] две дам, если вы их из дому выведешь». Устроил им солдат напоследок учение, заставил расписаться на бересте [illegible] в этот дом, убрал кресты на [illegible] [illegible] — [illegible] бы набраться посуды [illegible] [illegible] [illegible] № 51



Сметка, как портной с чертями расторжался по-свойски с ними дрался

[illegible]

[illegible]

Помимо крестов, черти боятся запаха ладана, пения петуха и клина, вбитого в землю. Если у ребенка потерялась игрушка, он грозит черту клином: «Забьем на заваи ребята клин, так небось отдасть». Самыми распространенными средствами спасения от чертей были: матерная брань, молитва и крестное знамение. Молитву, написанную на бумаге, привязывали к шнурку шейного креста (Георгиевский, 55 — 56). Черти могут вернуть унесенного ими человека, если по нему служить молебны, тогда он им тяжел станет (Завойко, 35).

Существовали приметы, помогавшие распознавать присутствие черта в будничных, бытовых ситуациях: если петух к ночи поет не ко времени, то видит некоторого и гонит его; если вскочил вкривдел попа — значит, видел черта, мальчик — тоже черт; если упадет в колодец, то на него надо вылить сорок ведер воды и спустить святую крещенскую воду в вербочку; нельзя на ночь оставлять нож на столе — лукавый зарежет; болтать ногами, сидя на стуле, — черта колыхать, черта нянчить.

Некоторые обычаи предохраняли от контакта с чертом: чтобы не заикаться, не ложились спать на колене (в переводе с греческого у лесницы у печки) без молитвы, потому что здесь большая черта [illegible] Порог не переступали без молитвы, [illegible] ходят черти. Не брали денег со странников: [illegible] нику злым черт подавывает и несет [illegible] не а [illegible] бегает, лезет к дьяволскому сердцу прижимает.

Из пословиц и поговорок можно многое узнать о внешности черта: шерсть, отличия бородатых чертей, острогольные, вислоухие, «черт летит, а нога (с) [illegible]», «[illegible] что черт на [illegible] ет», «а перекрестке черти [illegible] катают в [illegible]

[illegible]» «[illegible] черт ни был, а на устье реки [illegible] спел»; «вертит вером, что черт хвостом» (о быстропишущем). Черт любит разговаривать, петь и играть, но эха от голоса не имеет. Хотя «все черти равны, все те ж бобры», «бур черт, сер черт — всё один бес», — все же между ними есть различия: «черт смущает, бес подстрекает, дьявол искушает, а сатана злое семя творит».

Черти живут в болоте: «было бы болото, а черти найдутся»; «правит, как черт болотом» [illegible] мах, «хорош бы дом, да черти живут в нем», «пустишь черта в дом, не вышибешь его лбом» [illegible] «Чертова сторона» — далекая, скалистая, неплодородная местность. Так называли Сибирь, Финляндию, северный край: «Бог создал небо и землю, а черт Архангельскую губернию», «чертовым городищем» называли скалистый гребень [illegible], жители [illegible] на развалины замка, скалы и камни, возвышающиеся над морем. О далеком от человеческого жилья месте говорили: «у черта на куличках» (кулички, кулички, кулички — дальнее поле, расчищенное от леса пространство).

Особенно многочисленны пословицы и поговорки о взаимоотношениях человека с чертом: «Черт Ваньку не обманет: Ванька сам [illegible] молитву знает», «Копил, копил, да черта [illegible] копил», «Кого черт рогами под бока не пырял [illegible] богатому черти деньги куют», «Ему черт [illegible] а от [illegible] платит», «Скупой копит, черт [illegible] ну тачает»; «Богатому черт детей колышет, а бедн[illegible] [illegible] не [illegible]ймет». Но немало и людей, которые сродни черту, угодны бесу: «У него черт [illegible]», «Не [illegible] бес [illegible] ты здесь», «Уродился детина — кремень с [illegible]», «[illegible] пробка», «[illegible] [illegible] ходит», «[illegible] черт [illegible]

а монах поросенка съел». «Черт его скудахтал» (о глупом), «Черту баран» (о самоубийце), «Ему чтобы черт, то все поп» (о неразборчивом в людях) «Его черт понес на дырявый мост, коли не стрясет — далеко унесет» (о сердитом). «Допился до чертяков», «Пошел черт по бочкам» (о пьяницах) «Обули Филю в чертовы лапти» (об обманутом) «Душой кривить — черту служить»; о людях ни то ни се говорили. «От черта отстал, а к людям не пристал», «Черт не возьмет его, а Богу не надо»

Во многих пословицах Божье противопоставляется дьявольскому: одно не живет без другого «Около святых черти водятся»; «Дал Бог денежку в черт дырочку (глотку), и пошла Божья денежка в чертову дырочку», «Смелым Бог владеет, робким черт качает»; «Тороватому Бог подает, а у скупого черт отбирает», «Дитя падает — Бог перину подстилает, старик падает — черт борону подставляет»

Борьба между Богом и чертом за человека идет с переменным успехом. То черт оказывается сильнее: «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»; «Где Господь пшеницу сеет, там черт плевелы»; «Бог дал родню, а черт вражду»; «Поп с кадилом, а черт с рогатиной», «Одолели черти святое место». То нет ему воли от Бога, «Много в черте силы, да воли ему нет»; «Хвалился черт всем светом овладеть, и Бог ему не дал власти и над свиньей»; «Богово дорого, бесово дешево» Находится и компромиссное решение вечного спора «Богу зови, а черта не гневи»: «Богу угождай, а черту не перечь»; «Богу — свечу, а черту — хо чергу»; «Бог дал, а с чертом потягаемся»

ЧЕРТОВКА Чертиха, бесовка: *ведьма, колдунья, лобаста, русалка, шутиха*

Жена лешего, водяного, болотного духа По забайкальским поверьям, чертовка — водяная женщина бывает доброй и злой, красивой или уродливой живет в воде, но изредка выходит на берег и золотым или медным гребнем расчесывает прекрасные черные волосы Если в это время незаметно подкрасться и выхватить гребень, станешь обладателем чудесной, магической вещи. Иногда чертовка сожительствует с охотниками в лесу Прижитого ребенка разрывает на части сразу после рождения (Зеленин-Очерки, 115)

ЧУМА Черная немочь, *смерть; Коровья Смерть, холера*

Дух заразной повальной болезни на людей или на скот. Появление эпидемий находится в прямой зависимости от Божьего гнева, они посланы за человеческие прегрешения с тем, чтобы, переживая ужасные страдания больной мысленно обратился к Богу, а душа преисполнилась раскаяния. Согласно терской казачьей легенде, сама чума — в прошлом блудница, наказанная Богом за тяжкие грехи

Всемирный потоп не устрашил людей, они по прежнему впадали в беззакония и разврат. Разгневавшись, Бог решил уничтожить людской род уже не водой, а огнем. В то время на земле жил праведный старец, удалившийся от мира в пустыню и проводивший дни и ночи в молитве и посте Он услышал о решении Бога наказать людей и стал молить его о прощении Смягчившись, Бог смягчил наказание, он сказал: «Пошлю на землю болезнь, от которой много людей помрет, и одни, видя смерть других, устрашатся и вспомнят о Боге»

Орудием наказания Бог сделал блудницу — красивую женщину, по вине которой многие ста

ли несчастными: одни из богатых превратились в нищих, другие, чтобы добыть богатства и принести их в дар блуднице, сделались ворами и убийцами. Все дни блудница проводила в пирах и в пьяном виде изрекала хулу на Бога.

Тогда Господь решил: «Продлю жизнь этой блудницы до конца мира и пошлю на нее страшную болезнь, пусть блудница скитается по земле и там, где она появится, пусть все заразятся ее болезнью и будут умирать в страшных мучениях». По слову Божию все тело блудницы почернело и покрылось зловонными язвами. Друзья, пировавшие с нею, одни — в ужасе разбежались, другие умерли в муках. В отчаянии блудница бросилась в море, чтобы лишить себя жизни, но морские волны выкинули ее на берег; с вершины высокого утеса она бросилась на камни — но осталась невредимой, кинулась в огонь — он тут же погас. Тогда она побежала куда глаза глядят, заражая всех на своем пути (Сборник материалов-32, 75 — 76).

Подобно людской чуме, чума скотская — коровья или «товаряча» (от «товар» — скот) — странница, бродит по дорогам от села к селу, но редко сама заходит в села, обычно просит себя подвезти. Скотская чума — безобразная старуха с руками-граблями, показывается осенью и ранней весной, когда скотина начинает страдать от непогоды или бескормицы. Чтобы прогнать ее в леса и болота, женщины совершали обряд опахивания, обводили сохой вокруг деревни круговую черту, которую чума не сможет переступить, так как это магический, выполненный с заклятиями, круг. Участницы обряда убивали всякое животное, встреченное на пути, а человека могли избить до полусмерти, так как видели в них чуму-оборотня.

ШИЛИКУ́НЫ Шилыханы, шуликуны

Бесы, черти разного рода занятий и мест обитания. На Русском Севере шиликуны с желтыми губами в остроконечных шапках являлись на Святки, иногда смешавшись с толпой ряженых. Этим же словом здесь называли самих маскированных, отсюда «шиликуничать» — маскировать, рядиться. Черти-шиликуны — востроголовые, поэтому людей, имеющих вытянутую форму головы, также называли шиликунами (Куликовский).

В Вологодской губернии шилыханами именовали духов заброшенных построек и пустых сараев. Они живут там артелями и, подобно мальчишкам, любят озорничать и пакостничать: дразнить пьяных, кружить их, сталкивать в грязь, не причиняя, впрочем, особого вреда.

По оренбургским поверьям, шиликуны — бо[illegible] черти, вятчане называли шиликунами в[illegible]ных бесов. Перед Крещением и водосвятием они выбирались из воды, чтобы поселиться в безопасных местах. Если хозяйка дома не запасется крестами из хлеба и не разложит их по разным [illegible]лам, то шиликуны непременно поселятся у нее в доме и принесут несчастье, став злыми домовыми духами. Выгнать их сможет только сильный и опытный знахарь (Зеленин-1914, 264, 412).

ШИШ Шишига, шишко, шишкун, шишок (шишок, шашко).

В начале XVII века «шишами» называли бродяг и разбойников; возможно, это слово неславянского происхождения, заимствовано из финно-угорских языков. В XIX веке «шиш» и производные от него слова были обобщенными названиями всякой нечистой силы. Про человека, долго не возвращающегося домой, говорили: «Ну, запропастился, верно, его шишок увел». Шишки бывают лесные, водяные, банные, представления о них те же, что и о прочей нежити — водяных, русалках, леших и т. д.

В Поморье шишок — ригачник, звали [illegible] Мишкой Дыроданьюшком. Вреда большого не приносил, но по ночам в ригах пугал людей (Цейтлин, 159).

В Костромском крае шишом (шутом) именовали банного духа, банного апостола, и лешего, который водит людей в лесу, чтобы над ними поглумиться. В банях шиши любят париться, а в злые минуты могут содрать кожу с моющегося человека и окутать ею каменку. Женщин в банях склоняют к сношениям, мужиков парят. Но когда в бане моут лен, чертей там не бывает, [illegible]

шут бабу со льном не возьмет, потому что на каждой головке льна — крестик.

Шишей женского пола зовут шишигами, шишиморами, эти бесихи принимают человеческий образ, во многом родственны кикиморам. Шишига является скромной, робкой, застенчивой и неповортливой косматой бабой. Она как *русалка* или *проклятая* (см.) живет в омуте или болоте, с шумом плещется водой, иногда выходит на берег. Шишиг-лешачих встречали на лесных дорогах, обернется стариком и сядет на телегу. Никакой молитвой ее с повозки не сгонишь, только если заматерить, тогда слезет. Часто пугает возле кладбищ: словно привидение выйдет шишига из могильного голбца дряхлым старцем. В таком виде она показалась одной старухе, дожидавшейся сына-покойника в последнюю ночь сорочин (поминок на сороковой день) на кладбище. Шишиги принимают разные образы: то вровень с лесом станет, то в рост человека.

Шишиги посещают бани, если дверь в баню оставлена без молитвы. Знаешь, что в бане людей нет, а огонь горит и слышно, как кто-то плещет водой. Заходят в дома. Если прялку оставить на ночь без молитвы, шишига будет прясть ночь напролет, при этом нитки сучит не слева направо, а наоборот, справа налево. Видели их голыми или в красных рубахах. Увидят человека и бросятся за ним. Взрослые, пугая детей, говорили: «Шишига с горячей сковородой в горохе сидит».

Шишиморами называли ряженых. Прежде на Святки старухи на беседы являлись шишигами: в рваном тряпье («шоболках»), с заостренной палкой садились на полати, свесив ноги с бруса, ставили прялку между ног, привязывали к ней кудель, а пряжу толстыми запертками наворачивали

на свою длинную палку. Девушки хватали шишимору за ноги, но она била их палкой (Завойко, 1917, 38). Шишиги-бесихи принимали участие в троицких обрядах: плясали перед украшенной девушками березкой.

Во Владимирской губернии считали, что шишиги водятся в банях и овинах. Внешний облик их зыбок и неопределенен, но показывались они непременно в белых одеждах. Хватали детей, душили их и топили в воде. Шишки-черти в банях у родильниц подменивали детей: некрещеного младенца утащат, а свое отродье положат.

В Псковской области домовые шишки жили на чердаках и под веинками. С печки упадут, в ладоши захлопают и провалятся сквозь сени. Если что дома пропадало, говорили: шишок утащил. Святки шишки хватают гадающих на перекрестках; в сильный ветер играют свадьбы. Кто их увидит — заболеет. С шишками знались только ведьмы и колдуны («шишкуны»), у них эти черти были в услужении (Черепанова, 134).

Слова, производные от «шиш», — преимущественно бранные. Про строптивого, переменчивого, излишне разборчивого человека говорили: «Как шишига хвостом вертит!» В говорах «шиш», «шишига» — праздный шалопай, голь перекатная («ши́шара»); «шиши́мора» — вор, плут, мошенник, невзрачный человек, скряга, наушник; «шишиморка» — сплетница; «шишиморить» — плутовать, доносить. Слово «шиш» употребляется в резкой форме отказа или отрицания: «ни шиша не бояться», «шиш тебе с присвистом». Многочисленность племени шишей, а также употребление слова «шиш» в значении «куча», «ворох» породило выражение «до шиша», т. е. «очень много», «не счесть».

ШОЛЫШНЫ

Святочные черти. См. *Святке, Святочница, Кудесы*. Пугают гадающих в Святки, иногда до умопомешательства. На Севере видели шолышнов: на головах — железные шапки «штыком», в руках — железные сковороды с горячими углями. Один из них бегал по улице и кричал: «На кол девку, на копыл парня!» («копыл» — дровни, выражение «на копыл посажу» — угроза расстроить что-либо, привести в беспорядок). Одна девушка вышла вечером гадать на поветь, а там застучало: «На вилы заткну, на копыл посажу» — она и с ума сошла.

Из дома, овинов и бань выгоняют шолышнов под Крещенье. Делают соломенную кисточку, приносят святой воды туес или бутылку и этой кисточкой, обмоченной в святой воде, окропляют каждого члена семьи, потом жилище — крестообразно. Затем идут на поветь, во двор, в хлев. Если оставить какие-то уголки не окропленными, здесь заведутся шолышны (Богатырев, 48).

ШУТ *шутовка Черт*, чертовка, *бес*, бесовка, *водяной русалка, лобаста леший*, лешовка, омутник, омутница, *фараон*, фараонка; *шиш*, шишок, шишига, шутик, шутиха.

Общее название всякой нежити.

Шутовки-русалки живут в болотах, прудах, озерах, проточных водах. Шутовка — в прошлом проклятая матерью дочь, обреченная шутам — чертям. После своего исчезновения она трижды может вернуться в мир людей, если добудет крест у кого-нибудь из православных. Ее крик «Дайте крест, навек вашей буду!» иногда может послышаться в лесу или при дороге. Когда ни в одну

из трех попыток она креста не достанет — на всегда останется с шутами.

Трижды в день шутовки выходят на поверхность своего болота или омута: в полдень, в сумерки и в полночь. Голыми садятся на кочки, моются, плещутся, распустив длинные черные волосы, руки тонкие, холодные, груди большущие, волосы расчесывают, закидывая их за спину, так что с них блестки дождем сыплются; совсем как женщины, только лицо без румянца. Выйдут на берег, проказничают, валяются на спине, смеются. Едят сырую рыбу и раков.

В холодную погоду шутовки зябнут в воде и идут в бани погреться и попариться. В заморозки обледеневшие шутовки заходят в овины, где сушится хлеб, и ложатся на теплину. Русалка-шутовка не опасна человеку, вовремя сотворившему молитву.

Шутовкой может стать не только ребенок, но и взрослая женщина. В злую минуту портной послал свою жену к шутам, баба вышла во двор и пропала. Неделю искали — жена портного как в воду канула. Стали ее отчитывать, молиться за нее, подавать милостыню. Через несколько недель в полночь к избе подкатила телега, с нее с шумом что-то сбросили. Портной видит — жена вернулась, худая, измученная. Она рассказала, что после того, как муж проклял ее, она вышла во двор, вдруг какая-то неведомая сила повела ее к реке и затянула в воду, в гнездо шутовок. Живут они там артелью, в одной избе, прядут, шьют. По ночам ходят по деревням, воют в избах, берут себе еду в тех домах, где за стол садятся без молитвы и не заамнивают окон и дверей. Уводят проклятых детей и взрослых, которые им поддадутся. С женой портного поначалу обращались хо-

рошо, пока за нее не стали молиться и подавать милостыню, тогда шуты вернули ее домой.

В переславль-залесском селе мать негожим словом выругала трехлетнюю дочку, и с этого дня с ней стало твориться неладное: кричит днем и ночью, расти перестала, ноги тонкие как палки, голова большая. Исполнилось ей шестнадцать лет, а она все так же лежит в зыбке и кричит, совсем не выросла. Однажды в том доме остановился переночевать прохожий солдат. Его предупредили, что ребенок не спокоен, и он пошел спать в баню. Зная, что баня — место нечистое, солдат очертил себя кругом и лег. В полночь он проснулся от змеиного шипения. Змея ползала у черты, но в круг заползти не могла. Потом показалась красивая девушка. Солдат снял с себя крест и накинул его на дочь, а сам молитву читает: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». «Спасибо тебе, солдат, — проговорила девица. — Если бы [illegible] век мне шутовкой быть. Мать прокляла меня, и я живу у нечистых». Девица была голая, солдат сбегал в избу, принес ей одежду, привел к отцу с матерью и сказал: «Вот ваша дочь, а в зыбке вы черта качаете!» Взял топор да как саданет по ребенку. Смотрят — а там горелое полено. Остался солдат в той деревне и женился на вырученной им девушке (Смирнов, 73, 76).

Водяные шуты — проклятые родителями [illegible] Выросли в [illegible] они женятся на шутовках, живут с ними в подводных домах семьями и заставляют утопленников работать на себя, возить в их болото чистую речную воду, выполнять разную тяжелую работу. [illegible]

Мальчиков-шутиков держат ведьмы и чародеи для помощи в колдовстве. По просьбе любопытных колдун может их показать: у всех синие колонские штаны, красные рубашечки и шапочки, стоят ше-

ростом, как маленькие мальчики, ростом не более пятидесяти — семидесяти сантиметров. Когда часто посылают их в лес хворостин считать (чтобы не мешали), а как понадобятся — выхватят и с вихрем к ним летят. Таких шутиков называли также солдатиками, сотрудниками, красными шапочками (Черепанова, 49).

Подобно шутам, шуты любят забираться в овины. По рассказам очевидцев, один шут плясал на току, припевая: «Трях кузярями, меня девки знали, я сам не пошел» (Завойко, 102). Как-то спорили девушки о Святках, кто сходит в полночь в овин и принесет оттуда колосник (жердь для просушивания снопов). Вызвалась одна сирота, пришла к овину, только взялась за колосник, ее кто-то — цап! за руку. «Стой, девушка! Чья на овине сидит?» — «Лен». — «А как его обрабатывают?» Стала девушка ему рассказывать медленно, по порядку, чтобы время протянуть до первых петухов: «Вот придет весна, станут землю пахать, вспашут, заборонуют, тогда лен посеют и снова заборонуют. Лен растет долго-долго». Но дело шуту. «Полно, — говорит, — пойдем». «Нет, мне прежде набодрйться надо». — «А что же тебе хочется?» — «Надо мне перво-наперво хорошую рубашку». Принес шут рубаху, она сарафан запросила, принес сарафан — поясу нужен, потом полусапожки, перстень, сережки. Тут петухи пропели, черт сгинул, девушка взяла колосник и вернулась домой красавицей. Мачеха кричит: «Дура! а барыней нанялась. Завтра моя дочка в овин пойдет». Пришла на следующую ночь мачехина дочка в овин, шут ее за руку сцапал: «Чья на овине сидит?» — «Лен». — «Как его обрабатывают?» — «Вспашут, посеют, выберут, помолотят, постелют, помнут, потреплют, сгрязнут, сгнут» — все сразу и проговорила. «Пойдешь за

меня замуж?» — «Да!» — «А что тебе нужно?» — «Рубашку, сарафан, пояс, платок, полусапожки, чулки, перстень, серьги» — опять все сразу сказала. Схватил ее шут и в прорубь засадил вверх ногами: так она и залилась, увел ее шут.

В Святки шуты особенно активны, они особенно любят донимать девушек загадками, кто не отгадает — того разорвут на части. Однажды пошли девки слушать на Рождество в пустой заброшенный дом. Узнали об этом парни и заранее забрались на полати, хотели напугать девок. Вошли девушки в избу, а тут из подполья бес вылез: «Что это — говорит, — три косы да три дуги?» Парни не растерялись, шепчут: «Коса у девки, коса, что косит, да коса у петуха — вот три косы; дуга запрягательная, дуга — радуга да дуга — бровь у красной девушки — вот три дуги». Черт видит: отгадали, крикнул: «Бегите скорее, а то худо вам будет!» Они — бежать, только у одной девушки сарафан спал, голая домой прибежала. Посмотрели на другой день, а сарафан клочьями по всей избе разбросан (Смирнов-2, № [illegible], Смирнов-1, № 128).

Шуты летали к вдовам, тоскующим по покойникам — мужьям (см. *Огненный змей*). В таких случаях шли к часовне («на кресты»), скидывали там рубаху, в которой бес мается, и протаскивали рубаху всей деревней (Завойко-1917, 37). «Шутом» называли колдуна, выдавая вину прямо, что он болезни в кознях домового, неизлюбившего скотину. Шут — бес, черт, толкающий людей к дурным поступкам, отсюда выражения «Он до [illegible] допился»; «Не шут сопал (сажал, толкал, копал) сам попал». Шуты мерещат, блазнят, пакостят человеку; потеряв что-либо, говорили: «Шут, шут поиграй да отдай!» (Даль-4, 650).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Аничков — Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.

Антонович — Антонович В. Змиевы валы в пределах Киевской земли. — Киевская старина. 1884. Март. С. 353 — 370.

Астахова — Астахова А. М. Заговорное искусство на реке Пинеге. — Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Л., 1928. С. 33 — 76.

Афанасьев-1; -2; -3 — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1865 — 1869. Т. 1 — 3.

Афанасьев-Легенды — Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. Новосибирск, 1990.

Афанасьев, Сказки-1; -2; -3 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. М., 1984 — 1986. Т. 1 — 3.

Балов — Балов А. Очерки Пошехонья. — Этнографическое обозрение. 1898. № 4; 1901. № 4.

Барсов — Барсов Е. В. Северные сказания о лембоях и удельниках. — Труды этнографического отдела Русского географического общества. М., 1874. Т. 13, кн. 3, вып. 1. С. 87 — 90.

Барсов-1872 — Барсов Е. В. Причитания Северного края. М., 1872. Ч. 1.

Барсов-1874 — Барсов Е. В. Обзор этнографических данных, помещенных в разных губернских ведомостях за 1873 год. — Труды этнографического отдела Русского географического общества. М., 1874. Т. 13, кн. 3, вып. 1. С. 77 — 83.

Белогриц-Котляревский — Белогриц-Котляревский Л. С. Мифологическое значение некоторых преступлений, совершаемых по суеверию. — Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1888. июль. С. 105 — 115.

Бессонов-1; -6 — Калики перехожие. Сборник стихов и исследование П. А. Бессонова. М., 1861 — 1864. Вып. 1 — 6.

Богатырев — Богатырев П. Г. Верования великорусов Шенкурского уезда. — Этнографическое обозрение. 1916. № 3-4. С. 42 — 80.

Богословский — Богословский П. С. Песни об Усах из сборника Кирши Данилова и Камская вольница. Пермь, 1928.

Бондаренко — Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии. — Живая старина. 1890. Вып. 1. С. 115 — 121.

Буслаев-1 — Русская народная поэзия. Сочинения Ф. И. Буслаева. СПб., 1861.

Буслаев-2 — Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1862. Т. 2.

Буслаев-1881 — Буслаев Ф. И. Бес. К истории московских нравов XVII в. — Полярная звезда. 1881. № 2. С. 8 — 11.

Веселовский — Веселовский А. Н. Румынские, славянские и греческие колянды. — Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1883. Вып. VII.

Виноградов — Виноградов Г. С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири. — Сборник трудов Иркутского государственного университета. 1923. Вып. 5. С. 261 — 346

Воронежский литературный сборник — Воронежский литературный сборник. Повременное издание. Воронеж. 1861. Вып. 1.

Георгиевский — Георгиевский А. Народная демонология. — Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск. 1902. Вып. 4. С. 53 — 61.

Голышев — Голышев И. Мифические изображения двенадцати лихорадок. — Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1872. Вып. 9. С. 36 — 40.

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899 — 1901 гг. М., 1904. Т. 1.

Даль-1; -2; -3; -4 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981 — 1982. Т. 1 — 4.

Даль-1880 — Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. Сочинение Владимира Даля. СПб., М., 1880.

Даль, 1984-1; -2 — Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля в двух томах. М., 1984.

Дмитриева — Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988.

Добровольский — Добровольский В. Н. Суеверия относительно волков. — Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 135.

Добрынкина — Добрынкина Е. Деревня Корниловка Муромского уезда. — Труды Владимирского губернского статистического комитета. 1872. Вып. 9. С. 122 — 182.

Ефименко — Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878. Ч. 2.

Забылин — Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, собранные М. Забылиным. М., 1880.

Завойко — Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великорусов Владимирской губернии. — Этнографическое обозрение. 1914. № 3-4. С. 81 — 178.

Завойко-1917 — Завойко Г. К. В Костромских лесах по Ветлуге-реке (Этнографические материалы, записанные в Костромской губернии в 1914 — 1916 годах). — Этнографический сборник. Труды Костромского научного отдела по изучению местного края. Кострома, 1917. Вып. 13. С. 3 — 40.

Звонков — Звонков А. Очерк верований крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии. — Этнографическое обозрение. 1889. Кн. 2. С. 63 — 79.

Зеленин-1914; -1915; -1916 — Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Пг., 1914 — 1916. Вып. 1 — 3.

Зеленин-Вятские сказки — Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915.

Зеленин-1991 — Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Зеленин-Очерки — Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916.

Зеленин-Пермские сказки — Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914.

Зеленин-Этнографические работы — Зеленин Д. К. Этнографические работы воспитанников Петроградского учительского института. — Этнографическое обозрение. 1916. № 3-4. С. 156 — 160.

Зиновьев — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Составил В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Иванов — Иванов А. И. Верования крестьян Орловской губернии. — Этнографическое обозрение. 1900. № 4. С. 68 — 118.

Иванов-1 — Иванов П. Толки народа об урожае, войне и чуме. — Этнографическое обозрение. 1901. № 3. С. 134.

Иллюстрация — Иллюстрация (Еженедельное периодическое издание). 1846.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Архив Литературного музея.

Календарно-обрядовая поэзия сибиряков — Календарно-обрядовая поэзия сибиряков (Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников). Новосибирск, 1981.

Калинский — Калинский Иван. Церковно-народный месяцеслов на Руси. — Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1877. Т. 7. С. 269 — 480.

Карнаухова — Карнаухова И. В. Суеверия и бывальщины. — Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Л., 1928. Вып. 2. С. 77 — 97.

Киреевский-1; -10 — Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860 — 1874. Вып. 1 — 10.

Киреевский-1983 — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина (Подготовка текстов, вступ. статья и комментарии З. И. Власовой). Л., 1983.

Киреевский. НС-2 — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия (Под ред. М. Н. Сперанского). М., 1929. Вып. 2. Ч. 2.

Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.

Колчин — Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии. — Этнографическое обозрение. 1899. № 3. С. 1 — 60.

Костоловский — Костоловский И. Из народных суеверий, примет и обычаев Еремейцевской волости Рыбинского уезда. — Этнографическое обозрение. 1901. № 3. С. 135 — 138.

Криничная — Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб., 1991.

Куликовский — Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Куликовский-1902 — Куликовский Г. И. Из олонецких легенд. — Олонецкий сборник. 1902. Вып. 4. С. 63.

Куликовский-1890 — Куликовский Г. И. Похоронные обряды Обонежского края. — Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 44 — 60.

Лаушкин — Лаушкин И. Д. Баба-яга и одноногие боги. К вопросу о происхождении образа. — Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 181 — 186.

Летописи — Русские народные песни, собранные П. И. Якушкиным, Предисловие и публикация Ф. И. Буслаева. — Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым. М., 1859. Т. 1. Кн. 2.

Макаренко — Макаренко А. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского округа Енисейской губернии. — Живая старина. 1897. Вып. 1. С. 57 — 91.

Макаров-1; -2 — Макаров М. Н. Русские предания. М., 1838. Кн. 1 — 2.

Максимов — Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Сочинение С. В. Максимова. СПб., 1903.

Максимов-1 — Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1864. Ч. 2.

Мансикка — Мансикка В. Представители злого начала в русских заговорах. — Живая старина. 1909. Вып. 4. С. 9.

Марков — Марков А. В. К этимологии слова «лахудра» и подобных простонародных великорусских слов. — Русский филологический вестник. Варшава, 1915. Т. LXXIII. С. 101 — 104.

Материалы — Материалы для археологического словаря. — Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1885. Т. 10. С. 189 — 217.

Минх — Минх А. Н. Кликуши. — Этнографическое обозрение. 1901. № 1. С. 166 — 167.

Никольский — Никольский. Летучий змей в 1745 г. в г. Белгороде. — Живая старина. 1895. Вып. 3-4. С. 494 — 495.

Ончуков — Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908.

ПСРЛ — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко под ред. Н. И. Костомарова. СПб., 1860. Вып. 1 — 2.

Перетц — Перетц В. Н. Деревня Будогощи и ее предания. Этнографический очерк. — Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 3 — 18.

Подвысоцкий — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Попов — Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михайла Попова. СПб., 1772.

Потанин — Потанин Г. Этнографические заметки по пути от г. Никольска до г. Тотьмы. — Живая старина. 1899. Вып. 2. С. 189 — 195.

Потебня — Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков. 1914.

Ровинский-1; -2; -3 — Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Собрал и описал Д. А. Ровинский. СПб., 1881. Т. 1—3.

Русское Устье — Фольклор Русского Устья (Под ред. С. И. Азбелева, Н. А. Мещерского). Л., 1986.

Рыбаков — Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1991. Т. 3.

Рязановский — Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915.

Садовников — Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884.

Сахаров — Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1989.

Сборник материалов — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис — Махачкала 1881 — 1929. Вып. 1 — 40.

Семенова — Семенова О. П. Смерть и душа в поверьях и рассказах крестьян и мещан Рязанского, Раненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии. — Живая старина. 1898. Вып. 2.

Синозерский — Синозерский М. Чертов дом. — Живая старина. 1896. Вып. 4. С. 536 — 537.

Сказки Ф. П. Господарева — Сказки Ф. П. Господарева (Запись текста, вступ. статья и примечания Н. В. Новикова). Петрозаводск, 1941.

Смирнов — Смирнов М. И. Этнографические материалы по Переславль-Залесскому уезду Владимирской губернии. М., 1922.

Смирнов-1; -2 — Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 1 — 2.

Снегирев — Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1839. Вып. 4.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

Тайные сказы — Тайные сказы рабочих Урала (Составила Е. М. Бланова). М., 1941.

Токарев — Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М. — Л., 1957.

Ушаков — Ушаков Д. Н. Материалы по народным верованиям великорусов. — Этнографическое обозрение. 1896. № 2-3. С. 145 — 204.

Харузин — Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. — Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск. 1894. Вып. 3. С. 302 — 346.

Худяков — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова (Издание подготовили В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева). М., 1964.

Цейтлин — Цейтлин Г. Знахарство и поверья в Поморье. — Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 4. С. 156— 165.

Черепанова — Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Чулков — Чулков М. Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. М., 1786.

Шайжин — Шайжин Н. Олонецкий край по данным местного фольклора. — Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 год. Петрозаводск. 1909. С. 192 — 229.

Шейн — Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные П. В. Шейном. СПб., 1887. Т. 1. Ч. 1.

Юшин — Юшин П. Верования русского народа в Ливенском уезде Орловской губернии. — Этнографическое обозрение. 1901. № 1.

Яворский — Яворский Ю. Галицко-русские поверья о дикой бабе. — Живая старина. 1898. Вып. 3-4. С. 439 — 441.

Якушкин — Якушкин П. Н. Сочинения. М., 1986.

Б 14323

Р 89 **Русский демонологический словарь** / Автор-составитель Т. А. Новичкова. — СПб.: Пб. писатель 1995. — 640 с.

ISBN 5-265-02803-X

Не имеющий аналогов энциклопедический словарь-справочник представляет собой ранее не систематизированную наукой область демонологии, относящуюся к русским народным верованиям. В словаре использованы записи и материалы, собранные известными российскими фольклористами XVIII — XX веков; часть сведений и текстов извлечена из архивов и вводится в оборот впервые.

Р $\frac{5001000000 - 002}{083\ (02) - 95}$ Без объявл. ББК 83. 3Р1

РУССКИЙ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Художественный редактор М. Е. Новиков
Технический редактор Г. В. Масюль
Корректор Е. Я. Лапинь

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Петербургский писатель». Подписано в печать 20.01.95. Формат 70×100 1/32. Гарнитура Антиква. Усл. печ. л. 26,00. Уч.-изд. л. 26,50. Тираж 4100 экз. Заказ № 1077.

Издательство «Петербургский писатель».
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 36.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

10000 р